

УПРАВЛЕНЧЕСКОЕ КОНСУЛЬТИРОВАНИЕ

2024. № 1(181)

Научно-практический журнал
Выходит ежемесячно

Издание входит в Перечень рецензируемых научных изданий Высшей аттестационной комиссии при Минобрнауки России, в котором должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по следующим специальностям: 5.2.2 – Математические, статистические и инструментальные методы в экономике; 5.2.3 – Региональная и отраслевая экономика; 5.2.5 – Мировая экономика; 5.4.4 – Социальная структура, социальные институты и процессы; 5.4.5 – Политическая социология; 5.4.7 – Социология управления; 5.5.1 – История и теория политики; 5.5.2 – Политические институты, процессы, технологии; 5.5.3 – Государственное управление и отраслевые политики; 5.5.4 – Международные отношения.

Издание входит в Перечень журналов, рекомендованных Ученым советом МГУ для публикации результатов диссертационных исследований по экономическим наукам и Ученым советом РАНЖиГС для публикации результатов диссертационных исследований по экономическим и политическим наукам.

С 2005 года статьи включаются в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ), доступный по адресу <http://elibrary.ru> (Научная электронная библиотека). Размещается в открытом доступе в полнотекстовом виде.

Сведения, касающиеся издания и публикаций, включены в базу данных ИНИОН РАН и публикуются в международной справочной системе по периодическим и продолжающимся изданиям "Ulrich's Periodicals Directory".

Журнал включен в индексацию международной базы данных научных публикаций DOAJ.

АДРЕС РЕДАКЦИИ:

199004, Санкт-Петербург, В. О., 8-я линия, д. 61.

Тел.: (812) 335-94-72, 335-42-10. E-mail: antonova-ev@ranepa.ru

Точка зрения редакции может не совпадать с мнением авторов статей.

При перепечатке ссылка на журнал «Управленческое консультирование» обязательна.

- © Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, 2024
- © Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, 2024
- © Редакция журнала «Управленческое консультирование» (составитель), 2024
- © Все права защищены

Главный редактор: Шамахов В. А. — научный руководитель Северо-Западного института управления РАНХиГС, доктор экономических наук, действительный государственный советник Российской Федерации 1 класса (Санкт-Петербург);

Заместитель главного редактора: Азаров А. А. — проректор по науке Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Москва)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Хлутков А. Д. — директор Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, доктор экономических наук (Санкт-Петербург), *председатель Редакционного совета*;

Бахтизин А. Р. — доктор экономических наук, профессор, член-корреспондент Российской академии наук, директор Центрального экономико-математического института РАН (Москва);

Елисеева И. И. — доктор экономических наук, профессор, член-корреспондент Российской академии наук, заслуженный деятель науки Российской Федерации (Санкт-Петербург);

Еремеев С. Г. — доктор экономических наук, профессор, сопредседатель Российского общества политологов (Санкт-Петербург);

Смирнов В. А. — кандидат политических наук (Москва);

Сморгунов Л. В. — доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой политического управления Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург);

Субетто А. И. — доктор философских наук, доктор экономических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, президент Ноосферной общественной академии наук, вице-президент Санкт-Петербургского отделения Академии проблем качества, член Президиума Петровской академии наук и искусств (Санкт-Петербург)

МЕЖДУНАРОДНЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Квинт В. Л. — доктор экономических наук, профессор, иностранный член Российской академии наук, почетный доктор Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Москва), *председатель совета*;

Крастиньш А. В. — почетный доктор Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, доктор экономических наук, профессор, директор Института международных экономических связей и таможи Рижского технического университета (Латвия);

Вольман Х. — PhD, доктор права, профессор (Германия);

Кармен Перес Гонсалес — доктор философии в области права, Университет им. Карлоса III (Мадрид, Испания);

Феликс Вакас Фернандес — доктор философии в области права, Университет им. Карлоса III (Мадрид, Испания);

Чжу Сюйфэн — профессор, PhD, заместитель декана факультета государственного управления и менеджмента Университета Цинхуа (Китайская Народная Республика)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Акопов С. В. — доктор политических наук, доцент (Санкт-Петербург);

Бесчасная А. А. — доктор социологических наук, доцент (Санкт-Петербург);

Бодрунов С. Д. — доктор экономических наук, профессор (Москва);

Ветренко И. А. — доктор политических наук, профессор (Санкт-Петербург);

Волков В. А. — доктор политических наук, профессор (Санкт-Петербург);

Вульфович Р. М. — доктор политических наук, профессор (Санкт-Петербург);

Гавра Д. П. — доктор социологических наук, профессор (Санкт-Петербург);

Казанцев А. А. — доктор политических наук (Москва);

Кашина М. А. — доктор политических наук, доцент (Санкт-Петербург);

Колесников В. Н. — доктор политических наук, профессор (Санкт-Петербург);

Куклина Е. А. — доктор экономических наук, профессор (Санкт-Петербург);

Некипелов А. Д. — доктор экономических наук, профессор, академик РАН (Москва);

Новикова И. Н. — доктор исторических наук, профессор (СПбГУ, Санкт-Петербург)

Паутова Л. А. — доктор социологических наук, доцент (Москва);

Растворцева С. Н. — доктор экономических наук, профессор (Москва);

Халин В. Г. — доктор экономических наук, профессор (Санкт-Петербург);

Цыгалов Ю. М. — доктор экономических наук, профессор (Москва);

Шумилов М. М. — доктор исторических наук, профессор (Санкт-Петербург);

Диего Эрнандес — PhD, доктор в области политической социологии (Монтевидео, Уругвай)

Chief Editor: Shamakhov V. A. — Research Supervisor of the North-West Institute of Management of the RANEPА, Doctor of Science (Economics), State Councilor of the Russian Federation of the 1st class (St. Petersburg);

Deputy Chief Editor: Azarov A. A. Vice-Rector for Science of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Moscow)

EDITORIAL COUNCIL

Khlutkov A. D. — Director of North-West Institute of Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Doctor of Science (Economics) (St. Petersburg), *Chairman of the Editorial Council*;

Bakhtizin A. R. — Doctor of Science (Economics), Professor, Corresponding member of the Russian Academy of Sciences, Director of the Russian Academy of Sciences Central Economic Mathematical Institute

Eliseeva I. I. — Doctor of Science (Economics), Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Honored Worker of Science of the Russian Federation (St. Petersburg);

Eremeev S. G. — Doctor of Science (Economics), Professor, Cochairman of the Russian Association of Political Experts (St. Petersburg);

Smirnov V. A. — PhD in Political Sciences (Moscow);

Smorgunov L. V. — Doctor of Science (Philosophy), Professor, Head of the Chair of Political Governance of the St. Petersburg State University (St. Petersburg);

Subetto A. I. — Doctor of Science (Philosophy, Economics), Professor, Honored Worker of Science of the Russian Federation, President of Noosphere Public Academy of Sciences, Vice-President of the St. Petersburg office of Academy of Problems of Quality, Member of Presidium of Petrovsky Academy of Sciences and Arts (St. Petersburg)

INTERNATIONAL EDITORIAL COUNCIL

Kvint V. L. — Doctor of Science (Economics), Professor, Foreign Member of the Russian Academy of Sciences, Honored Doctor of North-West Institute of Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Moscow), Chairman of the Board;

Krastins A. V. — Honored Doctor of North-West Institute of Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Doctor of Science (Economics), Professor, Director of Institute of the International Economic Relations and Customs of the Riga Technical University (Latvia);

Wolman H. — Doctor of Science (Jurisprudence), Professor (Germany);

Carmen Perez Gonzalez — Phd in Law, University Carlos III de Madrid (Spain);

Felix Vacas Fernandez — PhD in Law, the University Carlos III of Madrid (Spain);

Zhu Xufeng — Professor, PhD, Deputy Dean of Faculty of Public Administration and Management, Tsinghua University (People's Republic of China)

EDITORIAL BOARD

Akopov S. V. — Doctor of Science (Political Science), Associate Professor (St. Petersburg);

Beschasnaya A. A. — Doctor of Science (Sociology), Associate Professor (St. Petersburg);

Bodrunov S. D. — Doctor of Science (Economics), Professor (Moscow);

Vetrenko I. A. — Doctor of Science (Political Science), Professor (St. Petersburg);

Volkov V. A. — Doctor of Science (Political Science), Professor (St. Petersburg);

Vulfovich R. M. — Doctor of Science (Political Science), Professor (St. Petersburg);

Gavra D. P. — Doctor of Science (Sociology), Professor (St. Petersburg);

Kazantsev A. A. — Doctor of Science (Political Science) (Moscow);

Kashina M. A. — Doctor of Science (Political Sciences), Associate Professor (St. Petersburg);

Kolesnikov V. N. — Doctor of Science (Political Science), Professor (St. Petersburg);

Kuklina E. A. — Doctor of Science (Economics), Professor (St. Petersburg);

Nekipelov A. D. — Doctor of Science (Economics), Professor, Academician of the Russian Academy of Sciences (Moscow);

Novikova I. N. — Doctor of Science (History), Professor (St. Petersburg)

Pautova L. A. — Doctor of Science (Sociology), Associate Professor (Moscow);

Rastvortseva S. N. — Doctor of Science (Economics), Professor (Moscow);

Halin V. G. — Doctor of Science (Economics), Professor (St. Petersburg);

Tsygalov Yu. M. — Doctor of Science (Economics), Professor (Moscow);

Shumilov M. M. — Doctor of Science (History), Professor (St. Petersburg);

Diego Hernández — PhD, Doctor in Political Sociology (Montevideo, Uruguay)

ОТ РЕДАКЦИИ

- 8** К юбилею В. Л. Квинта

ГОСУДАРСТВЕННАЯ И МУНИЦИПАЛЬНАЯ СЛУЖБА

- 10 КУГАЙ А. И.**
Глава муниципальной администрации: векторы лидерского влияния

ПОЛИТИКА И ПРАВОВОЕ ГОСУДАРСТВО

- 23 ЗАБАРИН А. В.**
Психология сетевой толпы как субъекта политического экстремизма

ВЛАСТЬ И ЭКОНОМИКА

- 46 МАКСИМЦЕВ И. А., МЕЖЕВИЧ Н. М., ХЛУТКОВ А. Д.**
Потеря связи — потеря управления. К вопросу об экономических и политических итогах 2023 года
- 53 КОНЮХОВСКИЙ П. В., ЯКОВЛЕВА А. В.**
Количественные методы оценивания долговременных карьерных установок субъектов современного общества («Модель траектории жизни»)
- 74 ГУРЬЯНОВ А. В., ПЛОТНИКОВ В. А., ЮСУФОВА А. М.**
Система внутреннего контроля предприятия как инструмент обеспечения экономической безопасности
- 84 НОВИКОВА И. В., САМАЙБЕКОВА З. К.**
Современные технологии стратегического управления персоналом в условиях инновационного развития предпринимательских структур
- 96 КУРЗЕНЕВ В. А., ПЕРЕКРЕСТ В. Т.**
Контекстный нелинейный типологический анализ как инструмент формирования и реализации региональной экономической политики
- 109 ЖИРЯЕВА Е. В., МУРИНА В. И., ШАНДАКОВА И. Л.**
Меры торговой политики военного времени в сопоставлении исторических периодов Первой мировой войны и специальной военной операции
- 129 МАНАЕВА И. В., ШВЕЦОВА А. А., КАНИЩЕВА А. В.**
Оценка влияния пандемии COVID-19 на экономику регионов России
- 144 ГАМИДУЛЛАЕВА Л. А., ГРОШЕВА Е. С.**
Экосистемный подход к сбалансированному территориальному развитию

163 КОМЕЛОВА А. Ю.

Предложения по совершенствованию нормативно-правовой базы и терминологии института уполномоченного экономического оператора

ОБЩЕСТВО И РЕФОРМЫ**174 БОГАТЫРЕВ И. С., ЦАЦУЛИН А. Н.**

Еще раз о проблемах сохранения объектов недвижимого культурного наследия с позиций коллективного и индивидуального потребительского восприятия

194 ЛОМТЕВА Е. В., БЕДАРЕВА Л. Ю.

Территориальная доступность региональных систем среднего профессионального образования

205 САФИНА С. С., АДАЕВА Д. А.

Основные проблемы функционирования рынка недвижимости в Республике Корея

A LINEA**219 ВОРОНКОВ В. В.**

Цифровой брендинг как инструмент публичной дипломатии группы стран DACH

НОВОСТИ**232** Новости РАНХиГС Санкт-Петербург

FROM THE EDITORIAL OFFICE

- 8** To the anniversary of Vladimir L. Kvint

CIVIL AND MUNICIPAL SERVICE

- 10** **ALEXANDER I. KUGAY**
Head of the Municipal Administration: Vectors of Leadership Influence

POLICY AND LAWFUL STATE

- 23** **ALEKSEY V. ZABARIN**
Psychology of the Network Crowd as a Subject of Political Extremism

POWER AND ECONOMY

- 46** **IGOR A. MAKSIMTSEV, NIKOLAY M. MEZHEVICH, ANDREY D. KHLUTKOV**
Loss of Communication — Loss of Control. On the Issue of Economic and Political Results of 2023
- 53** **PAVEL V. KONYUKHOVSKIY, ANNA V. YAKOVLEVA**
Quantitative Methods for Evaluating Long-Term Career Attitudes of the Subjects of Modern Society («Model of the Life Trajectory»)
- 74** **ANDREY V. GURYANOV, VLADIMIR A. PLOTNIKOV, AGAKHANUM M. YUSUFOVA**
Internal Control System of the Enterprise as Instrument for Ensuring Economic Security
- 84** **IRINA V. NOVIKOVA, ZEYNEGUL K. SAMAIBEKOVA**
Modern Technologies of Strategic HR Management in the Conditions of Innovative Development of Entrepreneurial Structures
- 96** **VLADIVIR A. KURZENEV, VLADIVIR T. PEREKREST**
Contextual Nonlinear Typological Analysis as a Tool for the Formation and Implementation of Regional Economic Policy
- 109** **ELENA V. ZHIRYAEVA, VERONIKA I. MURINA, ILONA L. SHANDAKOVA**
Wartime Trade Policy Measures in Comparison of the Historical Periods of the First World War and the Special Military Operation
- 129** **INNA V. MANAEVA, ANGELA A. SHVETSOVA, ALEXANDRA V. KANISHCHEVA**
Assessment of the Impact of the COVID-19 Pandemic on the Economy of Russian Regions
- 144** **LEYLA A. GAMIDULLAEVA, EKATERINA S. GROSHEVA**
An Ecosystem Approach to Balanced Territorial Development

163 ANNA Yu. KOMELOVA

Proposals for Improving Legal Regulation of the Institute of Authorized Economic Operator

SOCIETY AND REFORMS**174 ILYA S. BOGATYREV, ALEXANDER N. TSATSULIN**

Once Again About the Problems of Preserving Objects of Immovable Cultural Heritage from the Standpoint of Collective and Individual Consumer Perception

194 ELENA V. LOMTEVA, LARISA Yu. BEDAREVA

Territorial Accessibility of Regional Systems of Secondary Vocational Education

205 SAZHIDA S. SAFINA, DAYANA A. ADAEVA

The Main Problems of the Real Estate Market Functioning in the Republic of Korea

A LINEA**219 VIACHESLAV V. VORONKOV**

Digital Branding As a Tool of Public Diplomacy of the DACH Group of Countries

NEWS**232 News of RANEPА Saint Petersburg**

К юбилею В. Л. Квинта

21 февраля 2024 года свое 75-летие отмечает ученый-стратег с мировым именем, председатель международного редакционного совета журнала «Управленческое консультирование», большой друг и товарищ Президентской академии в Санкт-Петербурге Владимир Львович Квint.

Этот удивительный, масштабно мыслящий человек в полной мере является настоящим символом своей эпохи, а многие его идеи кратно обгоняют время. Основательный подход Владимира Львовича к вопросам управления и развития доказал свою эффективность сначала на примерах промышленных предприятий, где трудился молодой ученый, а затем нашел свое достойное применение как в масштабах нашей страны, так и за рубежом.

Создатель теорий нового регионального экономического развития и формирующихся рынков, разработчик общей теории стратегии и методологии стратегирования, один из авторов Стратегии экономического и социального развития Санкт-Петербурга... Перечислению всех научных достижений, трудов и наград Владимира Квинта нам пришлось бы посвятить не один выпуск журнала. Однако эту систематизацию уже сделали до нас, да и смысл этого текста не подразумевает механического воспроизведения списка заслуг. Хочется подчеркнуть более глубинные

На фото слева направо: научный руководитель Северо-Западного института управления РАНХиГС, главный редактор журнала «Управленческое консультирование» В. А. Шамахов; председатель международного редакционного совета журнала «Управленческое консультирование», заместитель председателя Попечительского совета Северо-Западного института управления РАНХиГС В. Л. Квint; директор Северо-Западного института управления РАНХиГС, председатель редакционного совета журнала «Управленческое консультирование» А. Д. Хлутков

смыслы личности и деятельности выдающегося ученого — а именно его человечность и человекоцентричность подходов.

Работу над всеми своими проектами и разработками Владимир Львович начинает с вопроса о том, а что в результате должны получить люди? Причем не только нынешнее поколение — что называется, «здесь и сейчас», а с расчетом на будущее. Можно даже сказать, что в этом смысле подход Владимира Квинта очень схож с идеями популярной сегодня концепции «устойчивого развития». Пожалуй, именно этот факт и является одним из самых важных и ярких для понимания этой выдающейся фигуры. Думаем, что это также предопределило его большой успех во всем мире.

Нам повезло знать Владимира Львовича не только как прогрессивного ученого, но и как надежного друга и единомышленника — легкого на подъем, внимательного, с отличным чувством юмора, готового щедро делиться своими знаниями и мыслями с окружающими и, что очень важно, с молодым поколением — не только со студентами, но и школьниками. Примером тому является проект «Школа юных стратегов», в рамках которого уже более пяти лет обучающиеся партнерских школ осваивают основы стратегирования как отдельную компетенцию, необходимую любому современному лидеру.

Пользуясь случаем, от имени всего коллектива журнала «Управленческое консультирование» поздравляем Владимира Львовича с днем рождения и желаем ему крепкого здоровья, счастья, благополучия и, конечно же, новых оригинальных научных идей и ярких успехов!

*Директор Северо-Западного
института управления РАНХиГС*

А.Д. Хлутков

*Научный руководитель Северо-Западного
института управления РАНХиГС*

В.А. Шамахов

Глава муниципальной администрации: векторы лидерского влияния

Кугай А. И.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация; kugay3@yandex.ru

РЕФЕРАТ

О лидерстве в системе власти написано немало, тем не менее недостаточно уделено внимания вопросам уникальной роли главы муниципальной администрации (ГМА). В данной статье утверждается, что сложность положения ГМА обусловлена тем, что действующий игрок должен вести дела одновременно в трех разных направлениях: вниз (раздавая поручения подчиненным), наружу (работа с группами жителей, средствами массовой информации и другими правительствами) и вверх (работа с мэром и советом). Лидерство в каждом из этих направлений требует другого набора навыков, поэтому эффективный ГМА должен быть в состоянии играть в разных регистрах. 1. Сложность положения ГМА состоит в том, что не существует такой же тренировочной площадки для развития тех навыков, которая существует для управления организацией. Главные административные должностные лица, как правило, замечают, что им требуется обрести и развивать эти навыки после того, как они станут главой исполнительной власти. 2. Положение ГМА уникально, поскольку он находится в горловине, расположенной в центре и самом узком месте песочных часов организации муниципальной власти. Зачастую ГМА как специалист в технических делах вынужден брать на себя ответственность и играть руководящую роль по отношению к политическому руководству по какому-либо вопросу. Вследствие этого данная личность является одновременно лидером и менеджером, неся, сродни библейскому Иову, бремя ответственности за положение дел в вверенном ему муниципалитете. Но кому много дается, с того много и спрашивается, и не за слова, а — за дела, поскольку ответственность за их претворение в жизнь, — та цена, которую ГМА платит за власть.

Ключевые слова: менеджер, лидер, муниципалитет, муниципальное управление, глава муниципальной администрации, векторы лидерского влияния

Для цитирования: Кугай А. И. Глава муниципальной администрации: векторы лидерского влияния // Управленческое консультирование. 2024. № 1. С. 10–22.

Head of the Municipal Administration: Vectors of Leadership Influence

Alexander I. Kugay

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management of RANEP), Saint Petersburg, Russian Federation; kugay3@yandex.ru

ABSTRACT

Much has been written about leadership in the system of government; however, not enough attention has been paid to the unique role of the head of the municipal administration (HMA). This article argues that the complexity of the HMA's position stems from the fact that the incumbent must operate in three different directions simultaneously: downward (by issuing orders to subordinates), outward (working with citizen groups, the media and other governments), and upward (working with mayor and council). Leadership in each of these areas requires a different set of skills, so an effective HMA must be able to play in different registers. 1. The difficulty with the HMA situation is that there is not the same training ground for developing those skills that exists for running an organization. Chief executive officers typically find that they need to acquire and develop these skills once they become chief executive. 2. The position of the HMA is unique because it is located in the neck, located at the center and narrowest point of the hourglass of the municipal government organization. Often, the HMA, as a technical specialist, is forced to take responsibility and play

a leadership role in relation to the political leadership on any issue. As a result, this person is both a leader and a manager, bearing, akin to the biblical Job, the burden of responsibility for the state of affairs in the municipality entrusted to him. However, to whom much is given, much is asked, and not for words, but for deeds, since responsibility for their implementation is the price that the HMA pays for power.

Keywords: manager, leader, municipality, municipal management, head of municipal administration, vectors of leadership influence

For citing: Kugay A. I. Head of the Municipal Administration: Vectors of Leadership Influence // Administrative consulting. 2024. N 1. P. 10–22.

Введение

О лидерстве написано немало, начиная с научных исследований, опирающихся преимущественно на психологию и политические основания, завершая разнообразными народными советами. Написанное о лидерстве, преимущественно имеет в основе своей общий характер, без привязки к какой-либо организации. В сфере государственного управления имеется довольно обширная литература о функциональной роли государственных служащих, занимающих различные посты на федеральном и региональном уровнях. Вместе с тем, весьма скудно представлена руководящая роль главы муниципальной администрации (ГМА)¹.

Утверждая, что ГМА занимает особое положение в системе публичной власти, настоящая статья заполняет этот недостаток. Цель статьи — раскрыть роль ГМА, обратив особое внимание лидерским качествам, релевантным этой должности.

Структура статьи включает в себя следующие разделы. В первом — описание особенностей муниципального правительства. Во втором разделе статьи рассматривается теория организационного лидерства и ее воплощение в муниципалитете. В последующих разделах анализируются три вектора управленческой деятельности ГМА: 1) внутриорганизационный вектор, ведущий вниз, 2) вектор, ориентированный на внешнюю социальную среду, ведущий наружу, 3) субординационный вектор, ведущий вверх. В заключительном разделе эти разнонаправленные функции увязываются вместе и подчеркивается, что успешный муниципальный лидер должен уметь играть в разных регистрах, проявляя лидерские качества в разных ситуациях.

Особенности муниципального правительства

Являясь лицом самого высокого уровня в иерархии муниципальной власти, ГМА является связующим звеном между политической ветвью власти (избираемые мэр и члены совета) и административной ветвью правительства (назначенная государственная служба), выполняя роль обслуживающего лидера в системе муниципальной власти. Теоретически обслуживающее лидерство проявляется как инклюзивный подход, который способствует вовлечению наиболее эффективных менеджеров в органы власти в целях процветания сообщества. С практической точки зрения

¹ Главное административное должностное лицо определяется здесь как назначаемый государственный служащий самого высокого ранга, который несет ответственность за всех государственных служащих в муниципалитете и подчиняется непосредственно совету. На практике для этой должности используются различные названия, такие как руководитель города (поселка, деревни), муниципальный директор. Каждая должность отличается тем, что регулируется собственным уставом или трудовым договором. Однако для целей этой статьи проблемы, с которыми сталкиваются разные люди, достаточно схожи, поэтому их можно обсуждать вместе.

предусматриваются инструменты для потенциального отбора, планирования ответственности и развития обслуживающего лидерства в органах власти [2].

1. Члены совета избираются отдельным избирательным округом в конкретной географической области в ходе муниципальных выборов. Как иронично замечено, «муниципальный совет есть группа индивидуальных предпринимателей, объединенных общей парковкой». Из своего состава депутаты избирают главу муниципального образования.

2. Глава местной администрации назначается представительным органом муниципального образования по конкурсу, согласованному с администрацией региона. В такой структуре глава муниципального образования является лишь номинальной фигурой, а реальная власть сосредоточена у главы местной администрации.

3. Государственные служащие призваны защищать права и законные интересы человека и гражданина на территории муниципального образования без учета политических соображений, связанных с партийной принадлежностью. Не существует демократического или республиканского способа освещения улиц, уборки мусора с бульваров.

4. ГМА призван взаимодействовать с разнообразной группой людей, у которых зачастую возникают серьезные публичные споры друг с другом. В этой ситуации ГМА должен взять на себя управление этой разделенной группы и делегировать это направление муниципальным служащим.

5. Все это происходит в публичном месте, на глазах жителей округа, района, в отличие от того, что происходит на федеральном и региональном уровнях. «С берега кораблем не правят» (Тит Ливий)¹. Что, как правило, неминуемо обостряет ситуацию, с которой сталкивается муниципальное образование. Для того чтобы совладать с непростой, порой каверзной, ситуацией ГМА следует обладать особыми лидерскими качествами.

Лидерство в организации: дизайн видения

Лидерство — один из тех терминов, которые понимают многозначно, которому невозможно дать точное определение. Прежде всего, проблема определения состоит в том, что термин «лидер» носит универсальный характер, присущий всему животному миру, ведущему стадный образ жизни, применяется для отображения разных типов людей. Лидерами могут быть как менеджеры организации, обладающие структурной формальной властью над подчиненными, а также лидерство могут проявлять харизматические личности, которые осуществляют руководство посредством влияния на последователей, даже если у них нет формальной власти над ними. Последний тип лидерства можно обнаружить в добровольной ассоциации, такой как политические движения и партии, религиозные организации или преступные группировки.

В формальных организационных структурах лидерство чаще всего рассматривается в рамках теории менеджмента. Сотрудники следуют указаниям старшего менеджера, поскольку руководитель обладает административными дисциплинарными ресурсами, включая увольнение из организации. Руководитель может не нравиться подчиненным, но они во избежание нежелательных последствий должны подчиняться законным распоряжениям руководителя.

В отличие от менеджера лидер способен достичь подчинения последователями путем влияния, а не принуждения. Соответственно, руководитель может быть лидером не потому что подчиненные/последователи следуют за ним, не только по-

¹ Тит Ливий — афоризмы, цитаты, высказывания [Электронный ресурс] URL: <https://aforisimo.ru/autor/Тит+Ливий/> (дата обращения: 25.10.2023).

тому что он обладает структурной легитимной властью, но из-за влияния, основанного на его профессиональном и личностном авторитете.

В научной литературе это называют «влиятельным приращением», выходящим за рамки механического соблюдения рутинных директив организации [7]. Благодаря этому, истинный лидер обладает способностью добиваться от подчиненных большего подчинения, чем то, которое подчиненные оказывают менеджеру под воздействием административной дисциплинарной власти [3].

Теории лидерства особенно актуализируются в условиях, когда лидер сталкивается с людьми, не подчиненными ему в системе законной, формальной власти. Это могут быть представители государственных институтов и институтов гражданского общества, представляющие заинтересованные стороны за пределами организации, а также — руководство лидера внутри организации.

Успешное существование организаций зависит от наличия внешних заинтересованных сторон, выступающих в качестве надежных партнеров при предоставлении услуг. Лишь влиятельный лидер может убедить внешние лица или группы людей поддерживать свою организацию, в условиях, когда они не обязаны это делать. Такими заинтересованными сторонами могут быть представители бизнеса, некоммерческие организации, институты гражданского общества.

Работники, занимающие значимые посты, также должны иногда выполнять руководящую роль в отношении людей, являющихся их номинальными начальниками. Государственный служащий не имеет очевидной власти над вышестоящим руководством, напротив, находится под его влиянием. Политики и внешние заинтересованные агенты влияния могут принимать предложения подчиненных, если будут уверены в их способностях решить значимую задачу.

Эффективное лидерство особенно важно при урегулировании непредвиденных обстоятельств, в сомнительных ситуациях, в которых возникают разные взгляды и интерпретации относительно того, как решать проблемы [13, с. 23]. К тому же не существует универсального лидера, действующего идеально в любых ситуациях. Вместо этого теория непредвиденных обстоятельств предполагает, что ситуация, с которой сталкивается организация, будет определять тип лидера, который нужен организации в данный момент. Теория непредвиденных обстоятельств принимает лидеров, нацеленных на задачу, в противовес лидерам, ориентированным на людей и отношения.

Несмотря на то что концепция лидеров, ориентированных на задачи, вытекающие из ситуационных переменных, является наиболее востребованной, эффективный лидер должен стоять на двух ногах: обеспечить выполнение задачи, но также создать комфортные условия сотрудникам в организации.

Изучение лидерства продолжается с нарастающей интенсивностью. В большом корпусе литературы, посвященной данной проблематике, выделяются два подхода, оказавшие влияние на понимание лидерства в муниципальных органах власти. Это «новое государственное управление», представленное в работе Шариха Мохамеда и Люси Руйар [5] и «новая государственная услуга», изложенная Джанет и Робертом Денхардт [6]. Они призвали муниципальных лидеров играть более активную роль в управлении организацией.

Генри Минцберг обратил внимание на то, что ГМА должен уметь осуществлять руководство в трех направлениях, ведущих — вниз, наружу и вверх [9]. «Введение вниз» характерно для классической роли руководства в управлении подчиненными внутри организации, что соответствует любой стандартной организационной схеме. Под лидерством «наружу» понимается то, как ГМА ведет отношения с заинтересованными сторонами, находящимися за пределами структуры муниципального управления, но являющимися полезными партнерами в социальной системе — институты гражданского общества, СМИ, группы бизнес-интересов, другие муниципалитеты.

Наконец, понятие «ведение вверх» относится к тому, как ГМА управляет своими взаимоотношениями с советом и региональной администрацией. Было бы неприлично, если бы подчиненный открыто говорил об управлении своим начальником, хотя в неосторожные моменты иногда можно услышать, как руководители компаний говорят о том, как они управляют своим советом.

Внутриорганизационный вектор, ведущий вниз

Руководство вниз относится к обычному типу контроля в организации, которое начальник осуществляет над подчиненными. В случае главы муниципальной администрации имеется в виду взаимодействие с руководством отделов, называемых за рубежом комиссарами в муниципальных органах власти. Вектор, ориентированный вниз, казалось бы, является самым облегченным из трех направлений, но это отнюдь не свидетельствует о его простоте. В мире, в котором существует особая чувствительность к расширению прав и возможностей, предрасположенность к совместному управлению, а также необходимости соблюдения многообразных коллективных соглашений, норм относительно здоровья и безопасности, защите прав человека. Признание достоинства человеческой личности — главное, на чем базируется концепция прав человека [1, с. 33]. От руководства организацией требуется мобилизация человеческих и финансовых ресурсов для достижения высоких социальных и экономических показателей с учетом установленных правил и положений.

Кто не способен эффективно управлять низшими уровнями организации, в принципе не станет претендовать на руководящие позиции. Для тех, кто предпринимает восхождение, открыты разнообразные курсы повышения квалификации с такими названиями, как «Методы государственного управления», «Лидерство в государственном и муниципальном управлении», «Мотивация и расширение прав и возможностей сотрудников», «Управление современной организацией». К примеру, в Санкт-Петербурге это осуществляется на базе факультета дополнительного профессионального образования Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. Кроме того, система неформального внутриорганизационного наставничества может содействовать формированию у менеджеров низшего и среднего звена развитию необходимых лидерских навыков для управления организацией.

Руководящая роль ГМА администрации в этом процессе проявляется в объединении всех отдельных подразделений муниципалитета в систему, каждый элемент которой функционирует в интересах целого. Первым барьером в этом направлении является необычайно широкий диапазон муниципальной деятельности. Большинство организаций имеет профильную привязку своей деятельности — жилищное строительство, ремонт автотранспорта, организацию досуга, обучение студентов. На муниципальную власть возложена ответственность за широкий спектр услуг, таких как ремонт и строительство дорог, уход за пожилыми людьми, создание комфортных условий для функционирования малого и среднего бизнеса, формирование и благоустройство территорий и т. д.

На территории муниципалитета действует большое количество коллективных и индивидуальных субъектов хозяйственной, социальной и культурной деятельности, преследующих узкопрофессиональные цели. На этом фоне ГМА является единственным лицом, ответственным за всю деятельность, соответственно — приверженцем широкой корпоративной точки зрения, осуществляя функцию модератора горизонтальной интеграции различных подразделений в одно корпоративное подразделение. «Горизонтальность» — относительно новое слово в лексиконе госу-

дарственного управления, относится к необходимости управлять инициативами по всей организационной иерархии, а не вверх и вниз по традиционным разрозненным структурам [11, с. 214–215].

Большинство организационных структур представляют собой пирамиды, на вершине которых находится руководитель. Организационная структура муниципалитета больше похожа на песочные часы: наверху советники, зачастую действующие в разных направлениях, группа департаментов внизу, каждый со своим мандатом, а также ряд горизонтальных целевых групп. Горловиной в песочных часах, местом, через которое протекает песок, является глава администрации. Роль каждого отдельного руководителя департамента заключается в управлении своим департаментом. Роль главы администрации состоит в том, чтобы объединить эти разрозненные интересы, представленные руководителями различных отделов, в одну корпоративную перспективу. В общем, внутриорганизационные дела вести непросто, но большинство руководителей управленческой службы имеют на своем посту значительный опыт в этом деле¹.

Вектор, ориентированный на внешнюю социальную среду (ведущий наружу)

Лидерство обнаруживается в отношениях ГМА с отдельными людьми, группами интересов, институтами гражданского общества, бизнес-организациями, другими органами власти, пребывающими за пределами муниципальной структуры. Эти отношения, имеют важное значение, поскольку ГМА, как высшее административное должностное лицо, рассматривается в общественном пространстве как главный представитель муниципалитета, поэтому, любые его высказывания воспринимаются как официальная позиция муниципалитета.

¹ Так: 1) Глава администрации Кировского района Санкт-Петербурга Иванов Сергей Владимирович. 1972 г. рождения, трудовую деятельность начал в 1989 г. После окончания университета в 1995 г. поступил на государственную службу в должности ведущего специалиста юридического отдела Территориального управления Петро дворцового административного района Санкт-Петербурга. С 1998 г. работал в Комитете по управлению городским имуществом Санкт-Петербурга. В 2001 г. окончил Северо-Западную академию государственной службы. С 2006 по 2012 г. — первый заместитель главы администрации Красносельского района. С мая 2012 г. — глава администрации Кировского района / Иванов Сергей Владимирович. Биография и пресс-портрет (<https://whoiswho.dp.ru/cart/person/1933203>); 2) Глава администрации Центрального района Санкт-Петербурга Федорова Елена Владимировна 1985 г. рождения. В 2007 г. окончила Санкт-Петербургский торгово-экономический институт. По 2011 г. проходила государственную службу в Администрации Центрального района Санкт-Петербурга: в отделе потребительского рынка, затем в отделе районного хозяйства. С 2011 по апрель 2014 г. — заместитель руководителя службы филиала «Единый расчетный центр» ГУП «Водоканал Санкт-Петербурга». В 2013 г. окончила магистратуру Санкт-Петербургского национального исследовательского университета информационных технологий, механики и оптики (ИТМО) по направлению «Инноватика». В декабре 2013 г. защитила кандидатскую диссертацию по экономике. С апреля 2014 по январь 2015 г. замещала должность главного специалиста отдела развития промышленных территорий, с января 2015 по апрель 2017 г. — начальника отдела организационно-технического обеспечения, затем начальника Управления бюджетного планирования и обеспечения деятельности Комитета. В апреле 2017 г. была назначена на должность заместителя председателя Комитета по промышленной политике и инновациям Санкт-Петербурга. С февраля 2019 г. была назначена на должность советника главы Администрации Центрального района Санкт-Петербурга. С 6 июня 2019 по июль 2022 г. — заместитель главы Администрации Центрального района. С 19 октября 2021 г. была назначена временно исполняющим обязанности главы Администрации Центрального района Санкт-Петербурга. С июля 2022 г. — глава Администрации Центрального района Санкт-Петербурга. Федорова Елена Владимировна. Биография и пресс-портрет (<https://whoiswho.dp.ru/cart/person/1939703>).

Модели «нового государственного управления» и «новой государственной службы» в значительной мере модифицировали представление о работе главы муниципальной администрации. Новое государственное управление, основанное на цифровизации, содействует повышению предпринимательской активности граждан, способствует развитию партнерских отношений и внедрению альтернативных способов предоставления услуг населению.

«Новая государственная служба» утверждает, что создание условий для участия граждан в принятии решений должно стать функциональной обязанностью государственного администратора. Это не только приведет к принятию более эффективных решений, но и будет способствовать развитию важной концепции демократического гражданства [6; 8].

Муниципальный руководитель действует в мире многозначной логики, с большим количеством ценностных предпочтений. Глава администрации, как правило, является главной фигурой при переговорах, на которого совет в наиболее острых ситуациях возлагает ответственность за их проведение. В идеальном плане совет мог бы предоставить ГМА то, чего желает совет на переговорах, точно выраженный итоговый их результат. Но члены совета могут завязнуть в дискуссиях на проблему и, соответственно не смогут сформулировать ГМА конкретных указаний, кроме фраз: «Вам виднее», «Сделайте все, что сможете».

В процессе затруднительных переговоров во многих случаях ГМА действует над группой директоров, которые, зачастую, руководствуясь собственными интересами, не могут не только достигнуть согласия, но и, преследуя разнонаправленные цели, не могут поделить решение между собой.

Возникают острые ситуации, которые выводят ГМА на ведущую роль. Допустим, от граждан поступают многочисленные запросы на создание современного технопарка. Совету может импонировать эта идея, но наиболее экономически эффективным способом решения этой проблемы является вступление в партнерство с соседним муниципалитетом. Это потребует переговоров с другими муниципалитетами. Это политический вопрос, поскольку суть политики — ориентация на достижение общего блага. И совет, как избранный гражданами орган, здесь должен играть важную роль. Однако с практической стороны, в таких ситуациях, как правило, требуется, чтобы ключевую роль в переговорах играл квалифицированный профессиональный сотрудник администрации, а не политики-советники-любители, работающие неполный рабочий день.

В этих случаях ГМА выступает в качестве посредника. Его миссия — взять на себя ключевую роль в выявлении соответствующих участников деловых отношений со стороны муниципалитета, поддерживать с ними непрерывный контакт, собирать от них информацию о состоянии дел, лично контролировать ход реализации проекта. Участвуя в деликатных переговорах, ГМА иногда вынужден вести два раунда переговоров одновременно — один за столом с застройщиком, а другой за кулисами — с депутатами, с целью выработать единую позицию среди членов муниципального совета.

Понятное дело, если ГМА стремится быть реальным лидером, то он должен активно участвовать в процессе разработки политики развития муниципального образования. Логика управленческой деятельности неизбежно влечет ГМА в процесс разработки политики, однако ГМА все же должен осознавать пределы своего участия. Отличие между двумя значениями слова «политика», представленное Полом Эриком Мурутцена и Джеймсом Сварой [10], может оказаться полезным не только для ГМА, но и для любого государственного служащего. Они утверждают, что одно значение слова «политика» фокусируется на избирательной политике, связанной с борьбой за занятие высокой позиции в институтах власти — «политике закрепления должностей», и связанным с нею патронажем, которая продолжается до и после фактических выборов. Чиновники — администраторы — должны

быть политически нейтральными, избегая этой формы политики. Другое значение «политики» «подчеркивает процесс авторитетного распределения ресурсов и ценностей». Это сторона политики, которую они называют «политикой управления обществом» [10] — реализует ГМА.

Приоритетным направлением в деятельности ГМА является работа с представителями СМИ, проявляющими интерес к местному самоуправлению. Это предполагает слежение за тем, чтобы СМИ адекватно понимали инициативы, происходящие в муниципалитете. Как в ситуации с ростом разнообразия общественных групп, возросло количество источников информации, размещаемых в интернет-порталах и интернет-бюллетенях и индивидуальных блогах.

Муниципальная администрация должна осуществлять партнерские отношения с другими муниципалитетами и местными органами специального назначения. Договоренности друг с другом о совместных установках для очистки воды и сточных вод, об общих свалках оказываются особо важными из-за того, что тревоги граждан, связанные с обширными проектами, такими как утилизация отходов, увеличили расходы и эксплуатацию этих объектов, являются общими. Но это лишь самое явное, что бросается в глаза.

Возникает вопрос: целесообразно ли ГМА быть лидером сообщества, наряду с его ролью в управлении муниципалитетом. В 1950-х гг. эта тема являлась предметом многочисленных дискуссий в американской литературе. Один из первых адептов сити-менеджера как общественного лидера, воспринимающего «город, как свой», утверждал, что данный тип городского менеджера безоговорочно принимает роль городского эmissара в государственных и федеральных органах власти. Он будет уделять особое внимание всем организованным группам в своем сообществе, отчасти для того, чтобы познакомиться с естественными лидерами этих групп. «Работа менеджера — предоставлять факты, предлагать советы, поощрять и тактично направлять общественные группы в планировании полезных улучшений». Телефонный номер исполнительных директоров ассоциаций, претендующих на то, чтобы говорить в интересах коммерции, здоровье, благосостояние, образование, промышленность, религия, труд, хорошее управление и недвижимость, среди прочего, должны быть под рукой» [4, с. 219–220].

Реальность заключается в том, что в интересах надлежащего управления ГМА в большинстве своем должен брать на себя лидирующую роль. Относительно мэра и совета, ГМА, решая на местах проблемы повседневной жизни людей, призван обеспечивать, чтобы мнение неорганизованных групп интересов (мигрантов, людей с низкими доходами) надлежащим образом учитывалось при определении государственной политики.

Однако особенность этой роли может стать неоднозначной. В ситуации, когда избираемые мэр и члены совета должны играть здесь значимую роль, а ГМА должен соблюдать дистанцию, чтобы сверх меры не отставать от своих политических хозяев. Впрочем, в большинстве ситуаций возникает необходимость в том, чтобы штатный эксперт по административным вопросам взял на себя инициативу по решению проблемы. ГМА должен действовать как дипломат, проявляя благоразумие в своих отношениях с мэром и с советом, что приводит нас к вопросу руководства.

Субординационный вектор, ведущий вверх

Руководство, пожалуй, является наиболее сложной задачей ГМА. В структурном плане характер отношений между политиками и государственными служащими обычно описывается фразой «Политики — наверху, эксперты — на связи». Разумеется, в условиях демократии мэр и совет народных депутатов занимают контролирующую позицию в отношении ГМА.

Во-первых, здесь существует серьезная структурная проблема. Понятно, что ГМА должен быть подотчетен мэру и членам совета, занимающим контролируемую позицию в отношении его. В действительности же, ГМА, занимая подчиненную должность, руководит институтом, которому он должен быть подчинен. На каком основании, занимающий подчиненную должность, должен руководить теми, кому он подчинен? Как руководить институтом, перед которым ты должен быть подотчетен?

Отчасти ответ на этот вопрос обнаруживается в описании феномена лидерства, представленного ранее. Лидерство индуцировано не только формальной властью, лидерство воплощено в силе влияния. Это влияние, в свою очередь, вытекает из технических и управленческих компетенций, способности осуществлять коммуникацию по существу дела, вызывая доверие к своей аргументации. Отсюда в интересах надлежащего управления муниципалитетом ГМА зачастую должен брать на себя лидирующую роль по отношению к мэру и совету. ГМА является штатным профессионалом со значительным опытом административной работы и детальными знаниями о проблемах, с которыми сталкиваются местные органы власти. По словам американского городского менеджера, «Как бы сильно мы ни уважали выборных должностных лиц и представительное правительство, у них просто нет инструментов для определения политики и стратегии города» [10, с. 114]. Члены совета, работающие по совместительству, являются политиками-любителями, с повышенной восприимчивостью к проблемам жителей, но обычно не обладают столь глубокими знаниями о способах их решения местным правительством. К тому же, порой отдельные члены совета избираются на популистских, оторванных от реальности обещаниях. Как говорится, обещанного три года ждут, а исполнения обещаний отдельных депутатов — весь срок действия мандата. Соответственно, реализация инициатив членов совета находится в сфере компетенций муниципальной администрации. В такой ситуации в силу самой необходимости ГМА призван проявлять разумную степень лидерства.

Члены совета и чиновники администрации располагают разными временными горизонтами. Горизонт среднего муниципального политика — до пяти лет и сокращается по мере увеличения срока полномочий. Между тем у администраторов иной временной горизонт, который обусловлен их профессиональными компетенциями, и они приходят на свои должности, полагая, что остаются в этом муниципалитете на длительный период. Разные временные интервалы способны порождать либо суммирующий эффект, когда депутаты и государственные служащие разделяют взгляды, как на ближайшую, так и на отдаленную перспективу, или разобщенность, определенную различиями видения возникающих проблем и путей их решения, вызванного отличными временными рамками.

Политики и муниципальная администрация способны дополнять друг друга, образуя синергетический эффект в процесс разработки политики. Политическая воля втекает в административную систему и наполняет ее энергией, затем в рамках административного процесса перетекают обратно на более высокие уровни политического процесса.

Обратимся к зарубежному опыту. Из наблюдений за делами муниципалитетов следует, что главы администраций активно взаимодействуют с выборными должностными лицами. Они являются не просто трансляторами информации и получателями распоряжений от выборных должностных лиц. ГМА привносят в свою деятельность определенные ценности, имеющие политическое значение. Будучи сторонниками нейтралитета в отношениях между партиями и кандидатами, они действуют на основе профессионального опыта. Более того, они более или менее активно участвуют в коммуникациях с общественными группами и должностными лицами из других муниципалитетов и, следовательно, потенциально являются ли-

дерами сообществ и «представителями» граждан, а также административными директорами [10].

В Конституции РФ в ст. 132 определено, что «органы местного самоуправления и органы государственной власти входят в единую систему публичной власти в Российской Федерации и осуществляют взаимодействие для наиболее эффективного решения задач в интересах населения, проживающего на соответствующей территории». В соответствии с Конституцией (ст. 131) государственным органам дается право участвовать в формировании органов местного самоуправления, в назначении и снятии должностных лиц местного самоуправления в порядке и случаях, установленных федеральным законом. Это требует от ГМА умения выстраивать деловые отношения с органами государственной власти, непрерывно проявляя лидерские качества в решении проблем муниципалитета и его жителей.

Трудности, связанные с одновременной работой в трех различных направлениях, усугубляются тем обстоятельством, что каждое из этих направлений требует от ГМА обладания различного набора навыков. Генри Минцберг описывает теорию руководства вниз, наружу и вверх, отображая деятельность трех разных менеджеров национального парка, каждый из которых специализируется на управлении в одном направлении. Он допускал, что ни один «из этих трех менеджеров не был свободен от граней, с которыми столкнулись двое других» [9, с. 49], но при этом существует специализация труда, ни один из его менеджеров не был обязан сталкиваться с тремя направлениями одновременно.

Трудности, связанные с работой в трех направлениях, значительно усложняются скоростью, с которой протекают события. Масштабы значительной части муниципальных органов власти таковы, что ГМА не располагают той изоляцией, которую имеют руководители крупных организаций. Направляется ли проблема вниз, наружу или вверх, она быстро доходит до ГМА, минуя ряд уровней управления.

В соответствии с теорией непредвиденных обстоятельств, не существует одной универсальной технологии лидерства. Успешное лидерство в одной ситуации может быть неэффективным в другой. Ситуация с главой муниципальной администрации (ГМА) — существующий фактор в теории лидерства на случай непредвиденных обстоятельств. Привычное положение теории непредвиденных обстоятельств, к примеру, изложенное Ансельмом Штраусом [12], заключается в том, что организации следует найти тип лидера, подходящего удовлетворению ее текущих потребностей. Выделение особого статуса главы муниципальной администрации в системе публичной власти выводит нас к необходимости тематизации его способности руководить, демонстрируя лидерские качества в трех разных направлениях, проявляя стиль руководства, необходимый для каждого из них.

Надо полагать, что это влияет на то, каким образом члену совета и представителю государственной власти следует подходить к процессу отбора и найма ГМА. Соответственно, вместо того чтобы фокусироваться на том либо ином одном аспекте лидерства, в процессе отбора на должность ГМА в качестве базовой характеристики кандидата следует иметь в виду его способность перемещаться из одного направления в другое и скорость, с которой этот переход может быть осуществлен, а также способность действовать в трех направлениях одновременно.

Обычным случаем представляется неудобная ситуация, когда ГМА следует довести неприятные для персонала требования, идущие от совета, об устранении административных недостатков. С одной стороны, ГМА обязан проявлять лояльность по отношению к совету, заинтересованному в том, чтобы во что бы то ни стало были переданы его требования, с другой стороны, ГМА следует делать это в мягкой форме, таким образом, чтобы не выглядеть нелояльным по отношению к сотрудникам.

Также непростые проблемы возникают между субординационным вектором, ведущим вверх, и вектором, ориентированным на внешнюю социальную среду, ведущим наружу. Как поступает ГМА, когда группа активистов, замкнувшаяся на своих узких интересах (будь то строительная компания или диаспора), склоняет совет сделать нечто, не отвечающее интересам всего сообщества? Основными функциями муниципального администратора является служение своему работодателю и обществу. Однако в ситуациях, когда возникает конфликт между служением работодателю и обществу, традиционные этические границы недостаточно эффективны. Если ГМА начнут выступать в роли лидеров сообщества, то подобные конфликты будут умножаться. Поэтому ГМА должен уметь находить разумный баланс между общими и частными интересами.

Заключение

Деятельность главы муниципальной администрации многосложная. Задача данной статьи — рассмотреть различные ее аспекты, чтобы лучше понять ее специфику и трудоемкость.

Во-первых, сложность положения, избранного комиссией ГМА, состоит в том, что не существует такой же тренировочной площадки для развития тех навыков, которая существует для управления организацией. Главные административные должностные лица, как правило, замечают, что им требуется обрести и развивать эти навыки после того, как они станут главой исполнительной власти.

Во-вторых, положение ГМА уникально, поскольку он находится в центре и самом узком месте песочных часов организации муниципальной власти. Что предполагает взятие на себя инициативы в решении ключевых проблем муниципалитета¹.

В-третьих, в работе совет сталкивается с двумя проблемами: 1) часто не может предвидеть проблемы, 2) не может прийти к какому-либо решению, выработать единую позицию по вопросам, находящимся на этапе проработки. В этой ситуации то и дело ГМА приходится брать на себя инициативу и определять, какие вопросы могут стать актуальными, разрабатывать и предлагать стратегию их решения. В свою очередь муниципальные советы, понимая, что непродуктивно отзываться на проблемы в защитном стиле, тем более — уходя в глухую оборону, полагают, что продуктивнее проявлять инициативу в решении проблемы.

В-четвертых, немаловажно и то, что ГМА должен проявлять лидерские качества в ходе взаимодействия со средствами массовой информации и разнообразными институтами гражданского общества, с представителями иных муниципалитетов. Для этого он призван улавливать настроения разнообразных групп и возрастных категорий людей, в особенности — молодежи, ведь она лучше чувствует свое время.

В-пятых, главный административный чиновник муниципалитета должен быть отделен от избирательной политики, но обязан быть политически чувствительным и определенно вовлеченным в политику управления обществом.

Таким образом, успешный муниципальный лидер должен уметь вести дела в трех разных направлениях, ориентированных: вниз (раздавая поручения подчиненным), наружу (работа с группами интересов, средствами массовой информации и другими правительствами) и вверх (работа с мэром и советом). Лидерство в каждом

¹ Замечено: «Когда в муниципальной политике происходит что-то экстраординарное, во благо или во зло, вы почти всегда можете проследить это до одного человека. Народ этого не делает. Ни «банды», ни «объединения», ни политические партии». См.: Линкольн Стеффенс [Электронный ресурс]. URL: <https://list-quotes.com/ru/кавычки/линкольн-стеффенс-535328/> (дата обращения: 20.10.2023).

из этих направлений требует другого набора навыков, поэтому эффективный ГМА должен быть в состоянии играть в разных регистрах, проявляя лидерские качества в различных ситуациях. ГМА должен обладать беглым умом и пространными способностями, не в праве «не догонять», оказавшись на обочине деловой коммуникации. Занимая особое положение в системе муниципальной власти, ГМА следует постоянно демонстрировать лидерские качества, быстро схватывая ситуацию, действуя на опережение, зачастую, принимая нестандартные, порой неожиданные, парадоксальные решения.

Вследствие этого данная личность является одновременно менеджером и обслуживающим лидером, неся, сродни библейскому Иову, бремя ответственности за положение дел в вверенном ему муниципалитете. Но кому много дается, с того много и спрашивается, и не за слова, а за дела, поскольку ответственность за их претворение в жизнь — та цена, которую ГМА платит за власть.

Литература

1. Кугай А. И. Права человека: от теории — к политике // Управленческое консультирование. 2021. № 5. С. 32–44.
2. Кугай А. И. Неогосударственный подход к обслуживающему лидерству // Актуальные вопросы гуманитарных и социальных наук: от теории к практике. Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Чебоксары : ИД «Среда», 2023. С. 53–54.
3. Кугай А. И. Групповая психология и психоанализ лидерства / Современные вызовы образования и психология формирования личности: монография. Чебоксары : ИД «Среда», 2023. С. 107–116.
4. Bosworth K. A. «The manager is a politician» // Public Administration Review. 1958. N 18 (3). P. 216–22.
5. Charih M., Rouillard L. «The new public management» // New Public Management and Public Administration in Canada. Toronto : Institute of Public Administration of Canada, 1997.
6. Denhardt J. V., Denhardt R. B. The New Public Service: Serving, Not Steering, expanded edition. Armonk, N.Y. : M. E. Sharpe, 2007.
7. Katz D., Kahn R. L. The Social Psychology of Organizations. 2nd ed. New York : John Wiley, 1978.
8. Leighninger M. The Next Form of Democracy. Nashville : Vanderbilt University Press, 2008.
9. Mintzberg H. Managing on the edges // Managing Publicly. 2000.
10. Mouritzen P. E., Svava J. H. Leadership at the Apex: Politicians and Administrators in Western Local Governments. Pittsburgh : University of Pittsburgh Press, 2002.
11. Savoie D. J. Breaking the Bargain: Public Servants, Ministers, and Parliament. Toronto : University of Toronto Press, 2003.
12. Strauss A. L. Continual Permutations of Action. New York, 1993.
13. Yukl G. Leadership in Organizations. Boston, Columbus : Pearson Prentice Hall, 2013.

Об авторе:

Кугай Александр Иванович, профессор кафедры государственного и муниципального управления Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), доктор философских наук, профессор; kugay3@yandex.ru

References

1. Kugai A. I. Human rights: from theory to politics // Administrative consulting [Upravlencheskoe konsul'tirovanie]. 2021 N 5. P. 32–44 (in Rus.).
2. Kugai A. I. A neo-governmental approach to servant leadership // Current issues in the humanities and social sciences: from theory to practice. Materials of the All-Russian scientific and practical conference with international participation. Ch. Ed. Zh. V. Murzina. Cheboksary : Sreda Publishing House, 2023. P. 53–54 (in Rus.).
3. Kugai A. I. Group psychology and psychoanalysis of leadership / Modern challenges of educa-

- tion and psychology of personality formation: Monograph. Cheboksary : Sreda Publishing House, 2023. P. 107–116 (in Rus.).
4. Bosworth K.A. «The manager is a politician» // Public Administration Review. 1958. N 18 (3). P. 216–22.
 5. Charih M., Rouillard L. «The new public management» // New Public Management and Public Administration in Canada. Toronto : Institute of Public Administration of Canada, 1997.
 6. Denhardt J. V., Denhardt R. B. The New Public Service: Serving, Not Steering, expanded edition. Armonk, N.Y. : M. E. Sharpe, 2007.
 7. Katz D., Kahn R.L. The Social Psychology of Organizations. 2nd ed. New York : John Wiley, 1978.
 8. Leighninger M. The Next Form of Democracy. Nashville : Vanderbilt University Press, 2008.
 9. Mintzberg H. Managing on the edges // Managing Publicly. 2000.
 10. Mouritzen P.E., Svava J.H. Leadership at the Apex: Politicians and Administrators in Western Local Governments. Pittsburgh : University of Pittsburgh Press, 2002.
 11. Savoie D.J. Breaking the Bargain: Public Servants, Ministers, and Parliament. Toronto : University of Toronto Press, 2003.
 12. Strauss A. L. Continual Permutations of Action. New York, 1993.
 13. Yukl G. Leadership in Organizations. Boston, Columbus : Pearson Prentice Hall, 2013.

About the author:

Alexander I. Kugai, Professor of the Department of State and Municipal Administration of the North-Western Institute of Management, RANEPА (St. Petersburg, Russian Federation), Doctor of Philosophy, Professor; kugay3@yandex.ru

Психология сетевой толпы как субъекта политического экстремизма

Забарин А. В.

Санкт-Петербургский военный ордена Жукова институт войск национальной гвардии Российской Федерации, Санкт-Петербург, Российская Федерация; zavalex@yandex.ru

РЕФЕРАТ

Цель статьи — описать психологические особенности сетевой толпы и их использование для распространения идеологии политического экстремизма, а также предложить рекомендации по противодействию данным технологиям. Открыв для своих граждан ресурсы зарубежных социальных сетей, Россия стала заложницей негласных правил. Проблема с купированием волны экстремистского контента демонстрирует серьезную угрозу обеспечения информационного суверенитета и подчеркивает актуальность и значимость изучения данной проблемы.

Использовались методы междисциплинарного теоретического анализа, синтеза, сравнения, обобщения и концептуализации научных идей использования психологических эффектов толпы в сетевом пространстве, контент анализа постов участников телеграм-каналов во время протестных акций.

В статье развивается авторский подход к пониманию феномена сетевой толпы как возникшего на базе социальных сетей специфического гибрида, воплощающего в себе элементы организованного ядра и стихийной периферии. Обосновано представление о механизме управления организованной сетевой толпой как функции от композиции контента для создания эмоционального резонанса, деятельности групп, разгоняющих информацию по социальным сетям, и лидеров заражения, вовлекающих участников социальных сетей своим эмоциональным откликом.

Сделаны выводы об условиях, при которых сетевая толпа превращается в угрозу. Предложены рекомендации по противодействию индоктринации участников социальных сетей идеологией экстремизма.

Ключевые слова: сетевая толпа, политический экстремизм, психологическая структура сетевой толпы, механизмы индоктринации в социальных сетях

Для цитирования: *Забарин А. В.* Психология сетевой толпы как субъекта политического экстремизма // Управленческое консультирование. 2024. № 1. С. 23–45.

Psychology of the Network Crowd as a Subject of Political Extremism

Aleksey V. Zabarin

St. Petersburg Military Institute of the National Guard Troops of the Russian Federation, St. Petersburg, Russian Federation; zavalex@yandex.ru

ABSTRACT

The purpose of the article is to describe the psychological characteristics of the network crowd and their use to disseminate the ideology of political extremism, as well as to propose recommendations on countering these technologies. Opening the resources of foreign social networks for its citizens, Russia has become a hostage to unspoken rules. The problem with stopping the wave of extremist content demonstrates a serious threat to ensuring information sovereignty and emphasizes the relevance and significance of studying this problem.

The methods of interdisciplinary theoretical analysis, synthesis, comparison, generalization and conceptualization of the scientific ideas of the use of the psychological effects of the crowd in the network space, the content of the analysis of the posts of participants in telegram channels during protest actions were used.

The article develops an author's approach to understanding the phenomenon of the network crowd as a specific hybrid that has arisen on the basis of social networks, embodying elements of an organized nucleus and spontaneous periphery. The idea of the mechanism of control of

an organized network crowd as a function from the composition of the content to create emotional resonance, the activities of groups that disperse information on social networks and infection leaders, involving participants in social networks with their emotional response, is justified.

Conclusions are drawn about the conditions under which the network crowd turns into a threat. Recommendations are proposed to counteract the indication of participants in social networks by the ideology of extremism.

Keywords: network crowd, political extremism, psychological structure of network crowd, mechanisms of indoctrination in social networks

For citing: Zabarin A. V. Psychology of the Network Crowd as a Subject of Political Extremism // Administrative consulting. 2024. N 1. P. 23–45.

Введение

Анализ информационного поля социальных сетей показывает, что заявленные их основателями принципы равного доступа и свободы слова не выдержали испытание реальностью. Политически неправильный контент стал удаляться «по собственному усмотрению» администраторов, а пользователи блокироваться. В более мягком варианте включался режим «фильтрации видимости», при котором техническими способами затруднялся поиск или воспроизведение соответствующего контента. Социальные сети, заявляющие на публику об активной борьбе с пропагандой терроризма, стали открыто использоваться в качестве площадок вовлечения в экстремистскую идеологию и мобилизации граждан на соответствующие действия. В полной мере это проявилось в России с началом СВО, когда множество дотоле аполитичных сетевых групп любителей музыки, путешествий, орхидей, кактусов, фотографии, спорта... стали глашатаями антироссийской позиции, которая сопровождалась в ряде случаев призывами к акциям гражданского неповиновения, саботажу. Аккаунты, в которых излагалось противоречащее западному пониманию оснований СВО, блокировались. Политизированным вдруг стал вирусный контент от WhatsApp и Viber. Какие бы ролики не начинал смотреть российский пользователь платформы YouTube* в конце февраля 2022 г., неотключаемая контекстная реклама спрашивала его: когда же он убьет своего президента. К политическому давлению на российских подписчиков вдруг подключился международный бизнес, который, как известно, якобы вне политики.

Однажды открыв для своих граждан ресурсы зарубежных социальных сетей, Россия стала заложницей негласных правил, вводимых их хозяевами. Проблема с купированием волны экстремистского контента через блокировку Фейсбук и Твиттер, штрафы, угрозы отключения доступа к YouTube оперативно была решена, но продемонстрировала серьезную угрозу обеспечения информационного суверенитета [11].

Важность этой проблемы в контексте изучения информационно-психологического воздействия социальных сетей подчеркивали многие исследователи: М. В. Ковальчук [14], И. Ю. Сундиев, А. А. Смирнов [27; 28], Н. Б. Бааль [2], В. Д. Винник [4], С. В. Докука [7], Е. Д. Невесенко [20], В. В. Кашпур, С. И. Чудинов, Е. В. Щекотин [17]. Технологию использования социальных сетей для стимулирования массовых протестных настроений среди молодежи и организации твиттерных революций изучали А. Э. Гапич, Д. А. Лушников [5], С. Г. Ушкин [30], О. Г. Леонова [18], О. С. Малакаев [19] и др. Психологические механизмы социальной организации сетевого поведения исследовались С. П. Расторгуевым, М. В. Литвиненко [24], А. Г. Караяни, Ю. М. Караяни, С. В. Цыганковым [15; 16] и др.

Пионером изучения толп, объединяющих индивидов в «синхронизированное целое на основе интернет-технологий», считается Г. Рейнгольд, использовавший для их

обозначения термин «умная толпа» (smart mob) [25]. Г. Рейнгольд утверждал, что благодаря постоянному свободному обмену данными между неограниченным количеством пользователей возможно с минимальными издержками собирать массы для осмысленных быстрых согласованных рациональных действий, в которых выражается сотрудничество между их участниками. Умная толпа не является уже «слепой толпой» [1; 6]. Д. Шуровьески заявлял, что цифровая толпа повышает рациональность ее членов и даже превосходит в когнитивных способностях интеллектуальные элиты [33]. Д. Тапскотт, Э. Уильямс пишут о вики-толпе как «созидательном начале, способном обслуживать выдвижение и реализацию» политического, правового, технического и др. проектов [29]. Вики-сообщества превращаются в экспертную цифровую толпу, согласно Б. Новек [21]. Д. Хау заявил, что цифровая толпа — это аккумулятор временных и когнитивных ресурсов [31]. То есть, налицо очередная метаморфоза с западным семантическим полем термина толпа. Сначала толпой назвали коллективное поведение, обозначавшее в СССР совсем иную реальность. Теперь толпа (цифровая) провозглашается главной социальной формой реализации сетевой демократии. Продвижение мифа сетевой демократии потребовало «реабилитации» образа толпы, которая, например, в работе Д. С. Артамонова представлена уже как «новая цифровая солидарность» — «социальное явление, при котором большие массы людей прибегают к механизму социальной саморегуляции, самосохранения и саморазвития коллективного организма, максимально используя возможности всех членов общества для индивидуального и всеобщего блага» [1, с. 127].

Вследствие такого подхода психология толпы стала подменяться психологией специфической социальной группы, виртуального сетевого сообщества [3], чья деятельность эффективно организована на базе сетевой платформы. Для их разграничения автором [8; 10] был предложен термин «сетевая толпа», обозначающий возникший на базе социальных сетей гибрид, который сочетает в себе элементы организованного ядра и стихийной периферии, активности в онлайн и офлайн реальностях. Представляется, что анализ сетевой толпы в этом понимании практически выпал из мейнстрима отечественных и зарубежных исследований, хотя имеет безусловную практическую ценность как действенные когнитивные и поведенческие технологии управления массовым поведением.

По данным исследования исламистских групп ВК, эти сообщества имеют «характер децентрализованных сетевых структур, содержащих значительное число слабо связанных друг с другом и даже случайных пользователей» [17, с. 9]. По этому же принципу сегодня в социальных сетях создаются и так называемые «платформенные восстания» — анонимизированные движения, которые призваны имитировать массовость [41].

Рассматривая угрозы «виртуального актора», Е. В. Щекотин характеризовал его как «некое множество, дисперсную структуру, «рой» физических лиц, которые могут быть совсем не связаны друг с другом или связаны слабо. Такой виртуальный актор обладает рядом специфических свойств — он практически прозрачен для традиционных систем контроля (конструируется слабыми связями, которые не позволяют однозначно идентифицировать потенциального террориста), он не локализован (ликвидация одного сайта или виртуальной группы не означает ликвидацию самого субъекта-множества), его переход из виртуального пространства в физическую реальность повседневного бытия спорадичен и непредсказуем (невозможно предположить, кто из членов множества и в какой момент перейдет к «прямому действию», т. е. к совершению насилия» [32, с. 215].

Для обеспечения безопасности российского гражданина, общества и государства важно знать и понимать технологии использования сетевой инфраструктуры для управления массовым поведением [35; 36]. Цель статьи — описать психологические особенности сетевой толпы и их использование для распространения идеологии

политического экстремизма и реализации цветных революций, а также предложить рекомендации по противодействию данным технологиям.

Для достижения этой цели были использованы методы междисциплинарного теоретического анализа, синтеза, сравнения, обобщения, систематизации и концептуализации научных идей и парадигм использования психологических эффектов толпы в сетевом пространстве, контент анализа постов участников телеграм-каналов во время протестных акций.

Обсуждение результатов исследования

Политический экстремизм как «деяния, направленные на насильственный захват, удержание власти, насильственное изменение основ конституционного строя»¹ включает в себя собственно деятельность противника, направленную на нейтрализацию и подчинение институтов государственной власти и управления. Такова была, например, цель классических дворцовых переворотов, во время которых к трону приходила новая властная группировка. Эта деятельность естественно скрыта от глаз публики. Статус организаторов и участников неудавшихся переворотов сохраняется во всех государствах как нормативная и культурно-историческая константа. Это государственные преступники, заговорщики, хунта.

Публичная составляющая политического экстремизма — это обеспечение легитимности такого захвата власти. Это решение вопроса: как убедить всех в том, что насильственный захват власти был вынужденной защитной мерой, делом благим, всеми с надеждой ожидаемым, единственно возможным и т. п. [40]. Переговоры с представителями новой властной группировки старых политических и экономических элит дополняются открытым обращением к широкой общественности — народу, которому предлагается принять судьбоносное решение, например, о том, что хватит терпеть фальсификации государственной власти на выборах. Пора брать власть в свои руки, то есть, передать ее новой властной элите. Убежденность в правильности и бесповоротности такого выбора должна случиться в сознании как внутренней (общественно-политические организации, элиты, граждане), так и внешней (зарубежные страны, международные организации) общественности. Достижение данных целей означает успех цветной революции. Частичное выполнение — истории С. Тихановской, Х. Гуайдо, А. Навального и др. И национальное, и международное право в данных случаях остается молчаливым, а за организаторами и участниками государственного переворота закрепляется статус борцов за свободу и демократию или жертв тирании, произвола и т. п.

Нарастание протестной активности иллюстрирует особую значимость «мягкой силы» в реализации сценариев государственных переворотов и демонстрирует проблемы понимания тонких границ, отделяющих ее от деяний политического экстремизма: победить на выборах или насильственно захватить власть [18]. Если криминализированы насильственные действия против власти, значит ненасильственные действия разрешены. Именно так звучали доводы одного из адвокатов, заявившего, что его подзащитный занимался организацией цветной революции в России, т. е. использовал ненасильственные, а значит, законные методы борьбы за власть. Для получения поддержки избирателей отдельные партии и кандидаты организовывали дискредитацию власти как оппонента и устраивали регулярные предвыборные митинги. Вот и он занимался тем же. В этом же ключе была пред-

¹ Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом от 15 июня 2001 г. [Электронный ресурс]. URL: https://chel.sledcom.ru/upload/site88/document_file/konvencija-sanhajskaaao-borbe-s-terrorizmom-separatizmom-i-ekstremizmom-2001-g_d1.pdf (дата обращения: 05.10.2023).

ставлена и диссертация Д. Шарпа, обобщившего историко-политический опыт успешного использования технологий мягкой силы в борьбе с государственной властью [34]. Отметим, что и в данном случае вовсе не Д. Шарп является пионером. Технологии эти активно разрабатывались и апробировались еще Коминтерном.

В традициях «мягкой силы» могут применяться и организационные методы нейтрализации государства, когда, например, представителями рвущейся к власти группировки «приватизируется» секретариат государственного органа, принимающего решения, устанавливается контроль над информационным и экспертным обеспечением и др.

Но насилие имеет не только физическое, но и психическое выражение. Вовлечение в финансовые пирамиды и секты, экстремистские и террористические организации, как правило, не имеют ничего общего со свободой выбора личности вовлекаемого. Вовлекаемому здесь отводится роль жертвы. А свобода выбора оказывается, увы, фиговым листком для лукавого прикрытия. Выход школьников на митинги Навального, на протесты в Дагестане — это нечистоплотные игры взрослых кураторов, четко знающих, как управлять поведением подростков. Налицо использование методов психологического манипулирования, представляющих собой психическое насилие.

Важнейшее поле для борьбы с политическим экстремизмом, как подчеркивается в Стратегии противодействия экстремизму в РФ¹, Доктрине информационной безопасности РФ², статьях исследователей (Забарин, Ватулин (2018) [10], Злоказов (2022) [12] и др.) — это индивидуальное и общественное сознание граждан. Это повестка сайтов, форумов, социальных сетей, игр, СМИ, культивирующих героико-нарушения законов и революционной борьбы с государством. Классический пример — распространявшийся в сети Telegram** «манифест партизана», заявлявший о необходимости вдохновиться примерами поджогов военкоматов для того, чтобы сломить дух российской армии и правительства. Стратегия политических экстремистов, технологов цветных революций — противопоставить власть гражданину, а гражданина — власти. Содержание политического экстремистского дискурса можно выразить следующей формулой: гражданин должен воспринимать власть не как источник стабильности, закона, справедливости и порядка, а как персонального врага. И государство должно увидеть в старшеклассниках, студентах, иных гражданах, выходящих на протестные акции, своих персональных врагов. В обществе есть те, кто будут симпатизировать и первым, и вторым. Задача политических экстремистов — обострять и поддерживать этот конфликт.

Перефразируя известную фразу профессора Преображенского, можно сказать, что для того, чтобы произошла цветная революция, майдан должен победить в головах. Гражданин должен утратить ориентиры порядка, юридических, социальных и даже психических норм. Протесты — стать модными, а участие в них — средством самоутверждения. Должно произойти реформирование нормативных смыслов гражданина: «Россия — это страна-террорист»; государственная власть — это коррумпированное зло; политический режим — угроза демократии и свободе; президент и правительство — преступники; национально-территориальное устройство — тюрьма народов, национальных культур и религий; развал России — акт освободительной борьбы; «что мне с обширных наших территорий?»; порядок — это репрессии; согласованный митинг — это позорное соглашательство и предательство; майдан — это свобода.

¹ Стратегия противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года (утв. Президентом РФ 28 ноября 2014 г., Пр-2753) // СПС «Консультант Плюс».

² Доктрина информационной безопасности Российской Федерации (утв. Указом Президента РФ от 5 декабря 2016 г. № 646) // Рос. газ. 2016. 6 дек.

Мы помним, как с началом эпидемии коронавируса часть студентов-медиков уклонились от работы с больными. С началом СВО ряд военнослужащих отказались нести службу на Донбассе. С объявлением мобилизации выстроились очереди из отказников на границах. В сентябре 2022 г. проходил митинг в Махачкале под лозунгом: «Это не наша война!». Порядка 5 тысяч граждан отказались от российского гражданства за 2022 г. Все это примеры реакций малой части наших сограждан. Реакции, которые всегда были и будут проявляться в экстремальных условиях, но которые в норме отвергаются здоровой частью общественного организма, подвергаются презрению и остракизму. Задача политических экстремистов — сделать эти реакции нормативными, массовыми, естественными и желательными. Будущий врач отказывается работать с больными. — «А что здесь такого, почему он должен рисковать своим здоровьем и жизнью?», «Крутой тот, у кого есть деньги, кто смог бы свалить и не стать пушечным мясом», «Героизм — это патология» (А. Гербер) и т. п. Министр иностранных дел Эстонии Урмас Рейнсалу следующим образом прокомментировал ужесточение визового режима для россиян: чтобы хоть «один процент из них взял в руки по бульжнику» и начал «менять» общество¹.

Обращение граждан в свою идеологию предполагает активную пропагандистскую деятельность. Можно выделить два главных источника поиска социальной поддержки экстремистов в современных условиях — это социальные связи и интернет, которые объединила инфраструктура социальных сетей. Если раньше для «хождения в народ» революционеры выбирали заводы и фабрики, рыночные площади, то сегодня главным местом для агитации и пропаганды стали социальные сети. На январь 2022 г. в мире насчитывалось 4,62 млрд пользователей социальных сетей. В рунете — 99 млн человек (67,8% населения). При этом после блокировок зарубежных социальных сетей произошел резкий рост объема создаваемого сетевыми авторами контента (+36% в октябре 2022 г. в сравнении с октябрём 2021 г.) [26]. До 84% современной молодежи не смотрят телевидение, а ориентируются исключительно на информацию из социальных сетей. Естественно, что при таком раскладе «медиаджихад» в социальных сетях стал ведущей деятельностью по вербовке в ряды террористических и экстремистских организаций, а социальные сети выступили основным каналом распространения экстремистской идеологии.

Если для айтишника социальные сети — это веб-сервис, обслуживающий процесс удаленного взаимодействия между людьми и объединяющий пользователей по конкретным признакам, то для психолога — это связи между людьми, стихийный и целенаправленный процесс создания новых связей. А связи — это процесс структурирования и создания новых общностей [37; 39]. Были прецеденты в советской действительности, когда около 5 тысяч фанатов «Спартак» удавалось собрать на площади в течение часа в отсутствие интернета и мобильных телефонов. Не встречались данные о каких-либо строгих экспериментальных проверках того, что сегодня этот процесс может происходить быстрее. Тезис о том, что интернет позволил мгновенно доставлять любую информацию участнику сети, не вполне соответствует реальности. Технически — да, психологически — нет. Возникла проблема: как ориентироваться и фильтровать нужную информацию и как пробиться до пользователя через информационный шум. Эта проблема как раз и решается через организацию многочисленных групп социальной сети.

Сама социальная сеть изначально воспринималась многими пользователями как удобное средство общения, способ преодолеть ограничения пространства и времени и быть в курсе того, как живут и мыслят родственники и друзья. Однако

¹ Непрофессионализм высшей пробы: политолог Корнилов о главе эстонского МИД и «бульжниках» [Электронный ресурс]. URL: <https://politika.media/neprofessionalizm-vysshej-proby-politolog-kornilov-o-glave-estonskogo-mid-i-bulyzhnikah/> (дата обращения: 12.06.2023).

реальные возможности сетей и, вероятно, цели их создателей, вышли далеко за рамки таких бытовых представлений. На сегодняшний день социальная сеть:

- во-первых, стала каналом совместного обсуждения тех или иных событий;
- во-вторых, посредством сети люди стали объединяться в группы интересов соответствующей направленности. Возник сетевой проект формирования и организации гражданского общества, его структурирования [3; 5; 12];
- в-третьих, позиция «что сегодня в топе?» стала источником ориентации и дезориентации сетевого человека. Оказалось большой иллюзией, что в социальных сетях происходит равноценный обмен информацией. Львиная доля контента создается ключевыми спикерами. Есть также профессиональные комментаторы. На долю остальных остается прочтение информации и реагирование;
- в-четвертых, отбор информации — это проявление индоктринации: формирования правильной картины мира, истории, мировоззрения, ценностей;
- в-пятых, для подрастающего поколения социальные сети стали школой и институтом социализации. И новая американская и европейская педагогика, которую пытались активно распространять и у нас, вещала, что не надо запрещать школьникам пользоваться социальными сетями на уроках. Подбор и управление показом соответствующего контента в сети могут направляться на поддержание и формирование убеждений и отношений, воспитание нового человека;
- в-шестых, социальная сеть стала уникальной по охвату и полноте информации исследовательской лабораторией, позволяющей изучать весь спектр реакций общества и человека под микроскопом;
- в-седьмых, возникло понимание того, что социальные сети — это инструмент, предназначенный, прежде всего, на решение задач их создателей. Когда-то информационная безопасность обеспечивалась контролем за повесткой ведущих СМИ, той самой запрещенной Конституцией РФ цензурой. Но много ли сегодняшней молодежи смотрит и читает эти государственные СМИ? На смену государственным приходят сетевые СМИ, для которых, как мы видели, государственные законы и традиционные социальные нормы могут быть и не писаны. И повестку дня в них определяют совсем не рядовые участники. Налицо классическая ситуация перехвата управления у государства.

Изначально формировалось представление о том, что продвигаемый в сети контент — это результат исключительно пользовательских рейтингов. Этакая прямая демократия: смотрим только то, что выбирали сами, похожее на наш выбор, и то, что выбирает большинство. Исследователями легендарнолась «новая цифровая солидарность» как «социальное явление, при котором большие массы людей прибегают к механизму социальной саморегуляции, самосохранения и саморазвития коллективного организма, максимально используя возможности всех членов общества для индивидуального и всеобщего блага» [1, с. 127]. Затем появился тезис о том, что социальным сетям тоже надо зарабатывать, а потому закономерным является продвижение контента тех, кто готов платить.

Теперь начинают открыто говорить о существовании якобы собственной политики сети. Последствием такой политики, как мы помним, была блокировка президента США Д. Трампа в январе 2021 г. Твиттером^{***}, Фейсбуком^{***}, Инстаграмом^{***}, Тик-Током^{**} и др. В свете этого многочисленные теории так называемой «сетевой демократии», разрушающей авторитарный контроль над информацией со стороны власть имущих, традиционные иерархические связи и авторитеты, и представляющей переход взаимодействия людей на новый уровень, вряд ли, стоит воспринимать всерьез. По факту, сетевая демократия — это эффективно управляемая система [13].

Анализ коммуникаций показывает, что социальные сети построили постоянно открытые каналы коммуникации между знакомыми, знакомыми знакомых и незнакомы-

ми людьми. Есть сообщения в социальной сети, которые безразличны другим. И есть сообщения, которые вызывают эмоциональный резонанс: «Вы слышали, что случилось? Кошмар!». Есть картинки, музыка и видео, которые представляют единичный интерес, а есть — те, которые становятся вирусными. Начинается их активная пересылка (репост). В условиях повседневного общения круг участников отклика на событие, которое вызывает резонанс, ограничен пространственно-временными рамками и теми, кто оказался в данное время в данном месте. Обычно, чем ближе к месту событий, тем ярче переживания. Кто-то уловил лишь отголоски события, кому-то его содержание транслировало сарафанное радио. Событие отгремело, и страсти улеглись.

Ситуация в корне изменяется с появлением инфраструктуры социальной сети.

Во-первых, каждый участник сети получил возможность увидеть и услышать все обстоятельства произошедшего события. Налицо оптимизация возможности оперативного получения информации (через потоковое видео (стрим)), стать соучастником событий и источником «вирусного» контента. Раньше эту функцию выполняло только ядро как наиболее эмоционально заряженные ситуативные лидеры заражения. Остальные были свидетелями свидетелей, транслирующими далее полученный эмоциональный заряд. В сетевой толпе все, кто проявил интерес, могут стать непосредственными свидетелями (демонстрация крупных планов) и соответственно ядром заражения, даже отсрочено. Читатель или зритель традиционных СМИ разделяет свою реакцию с малой группой, в основном, знакомых лиц. Онлайн реакция на сообщение в сети (пост) может быть адресована неопределенному и неограниченному кругу лиц, вступивших в открытую группу. Многократные эмоционально окрашенные репосты, комментарии и «лайки» способны запускать механизм эмоционального заражения. Почему-то вспоминая толпу, многие исследователи говорят только об эмоциональном заражении, но есть и когнитивное, и моторное заражение, которые также доступны для передачи в сети.

Во-вторых, событие не сотрется из памяти сети с моментом его завершения. Появляется возможность увидеть и услышать о нем не один раз, а в повторях и, что важно, на самых эмоциогенных фрагментах.

В-третьих, восприятие зрителя в обычной ситуации может быть не готово к бурной эмоциональной и поведенческой реакции. Администраторы сети готовы обеспечить в рамках модерации новостной ленты, чата целый пролог из событий и комментариев, которые подготовят восприятие главного события и усилят его воздействие на сознание реципиентов информации. Те же ресурсы могут использоваться и для продления виртуальной жизни события через включение его в последующие созвучные контексты. При этом сам сетевой подписчик убежден в естественности и спонтанности своих реакций, обычно не рефлексировает и не соотносит их возникновение с вступлением в сетевую группу.

В-четвертых, участник сети получает возможность прочитать, а также услышать и увидеть реакцию других на данное событие. Реакцию, которая может «заводить» не менее, чем само произошедшее событие.

В-пятых, он видит реакцию знакомых и родственных ему людей, что выступает более значимым, с точки зрения заражения, фактором, чем реакция людей незнакомых.

Как результат того, что информация «взорвала» сеть, формируется множество людей, охваченных, во-первых, единой острой реакцией на эту информацию, единичными эмоциями, во-вторых, единичными оценками данной информации и, в-третьих, общей готовностью к действиям — сетевая толпа. И в идеале быстрое лавинообразное вирусное распространение информации должно спровоцировать соответствующее общее поведение.

Показанный на рис. 1 процесс изменения ролей участников сетевой толпы от периферии к ядру напоминает воронку, на входе которой располагается все мно-

жество пользователей сети (канала, группы). Далее по направлению к ядру следуют потенциально заинтересованные такого рода информацией (просматривающие заголовки), пассивно заинтересованные (полностью просматривающие контент и реакции на него других участников) и активно вовлеченные (выражающие собственные реакции, производящие репосты и заражающие других данным контентом и реакцией на него, участвующие в обсуждении эмоций и оценок). Ядром сетевой толпы становятся участники, планирующие и призывающие к возможным действиям, готовые присоединиться к совместным действиям и переходящие от слов и эмоций к конкретным совместным действиям за пределами социальной сети (в офлайн).

В отличие от классической толпы участники сетевой толпы разделены в пространстве и во времени. У собравшихся людей всегда есть цикл естественных потребностей, дела, семья, которые определяют временные границы их пребывания в обычной толпе. Пребывание в сетевой толпе организуется в удобном для участника режиме, регулярно, ритмично и с расчетом на долгосрочную перспективу. Сетевая толпа открыта для людей из самых удаленных мест и позволяет обходить традиционные пространственно-временные ограничения [38].

Участники сетевой толпы воспринимают друг друга опосредованно через сетевую инфраструктуру. Сетевая толпа может перетекать из онлайн в офлайн или существовать одновременно в двух агрегатных состояниях. Здесь нет сложившейся структуры отношений, многие участники неизвестны друг для друга, состав варьируется. Это не социальная группа со сложившимися ролями и иерархией и не коллектив, собравшийся для обсуждения. Общее внимание участников сетевой толпы привлекает и удерживает предьявляемый контент (рис. 2 а). Событие, инфоповод воспринимаются участниками как ситуация удовлетворения или угрозы удовлетворения актуальной потребности, а соответственно, вызывают множество различных оценок и эмоций (обозначенных на рисунке как R1-R5). На этом пункте в подавляющем большинстве случаев сетевой процесс брожения умов и эмоций и заканчивается. Есть лишь частные интеракции. Пошумели и разошлись.

Нужно какое-то экстраординарное событие, которое настолько эмоционально вовлечет участников, что сделает из них стихийных лидеров заражения. Такими были события пожара в ТРК «Зимняя вишня» в г. Кемерово в 2018 г., в ходе которых был инициирован вброс информации о сотнях погибших детей. Таким был март 2020 г. в России, когда объявление самоизоляции привело к паническим настроениям, — событие, которое спровоцирует единую оценку и общий эмоциональный настрой.

Стихийные лидеры заражения (единой реакцией R) образуют ядро сетевой толпы (рис. 2b). Заражение проходит определенное количество циклов («сеть бомбит»), формируя множество людей, охваченных единым настроением («так думают и чувствуют все») и готовых к реализации соответствующего поведения в офлайн.

Стихийная сетевая толпа — это кратковременный эпизод в жизни участников сети, существующий до тех пор, пока не закончится отреагирование происшествия. Если обычная активность на форуме исчисляется 40–60 сообщений за вечер, то здесь по эмоциогенному поводу их количество может мгновенно вырастать на порядок. Для обычных форумов такой эпизод представляет собой скорее исключение, случившееся по недосмотру сетевого администратора.

Иное дело — это организованная сетевая толпа.

Для внешнего наблюдателя акции умных толп разворачиваются внезапно и беспричинно. Мы помним, как в 2010-х годах пытались создать моду на новую молодежную забаву флешмобов. В назначенное время в назначенном месте люди начинают выполнять одинаковые движения, что-то скандировать, петь. Через небольшой про-

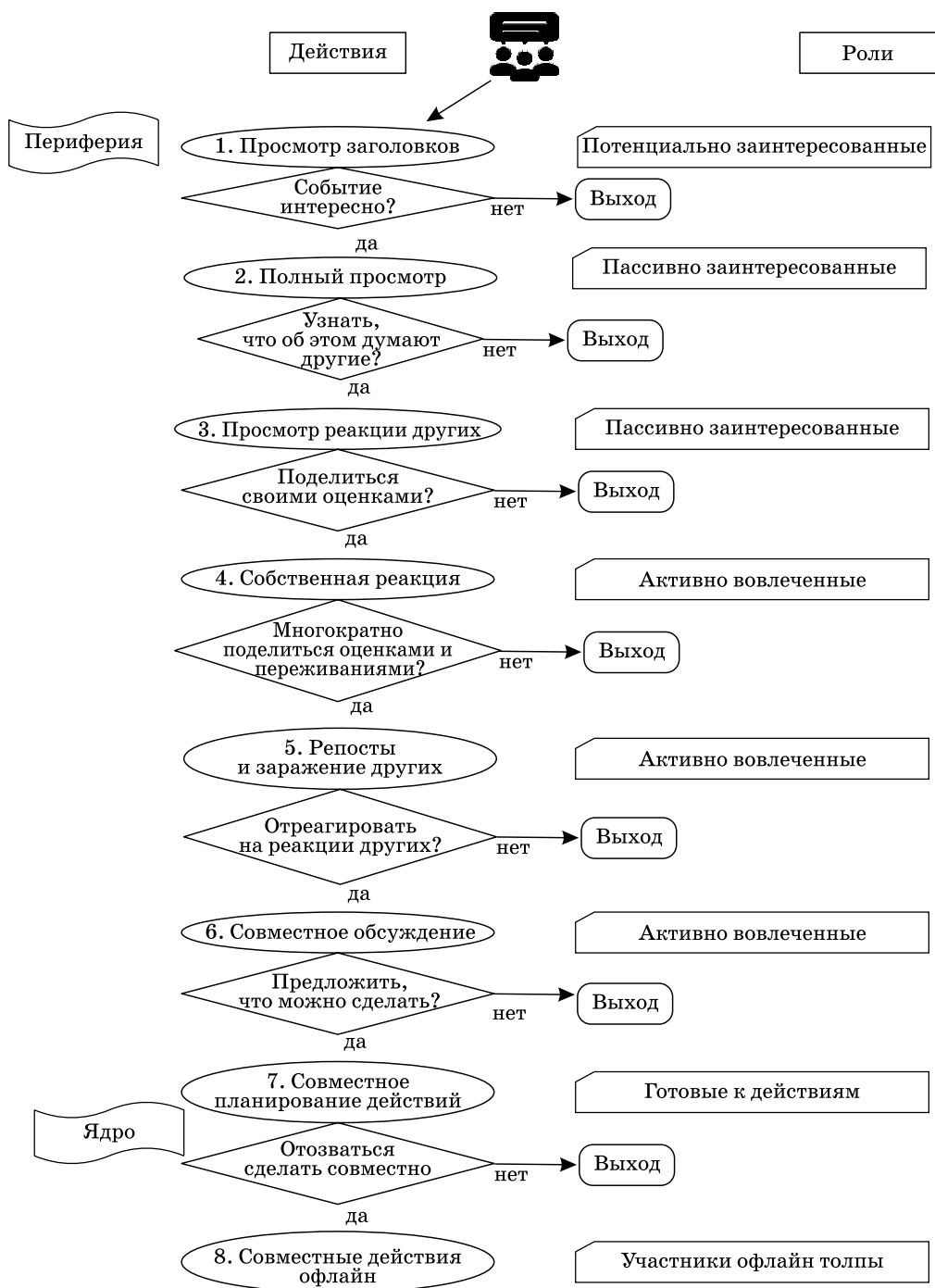

Рис. 1. Изменение ролей участников сетевой толпы
 Fig. 1. Changing the Roles of Network Crowd Members

межуток времени все расходятся также внезапно, как и собрались. Фактически за этим стояла апробация технологии сетевой социальной организации, которая разрабатывалась естественно и в расчете на социально-политическое воздействие. На западе сформировалось целое направление социальной физики, которая исследовала связи между представлением информации в сети и поведением воспринимающих ее людей. Социальную физику интересовали стимулы, вызывающие изменения в алгоритме взаимодействия между участниками сети, усвоение новых стратегий через наблюдение за поведением других людей, формирование и изменение убеждений на основе наблюдений и др. [22].

Технология сетевой социальной организации развивалась коммерческими, военными, социально-политическими организациями, которые рассчитывали с ее помощью имитировать события и/или острую реакцию на них, осуществлять раскрутку нужной темы, организовывать посты и обсуждение, нагнетающие эмоции и формирующие видимость единой позиции или конфликта¹.

Для коммерческих структур было интересно создавать популярность и ажиотаж для максимизации сбыта своей продукции. Ставка делалась на то, что реальный мир начнет вследствие повсеместного распространения новых технологий проигрывать в сознании современника сетевой реальности. А сетевая реальность будет трансформировать индивидуальное, групповое, национальное сознание, а через него и социум, и государство.

В сетевой реальности увидели свой шанс и различные экстремистские и террористические организации, заявившие, что «медиа — это половина джихада». Ставка делалась на так называемые тактические медиа как малозатратные и технологичные средства коммуникации, создаваемые для проведения политических кампаний и акций, продвижения протестных настроений, идей инакомыслия и бунта, а также формирования сетей или акций в киберпространстве.

Попав на интернет-страницы экстремистского телеграм-канала**, пользователь

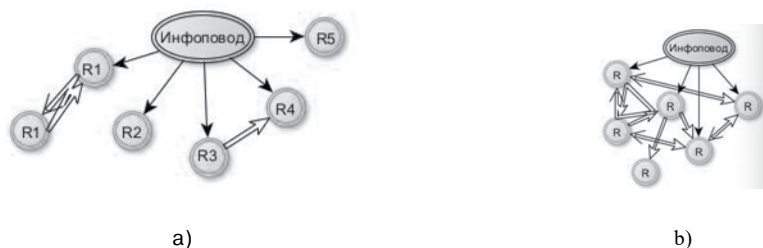

Рис. 2. Реакции и взаимодействия участников сетевых групп (а), стихийной сетевой толпы (б)
Fig. 2. Reactions and interactions of members of network groups (a), spontaneous network crowd (b)

¹ В журналистском расследовании украинского информационного издания «Голос Правды» от 13 ноября 2021 г. полковник СБУ в запасе Владимир Мулык рассказал о том, что украинские спецслужбы арендуют у «XServer», «Selectel», «Promtelecom» и других компаний сервера, на которых создаются виртуальные пользователи. «Новые виртуальные украинцы» ведут себя как живые люди, чтобы обходить всевозможные средства защиты. Они публикуют посты, комментарии, ведут страницу в соцсетях, YouTube-канал*. Согласно проведенному в 2021 г. исследованию активности ботов на Facebook-страницах украинских медиа с наибольшим количеством подписчиков из Украины, наиболее активными оказались боты на страницах следующих СМИ: Obozrevatel** (34,7%), УНІАН** (30,6%) и Українська правда** (28,8%), а также РБК-Україна**, Gazeta.ua**, Цензор.Net.** Источник: Как украинские власти защищают Сеть от негодных? [Электронный ресурс]. URL: <https://cpk.minsk.by/tpost/06h7ztz6z1-kak-ukrainskie-vlasti-zachischayut-set-o> (дата обращения: 20.08.2023).

вдруг узнает, что в протест якобы включились десятки — сотни тысяч — миллионы, что у нас в стране «полным ходом идет партизанская война», «тысячи добровольцев формируют национально-освободительные дивизии», «пускают под откос поезда с вооружением», готовятся референдумы о признании независимости Дагестана, Татарстана, Башкортостана, Тувы, Бурятии, Ингрии. «Россия стоит на пороге гражданской войны», помешать которой «может только полная и контролируемая Деконструкция России». И все сообщения каналов только об этом. Мало ли бреда в интернете? — возразит разумный скептик. Кто же этому поверит? А когда в реальности этих событий вас начинают мягко убеждать участники сети, много участников (часть из которых, возможно, является виртуальными ботами), группа участников, толпа, возникает (вопреки Г. Рейнгольду и Д. Шуровьески) эффект той самой лебоновской толпы, подобно секте конструирующий в сознании неопита убежденность в абсолютной истинности разделяемой с другими участниками сетевой реальности. То есть, здесь речь идет о качественно новой технологии продвижения фейков: множество постов, обсуждений, каких-то доказательств, эмоциональных реакций — это уже задействование групповых механизмов управления восприятием фейковой реальности (социально-психологического конформизма).

Сравните собственные впечатления от информации о том, что 7 февраля 2019 г. в Красносельском районе Санкт-Петербурга наблюдался запах газа и от дискуссии на тему данного инфоповода, развернувшейся в социальной сети ВК (рис. 3). Высказывания «лежим второй день пластом, почки отваливаются капитально», «дышим, будем болеть», «девочка беременная надышалась, сознание потеряла, неизвестно, как на ребеночка повлияло» заставляют усомниться в мере искренности их авторов. С большой вероятностью это не плод свертревожности, а игра на публику. Заметим, что данные пассажи направлены на разыгрывание социального возмущения («Безобразия!», «Да что же это такое?») и стимулирование панических настроений. Жанр живого обсуждения жизненных историй реальных людей способен создавать у читателя убежденность в реальности предмета группового обсуждения (переживаемых эмоций и критических последствий запаха газа). А далее, по вероятному замыслу, эти истории вкупе с эмоциями должны стать волной возмущения горожан. То есть, сам по себе контент без соответствующей подготовки реципиентов информации не работает. Нужны лидеры заражения, сети заражения, нужна команда, которая будет разгонять соответствующие настроения.

Таким образом, формирование организованной сетевой толпы связано с управлением следующим множеством параметров: управлением контентом для создания эмоционального резонанса, управлением группами, разгоняющими информацию по социальным сетям и управление лидерами заражения, разгоняющими эмоциональный отклик среди участников социальных сетей. Рассмотрим более подробно каждый из них.

Управление контентом для создания эмоционального резонанса. Сетевая инфраструктура — это алгоритмы анализа, отбора, продвижения соответствующей информации. Это не просто набор случайных картинок и постов. Это борьба за внимание и удержание интереса пользователя. Залогом ее успешности является использование Больших Данных, дающих полную картину сетевого поведения: это искали, это кликнули, это досмотрели, это «лайкнули», а этим поделились. Фабрикуемые материалы оставляют у обывателя впечатление 100% документальности и не оставляют шансов на альтернативные выводы.

За деятельностью отдельных экстремистских групп в социальных сетях может стоять целый виртуальный мобилизационный центр, который через чаты, блоги, форумы, телеграм-каналы, группы организует работу с сетевыми технологиями. Для этого привлекаются топовые журналисты, блогеры, кибердиссиденты, которые

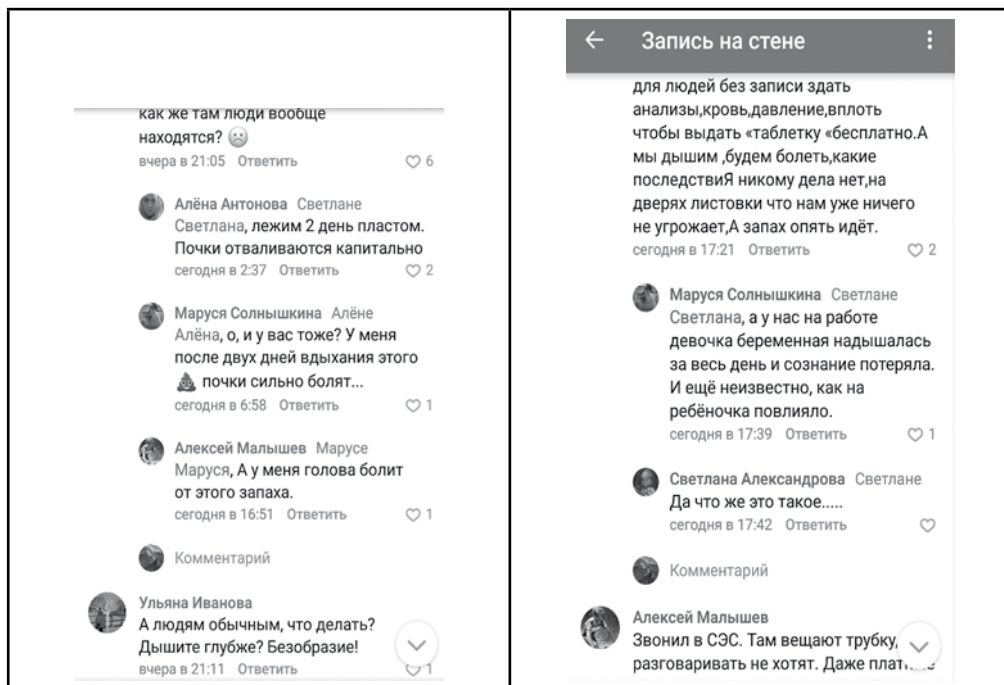

Рис. 3. Обсуждение запаха газа в ВК от 07.02.2019
Fig. 3. Discussion of gas odor in VC from 07.02.2019

уже зарекомендовали себя как лидеры. Выделилось целое направление — цифровой активизм — работа с сетевыми технологиями для организации протестов.

Выполненная Е. А. Рабчевским и А. Н. Рабчевским на основании авторских технологий анализа статистика аудитории сети «ВКонтакте» по информационным поводам «Дворец Путина» для России и «Живе Беларусь» для Белоруссии представлена в табл.

Как мы видим, в протестный дискурс с выходом фильма А. Навального о дворце Путина в сети ВК было вовлечено 35 505 человек в России, которыми было опубликовано 61 967 материалов.

Управление группами, разгоняющими информацию по социальным сетям, начинается с отбора участников, которых привлечет данный контент. Цифровые следы пользователя (история поисков и просмотров, реакции, рекомендации, комментарии, посты и репосты) отражают его профессиональные и личные интересы, ценности, установки, потребности, отношения и взаимодействия. Их использование гарантирует, что люди, собирающиеся в организованную сетевую толпу, как минимум, не случайны. Сходство цифровых следов — это средство структурирования отношений и формирования микрогрупп в сети. Также сетевые технологии — это активное использование цепочек поиска нужных людей: возможно твой лучший друг рассказывал, что у его знакомого есть друг, очень увлеченный этой темой...

Множество пользователей социальной сети искусственный интеллект дифференцирует по характеру просматриваемого контента и структурирует в микрогруппы на основе анализа личной истории участников сети. Возможность выбора (до недавнего времени) полной анонимности, замена имени ником и фото аватаром создавали у участников сетевого маскарада чувство неограниченной привычными

Статистика аудитории сети «ВКонтакте» по информационным поводам «Дворец Путина» и «Живе Беларусь»
 Table. Statistics of the audience of the VKontakte network on information reasons “Putin’s Palace” and “Live Belarus”

Параметр	Нарратив «Дворец Путина»	Нарратив «Живе Беларусь»
Количество вовлеченных пользователей	35 502	28 447
Количество опубликованных материалов	61 967	42 148

Источник: [23].

ролями свободы поведения, неузнанности, безопасности, безнаказанности и безответственности.

Фильтром отбора в сетевую толпу выступает событие, инфоповод, которое должно захватить внимание участников. Событие в технологии формирования организованной сетевой толпы — это то, что должно переполнить и взорвать чашу терпения участников: «золотой унитаз В. Януковича», «жертва Кремля», «дворцы В. Путина», клоун к краске и повязке, изображающий жертву режима. Событие — это всегда задание соответствующего контекста восприятия и многократная экспозиция релевантного контента, направленного на управление вниманием и эмоциями.

Применительно к экстремистской сетевой толпе этот фильтр настроен на отбор сердитой и агрессивной молодежи, стремящейся свести счеты с кем-либо, обиженной и готовой выпускать пар, мстить. Посмотрите анонсы протестов 23 января 2021 г.: «Будет кровь. Будет боль. Будут крики. Будет страшно...», «счастливых голодных игр», «мальчики, в армию не забирают, если у вас имеется судимость». В них прослеживается явная установка на то, чем заниматься на митинге и кого это должно привлечь. Здесь, как на футбольных матчах, куда одних привлекала любимая игра, а других — драка. Предупреждение по форме является приглашением тех, кто настроен на драку по факту. Посты телеграм-канала «Утро Дагестана» содержали уже нескрываемые прямые призывы к совершению насилия и обращались к старшеклассникам: «1) Если вас мало, то вы перекрываете пересечения улиц любых в центре и удерживаете сколько можете. Повторюсь — можете рубиться с мусорами, если вас начнут провоцировать — вам все простят! Возраст! А цена вопроса ЖИЗНИ И СМЕРТИ 1000 Дагестанцев! Стоит того!! 2) Если вас реально много собралось, то перекрывайте улицу и двигайтесь в сторону площади!».

Композиция воздействия, которая должна усилить его эффект, складывается из следующих компонентов:

- 1) композиции контента. Презентация события — это функция контекста его восприятия. К любому самому эмоциональному стимулу возникает привыкание, поэтому необходимо обновление контента в определенном ритме. Есть смена планов экспозиции события, есть смежные и похожие события, которые позволяют усиливать требуемое воздействие;
- 2) композиции реакций лидеров заражения на контент. Отбираются заразные субъекты требуемой реакции, определяются подходящие типы реакций, продумывается их контекст и последовательность для усиления воздействия;
- 3) композиции единой массовой реакции на контент. С этой целью демонстрируются соответствующие массовки или результаты опросов общественного мнения;

4) композиции образа врага как выразителя противоположной позиции. Отмечены проявления сетевой травли (буллинга) в отношении сторонников вражеских нарративов.

В результате правильной композиции складывается система отбора и чередования идеальных стимулов воздействия для целевой аудитории, в пределе состоящей из одного человека, на основе анализа его сетевого анамнеза.

Эффективная презентация событий должна спровоцировать множество бурных реакций, из которых надлежит выбрать правильные. Осуществляется отбор подходящих типов реакции, ярких субъектов таких реакций, продумываются композиции реакций, которые смогут обеспечить эмоциональный резонанс. Для того чтобы правильная реакция состоялась, важно сформировать иммунитет против возможных негативных ожидаемых последствий, провести работу с контраргументами и возражениями близких и знакомых. Поэтому, «отчислят из института — не беда», так как «высшее образование в твоей стране помойное, а все из-за Путина». «Поставят на учет в комнату милиции» — это «вообще ни на что не влияет», с мамой про политику лучше не говорить — «это бесполезно». Зато в отличие от сверстников, занятых непонятно чем, — ты занят великим делом, «борешься за будущее страны».

Разброс эмоциональных реакций, вариативность в понимании, стремящиеся в данном случае к нулю, свидетельствуют о том, что цифровая личность и индивидуальность участников сетевой организованной толпы заменяются общим знаменателем единых эмоций и мнений. То есть налицо деперсонализация (обезличивание). Экстремистская сетевая толпа объединена отношением к государству и его сторонникам как объекту ненависти. Единственные допускаемые здесь мнения и реакции — те, которые должны побудить участников сетевой толпы к участию в массовых беспорядках, протестах и революции.

Управление лидерами заражения, разгоняющими эмоциональный отклик среди участников социальных сетей. Генератором возбуждения сетевой организованной толпы, ее ядром, готовым распространять, подогревать, усиливать и демонстрировать личным примером куда направлять возникшие возмущение, негодование, ненависть, злобу, агрессию и надежду, являются, конечно, лидеры заражения. Таких лидеров разыскивают, покупают и готовят, подбирают из истории. Для них формируется соответствующий имидж и героика: «герой нашего времени», дерущийся с полицией, «символы моей страны», «у силы есть лица», герои фэнтези, потомки декабристов, борцы за правду и т. п. Заразительность примера должна создавать волну подражателей, что облегчается в сетевой толпе подбором людей соответствующей направленности и эмоциональной раскачкой участников толпы.

Последователи экстремистских идеалов нуждаются не только в примере, который их «вдохновит», но и в ситуации, которая подтолкнет и сделает невозможным иное развитие событий. Инсценировкой подталкивающих событий в организованной сетевой толпе особо занимаются провокаторы. Классический пример провокации — «задержание ребенка». Другой пример — задержание родителей, ребенок остается один: «Сказали, что их посадят. Родителей посадят. Что власть ругать нельзя. Там семья аполитичная. Девочка ничего и не знала». «Мне подруга написала вот это и мне буквально захотелось разреветься. Россия? Нет, б... четвертый рейх».

Всем понятно, что надо делать с таким государством? Это и есть суть провокации. Идея облекается в убедительную историю, которую должны пересказывать из уст в уста, наполняясь соответствующим зарядом эмоций в отношении государства.

Максимальное количество постов приходится на день выхода сетевой толпы в офлайн. Каждый пост — это психологическая поддержка и раскачка участников.

Лидеры заражения должны обеспечить максимальное распространение единых оценок, переживаний, поступков.

По данным Е. А. Рабчевского и А. Н. Рабчевского из 35 502 участников, вовлеченных в сетевую толпу под инфоповодом «Дворец Путина», только 500 (1,4%) имели значимое количество публикаций. Из них только первые 100 пользователей имеют уровень активности выше 20 публикаций. Оставшиеся 34,5 тыс. пользователей имели крайне низкую активность. Выявлено 32 наиболее влиятельных пользователя, работающих по инфоповоду «Дворец Путина» и 103 — по инфоповоду «Живе Беларусь» [23].

Через лидеров осуществляется организация сетей заражения, по которым будет распространяться кольцевая реакция. Стихийный вариант — это ставка на случай: какова будет интенсивность полученного заряда и пойдет ли он дальше или в силу обстоятельств сеть заражения затухнет и прервется. Иное дело, когда работает команда лидеров мнений, разгоняющая общую повестку по разным каналам, форумам и регионам, в разных формах, в определенном ритме, последовательности с задачей максимально широкого охвата аудитории и формирования толпы, готовой к выходу на «марш миллионов».

Идеальным вариантом организации сетей заражения является самоорганизация, а ее эффективным инструментом — игра. К увлекательной игре участники присоединяются сами, на пике популярности может возникнуть игровой бум с массовым вовлечением. Эксперименты со сценариями борьбы с властью, которые могут быть облечены в игровую форму, различные модификации офлайн квестов, герои которых соревнуются между собой в выполнении заданий возрастающего уровня сложности: «Сломай систему!» — это попытки организации среди подростков сетей заражения идеологией политического экстремизма. На первом этапе подростки убеждают в эффективности протеста как способа решения проблем: просто скажи «я против»! На втором — организуют опыт совместного участия в интересном и повышающем самооценку подростка мероприятии — протесте. А дальше предлагают выделиться своим «игровым» вкладом в дело протеста.

Организованная сетевая толпа стала технологией перехода от обсуждения и эмоционального отреагирования отобранного контента, через управление восприятием и интенсивностью эмоциональных переживаний, организацию сетей заражения идеями, переживаниями, поступками к утверждению в сознании участников новой, в том числе и фейковой реальности и их мобилизации для совершения массовых действий в офлайн.

Выводы

Методы, используемые для обеспечения общественной безопасности и правопорядка при работе с традиционной протестной, агрессивной или панической толпой, не могут обеспечить желаемую эффективность в случаях, когда субъектом массовых беспорядков становится организованная сетевая толпа. Нужны качественно иные подходы.

Сетевая толпа превратилась в инструмент конструирования воспринимаемой ее участниками реальности, формирования идентичности, групповых мнений и настроений с претензией на массовый охват аудитории.

Сетевая толпа может создавать для подрастающего поколения особую среду информационно-психологического воздействия, напоминающую секту. Участники сетевой группы превращаются в группу поддержки, образец правильных отношений и взглядов, лидеры — в гуру, призывающих к освобождению от диктата репрессивной власти через совершение поступков, нарушающих социальные и юридические нормы. Влияние прежних авторитетов осмеивается. Возникает классическая

ситуация ресоциализации. Как следствие, молодежь сознательно нарушает нормы, идет на преступление, будучи убежденной в том, что творит благое дело и будучи поддержана в этом другими участниками сети. Те же задержанные А. Навальный в России и Р. Протасевич в Белоруссии воспринимали свою профессиональную деятельность как аморальную и преступную? Многие ли в молодежной среде воспринимали их в таком качестве?

Активных участников всегда несоизмеримо меньше, чем молчаливой и лайкающей группы поддержки. Есть статистика, показывающая процент людей, готовых после адресных призывов выходить в офлайн. Другое дело, когда появляется активная и взаимно заражающая участников сетевая среда. Среда, которая становится референтной. Результат здесь — это и множество мелких сдвигов, находящихся в области индивидуального развития. Начал вспоминать о людях, акциях, слоганах, картинках — это тоже изменение, запоминается значимое. Важно то, что организованная сетевая толпа работает на долгосрочную перспективу. Это процесс формирования и поддержания постоянно действующей виртуальной среды, обеспечивающей медленно происходящие изменения в оценках, убеждениях, ценностях ее участников и их распространение. Поэтому представление о том, что знакомство в социальных сетях с экстремистскими материалами в единичных случаях приводит к следованию соответствующим инструкциям, а потому не представляет особых угроз, представляется упрощенным.

Сетевая толпа нашего времени стала организованной и обрела свойства субъектности. Наличие управляющего звена и групп в составе сетевой толпы позволяет вовлекать новых сторонников в соответствующую деятельность, отыскивать нужных людей, средства через многочисленные цепочки знакомых. Организованная деятельность участников сети может включать в себя совместное решение задач с использованием интеллектуального и организационного ресурса членов сетевой группы (коллективный разум, творчество, технологии краудсорсинга). Как отмечают А. Г. Караяни, Ю. М. Караяни, С. В. Цыганков, коммуникатор должен вдохновить добровольцев на создание соответствующего информационного продукта [15]. «„Лайковая психология“, жажда людей прославиться любым способом, в одночасье, не прилагая значительных усилий, создает широкую базу» для организации таких желающих. «добровольцев» в информационно-психологическом противоборстве. «Среди этих людей могут быть талантливые, творческие, авторитетные, а главное, „свои“ люди. Представленность среди участников коммуникационных сетей разных социальных групп создает видимость, что в сообщениях звучит „глас народа“, выражающий его интересы» [15]. Но это уже психология группы, а не толпы.

Раньше шанс попасть в толпу был только на улице. Сегодня такая возможность стала постоянной посредством интернета, социальных сетей и мессенджеров. Появились люди, стойко отдающие предпочтение виртуальному миру в ущерб семье, друзьям вплоть до образования соответствующих форм зависимости. Происходит ослабление традиционных социальных связей, разрушение социальных и даже психических норм. Сверхценность свободного и никому ничего не обязанного Я приводит к углублению процесса атомизации общества, нивелированию ценности сильных связей с близкими людьми, переориентации на слабые ситуативные связи с незнакомыми людьми в сети.

Мы помним, как во время перестройки говорили о необходимости разрушения совкового типа личности с приматом коллективного над частным, вытаскивания человека из среды тоталитарных демонстраций, митингов, парадов, освобождения индивидуальности от социального давления. И в чем же выразилась сегодня эта индивидуальность? В каком творчестве? В идентичности потребителя крутых брендов? В «чувствуй, делай, покупай, думай как крутой тиктокер»? Это и есть объек-

тивные предпосылки к формированию роли современника как человека сетевой толпы, которые важно воспринимать как вызов.

Заключение

Что представляется важным сделать в этой связи?

1. Сетевая толпа превращается в угрозу, когда она становится средством индуцирования разрушительных эмоций, стимулирования и тиражирования деструктивных образцов поведения, индоктринации деструктивными идеологиями, инфраструктурой выстроенных связей для осуществления деструктивной деятельности. Психическое заражение — это древнейший психологический механизм, возникающий среди собравшихся людей в определенных обстоятельствах. Он может приводить к распространению тревоги, страха, паники, отчаяния, безысходности, ненависти, злобы, агрессии. Именно в этом эмоциональном поле самореализуются те лидеры заражения и рядовые пользователи, которые проявляют инициативу в продвижении экстремистской идеологии. Но психическое заражение может быть и механизмом передачи оптимизма, уверенности, интереса, симпатии, уважения, вдохновения, увлеченности. Представляется, что в этом направлении необходимо работать над управлением сетевой толпой. Не экстремистские лидеры, идеалы и практики должны быть объектами психического заражения, а герои, национальные ритуалы, образовательные и воспитательные практики, несущие нормативный заряд. Организация сетей заражения должна работать на утверждение и обеспечение правопорядка и общественной безопасности.

2. Нормативные акты важны, но сами по себе не изменяют ситуацию в отношении противодействия экстремистской идеологии. Для этого нужно работать с общественным и групповым мнением, эмоциями, формирующимися в социальных сетях. Важно создать единое негативное отношение к различным формам отклоняющегося поведения. Страх утраты доверия должен стать важнейшим внутренним регулятором поведения гражданина. Тогда «мавроди» будут становиться социальными изгоями, а не депутатами.

3. Угроза информационному суверенитету возникает вследствие вынужденной игры на чужой территории и по навязанным правилам. Красивая, удобная оболочка и богатые коллекции всевозможного контента могут быть средством вовлечения граждан во вражескую, в том числе экстремистскую идеологию. Необходимо создавать сетевые информационные площадки (коллекции фильмов, книг, игр, картин, фотографий, юмора, музыки...), которые будут играть по нашим правилам и также использовать их для продвижения национальной культуры и традиционных ценностей. Еще в большей степени это касается продвижения отечественных энциклопедий и словарей. У нас были отличные мультимедийные проекты «Кирилла и Мефодия». Фактически же российским пользователям доступна только Википедия.

4. Для того чтобы работать с детьми в детском саду, школе, с подростками — в колледже, институте, необходимо иметь соответствующее образование, справку об отсутствии судимости и др. Для работы в социальных сетях с молодежью ничего не нужно. Информирование, развлечение — это ответственные задачи по адекватной ориентации и воспитанию, которые могут приводить к дезориентации и деморализации граждан и общества, они не могут быть доверены непрофессионалам. Сфера развлечения должна стать неотъемлемой частью реализуемой государством культурной политики по воспитанию национальных ценностей.

5. Социальная сеть, которая нужна нашим детям и подросткам, должна стать аналогом дворцов пионеров, в которых решалась задача всестороннего формиро-

вания и развития личности. Социальная сеть должна вовлекать во всевозможные кружки и секции, реализующие творческие программы физического, художественного... воспитания, которые наконец-то начали появляться в ВК. Эти кружки, возглавляемые творческими педагогами, должны конкурировать между собой за интерес детей и подростков и сообразно результатам своей деятельности получать государственную поддержку для обеспечения максимальной доступности. Когда эти группы станут ведущими и охватят внимание подавляющей части своей целевой аудитории, тогда и проблема защиты от вовлечения в экстремистскую идеологию станет значительно менее острой.

*Роскомнадзор: сайт нарушает законодательство РФ.

**Роскомнадзор: иностранный владелец ресурса нарушает закон РФ.

***Принадлежат компании Meta, признанной экстремистской и запрещенной на территории России.

Литература

1. Артамонов Д. С. «Реабилитация» толпы: этика поведения в сетевом пространстве // Стратегические коммуникации в современном мире. Саратов : Издательство «Саратовский источник», 2018. С. 683–691.
2. Бааль Н. Б. Политический экстремизм российской молодежи и технологии его преодоления: автореф. дис. д-ра политич. наук. Н. Новгород, 2012. 42 с.
3. Бондаренко С. В. Социальная структура виртуальных сетевых сообществ. Ростов-на-Дону : Издательство РГУ, 2004. 320 с.
4. Винник В. Д. Социальные сети как феномен организации общества: сущность и подходы к использованию и мониторинга // Философия науки. 2012. № 4 (55). С. 110–126.
5. Гапич А. Э., Лушников Д. А. Технологии цветных революций. М. : Инфра-М, 2014.
6. Губанов Д. А. «Социальные сети: модели информационного влияния, управления и противоборства» / Д. А. Губанов, Д. А. Новиков, А. Чхартишвили. М. : Издательство физико-математической литературы, 2010. 228 с.
7. Докука С. В. Коммуникация в социальных онлайн-сетях как фактор протестной мобилизации в России : дис. ... канд. социол. наук. М., 2014.
8. Забарин А. В. К проблеме информационного терроризма в социальных сетях // Медийные стратегии современного мира: Материалы одиннадцатой международной научно-практической конференции, Сочи, 01–04 ноября 2017 г. Сочи : Кубанский государственный университет, 2017. С. 62–64.
9. Забарин А. В. Психологические основания информационной войны / А. В. Забарин, А. И. Ватулин // Информационные войны. 2018. № 1 (45). С. 38–44.
10. Забарин А. В. Психология толпы и массовых беспорядков. М. : Юрайт, 2017. 211 с.
11. Зорина Е. Г. Информационный суверенитет современного государства и основные инструменты его обеспечения // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2017. Т. 17. Вып. 3. С. 345–348.
12. Злоказов К. В. Радикализация представлений молодежи о роли религии в обществе методами когнитивной войны / К. В. Злоказов, А. Г. Караяни, Н. С. Прокурова // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2022. Т. 27, № 3(90). С. 246–256.
13. Кастельс М. Галактика Интернет: Размышления об Интернете, бизнесе и обществе. Екатеринбург : У-Фактория, 2004. 328 с.
14. Ковальчук М. В. «Гибридно-информационные угрозы, технологии противодействия: Круглый стол «Психологическая оборона» «Борьба за историю — борьба за будущее» на Международном военно-техническом форуме «Армия-2021» [Электронный ресурс]. URL: https://www.rusarmyexpo.ru/business_program/4096/40470.html (дата обращения: 11.04.2023).
15. Караяни А. Г., Караяни Ю. М., Цыганков С. В. Использование краудсорсинговых технологий в информационно-психологическом противоборстве в социальных сетях // Военный академический журнал. 2018. № 1 (17). С. 75–82.
16. Караяни А. Г., Караяни Ю. М., Цыганков С. В. Мессенджер как орудие гибридной войны. Психология и педагогика служебной деятельности. 04.2020. С. 172–174.

17. Кашпур В. В., Чудинов С. И., Щекотин Е. В., Барышев А. А. Мундриевская Ю. О. Методологические проблемы идентификации экстремистских онлайн сообществ в социальных сетях (на примере компаративного анализа праворадикальных и исламистских сообществ) // Современные системы безопасности. Антитеррор : материалы конгрессной части XIV Всероссийского специализированного форума (30–31 мая 2017 г.) Красноярск : СибЮИ МВД России, 2018. С. 7–10.
18. Леонова О. Г. Алгоритм реализации стратегии «управляемого хаоса» // Информационные войны. 2018. № 2 (46). С. 38–45.
19. Малакаев О. С. Экстремизм в социальных сетях // Вестник Института комплексных исследований аридных территорий. 2018. № 2 (37). С. 83–86.
20. Невесенко Е. Д. Влияние виртуальных сетевых сообществ и сети интернет на развитие социальной активности молодежи : автореф. дис. ... канд. социол. наук. СПб., 2014.
21. Новек Б. Wiki-правительство: Как технологии могут сделать власть лучше, демократию — сильнее, а граждан — влиятельнее. Москва : «Альпина Паблишер», 2012. 141 с.
22. Пентленд А. Социальная физика. Как распространяются хорошие идеи: уроки новой науки. Москва : АСТ, 2018. 351 с.
23. Рабчевский Е. А., Рабчевский А. Н. О некоторых аспектах структур пропаганды политического протеста в социальных сетях [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-nekotoryh-aspektah-struktur-propagandy-politicheskogo-protesta-v-sotsialnyh-setyah?ysclid=lp8g3pwzom406775039> (дата обращения: 10.03.2022).
24. Расторгуев С. П., Литвиненко М. В. Информационные операции в сети Интернет. М. : АНО ЦСОиП, 2014. 128 с.
25. Рейнгольд Г. Умная толпа : новая социальная революция. М. : «Фаир-пресс», 2006. 416 с.
26. Социальные сети в России: цифры и тренды, осень 2022 [Электронный ресурс]. URL: <https://br-analytics.ru/blog/social-media-russia-2022/?ysclid=ley8wefwuo258486340> (дата обращения: 21.02.2023).
27. Сундиев И. Ю. Молодежные экстремистские организации: традиции и новые информационные технологии (криминологическая экспозиция явления) // Научный портал МВД России. 2009. № 4 (8). С. 68–76.
28. Сундиев И. Ю., Смирнов А. А. Использование информационных сетей в экстремистской и террористической деятельности // Научный портал МВД России. 2014. № 1 (25). С. 84–91.
29. Тапскотт Д., Уильямс Э. Д. Викиномика. Как массовое сотрудничество изменяет всё. М. : «Best Business Books», 2008. 271 с.
30. Ушкин С. Г. Теоретико-методологические подходы к изучению сетевой протестной активности: от «умной толпы» к «слактивизму» // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2015. № 3. С. 3–11.
31. Хау Дж. Краудсорсинг. Коллективный разум как инструмент развития бизнеса. М. : «Альпина Паблишер», 2012. 288 с.
32. Щекотин Е. В. Феномен «атомарной гражданской войны»: терроризм одиночек как вызов современному миру // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2016. № 12 (74): в 3-х ч. Ч. 2. С. 214–216.
33. Шуровьески Д. Мудрость толпы. Почему вместе мы умнее, чем поодиночке, и как коллективный разум влияет на бизнес, экономику, общество и государство. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2014 320 с.
34. *198 methods of nonviolent action from The Politics of Nonviolent Action by Gene Sharp.* Boston : Porter Sargent, 1973.
35. *An integrated approach to crowd psychology and public order policing / Stephen Reicher, Clifford Stott, Patrick Cronin, Otto Adang* // Policing. 2004. Vol. 27. N 4. P. 558–572.
36. *An integration of enhanced social force and crowd control models for high-density crowd simulation / H. Kolivand, M.Sh. Rahim, M.Sh. Sunar [et al.]* // Neural Computing & Applications. 2021. Vol. 33. N 11. P. 6095–6117.
37. *Cross J.R. The Challenge of Adolescent Crowd Research: Defining the Crowd / J.R. Cross, K.L. Fletcher* // Journal of Youth and Adolescence. 2009. Vol. 38. N 6. P. 747–764.
38. *Gordon T.M. Crowd out or crowd in?: The effects of common interest developments on political participation in California* // The Annals of Regional Science. 2003. Vol. 37. N 2. P. 203–233.
39. *Nickerson J.A. Problems, theories, and governing the crowd / J.A. Nickerson, R. Wuebker, T. Zenger* // Strategic Organization. 2017. Vol. 15. N 2. P. 275–288.

40. Nye J. S. *Soft power: The means to success in world politics*. Cambridge, MA : Public Affairs, 2004.
41. Holbrook D., Taylor M. *Terrorism as process narratives: A study of pre-arrest media usage and the emergence of pathways to engagement*. *Terrorism and Political Violence*. 2017. Vol. 31. N 6. P. 1307–1326.

Об авторе:

Забарин Алексей Владимирович, доцент кафедры общей и прикладной психологии Санкт-Петербургского военного ордена Жукова института войск национальной гвардии Российской Федерации (Санкт-Петербург, Российская Федерация), кандидат психологических наук, доцент; zavalex@yandex.ru

References

1. Artamonov D.S. "Rehabilitation" of the crowds: ethics of behavior in the network space // *Strategic communications in the modern world*. Saratov : Publishing House "Saratov Source", 2018. P. 683–691 (in Rus.).
2. Baal N.B. *Political extremism of Russian youth and technology for overcoming it*: Author. dis. Dr. Politic. sciences. N. Novgorod, 2012. 42 p. (in Rus.).
3. Bondarenko S.V. *The social structure of virtual network communities*. Rostov-on-Don: Publishing House of the RSU, 2004. 320 p. (in Rus.).
4. Vinnik V.D. *Social networks as a phenomenon of the organization of society: the essence and approaches to use and monitoring* // *Philosophy of Science*. 2012. N 4 (55). P. 110–126 (in Rus.).
5. Gapich A.E., Lushnikov D.A. *Technologies of color revolutions*. M. : Infra-M, 2014.
6. Gubanov D.A. "Social networks: models of information influence, management and confrontation" / D.A. Gubanov, D.A. Novikov, A. Chkartishvili. M. : Publishing House of Physical and Mathematical Literature, 2010. 228 p. (in Rus.).
7. Dokuka S.V. *Communication in social online networks as a factor in protest mobilization in Russia*: Diss. ... Cand. Sociol. sciences. M., 2014 (in Rus.).
8. Zabarin A.V. *On the problem of information terrorism on social networks* // *Media strategies of the modern world: materials of the eleventh international scientific and practical conference*, Sochi, November 01–04, 2017. Sochi : Kuban State University, 2017. P. 62–64 (in Rus.).
9. Zabarin A.V. *Psychological foundations of the information war* / A.V. Zabarin, A.I. Vatulin // *Information wars*. 2018. N 1 (45). P. 38–44 (in Rus.).
10. Zabarin A.V. *Psychology of the crowd and mass riots* / A.V. Smirin. M. : Juraita Publishing House, 2017. 211 p. (in Rus.).
11. Zorina E.G. *Information sovereignty of the modern state and the main tools for its provision* // *Izv. Sarat. Un-te. New. Ser. Ser. Sociology. Political science*. 2017. Vol. 17. Is. 3. P. 345–348 (in Rus.).
12. Zlokazov K.V. *Radicalization of the ideas of youth about the role of religion in society by the methods of cognitive war* / K.V. Zlokazov, A.G. Karayani, N.S. Prokurova // *Psychopedagogy in law enforcement agencies*. 2022. Vol. 27. N 3 (90). P. 246–256 (in Rus.).
13. Castels M. *Galaxy Internet: Reflections on the Internet, business and society*. Yekaterinburg : U-Factoria, 2004. 328 p. (in Rus.).
14. Kovalchuk M.V. "Hybrid information threats, opposition technologies: round table "Psychological defense" "The struggle for history is the struggle for the future" at the International Military-Technical Forum "Army-2021" [Electronic source]. URL: https://www.rusarmyexpo.ru/business_program/4096/40470.html (accessed: 11.04.2023) (in Rus.).
15. Karayani A. G., Karayani Yu. M., Tsygankov S.V. *Using crowdsourcing technologies in information and psychological confrontation on social networks* // *Military Academic Journal*. 2018. N 1 (17). P. 75–82 (in Rus.).
16. Karayani A. G., Karayani Yu. M., Tsygankov S.V. *Messenger as an instrument of hybrid war* // *Psychology and pedagogy of official activities*. 04.2020. P. 172–174 (in Rus.).
17. Kashpur V.V., Chudinov S.I., Schekotin E.V., Baryshev A.A., Mundrievskaya Yu.O. *Methodological problems of identification of extremist online communities on social networks (on the example of a comparative analysis of right-winged and Islamic communities)* // *Modern*

- Systems — Anti-Terror: Materials of the Congress Part of the XIV Specialized Forum (May 30–31, 2017). Krasnoyarsk, 2018. P. 7–10 (in Rus.).
18. Leonova O.G. Algorithm for the implementation of the strategy of “controlled chaos” // Information wars. 2018. N 2 (46). P. 38–45 (in Rus.).
 19. Malakaev O.S. Extremism on social networks // Bulletin of the Institute of Comprehensive Research of Arid Territories. 2018. N 2 (37). P. 83–86 (in Rus.).
 20. Zherseenko E.D. The influence of virtual network communities and the Internet on the development of social activity of youth: Author. Diss. ... cand. Sociol. sciences. SPb., 2014 (in Rus.).
 21. Novet B. Wiki government: how technologies can make power better, demo is stronger, and citizens are more influential. M. : “Alpina Pablisher”, 2012. 141 p. (in Rus.).
 22. Pentland A. Social physics. How good ideas are spreading: lessons of new science. M. : AST Publishing House, 2018. 351 p. (in Rus.).
 23. Rabchevsky E.A., Rabchevsky A.N. About some aspects of the structures of political protest on social networks [Electronic source]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/o-nekotoryh-aspektah-struktur-propagandy-politico-protesta-v-sotsialnyh> (accessed: 10.03.2022) (in Rus.).
 24. Rastorguev S.P., Litvinenko M.V. Information operations on the Internet. M., 2014. 128 p. (in Rus.).
 25. Reingold G. Smart crowd: New Social Revolution. M.: “Fair-Press”, 2006. 416 p. (in Rus.).
 26. Social networks in Russia: numbers and trends, autumn 2022 [Electronic source]. URL: <https://br-analytics.ru/blog/social-media-russia-2022/?ysclid=ley8wefwu0258486340> (accessed: 21.02.2023) (in Rus.).
 27. Sundiev I. Yu. Youth extremist organizations: traditions and new information technologies (criminological exposition of the phenomenon) // Scientific portal of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2009. N 4 (8). P. 68–76 (in Rus.).
 28. Sundiev I.Yu. The use of information networks in extremist and terrorist activities / I.Yu. Sundiev, A.A. Smirnov // Scientific portal of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2014. N 1 (25). P. 84–91 (in Rus.).
 29. Tapskott D., Williams E.D. Vikinomic. How mass cooperation changes everything. M. : “Best Business Books”, 2008. 271 p. (in Rus.).
 30. Ushkin S.G. Theoretical and methodological approaches to the study of network protest activity: from a “smart crowd” to “slack” // Monitoring of public opinion: economic and social changes. 2015. N 3. P. 3–11 (in Rus.).
 31. Hau J. Craud sourcing. Collective mind as a business development tool. M. : Alpina Pablisher, 2012. 288 p. (in Rus.).
 32. Schekotin E.V. The phenomenon of the “atomic civil war”: Loner terrorism as a challenge to the modern world // Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art history. Issues of theory and practice. 2016. N 12 (74): in 3 hours of h. 2. P. 214–216 (in Rus.).
 33. Shurovski D. The wisdom of the crowd. Why together we are smarter than one by one, and how a collective mind affects business, economics, society and the state. M. : Mann, Ivanov and Ferber, 2014 320 p. (in Rus.).
 34. 198 methods of nonviolent action from The Politics of Nonviolent Action by Gene Sharp. Boston : Porter Sargent, 1973.
 35. An integrated approach to crowd psychology and public order policing / Stephen Reicher, Clifford Stott, Patrick Cronin, Otto Adang // Policing. 2004. Vol. 27. N 4. P. 558–572.
 36. An integration of enhanced social force and crowd control models for high-density crowd simulation / H. Kolvand, M.Sh. Rahim, M.Sh. Sunar [et al.] // Neural Computing & Applications. 2021. Vol. 33. N 11. P. 6095–6117.
 37. Cross J.R. The Challenge of Adolescent Crowd Research: Defining the Crowd / J.R. Cross, K.L. Fletcher // Journal of Youth and Adolescence. 2009. Vol. 38. N 6. P. 747–764.
 38. Gordon T.M. Crowd out or crowd in?: The effects of common interest developments on political participation in California // The Annals of Regional Science. 2003. Vol. 37. N 2. P. 203–233.
 39. Nickerson J.A. Problems, theories, and governing the crowd / J.A. Nickerson, R. Wuebker, T. Zenger // Strategic Organization. 2017. Vol. 15. N 2. P. 275–288.
 40. Nye J.S. Soft power: The means to success in world politics. Cambridge, MA : Public Affairs, 2004.

41. Holbrook D., Taylor M. Terrorism as process narratives: A study of pre-arrest media usage and the emergence of pathways to engagement. *Terrorism and Political Violence*. 2017. Vol. 31. N 6. P. 1307–1326.

About the author:

Aleksey V. Zabarin, Associate Professor of the Department of General and Applied Psychology of the St. Petersburg Order of Zhukov of the Military Institute of the National Guard of the Russian Federation (St. Petersburg, Russian Federation), PhD in Psychology, Associate Professor; zavalex@yandex.ru

Потеря связи — потеря управления

К вопросу об экономических и политических итогах 2023 года

Максимцев И. А.¹, Межевич Н. М.², *, Хлутков А. Д.³

¹Санкт-Петербургский государственный экономический университет, Санкт-Петербург, Российская Федерация

²Институт Европы Российской академии наук, Москва, Российская Федерация; *mez13@mail.ru

³Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация

РЕФЕРАТ

Политические и экономические итоги 2023 года — это дальнейшее нарастание неопределенности и многовариантности мирового развития. Вместе с тем в 2023 г. стала очевидной невозможность возврата в «дивный старый мир». Препятствием для этого стали не Россия и не Китай, а вся объективно сложившаяся совокупность международных отношений, в том числе в экономической сфере. Авторы сознательно не затрагивают проблематику СВО, так как исходят из того, что это не причина, а следствие накопленных противоречий глобального масштаба.

Ключевые слова: мировая политика, глобальная экономика, глобализация, регионализация, Европейский союз, ООН, евразийская интеграция, качество управления

Для цитирования: Максимцев И. А., Межевич Н. М., Хлутков А. Д. Потеря связи — потеря управления. К вопросу об экономических и политических итогах 2023 года // Управленческое консультирование. 2024. № 1. С. 46–52.

Loss of Communication — Loss of Control. On the Issue of Economic and Political Results of 2023

Igor A. Maksimtsev¹, Nikolay M. Mezhevich², *, Andrey D. Khlutkov³

¹Saint Petersburg State University of Economics, Saint Petersburg, Russian Federation

²Institute of Europe of Russian Academy of Science, Moscow, Russian Federation; *mez13@mail.ru

³Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management, Branch of RANEPa), Saint Petersburg, Russian Federation

ABSTRACT

The political and economic results of 2023 are a further increase in the uncertainty and multivariability of world development. At the same time, in 2023, the impossibility of returning to the “brave old world” became obvious. The obstacle to this was not Russia or China, but the entire objectively established set of international relations, including in the economic sphere. The authors deliberately do not touch upon the problems of SVO, as they proceed from the fact that this is not the reason, but the result of accumulated contradictions of a global scale.

Keywords: world policy, global economy, globalization, regionalization, European Union, UN, Eurasian integration, quality of governance

For citing: Maksimtsev I. A., Mezhevich N. M., Khlutkov A. D. Loss of Communication — Loss of Control. On the Issue of Economic and Political Results of 2023 // Administrative consulting. 2021. N 1. P. 46–52.

Современные проблемы глобального развития представляют собой крайне сложную и запутанную совокупность явлений и процессов. Необходима теоретическая позиция, которая позволит как-то упорядочить научный анализ. Подход Архимеда представляется единственно возможным: «Дайте мне точку опоры, и я переверну

Землю». С нашей точки зрения, классическая дискуссия на тему что первично, экономика или политика, не дает правильного ответа. В современном мире главное — это вопрос эффективности управления. Именно проблемы глобального управления привели к той ситуации, при которой все говорят, но мало кто слышит. Мировая экономика и мировая политика больше не управляются в классических режимах, биполярном и монополярном, но и переход к не менее известному многополярному режиму оказался связан с многими сложностями. Первая сложность — неуправляемая эволюция глобализации.

Глобализация действительно создавала дополнительные возможности для экономического роста. «Растущие риски геэкономической фрагментации затрудняют принятие мер по преодолению общих проблем, что требует решительных шагов по восстановлению доверия. Глобальные “дивиденды мира” сокращаются, а вместе с ними и имеющиеся ресурсы для поддержки уязвимых слоев населения. Протекционизм растет, препятствуя мировой торговле и сводя на нет с трудом достигнутые плоды интеграции»¹. Результатом экономической составляющей глобализации стал не только выигрыш США.

Процессы глобализации подтвердили действие классических экономических законов. К примеру, в условиях открытой экономики выигрыш получают те страны, которые могут обеспечить выигрыш в тех или иных издержках, стоимости рабочей силы, стоимости ресурсов (в том числе электроэнергии) и технологиях. Однако уникальных технологий в мире все меньше. Технологические разрывы середины XX в. больше не повторяются. Стоимость рабочей силы в полуусловном мире БРИКС существенно ниже. Аналогично по всем видам сырья и электроэнергии. Объективно Россия также выиграла от глобализации, хотя количественно и качественно меньше, чем КНР. Считается, что КНР еще в 2014 г. обогнала США по ключевому показателю — ВВП по паритету покупательной способности — и претендует на роль мирового технологического лидера. Активно развивались Индия, Вьетнам, Индонезия. Возросли экономические (как, впрочем, и политические) возможности Ирана. Россия, как и другие страны Азии, объективно заинтересована в сохранении практик глобализации, но именно поэтому США и их союзники работают против любых евразийских интеграционных форматов, таких как китайский «Один пояс — один путь» и др.

Следующая проблема — качество систем управления. Система ООН — проверенный и эффективный инструмент Ялтинско-Потсдамской системы международных отношений. Универсальных инструментов глобального управления не было и нет. Та или иная модель управления обладает временной эффективностью. Однако формально и институционально система ООН пережила период своей максимальной эффективности. Возникает вопрос: почему система организаций и институтов ООН продолжает существовать? Дело в том, что никакой альтернативы для нее не существует. США ведут работу по размыванию основ международного права, в том числе международного экономического права, но окончательная ликвидация системы ООН не нужна никому, в том числе и США. Используя свои возможности, США могли бы парализовать работу ООН полностью, но этого не произошло. Экспертная дискуссия в США предполагает и такой сценарий развития ситуации в мире, при которой США будут заинтересованы в использовании этой системы институтов.

Новые институты управления, гибкие модели типа БРИКС и ШОС, не могут быть полноценной альтернативой управленческим структурам эпохи холодной войны. Новые институты пока функционируют как дополняющие, вспомогательные, в этом

¹ Годовой отчет МВФ 2023 года [Электронный ресурс]. URL: <https://www.imf.org/external/pubs/ft/ar/2023/>

их сила, но в этом же и слабость. Перспективы БРИКС весьма обнадеживающие, но основой для новой системы международных отношений она не станет. Более вероятно то, что после сложного периода глобальной неопределенности начнется реформирование системы ООН.

Рассмотрим ключевые проблемы организации, чьи амбиции стали одной из причин текущего глобального кризиса. Разумеется, речь может пойти о НАТО, но ответственность Европейского союза представляется не меньшей. Конечно, возникает вопрос, на каком основании невоенная организация может вызвать глобальный кризис, или, по крайней мере, стать одной из причин этого кризиса?

Краткий ответ очевиден — головокружение от успехов. Причем успехи в прошлом, а головокружение в настоящем. Проект ЕС (Европейского общества угля и стали) был прекрасной объединительной идеей. Вспомним, по классике, термин «интеграция» предполагает следующее содержание — получение целого из каких-либо частей¹. Однако экономическое определение этого термина не всегда совпадает с политической целесообразностью. В экономической науке очень долго доминировало представление о том, что интеграция «развивается на базе интернационализации всей общественной жизни, ускоряемой научно-техническим прогрессом, возрастания взаимозависимости народов и государств»². Сегодня это как минимум спорно. Интеграция «запускается» не только глобализацией, содержание которой в 2024 г. не ясно, но очевидным стремлением к регионализации, т. е. интеграция в рамках регионализации на фоне экономического кризиса.

В ООН оценили рост глобальной экономики в 2024 г. на уровне 2,4%, что на 0,3% ниже, чем в 2023 г. (2,7%). Об этом заявил директор отдела экономического анализа и политики департамента по экономическим и социальным вопросам ООН Шантану Мукерджи. «Наш доклад выявил, что глобальный рост в 2023 г. составит 2,7%. Но наш прогноз на 2024 понижен до 2,4%». При этом в Минэкономразвития РФ улучшили прогноз роста ВВП в 2023 г. с 2,8% на 3,5%³. Всемирный банк обновил оценку ВВП стран мира на конец 2022 г. По оценкам организации, Россия оказалась в пятерке самых крупных экономик мира после Китая, США, Индии, Японии. При этом Германия расположилась непосредственно после России.

Уже к октябрю 2023 г. МВФ начал давать исключительно негативные прогнозы роста мировой экономики. Разумеется, после начала очередного кризиса на Ближнем и Среднем Востоке эти прогнозы не улучшились.

Возвращаясь к проблематике ЕС, отметим, что эта организация теоретически еще имеет возможности расширения. При этом любое расширение ЕС будет способствовать ослаблению этой организации, причем как в экономическом, политическом, так и, самое главное, управленческом качестве. Сразу отметим, что по крайней мере с экономической и управленческой точек зрения включение в ЕС балканских или постсоветских государств приведет эту структуру к краху быстрее, чем без принятия соответствующих решений.

Сомнения в успехе ЕС нарастают медленно, но неуклонно [6]. Проблемы экономической интеграции в начале третьего десятилетия XXI в. стали одной из наиболее обсуждаемых тем как в Европе, так и на постсоветском пространстве. В Европе в начале 1990-х гг. — 2004 г. был осуществлен переход к новому качеству интеграции, кроме того, в 1995–2004 гг. произошло удвоение количественного состава крупнейшего интеграционного объединения.

¹ Современный словарь иностранных слов. М., 1992.

² Политология: Энциклопедический словарь // общ. ред. и сост. Ю. И. Аверьянов. М., 1993. С. 122.

³ В ООН ожидают снижения глобального экономического роста [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/20240104/ekonomika-1919744130.html>

При этом «принудительное регулирование общественной жизни посредством всеобщих карантинных, разгоны массовых антиправительственных демонстраций, регламентирование бытовой жизни в целях энергосбережения после отказа от импорта российских энергоресурсов, навязывание единой и весьма причудливой ультралиберальной ценностной картины мира — все это выглядит как реванш истеблишмента, желающего сбить демократическую волну в рамках интеграции, проявлением которой стал провал голосования по Конституции ЕС» [7, с. 17]. В результате проблемы европейской интеграции сегодня очевидны.

Прежняя модель европейской экономической и политической интеграции исчерпала себя. Рассматривая вопрос о причинах данного явления, следует отметить, что перед нами не кризис европейской идеи, перед нами разворачивается кризис конкретной практики ее реализации в экономической сфере. Что же касается европейской идеи, то она может базироваться только на европейском суверенитете, американский для этого непригоден.

Более 20 лет назад авторитетный российский международник С. Рогов писал: «К сожалению, Россия оказалась в изоляции от интеграционных процессов, охвативших европейский континент. Развернувшееся после окончания холодной войны строительство «общеευропейского дома» идет без участия России» [4, с. 270]. На данном этапе отстраненность от текущей модели «евростроительства» можно рассматривать скорее как достижение, а не как проблему. Но для того, чтобы понять это, потребовалось немало времени¹.

Рассматривая экономическое содержание кризиса ЕС, отметим, что «существуют несколько причин кризиса зоны евро. Первая — отказ стран — членов зоны единой валюты от монетарного инструмента воздействия на рынок, но сохранение свободы действий в определении фискальной политики, в стоимости рабочей силы и в социальной политике... Вторая проблема — отсутствие сближения стран — участниц зоны евро в сфере конкурентоспособности, производительности и стоимости труда, недостаточная синхронизация их экономических циклов» [5, с. 5]. Подчеркнем: это было написано восемь лет назад.

Конкурентные преимущества ЕС постепенно утрачиваются, при этом в политической сфере происходят изменения негативного характера. Прежде всего речь идет о потере качества управления и нарастании популизма. Эта тенденция общественного и политического развития современной Европы могла бы быть не столь критичной в период поступательного развития экономики, но в условиях кризиса все работает как боеприпас с бинарным зарядом.

«Популизм — это не плохо и не хорошо; это лишь одно из (неизбежных) явлений, происходящих в политическом поле» [3, с. 30]. Да, это неизбежное явление, но его влияние на судьбы мира становится опасным. Президент Аргентины с бензопилой — это символ управленческого бессилия, с одной стороны, и правого популизма — с другой. Важно отметить то, что популизм захватывает страны, казалось бы, далекие от этого явления. Совсем недавно ведущие исследователи характеризовали Германию как страну, далекую от популизма. «В отличие от любой другой большой страны Европы — Франции, Италии, Испании или Британии, — граждане Германии по-прежнему демонстрируют равнодушие к популизму любого рода, правому или левому, успокаивая своих соседей удивительным зрелищем политической ответственности» [1, с. 263]. В 2023 г. на фоне экототалитаризма «зеленых» и роста авторитета «Альтернативы для Германии» этот прогноз может вызвать только улыбку. При этом никаких реальных оснований для улыбки нет. Элиты Европы вступили в стадию деградации, характерную для Западной Римской империи эпохи ликвидации (уже не упадка, а именно ликвидации). Иными словами, в Боль-

¹ См. подробнее: [9].

шой Европе приближается 410 год н. э., разумеется, в нашем случае точной даты не будет, точнее, ее придумают позже.

О евразийской интеграции. Следующий блок вопросов касается оценки экономической интеграции в Евразийском экономическом союзе и Союзном государстве за прошедший год. Оценивая москвоцентричную интеграцию, мы неизбежно сталкиваемся с необходимостью сопоставить общие условия для экономической интеграции в Евразийском союзе и в мире в целом. 2023 г. стал периодом преобладания дезинтеграционных процессов. Масштаб дезинтеграционных процессов, их географический охват позволяют нам говорить о дезинтеграции как тенденции мирового развития.

Предполагаем возражения скептиков, желающих указать на процессы европейской интеграции. С точки зрения авторов, в данном случае дезинтеграционные процессы преобладают, причем и внутри Европейского союза, и по периметру внешних связей Европейского союза. Имеющие место в Европе процессы продвижения в военно-политической интеграции не меняют наших оценок, так как, во-первых, носят принудительный характер, а во-вторых, затрагивают не всю интеграцию, а ее весьма специфический сектор. При этом Европейский союз, в силу предшествующих этапов своего развития, действительно продолжает обозначать себя интеграционным центром, не обладая экономическим, политическим и программно-идеологическим потенциалом для выполнения данной функции. Отдельно обозначим ситуацию, в рамках которой Европейский союз оказывается объектом чужих интеграционных устремлений. Разумеется, речь идет о Соединенных Штатах Америки.

Необходимо отметить изначальную сложность задачи развития интеграционных процессов после масштабного дезинтеграционного падения девяностых годов. На эту тему сказано очень много, и возвращаться к ней мы не будем. Сейчас важнее охарактеризовать экономические и политические условия для евразийской интеграции в контексте ситуации вокруг России. Уникальный масштаб санкций в отношении России фактически распространен и на соседние государства, участвующие в процессах евразийской интеграции де-юре или де-факто, как, например, Монголия. Это создает сложнейшие, но абсолютно искусственные по характеру внешние вызовы для евразийской интеграции.

Разумеется, возможность усиления санкционных режимов, просуществовавших для СССР практически весь XX век, предполагалась. Тем не менее масштаб этих санкций оказался действительно беспрецедентным. Просчитать общий масштаб и характер вторичных и третичных санкций не представляется возможным ввиду их неправового характера. На некоторые государства оказывается прямое воздействие военного, экономического и политического характера. В этих условиях ограничения для экономической интеграции из обычных стандартных и в общем-то известных слагаемых становятся уникальными и непредсказуемыми.

В заключение отметим следующие принципиально важные перспективы евразийской интеграции:

1. Глобальная дезинтеграция не означает сепаратизацию на уровне отдельных государств. Вероятно, следует говорить о регионализации, реструктуризации мировой экономики по территориальным и отраслевым блокам.
2. Особое внимание следует уделить трансрегиональной интеграции ЕАЭС. Речь идет об интеграции с такими форматами, как БРИКС. Эти вопросы одинаково плохо проработаны и в теории, и на практике.
3. Евразийская интеграция проходит сложный этап развития. Ее переформатирование в новых условиях, вероятнее всего, приведет к выпадению слабых и искусственных звеньев. С другой стороны, объединение, доказавшее свою силу, становится более эффективным и привлекательным для внешних акторов.

Признавая и подчеркивая многовариантность будущего, мы не можем отказаться от ограничивающего воздействия тех объективных закономерностей, которые регулируют сценарии будущего.

Каждое поколение склонно считать систему вызовов, пришедшихся на его век, уникальной. Это понятно и объяснимо, но создает риски повторения критических ситуаций. В самом деле, если текущая ситуация «уникальна и неповторима», то зачем делать выводы из нее? С нашей точки зрения, текущая ситуация в мировой политике и мировой экономике обладает определенной спецификой, но называть ее уникальной нет никаких оснований. «Сегодня мир переживает сложный переход к новому порядку как входящих в него регионов, так и функциональных подразделений. И в этом нет ничего необычного. С тех пор как пять столетий назад все части планеты вступили в глобальную коммуникацию, таких эволюций было немало» [8, с. 36].

Вместе с тем возникает вопрос о движущих силах сформировавшихся фундаментальных противоречий. По мнению И. Н. Тимофеева, «Идеологически Россия и Запад стали друг для друга принципиальными соперниками. Каких-либо компромиссных решений их противоречий не просматривается»¹. Согласимся с тем, что оснований для стратегического компромисса нет. Но вот является ли этот кризис идеологическим? С нашей точки зрения, нет. Явное идеологическое противостояние действительно заняло большую часть XX в. Но сегодня его нет. Классический либерализм переживает кризис всюду, от Гренландии до Новой Зеландии, но и ортодоксального марксизма практически не осталось. Российскую и китайскую экономику называют смешанной не только наши сторонники, но и наши противники. Россия и Китай выступили в постковидное время как триггеры тех изменений, которые созрели уже достаточно давно, но реализовались именно в 2022–2023 гг. [2].

Сегодня нет ни одной экономической теории, которая могла бы легализовать масштаб политического вмешательства в объективную логику экономических процессов. При этом нет и экономико-математической модели, которая могла бы дать оценки указанным процессам. Все это предполагает, что, не имея адекватной базы для построения экономического и политического прогноза, мы должны сосредоточиться на повышении эффективности управления, которая и является залогом готовности к любым вызовам как отраслевого, так и географического характера.

Литература

1. *Андерсон П.* Перипетии гегемонии / пер. с англ. Д. Кралечкина; под науч. ред. В. Софронова. М. : Изд-во Института Гайдара, 2018.
2. *Межевич Н. М., Хлутков А. Д., Шамахов В. А.* Выбор без выбора: Россия как триггер смены мирового порядка // *Управленческое консультирование.* 2022. № 3. С. 10–16. DOI 10.22394/1726-1139-2022-3-10-16.
3. *Осколков П. В., Тэвдой-Бурмули А. И.* Существует ли популизм? Переосмысляя «политологическую моду» // *Актуальные проблемы Европы.* 2023. № 4 (120). С. 18–37. DOI 10.31249/ape/2023.04.02.
4. *Рогов С. М.* Изоляция от интеграции // *Внешняя политика и безопасность современной России, 1991–2002* : Хрестоматия: В 4 т. М. : РОССПЭН, 2002. Т. 1. С. 269–280.
5. *Романова Т. А.* Кризисы Европейского Союза и его будущее // *Валдайские записки.* 2016. № 54. Р. 2–15.
6. *Сапир Ж.* Is Eurozone accumulating an historic lag toward Asia in the COVID-19 context? // *Журнал Новой экономической ассоциации.* 2021. № 1 (49). С. 192–203. DOI: 10.31737/2221-2264-2021-49-1-8.

¹ Тимофеев И. Н. 2023 год: стабилизация после встряски [Электронный ресурс]. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/2023-god-stabilizatsiya-posle-vstryaski/>

7. *Стратегия Европейского Союза в условиях глобальной перестройки: автономия или эвтаназия?* / Е. А. Сергеев, В. В. Воротников. М. : Издательство «МГИМО-Университет», 2023.
8. *Фриман Ч.* Мировые порядки: глобальный калейдоскоп в режиме повтора // *Россия в глобальной политике*. 2023. Т. 21, № 5. С. 36–55. DOI: 10.31278/1810-6439-2023-21-5-36-55.
9. *Хлутков А. Д., Межевич Н. М.* Европейский выбор российской цивилизации: императивы 2023 года // *Управленческое консультирование*. 2023. № 6. С. 27–33. DOI 10.22394/1726-1139-2023-6-27-33.

Об авторах:

Максимцев Игорь Анатольевич, ректор Санкт-Петербургского государственного экономического университета (Санкт-Петербург, Российская Федерация), доктор экономических наук, профессор; rector@unecon.ru

Межевич Николай Маратович, главный научный сотрудник Института Европы РАН, исполнительный директор Ассоциации внешнеполитических исследований им. А. А. Громыко (Москва, Российская Федерация), доктор экономических наук, профессор; mez13@mail.ru

Хлутков Андрей Драгомирович, директор Северо-Западного института управления — филиала РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), доктор экономических наук, профессор; khlutkov-ad@ranepa.ru

References

1. Anderson P. *Hegemony Peripeteias* / translation from English. D. Kralachkin; under scientific. ed. V. Sofronov. M.: Publishing House of the Gaidar Institute, 2018. (in Rus).
2. Mezhevich N. M., Khlutkov A. D., Shamakhov V. A. Choice without choice: Russia as a trigger for a change in world order // *Administrative consulting [Upravlencheskoe konsul'tirovanie]*. 2022. N 3. P. 10–16. DOI 10.22394/1726-1139-2022-3-10-16 (in Rus).
3. Oskolkov P. V., Tavdoy-Burmuli A. I. Is there populism? Rethinking “political science fashion” // *Current problems in Europe [Aktual'nye problemy Evropy]*. 2023. N 4 (120). P. 18–37. DOI 10.31249/ape/2023.04.02. (in Rus).
4. Rogov S. M. Isolation from integration // *Foreign policy and security of modern Russia, 1991–2002: Textbook: In 4 vols. M.: ROSSPEN, 2002. Vol. 1. P. 269–280. (in Rus)*.
5. Romanova T. A. Crises of the European Union and its future // *Valdai Notes [Valdaiskie zapiski]*. 2016. N 54. P. 2–15. (in Rus).
6. Sapir J. Is Eurozone accumulating an historic lag toward Asia in the COVID-19 context? // *Journal of the New Economic Association [Zhurnal Novoi ekonomicheskoi assotsiatsii]*. 2021. N 1 (49). P. 192–203. DOI: 10.31737/2221-2264-2021-49-1-8. (in Rus).
7. *Strategy of the European Union in a global restructuring: autonomy or euthanasia?* / E. A. Sergeev, V. V. Vоротников. М.: Publishing house “MGIMO-University”, 2023. (in Rus).
8. Freeman C. World orders: global kaleidoscope in repeat mode // *Russia in global politics [Rossiya v global'noi politike]*. 2023. Vol. 21, N 5. P. 36–55. DOI: 10.31278/1810-6439-2023-21-5-36-55. (in Rus).
9. Khlutkov A. D., Mezhevich N. M. European choice of Russian civilization: imperatives of 2023 // *Administrative consulting [Upravlencheskoe konsul'tirovanie]*. 2023. N 6. P. 27–33. DOI 10.22394/1726-1139-2023-6-27-33. (in Rus).

About the authors:

Igor A. Maksimtsev, Rector of St. Petersburg State University of Economics (St. Petersburg, Russian Federation), Doctor of Science (Economics), Professor; rector@unecon.ru

Nikolay M. Mezhevich, Chief Researcher of Institute of Europe of RAS, Executive Director of the Association for Foreign Policy Studies named after A. A. Gromyko (Moscow, Russian Federation), Doctor of Science (Economics), Professor; mez13@mail.ru

Andrey D. Khlutkov, Director of North-West Institute of Management, Branch of RANEPa (St. Petersburg, Russian Federation), Doctor of Science (Economics), Professor; khlutkov-ad@ranepa.ru

Количественные методы оценивания долговременных карьерных установок субъектов современного общества («Модель траектории жизни»)

Конюховский П. В.^{1, 2, *}, Яковлева А. В.²

¹Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация; *kon_pv@mail.ru

²Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург, Российская Федерация

РЕФЕРАТ

Статья посвящена проблемам представлений субъектов современного социума о долговременных перспективах развития их жизненного пути (так называемой «траектории жизни»). Особое внимание уделяется методам формализации подобных представлений на основе аппроксимации траекторий жизни с помощью кривых из семейства функций плотности бета-распределения. Параметры данного распределения могут быть положены в основу формальной типизации субъектов в рамках социума. Их изменения могут применяться в качестве индикаторов структурных изменений в обществе. В первую очередь в части сдвигов представлений об «идеальных» (эталонных) конфигурациях жизненного пути. Частично эти выводы могут инкорпорироваться в процедуры идентификации поколений.

Ключевые слова: траектория жизни, конфигурации жизненных траекторий, модели траектории жизни, бета-распределение

Для цитирования: Конюховский П. В., Яковлева А. В. Количественные методы оценивания долговременных карьерных установок субъектов современного общества // Управленческое консультирование. 2024. № 1. С. 53–73.

Quantitative Methods for Evaluating Long-Term Career Attitudes of the Subjects of Modern Society («Model of the Life Trajectory»)

Pavel V. Konyukhovskiy^{1, 2, *}, Anna V. Yakovleva²

¹Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management, Branch of RANEPa), Saint Petersburg, Russian Federation; *kon_pv@mail.ru

²Herzen State Pedagogical University of Russia, Saint Petersburg, Russian Federation

ABSTRACT

The article is devoted to the problems of ideas of the subjects of modern society about the long-term prospects for the development of their life path (the so-called “life trajectories”). Particular attention is paid to methods for formalizing such representations based on the approximation of life trajectories using curves from the family of beta distribution density functions. The parameters of the beta-density function can be used as the basis for the formal typification of subjects within society. Their changes can be used as indicators of structural changes in society. First of all, in terms of shifts in ideas about the «ideal» (reference) configurations of the life path. In part, these conclusions can be incorporated into procedures for identifying generations.

Keywords: life trajectory, life path, life trajectory configurations, life trajectory models, beta distribution

For citing: Konyukhovskiy P. V., Yakovleva A. V. Quantitative methods for evaluating long-term career attitudes of the subjects of modern society // Administrative consulting. 2024. N 1. P. 53–73.

Введение

Основной задачей данного исследования является разработка и апробация методов, позволяющих формализовать, группировать и анализировать представления субъектов современного социума о перспективах личностного развития, эволюции карьеры, ожидаемой динамике жизненного успеха.

К настоящему моменту практически бесспорным стало отношение к процессам цифровой трансформации как к комплексному социально-экономическому процессу, органически сочетающему в себе информационно-технологические и социально-политические компоненты. При этом происходит неуклонное повышение значимости именно второго типа компонент, см., например, [3; 4; 5].

Одним из важнейших последствий развития информационных технологий и формирования информационного общества стало качественное изменение наших возможностей по комплексному оцениванию перспектив развития жизни, а также радикальному повышению уровня реалистичности, объективности и информационной обоснованности подобных оценок.

В первую очередь этому способствуют качественные сдвиги в информационной базе (эффект больших данных, медиаконтент), а также программных средств их оперативной обработки и анализа (технологии нейронных сетей и инструментов искусственного интеллекта).

Символическим (хотя, возможно, и не вполне серьезном в научном плане) отражением данного тезиса стало появление широкого спектра программных продуктов, конструирующих по текущей фотографии внешность человека в будущем. За последние годы зримую популярность набрали заметки, в которых читателю предлагается сопоставить внешность какой-либо значимой медиаперсоны нескольких десятилетий тому назад и на текущий момент.

Радикальное изменение объемов хранимой информации обеспечивает как обществу в целом, так и его отдельным группам и субъектам возможности формализации и анализа долгосрочных трендов и, соответственно, построения ощутимо более достоверных долгосрочных прогнозов.

В ситуации, когда перед отдельным человеком, открываются возможности оценки и прогнозирования своей жизни на продолжительную перспективу, актуальность приобретают исследования того, как используются данные возможности. В свою очередь, для успешности и корректности данных исследований необходимо обобщить, классифицировать типичные «интуитивные» представления членов современного общества относительно параметров, характеристик, логики, ожидаемых перспектив их жизненного пути. В дальнейшем изложении для краткого наименования предлагаемой авторами модели будет использоваться наименование «модель траектории жизни».

Предшествующие исследования

К настоящему моменту сформировался достаточно обширный пул научных и научно-публицистических работ, рассматривающих проблемы моделирования и анализа «траекторий жизни» субъектов современного социума.

В значительной степени отправной точкой в исследованиях, оперирующих понятиями «траектория жизни» (жизненный курс, trajectory of life, Las trayectorias de vida, del curso de vida и т. п.), является эссе [1] «Биографическая иллюзия». Одной из главных идей данной работы стало оспаривание корректности восприятия биографии субъекта (жизненной траектории) как целостного конструкта. По мнению автора, если логика жизни человека подчинена некоторым принципам и закономерностям, внешним по отношению к ней, то осмысление жизни как единого целого имеет иллюзорный характер. Эпизоды жизни по существу являются частями других

целостностей, поэтому некорректно и ошибочно вменять их индивидуальным жизненным траекториям.

Серьезный и детальный аналитический разбор смыслов, вкладываемых в термин «траектория» в контексте «траектория жизни», содержится в работе [7]. Автором в комплексе ставятся проблемы как определения самого понятия «жизненной траектории», так и методов, которые целесообразно применять при его изучении. Выделяются фундаментальные свойства траектории. Такие, как связность, целостность, осмысленность. Особое внимание уделено взаимосвязи понятий «индивидуальная» и «типичная» траектория. В первом случае речь идет о реконструкции жизненного пути отдельного индивида, во втором — многих индивидов, интерпретируемую как сочетание экономических, социальных, идеологических, культурологических и духовных факторов. В данной работе представлены критические аргументы в адрес теории Бурдые. В частности, отмечается, что «...теория Бурдые по сути допускает лишь техническую, не субстантивную трактовку понятий траектории и биографии» [там же, с. 7].

В статье [10] проблема идентификации и моделирования траекторий жизни исследуется для случая социальных групп лиц с ограниченными возможностями здоровья. С точки зрения задач текущего исследования заслуживает авторская трактовка понятия («конструкта») «жизненная траектория»: «... при значительных индивидуальных вариациях, есть некоторые типичные, непрерывные, предсказуемые «линии движения» людей...» [там же, с. 26]. В основу методологии, примененной авторами, положена балльная оценка событий прошлого и ожидаемых событий будущего. Оценки получались как на основе интервью с респондентами (лицами с ограниченными возможностями), так и с помощью альтернативных приемов (интервью с медицинским персоналом, изучение медицинских документов). Основным результатом, по мнению авторов, связан с возможностью использования построенных моделей жизни для уточнения и корректировки мер и программ психологической помощи.

В фокусе рассмотрения статьи [12] находятся роли сетей социальной поддержки (SSN — social support networks), как позитивные, так и негативно-деструктивные. Однако значительное внимание уделено и взаимосвязям данной проблематики с проблематикой оценки жизненных траекторий. В работе отмечены эффекты влияния жизненных траекторий пожилых людей с разным социально-экономическим статусом на то, как они строят свои SSN, как в плане структуры, так и содержания. Также делается вывод (на основе эмпирических данных по Чили) о том, что SSN во время выхода на пенсию определяется как социально-экономическим статусом субъекта, так и предшествующей историей его жизни.

В ряду других работ, в том или ином контексте затрагивающих проблематику траектории жизни, могут быть отмечены статьи как зарубежных [16; 17], так и российских авторов [2].

Гипотеза исследования, модель и формализация

Вполне естественным выглядит направление исследований, в рамках которого индивидуальным субъектам предлагается визуализировать свой жизненный путь в формате кривой, соотносящий тот или иной год жизни с персональными карьерными достижениями. Подчеркнем, что «естественным», но далеко не бесспорным. И, как этого и следовало ожидать, дискуссии возникают относительно «меры жизненного успеха». При этом «типичный современный человек» не преминет заметить, что успех — это далеко не только деньги. В то же время на уровне повседневного, бытового общения вопрос «о наиболее счастливом и успешном периоде жизни» не вызывает особого неприятия и недопонимания у наших собеседников. Задавая его, мы вполне можем рассчитывать на адекватный и осмысленный ответ. Этот довод

можно рассматривать как аргумент в пользу релевантности объекта и предмета текущего исследования.

В качестве еще одного косвенного аргумента можно привести рассуждение относительно схожего в плане расплывчатости и неоднозначности трактовок понятия, а именно — счастья. Что не мешает, однако, рассчитывать такой показатель, как индекс счастья по странам и проводить сопутствующие серьезные научные изыскания [11].

Как показал последующий опыт, предложение «Изобразите идеальную траекторию своей жизни в виде графика. По горизонтальной оси откладывается время жизни (условно от 0 до 100 лет), по вертикальной — жизненный успех (в некоторых интегрированных условных единицах измерения)» не вызывает принципиальных затруднений у респондентов и, более того, позволяет получить вполне адекватные ответы, пригодные для последующего научного анализа.

Разумеется, проблема обеспечения сопоставимости результатов является достаточно серьезной и сложной. В первую очередь, с точки зрения нормировки и масштабирования. В частности, могут возникнуть осмысленные замечания по адресу «размытости правой границы». Действительно, значение в 100 лет выглядит явно излишне оптимистичным на фоне фактических значений средней продолжительности жизни.

Также нельзя игнорировать и фактора иррациональной субъективности при выборе абсолютных уровней прохождения кривой траектории жизни. Если несколько усложнить задачу отвечающего и предложить ему распределять по возрастным интервалам некоторый ограниченный «ресурс успешности» (проще говоря, твоя успешность в возрасте А делает относительно менее успешным возраст В), то конфигурация кривой может заметно поменяться.

Более строгий и формализованный научный подход выглядит следующим образом. Мы заменяем интервал прожития, который, безусловно, может быть различным для разных субъектов, нормированным отрезком от $X = [0, 1]$ и на данном отрезке задаем функцию плотности $p(x)$, удовлетворяющую нормирующему условию

$$\int_0^1 p(x) dx = 1.$$

По существу, прослеживается полная содержательная аналогия с функциями, задающими плотности непрерывных вероятностных распределений. Разумеется, речь идет об аналогии исключительно на уровне свойств функций. Предлагаемая нами функция $p(x)$ никаких вероятностных распределений не задает.

Возможные (вполне реалистичные) варианты конфигураций траекторий жизни представлены, на рис. 1. Например, траектория (а) соответствует «ставке на успех» в первой четверти жизни, а траектория (b) — наоборот, крутому восхождению к успеху в зрелом возрасте. Траектории (c) и (d) также взаимопозиционны по возрастам, но при этом они предполагают более плавное распределение ресурса успешности по жизненному интервалу (без резких пиков). Наконец, траектория (e) соответствует пику успеха в середине жизненного пути с плавным подъемом и плавным спуском.

В случае признания разумности и целесообразности в практических исследованиях подобных конфигураций мы естественным образом приходим и к адекватному средству. Таковым являются функции плотности бета-распределения. Данные функциональные зависимости в плане их свойств оказываются конструктивным и технологичным инструментом формализованной аппроксимации траекторий, полученных по результатам опросов.

Как известно, бета (В) — это двухпараметрическое вероятностное распределение, задаваемое функцией плотности

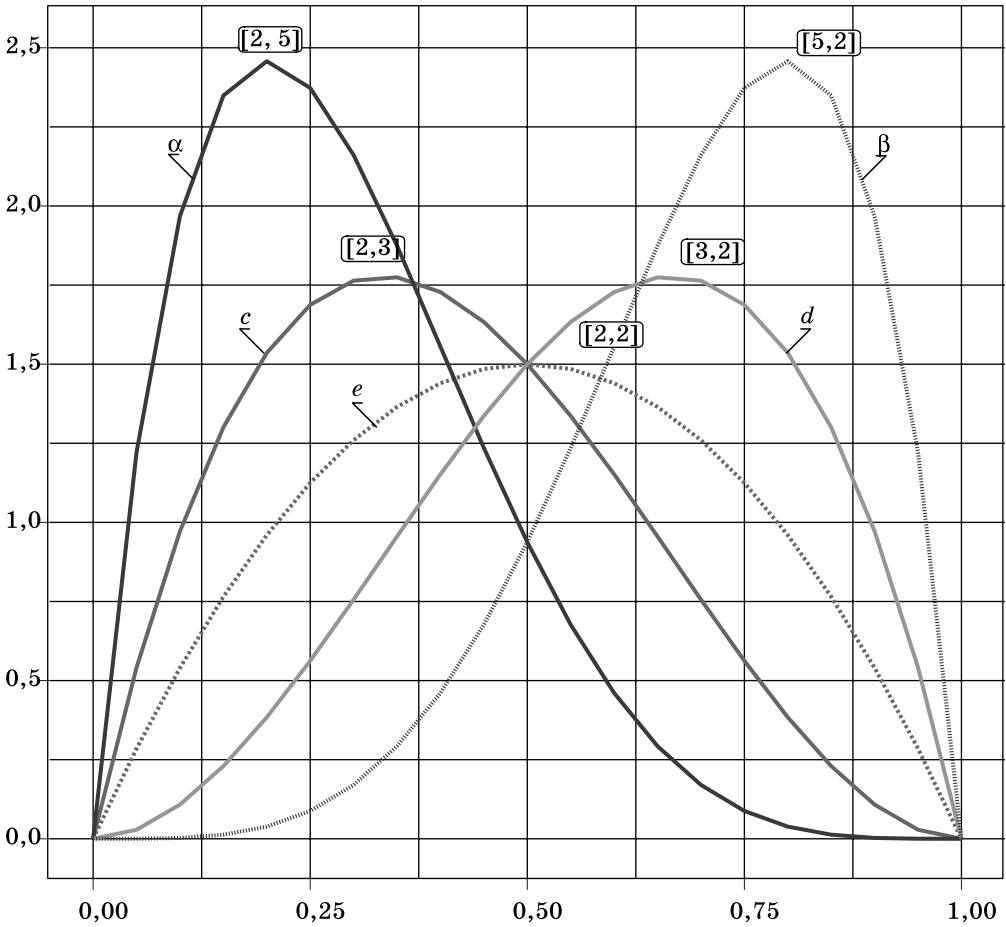

Рис. 1. Пример типизации траекторий жизни при различных значениях параметров $[\alpha, \beta]$
 Fig. 1. Example typing of life paths at different values of parameters $[\alpha, \beta]$

$$p(x) = \frac{1}{B(\alpha, \beta)} x^{\alpha-1} (1-x)^{\beta-1},$$

где α, β — произвольные фиксированные параметры,
 $B(\alpha, \beta) = \int_0^1 x^{\alpha-1} (1-x)^{\beta-1} dx$ — бета функция. Более подробно см., например, [6].

Значения параметров α, β определяют конфигурацию графика плотности $p(x)$:
 $\alpha < 1, \beta < 1$ — график выпуклый и уходит в бесконечность на границах;
 $\alpha < 1, \beta \geq 1$ или $\alpha = 1, \beta > 1$ — график строго убывающий;
 $\alpha = 1, \beta > 2$ — график строго выпуклый;
 $\alpha = 1, \beta = 2$ — график прямая линия;
 $\alpha = 1, 1 < \beta < 2$ — график строго вогнутый;
 $\alpha = 1, \beta = 1$ — график совпадает с плотностью стандартного непрерывного равномерного распределения;
 $\alpha = 1, \beta < 1$ или $\alpha > 1, \beta \leq 1$ — график строго возрастающий;
 $\alpha > 2, \beta = 1$ — график строго выпуклый;

$\alpha = 2, \beta = 1$ — график прямая линия;

$1 < \alpha < 2, \beta = 1$ — график строго вогнутый и т. д.

В случае если $\alpha = \beta$ график оказывается строго симметричным относительно 1/2.

Значения параметров α, β , соответствующие «типичным» конфигурациям параметров траекторий жизни (а)–(е), также указаны на рис. 1.

Общее представление о влиянии параметров α и β на конфигурацию кривых, используемых для аппроксимации траекторий жизни, может дать схема на рис. 2.

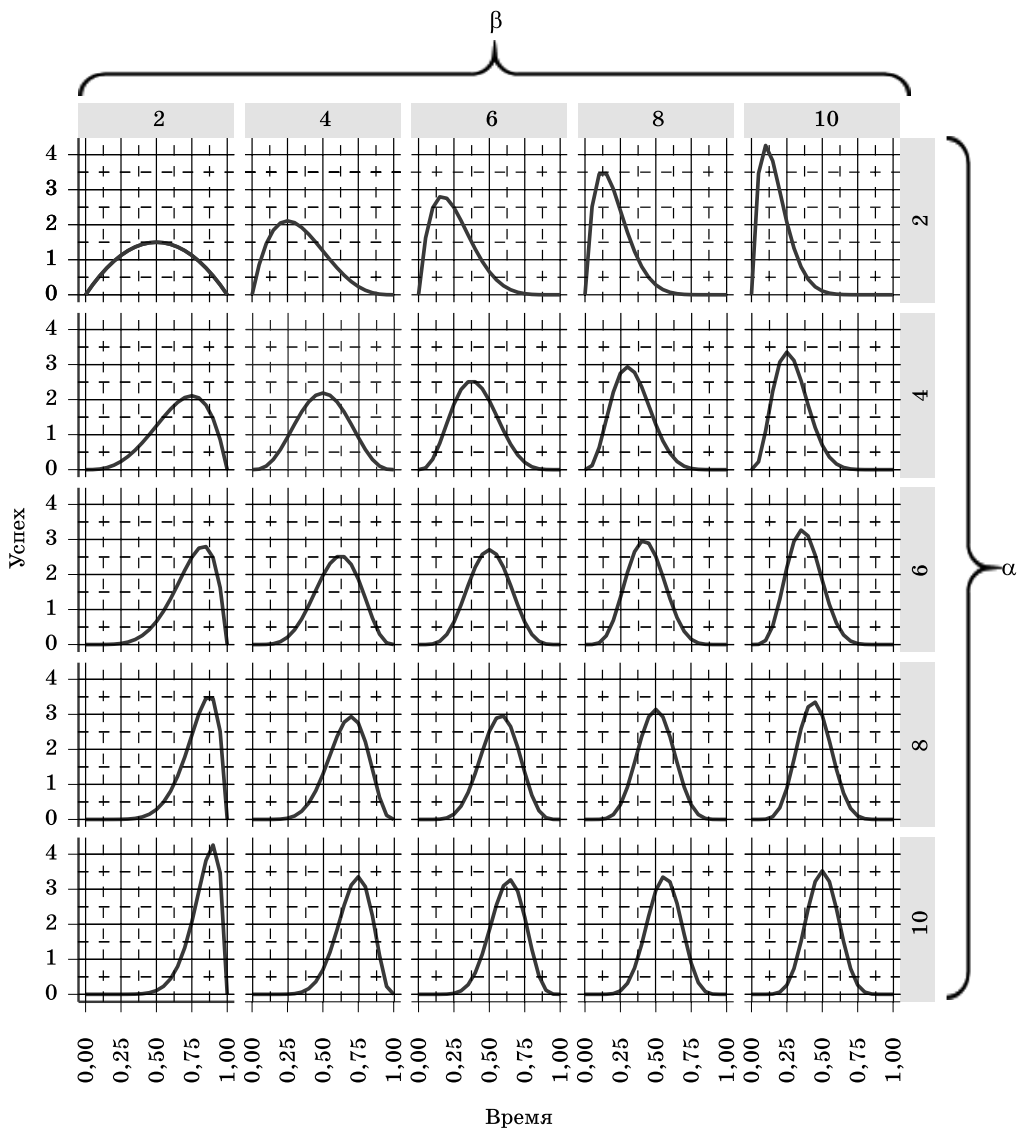

Рис. 2. Влияние параметров $[\alpha, \beta]$ на конфигурацию кривых, используемых для аппроксимации «траекторий жизни»

Fig. 2. Influence of parameters $[\alpha, \beta]$ on configuration of curves used for approximation of "life paths"

Информационная база исследования

Информационной базой исследования стали результаты опросов, проведенных среди студентов ряда университетов Санкт-Петербурга¹. Каждому из интервьюируемых предлагалось выполнить задание по построению «идеальной траектории жизни». Точная формулировка задания приведена выше. Обзор полученных результатов приводится в Приложении.

Первичный визуальный анализ позволил сделать принципиальный вывод о том, что все ответы очевидным образом разбиваются на два принципиальных класса:

- кривые, завершающиеся в конечной точке 100 (или ранее);
- строго возрастающие кривые.

Респонденты, выбравшие в качестве ответа кривые из первого класса, действовали строго в соответствии с заданием, то есть строили графическое представление функции, ставящей в соответствие году (интервальному отрезку) жизненного пути абсолютное значение успеха. Условно данный тип респондентов может быть идентифицирован как «ситуационалисты».

Респонденты, выбравшие кривые второго класса, по существу, подменяли исходное задание собственной интерпретацией траектории как линии «накопленного успеха». Данный тип респондентов может быть идентифицирован как «кумулятивисты».

Следует признать, что данный результат не был предусмотрен планом исследования. Однако он, несомненно, является очень интересным и существенным. Фактически мы получаем возможность выделить два принципиальных подхода к субъективному оцениванию успеха: «успех в моменте» и «накапливаемый успех». Выбор способа визуализации дает важную и ценную информацию о том, какой тип успеха приоритетен для респондента.

В определенном смысле подмена изначально требуемой кривой ее кумулятивной версией сродни ошибке, которую допускают студенты, плохо знающие теорию вероятностей и, как следствие, путающие функцию плотности и функцию распределения случайной величины.

Следствием этого наблюдения может стать конструктивное решение, позволяющее решить проблему сопоставимости ответов. По «кумулятивным» ответам достаточно просто и технологично восстановить соответствующие им кривые плотности, которые будут вполне сопоставимы с некумулятивными (моментными) ответами.

Примеры соответствия кривых «ситуационной плотности успеха» и кумулятивных кривых накопленного успеха представлены на рис. 3.

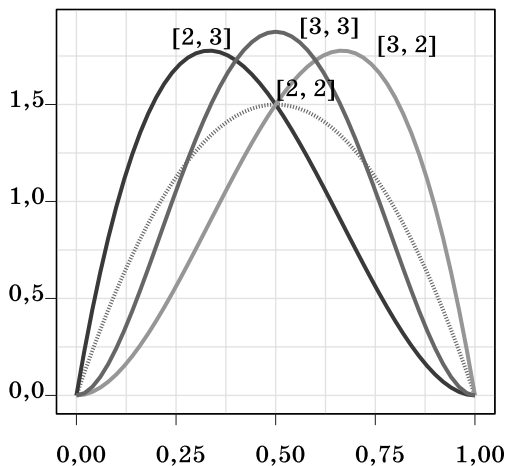
Таким образом по кумулятивным кривым могут быть восстановлены как ожидаемые пики траекторий жизни, так и предполагаемый характер восхождения к ним (крутой, пологий), равно как и характер последующего спада.

Отдельный интерес и содержательную ценность представляют дополнительные (сопутствующие) результаты опросов. Среди них в первую очередь необходимо выделить следующие элементы:

- трактовки и интерпретации значения функции (значений, откладываемых по оси ординат). Некоторое количество респондентов по собственной инициативе сочло необходимым уточнить смыслы, вкладываемые в абстрактное понятие «жизненный успех». В частности, присутствуют пояснения отвечающих относительно того, как ими трактуется понятие «жизненный успех». Например, у некоторых респондентов он напрямую связывается с уровнем дохода;
- стилистика оформления, которая варьировалась от рисунка, выполненного подручными средствами «на скорую руку», до подробно и аккуратно оформленной презентации (для сравнения рис. 4, (a) vs (b) и (c)).

¹ В частности, РГПУ им. А. И. Герцена, СЗИУ РАНХиГС и др.

Примеры графиков «траектория жизни»

Примеры графиков «траектория жизни» (кумулятивная версия)

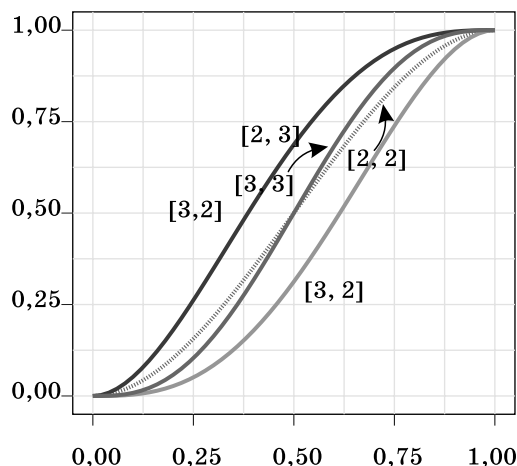

Рис. 3. Примеры графиков для разных значений параметров $[\alpha, \beta]$, плотность vs кумулятивная версия

Fig. 3. Examples of plots for different parameter values $[\alpha, \beta]$, density vs cumulative version

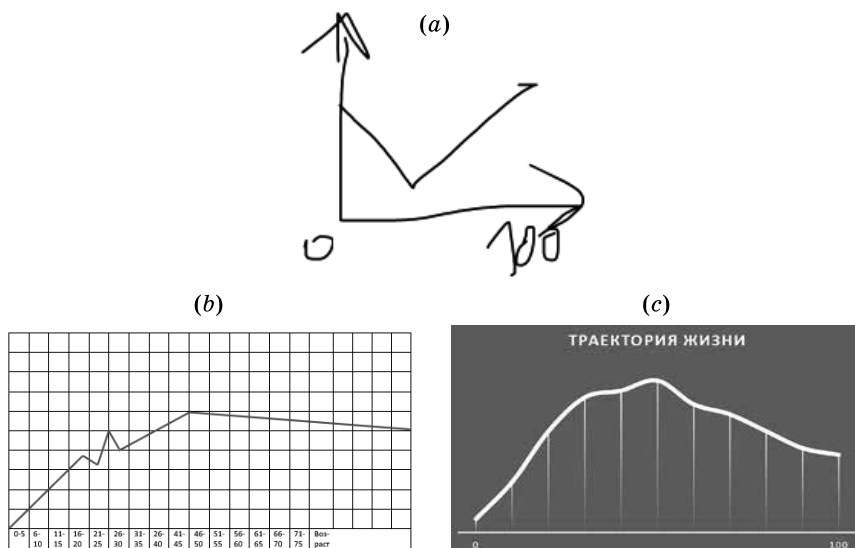

Рис. 4. Примеры типизации траекторий жизни
Fig. 4. Example of typing life trajectories

Информацию об отношении респондентов к проблеме «траектории жизни» отражают даже такие вспомогательные элементы, как фон рисунка, мелкие элементы графика.

Подчеркнем, что респонденты не получали специальных инструкций относительно качества и инструментов оформления. В этой связи представляют особый ин-

терес «авторские интерпретации» показателя, откладываемого по вертикальной оси («жизненного успеха»).

Например, один из респондентов (в инициативном порядке!) предложил следующую персональную шкалу:

- 0–0,5 — период становления личности;
- 0,5–1 — изучение базовых и фундаментальных основ жизни и науки;
- 1–1,5 — период взросления, продолжения изучения и постоянное саморазвитие;
- 1,5–2 — познание, поиск себя и своего предназначения;
- 2–2,5 — семья и дети;
- 2,5–3 — путь к стабильности и познанию жизненных истин;
- 3 — познание и стабильность, продолжение изучения новых аспектов, передача опыта.

«Творческое» отношение к опросу проявлялось в чрезвычайно интересных и показательных комментариях, которые по собственной инициативе оставляли респонденты. Студент из Китая оставил следующее пояснение к своему графику: «Я думаю, что моя идеальная жизненная траектория — иметь счастливое детство в возрасте до 18 лет, накапливать опыт и знания в возрасте 20 лет, накапливать богатство в возрасте от 30 до 40 лет, начать скучную и мирную старость в возрасте 60».

Другой китайский студент предельно основательно и ответственно отнесся к выполнению задания и представил развернутый план пенсионных сбережений, см. рис. 5 (d).

Результаты и обсуждение

Инструменты моделирования (аппроксимации) траекторий жизни с помощью функций плотности класса бета-распределение могут найти конструктивное и технологичное применение в очень широком спектре научных исследований.

В простейшем случае, совмещая на одном графике «пучок траекторий», мы можем осуществлять типизацию субъектов социума с позиций критерия представлений об «идеальных вариантах» развития жизни. Пример подобного анализа приведен на рис. 6. По существу, мы получаем концентрированный образ типических долговременных целеполаганий индивидов, что, несомненно, важно для понимания перспективных тенденций эволюции общества, выработки методов и механизмов социальной мотивации.

Инструментом более строгого количественного анализа может стать biplot-диаграмма, по осям которой откладываются значения параметров α и β , соответственно, см. рис. 7.

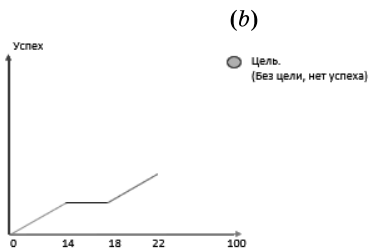
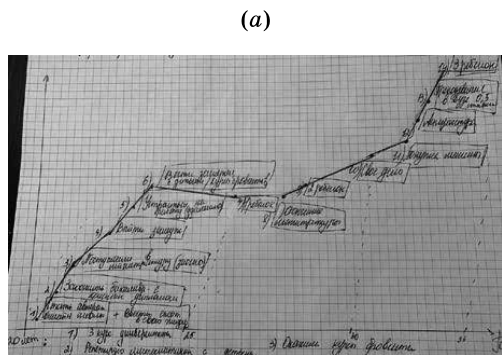
По областям концентрации точек с $[\alpha, \beta]$ -координатами мы можем сделать вывод о доминирующих типах отношений к траектории жизни в исследуемой социальной группе.

Напомним, что исследование носило интернациональный характер (в качестве респондентов выступали как российские, так и китайские студенты). Однако оно не выявило ярких и очевидных национальных различий.

В частности, «ситуационалистские» и «кумулятивистские» типы оценок встречаются как в ответах российских, так и китайских респондентов. Причем, нет оснований для выводов относительно структурно-пропорциональных различий.

Также нет оснований для выводов о существовании различий по национальному признаку респондентов с точки зрения критериев аккуратности, обстоятельности и дополнительной аргументации ответов.

Говоря о перспективах применения, следует обратить внимание на расположение пика траектории (моды бета-функции). Зона пик ε соответствует интервалу повышенной социальной активности (мобильности) субъекта. Наоборот, на зону

До 14 лет училась на «5» все шло в «гору».
 С 15 до 18 подростковый период, книги малоинтересны, саморазвитие остановилось.
 С 18 до 22 опять взялась «за голову», много увлечений и полезных занятий.

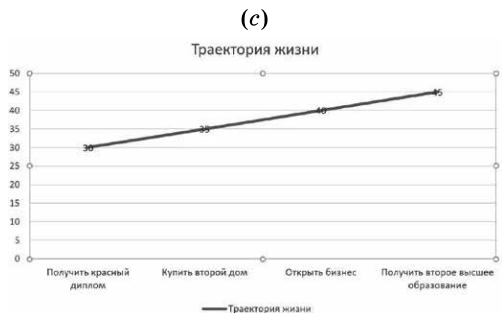

Рис. 5. Примеры типизации траекторий жизни
 Fig. 5. Example of typing life trajectories

пик +ε может приходиться период апатии (разочарования, фрустрации, претензий, деструктивной оппозиционности по отношению к социуму).

Также модели формализации «траектории жизни» могут быть востребованы в процедурах формирования кадровой политики. В случае социально-кадровой политики на государственном уровне — для дифференциации форм поддержки разных категорий трудовых ресурсов. Одни формы — для активных (мотивированных) «пред-пиковых» групп, другие — для демотивированных («пост-пиковых») групп.

Разумеется, речь идет о социально-кадровой макрополитике. При этом необходимо избегать эффектов социальной сегрегации, пренебрежения индивидуальными личностными особенностями.

Одним из значимых и перспективных направлений применения предлагаемых в настоящей статье моделей может стать их использование в качестве инструмента сепарации поколений на основе их самоидентификации с точки зрения выбираемых конфигураций траекторий жизни.

Другими словами, если для опрашиваемых одной возрастной группы (условно именуемой «Ъ») характерен набор конфигураций траекторий, а для опрашиваемых другой возрастной группы («Ы») набор конфигураций ощутимо и устойчиво отличается, то это может рассматриваться как ощутимый аргумент для выделения поколений (или суб-поколений) «Ъ» и «Ы».

Разумеется, вполне жизнеспособными и перспективными представляются исследования, предполагающие не возрастную, а иные типы сепарации (классификации) социума, например, по профессиональным, региональным, имущественным признакам.

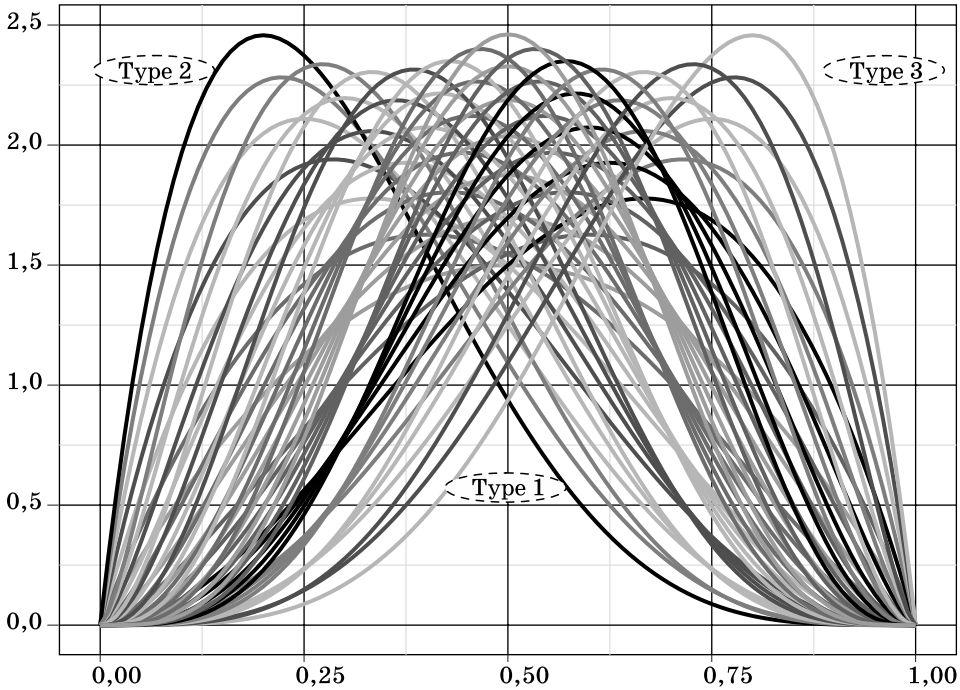

Рис. 6. Влияние параметров $[\alpha, \beta]$ на конфигурацию «траекторий жизни»
 Fig. 6. Influence of parameters $[\alpha, \beta]$ on configuration of "life paths"

К перечисленным выше направлениям применения «траекториальных» моделей близки приложения, связанные с отслеживанием динамики расположения пика («моды») траектории в зависимости от возраста субъекта. Данная проблема естественным образом ассоциируется с популярным мемом «шестьдесят лет — жизнь только начинается». Если переформулировать более строго — с эффектом субъективного сдвига оценки пика траектории жизни по мере старения.

Инструментарий траекториальных моделей может быть существенно расширен и усилен за счет применения байесовских подходов. Например, на основе эмпирических результатов могут быть найдены оценки следующих значений

$$\Pr(\mu|\alpha) = \frac{\Pr(\alpha|\mu)\Pr(\mu)}{\Pr(\alpha)}, \text{ где}$$

$\Pr(\mu|\alpha)$ — условная вероятность, что модальное (пиковое) значение будет достигаться в точке μ при условии, что возраст респондента находится в интервале α ;
 $\Pr(\alpha)$ — безусловная вероятность, что возраст респондента находится в интервале α ;

$\Pr(\alpha|\mu)$ — условная вероятность, что возраст респондента находится в интервале α , при условии, что траектория жизни достигает моды (пика) в точке μ ;

$\Pr(\mu)$ — априорная вероятность того, что значение пика будет достигаться в точке μ .

Исследования в предлагаемом направлении могут представлять интерес и для смежных научных областей. Модельно-методологические подходы, предлагаемые в настоящей статье, могут быть интегрированы в исследования, находящиеся в фар-

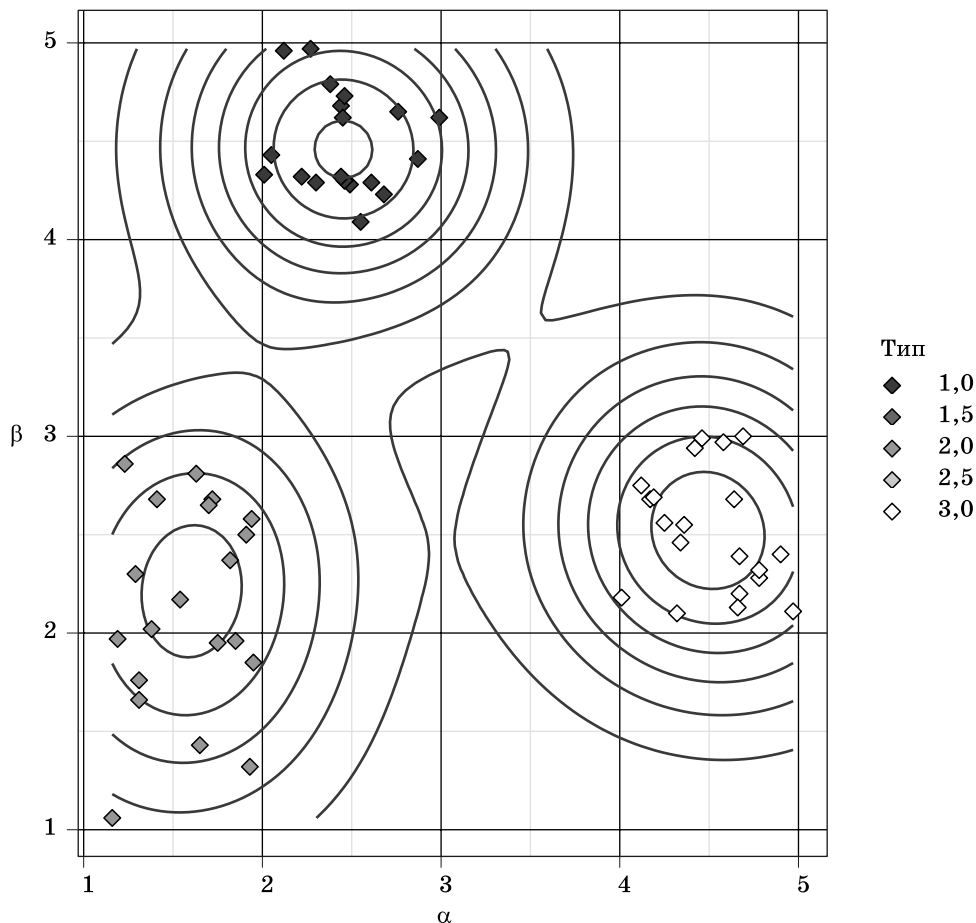

Рис. 7. $[\alpha, \beta]$ -классификация «траекторий жизни»
 Fig. 7. $[\alpha, \beta]$ -classification of "life trajectories"

ватере такого популярного в наше время направления, как поведенческая экономика. $[\alpha, \beta]$ -идентификация субъектов вполне может быть сопряжена с традиционной поведенческой классификацией дискаунтеров (экспоненциальных, наивных гиперболических, предусмотрительных гиперболических и т. п.).

Одно из потенциально важных и перспективных направлений применения подходов и моделей, развиваемых в настоящей статье, связано с их комплексной интеграцией в теоретико-игровые эволюционные модели.

Напомним, что теория эволюционных игр берет свое начало от работ английского биолога и математика Дж. Мейнарда Смита [13; 14; 15]. Традиционным объектом исследования в эволюционной игре является так называемая эволюционно устойчивая стратегия (ЭУС), которая доминирует в исследуемой популяции игроков (субъектов социума, участников, агентов) и побеждает альтернативные («мутантные») стратегии.

В случае инкорпорации в контекст эволюционных игр разные типы траекторий жизни могут трактоваться в качестве стратегий. Соответственно предметом изучения становятся стратегии (траектории), которые обладают свойством эволюцион-

ной устойчивости. В результате появляется возможность предсказания долгосрочных трендов развития общества.

Отдельно следует обратить внимание на содержательные взаимосвязи исследований методов моделирования «траектории жизни» с такими сферами, как рынок труда, профессиональная подготовка трудовых ресурсов, экономика образовательной сферы. В последние годы появились достаточно интересные работы, посвященные тенденциям развития отношений самозанятости [9], новым технологиям оценивания и прогнозирования трудовых ресурсов на региональном уровне [8].

Эффективные методы анализа системы стимулов и мотиваторов субъектов социально-экономической сферы, адекватно объясняющих логику их поведения, могут существенно повлиять на успешность решения проблем в смежных областях.

Заключение

Основной результат исследования, по мнению авторов, состоит в методологическом подходе, позволяющем представлять нечеткие, интуитивные и не вполне определенные представления субъектов современного общества относительно типовых («идеальных») траекторий развития их жизненного пути.

В числе основных преимуществ предлагаемого подхода следует выделить:

- возможность формализации на его основе содержания, вкладываемого в понятия «индивидуальная траектория жизни субъекта общества», «индивидуальные представления о траектории жизни»;
- возможность применения математических (статистических) методов для анализа устойчивых представлений об эталонных моделях жизненного успеха и профессиональной карьеры как на уровне отдельной личности, так и на уровне социальных групп;
- дополнительные возможности при построении группировок и классификаций при проведении социологических и социально-политических исследований.

Значение построенных моделей выражается также в том, что они повышают уровень объективных научных представлений относительно системы фундаментальных жизненных установок и целеполаганий индивидов в современной системе социально-экономических и социально-политических связей.

Последние годы ознаменовались активным и практически повсеместным внедрением систем «искусственного интеллекта». Данные процессы неизбежно окажут влияние на глобальную структуру рынка труда и занятости, а следовательно, на общественные представления о профессиональном и карьерном успехе, об «эталонных жизненных траекториях». Это является дополнительным аргументом в пользу необходимости создания и развития адекватного методологического инструментария.

Предлагаемые в настоящей статье методологические подходы могут найти конструктивное применение как на уровне формирования глобальных социально-экономических проектов, так и на уровне локальных систем, решающих задачи индивидуальной мотивации и управления персоналом.

Литература

1. *Бурдые П.* Биографическая иллюзия // ИНТЕР («ИНТЕРакция. ИНТЕРвью. ИНТЕРпретация»). 2002. 1(1). С. 75–81.
2. *Григорьева И. А., Сизова И. Л.* Траектория старения женщин в современной России // Мир России. Т. 27. № 2, 2018. С. 109–135.
3. *Конюховский П. В.* Оценивание результатов образовательной деятельности: методы и решения // В сборнике: Менеджмент XXI века: социально-экономическая трансформация

- в условиях неопределенности. Сб. науч. статей по материалам XVIII Международной научно-практической конференции. СПб., 2020. С. 209–218.
4. *Конюховский П. В.* О методах оценивания результатов и эффективности образовательной деятельности в современных условиях // Государство и бизнес. Современные тенденции и проблемы развития экономики. Материалы XIII Международной научно-практической конференции. В 3 ч. СПб., 2021. С. 120–132.
 5. *Конюховский П. В., Алипов А. С.* Проблемы развития и совершенствования систем оценивания в условиях цифровой трансформации образовательной сферы // В сб.: Менеджмент XXI века: экономика, общество и образование в условиях новой нормальности. Сб. науч. статей по материалам XX Международной научно-практической онлайн-конференции. СПб., 2022. С. 215–221.
 6. *Королюк В. С., Портенко Н. И., Скороход А. В., Турбин А. Ф.* Справочник по теории вероятностей и математической статистике. М. : Наука, 1985.
 7. *Куракин Д.* Траектория, форма жизни и единство жизненного пути: к уточнению понятия траектории в поведенческих науках [Электронный ресурс]. URL: <https://www.hse.ru/data/2015/04/01/1096719190> (дата обращения: 20.06.2023).
 8. *Курзенев В. А., Перекрест В. Т., Перекрест И. В.* Балансовые технологии исчисления и прогнозного оценивания трудовых ресурсов региональных социально-экономических систем // Управленческое консультирование. 2022. № 4. С. 35–43.
 9. *Мисько О. Н., Цыганкова И. В.* Тенденции развития самозанятости в России // Управленческое консультирование. 2022. № 12. С. 18–31.
 10. *Хазова С. А., Тихонова И. В., Адеева Т. Н.* Жизненные траектории взрослых лиц с ограниченными возможностями здоровья: теория и практика исследования // Петербургский психологический журнал. 2017. № 21. С. 25–44.
 11. *Abdallah S., Thompson S., Michaelson J., Marks N., Steuer N. et al.* The Happy Planet Index 2.0. 2009.
 12. *Ortiz F., Bellotti E.* The Impact of Life Trajectories on Retirement: Socioeconomic Differences in Social Support Networks // Social Inclusion (ISSN: 2183–2803). 2021. Vol. 9. Is. 4. P. 327–338.
 13. *Maynard Smith J., Price G. R.* The Logic of Animal Conflict. Nature. V. 246. P. 5–18.
 14. *Maynard Smith J.* The Theory of Games and Evolution in Animal Conflicts // Journal of Theoretical Biology. 1974. N 47. P. 209–221.
 15. *Maynard Smith J.* Evolution and the Theory of Games. Cambridge : Cambridge University Press: 1974. (M).
 16. *Mercedes B.* El enfoque del curso de vida: orígenes y desarrollo // Revista Latinoamericana de Población. 2011. Vol. 5. N 8. Enero-junio. P. 5–31.
 17. *Valenzuela L. S.* Las trayectorias de vida y el análisis de curso de vida como fuentes de conocimiento y orientación de políticas sociales // Revista perspectivas. 2010. N 21. P. 27–53.

Об авторах:

Конюховский Павел Владимирович, профессор кафедры бизнес-информатики Северо-Западного института управления РАНХиГС; профессор кафедры отраслевой экономики и финансов института экономики и управления Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена (Санкт-Петербург, Российская Федерация), доктор экономических наук, профессор; kon_pv@mail.ru; ORCID 0000-0002-2940-1049

Яковлева Анна Валерьевна, профессор кафедры экономической теории и экономического образования института экономики и управления Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена (Санкт-Петербург, Российская Федерация), доктор экономических наук, доцент; yeif@mail.ru; ORCID 0000-0001-9219-9405

References

1. Burdieu P. (2002) The Biographical Illusion. INTER («INTERaktsiya. INTERvyu. INTERpretatsiya»). 2002. N 1 (1). P. 75–81 (in Rus.).
2. Grigoryeva I., Sizova I. (2018). Aging Trajectories of Women in Modern Russia. Universe of Russia. N 27 (2). P. 109–135. DOI: 10.17323/1811-038X-2018-27-2-109-135 (in Rus.).
3. Konyukhovskiy P.V. Evaluation of the Results of Educational Activities: methods and solutions. Management of the XXI Century: Socio-Economic Transformation under Uncertainty. Contributions of the XVIII International Scientific and Practical Conference. SPb., 2020. P. 209–218 (in Rus.).

4. Konyukhovskiy P.V. Methods for Evaluating the Results and Effectiveness of Educational Activities in Modern Conditions. State and Business. Modern Trends and Problems of Economic Development. Materials of the XIII International Scientific and Practical Conference. SPb., 2021. P. 120–132 (in Rus.).
5. Konyukhovskiy P.V., Alipov A.S. Problems of Development and Improvement of Assessment Systems in the Context of Digital Transformation of the Educational Sphere. Management of the XXI Century: Economy, Society and Education in the New Normality. Contributions of the XX International Scientific and Practical Conference. SPb., 2022. P. 215–221 (in Rus.).
6. Korolyuk V.S., Portenko N.I., Skorohod A.V., Turbin A.F. Handbook of Probability Theory and Mathematical Statistics. M. : Science, 1985 (in Rus.).
7. Kurakin D. Trajectory, the Form of Life and the Unity of the Life Path: to Clarify the Concept of Trajectory in the Behavioral Sciences [Electronic source]. URL: <https://www.hse.ru/data/2015/04/01/1096719190> (accessed: 20.06.2023) (in Rus.).
8. Kurzenev V.A., Perekrst V.T., Perekrst I.V. Balance Technologies for Calculating and Predictive Estimation of Labor Resources for Regional Socio-Economic Systems // Administrative consulting. 2022. N 4. P. 35–43 (in Rus.).
9. Misko O.N., Tsygankova I.V. Trends in the development of self-employment in Russia // Administrative consulting. 2022. N 12. P. 18–31 (in Rus.).
10. Khazova S.A., Tikhonova I.V., Adeeva T.N. Life Trajectories of Adults with Disabilities: Theory and Research Practice // St.-Petersburg psychological journal. N 21 (In Russ.)
11. Abdallah S., Thompson S., Michaelson J., Marks N., Steuer N. et al. The Happy Planet Index 2.0. 2009.
12. Ortiz F., Bellotti E. (2021) The Impact of Life Trajectories on Retirement: Socioeconomic Differences in Social Support Networks // Social Inclusion (ISSN: 2183–2803). 2021. Vol. 9. Is. 4. P. 327–338.
13. Maynard Smith J., Price G.R. The Logic of Animal Conflict. Nature. V. 246. P. 5–18.
14. Maynard Smith J. The Theory of Games and Evolution in Animal Conflicts // Journal of Theoretical Biology. 1974. N 47. P. 209–221.
15. Maynard Smith J. Evolution and the Theory of Games. Cambridge : Cambridge University Press: 1974. (M).
16. Mercedes B. El enfoque del curso de vida: orígenes y desarrollo // Revista Latinoamericana de Población. 2011. Vol. 5. N 8. Enero-junio. P. 5–31.
17. Valenzuela L.S. Las trayectorias de vida y el análisis de curso de vida como fuentes de conocimiento y orientación de políticas sociales // Revista perspectivas. 2010. N 21. P. 27–53.

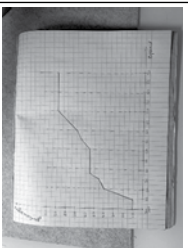

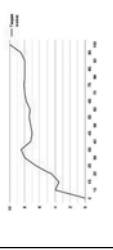

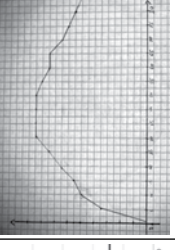
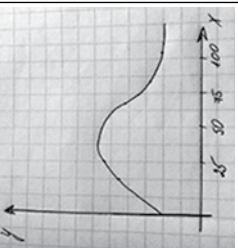
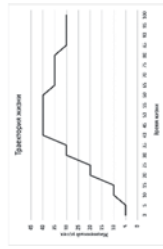
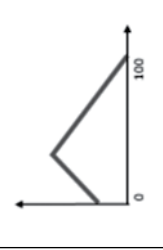

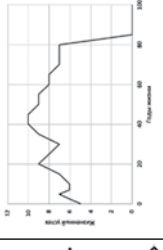

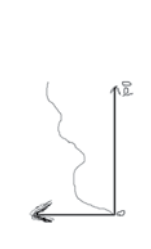
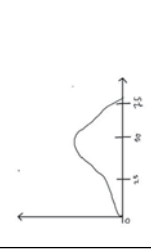
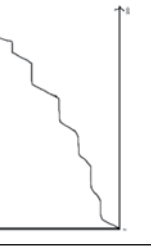

About the authors:

Pavel V. Konyukhovskiy, Professor of the Chair of Business Informatics of North-West Institute of Management, Branch of RANEPa; Professor of the Chair of Sectoral Economics and Finance, Institute of Economics and Management, Herzen State Pedagogical University (St. Petersburg, Russian Federation), Doctor of Economics, Professor; kon_pv@mail.ru; ORCID 0000-0002-2940-1049

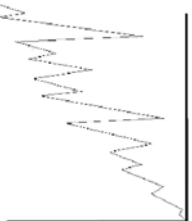
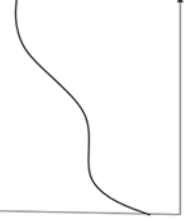

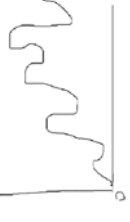
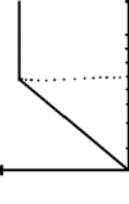
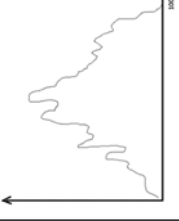

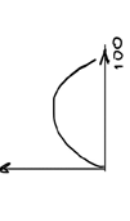

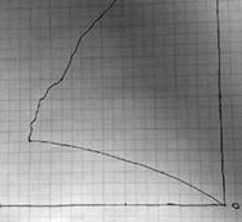
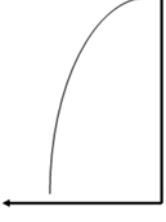
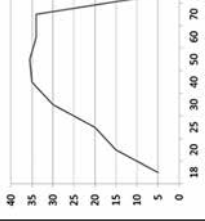

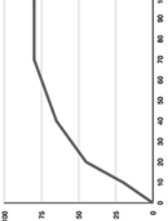

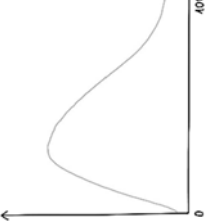

Anna V. Yakovleva, Professor of the Chair of Economic Theory and Economic Education, Institute of Economics and Management, Herzen State Pedagogical University (St. Petersburg, Russian Federation), Doctor of Economics, Associate Professor; yeif@mail.ru; ORCID 0000-0001-9219-9405

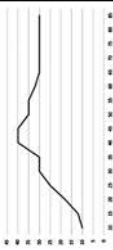
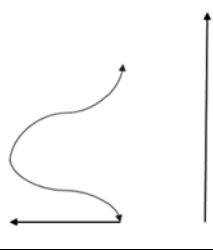
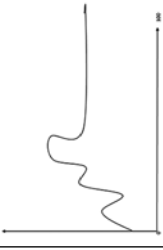
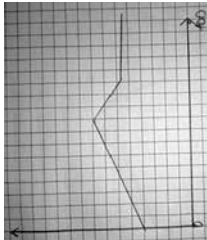

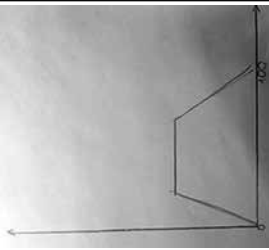
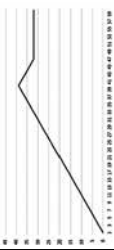
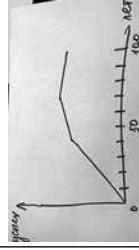
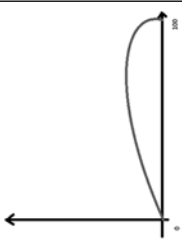
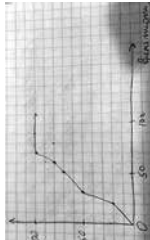
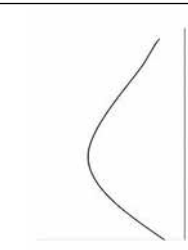

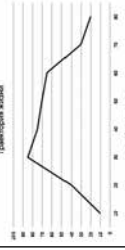
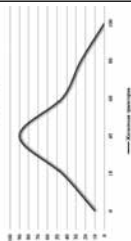
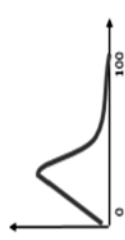
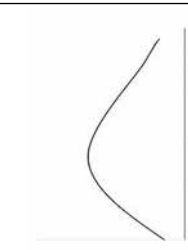

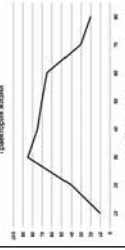
Приложение

Студенты программы «Бизнес-информатика», 2018 год поступления							
A-1		A-2		A-3		A-4	
A-5		A-6		A-7		A-8	
A-9		A-10		A-11		A-12	
Студенты программы «Бизнес-информатика», 2019 год поступления							
B-1		B-2		B-3		B-4	
B-5		B-6					

В-7		В-8		В-9		В-10		В-11		В-12	
В-13		В-14		В-15		В-16		В-17		В-18	
Студенты программы «Бизнес-информатика», 2020 год поступления											
С-1		С-2		С-3		С-4		С-5		С-6	

Продолжение приложения

C-7	C-8	C-9	C-10	C-11	C-12
					
<p>Студенты программы «Педагогическое образование (экономическое образование)», 2021 год поступления</p>					
D-1	D-2	D-3	D-4	D-5	D-6
					
D-7	D-8	D-9	D-10	D-11	D-12
					

Студенты программы «Управление персоналом», 2019 год поступления, заочная форма обучения											
U-1		U-3		U-4		U-5		U-6			
U-2		U-9		U-10		U-11		U-12			
U-7		U-8		W-3		W-4		W-5		W-6	
Студенты программы «Управление персоналом», 2020 год поступления, очная форма обучения											
W-1		W-2		W-3		W-4		W-5		W-6	

Продолжение приложения

W-7		W-8		W-9		W-10		W-11		W-12			
Студенты программы «Менеджмент организации», 2020 год поступления, очная форма обучения													
M-1		M-2		M-3		M-4		M-5					
Студенты программы «Экономика», 2019 год поступления, очная форма обучения													
E-1		E-2		E-3		E-4		E-5		E-6			

E-7		E-8		E-9		E-10		E-11			
Студенты программы «Педагогическое образование (экономическое образование)», 2022 год поступления											
J-1		J-2		J-3		J-4		J-5		J-6	
J-7		J-8		J-9		J-10		J-11		J-12	

Система внутреннего контроля предприятия как инструмент обеспечения экономической безопасности

Гурьянов А. В.¹, Плотников В. А.^{2, *}, Юсуфова А. М.³

¹Петербургский государственный университет путей сообщения Императора Александра I, Санкт-Петербург, Российская Федерация

²Санкт-Петербургский государственный экономический университет, Санкт-Петербург, Российская Федерация; *plotnikov_2000@mail.ru

³Дагестанский государственный технический университет, г. Махачкала, Российская Федерация

РЕФЕРАТ

Российская экономика сегодня сталкивается с серьезными проблемами из-за внешних санкций, которые направлены на ее всемерное ослабление. Это приводит к возникновению новых и обострению существующих проблем в области обеспечения экономической безопасности предприятий. Деятельность по управлению процессами защиты экономических интересов предприятий в этих условиях нуждается в активизации. Значимую роль в этом играет функционирование системы внутреннего контроля предприятия. **Цель исследования:** выполнить анализ функционирования системы внутреннего контроля предприятия в контексте решения задач обеспечения его экономической безопасности. **Методы исследования:** анализ динамики рисков и угроз экономической безопасности предприятий, функциональный анализ, методы структурного и сравнительного анализа, исследование базируется на идеях комплексирования управления предприятиями, что подразумевает интеграцию различных его подсистем, в частности — систем внутреннего контроля и обеспечения экономической безопасности. В статье обоснована необходимость внедрения и развития внутреннего контроля на предприятии и рассматривается значение системы внутреннего контроля как фактора повышения экономической безопасности предприятия. Основными задачами экономической безопасности предприятия в этом контексте обозначены: своевременное выявление и предотвращение неблагоприятных явлений в деятельности предприятия; обеспечение соблюдения действующего законодательства; защита активов; контроль достоверности предоставляемой отчетности; проведение анализа процессов хозяйственной деятельности предприятия. Эти задачи коррелируют с задачами системы внутреннего контроля предприятия.

Ключевые слова: антироссийские санкции, система внутреннего контроля, турбулентность бизнес-среды, экономическая безопасность предприятия, эффективность менеджмента

Для цитирования: Гурьянов А. В., Плотников В. А., Юсуфова А. М. Система внутреннего контроля предприятия как инструмент обеспечения экономической безопасности // Управленческое консультирование. 2024. № 1. С. 74–83.

Internal Control System of the Enterprise as Instrument for Ensuring Economic Security

Andrey V. Guryanov¹, Vladimir A. Plotnikov^{2,*}, Agakhanum M. Yusufova³

¹St. Petersburg State Transport University of Emperor Alexander I, St. Petersburg, Russian Federation

²St. Petersburg State University of Economics, St. Petersburg, Russian Federation; *plotnikov_2000@mail.ru

³Dagestan State Technical University, Makhachkala, Russian Federation

ABSTRACT

The Russian economy today faces serious problems due to external sanctions, which are aimed at weakening it in every possible way. This leads to the emergence of new and aggravation of existing problems in the field of ensuring the economic security of enterprises. Activities to

manage the processes of protecting the economic interests of enterprises in these conditions need to be intensified. The functioning of the enterprise's internal control system plays a significant role in this. Purpose of the study: to analyze the functioning of the enterprise's internal control system in the context of solving the problems of ensuring its economic security. Research methods: analysis of the dynamics of risks and threats to the economic security of enterprises, functional analysis, methods of structural and comparative analysis, the study is based on the ideas of integrating enterprise management, which implies the integration of its various subsystems, in particular, internal control systems and ensuring economic security. The article substantiates the need to introduce and develop internal control at an enterprise and examines the importance of the internal control system as a factor in increasing the economic security of an enterprise. The main objectives of the economic security of an enterprise in this context are identified as: timely identification and prevention of adverse events in the activities of the enterprise; ensuring compliance with current legislation; asset protection; control of the reliability of the reporting provided; carrying out analysis of the processes of economic activity of the enterprise. These tasks correlate with the tasks of the enterprise's internal control system.

Keywords: anti-Russian sanctions, internal control system, turbulence of the business environment, economic security of the enterprise, management efficiency

For citing: Guryanov A. V., Plotnikov V. A., Yusufova A. M. The internal control system of an enterprise and its importance for ensuring economic security // Administrative consulting. 2024. N 1. P. 74–83.

Введение

В условиях современной турбулентности экономического развития, обусловленной негативным влиянием антироссийских санкций [4; 5; 14], процессы экономической деятельности предприятий протекают в условиях высокой неопределенности, что является предпосылкой для возникновения новых и обострения ранее имевшихся угроз их экономической безопасности. Суперпозиция этих угроз, их сложение и наложение приводят к неустойчивости национальной экономики в целом, которая хотя и демонстрирует, начиная со 2 квартала 2023 г., увеличение выпуска, тем не менее этот рост пока еще не является достаточно уверенным, во многом он обеспечен увеличением загрузки предприятий оборонного комплекса, которую можно рассматривать в качестве ситуационного, но не фундаментального фактора роста.

Обострение проблем в области обеспечения экономической безопасности российских предприятий [17; 23] ставит перед наукой и практикой вопрос поиска инструментария, который позволил бы менеджменту нивелировать угрозы экономической безопасности, не дать им реализоваться, а в случае реализации — быстро и эффективно минимизировать последствия этого события. В литературе приводятся различные рекомендации по выбору соответствующего инструментария [1; 6; 8; 10; 16]. Соглашаясь с выводами специалистов, тем не менее, отметим, что не следует сбрасывать со счетов и хорошо известные, традиционные инструменты обеспечения эффективности менеджмента и стабильности, предсказуемости развития предприятий. К числу такого рода инструментов можно отнести внутренний контроль [7].

Материалы и методы

Необходимость создания механизмов внутреннего контроля определяется тем, что действенный внутренний контроль не только обеспечивает эффективность и планомерность функционирования предприятий, но и защищает их от рисков и неопределенностей, которые оказывают негативное воздействие на экономическую безопасность предприятий. Система внутреннего контроля (СВК) включает комплекс

мер, принятых руководством организации, которые направлены на упорядоченное и эффективное ведение хозяйственной деятельности.

Согласно приказу ФНС от 25 мая 2021 г. № ЕД-7-23/518, СВК должна обеспечивать: точный расчет и своевременность уплаты налогов и сборов; выявление, оценку, смягчение или устранение рисков, связанных с ошибочным расчетом или задержкой уплаты налогов, взносов и сборов; комплексное представление информации в бухгалтерской, налоговой и иной отчетности; соблюдение законодательства Российской Федерации при осуществлении хозяйственной деятельности; внутренний контроль для обеспечения соблюдения налогового законодательства и предотвращения уклонения от уплаты налогов; создание регулярных программ обучения и развития сотрудников, направленных на улучшение их понимания налогового законодательства и требований к его соблюдению; проведение периодических проверок для проверки точности и полноты финансовой отчетности и налоговых деклараций; мониторинг результатов контрольных процедур.

Безусловно, приведенный перечень, разработанный специалистами налоговой службы, делает акцент на соблюдение налоговой дисциплины, поэтому он заузен. Тем не менее, при создании и совершенствовании на предприятиях СВК, этот перечень может быть взят за основу, но его следует расширить за счет иных направлений деятельности предприятий и функций управления ими. Действенная СВК позволяет снизить риски ведения хозяйственной деятельности и за счет этого обеспечить экономическую безопасность предприятий. В этой связи, наряду с СВК (как самостоятельный элемент системы менеджмента предприятия либо как подсистема системы СВК) можно рекомендовать формирование на предприятиях системы управления рисками (СУР) [3; 9].

Эффективный контроль и управление рисками тесно связаны с функциями системы обеспечения экономической безопасности [15]. Экономическая безопасность предполагает оптимальное (по некоторому критерию) использование экономических ресурсов предприятия, защиту его от рисков нанесения ущерба его активам и экономическим интересам, что обеспечивает как текущую, так и будущую стабильность. По мнению авторов, для достижения заданного уровня экономической безопасности предприятия должны вести свою деятельность взвешенно и сбалансированно, с использованием функциональных возможностей СВК и СУР.

Менеджмент предприятия, даже если абстрагироваться от целей обеспечения экономической безопасности, стремится минимизировать риски, стараясь предотвращать форс-мажорные ситуации, ошибки или незаконные проявления в ходе своей хозяйственной деятельности. В силу разнообразия негативных факторов, влияющих на предприятие, некоторые (в основном — крупные, имеющие для этого достаточные ресурсы) из них предпочитают создавать систему внутреннего контроля в качестве выделенной, самостоятельной подсистемы системы менеджмента. Основная цель СВК — гарантировать соответствие всех процессов стратегическим и тактическим планам и целям, способствуя повышению операционной эффективности и соблюдению нормативных требований, предъявляемых к бизнесу основными стейкхолдерами.

Обеспечение точности регламентов мониторинга и отчетности в СВК имеет важное значение прежде всего потому, что внешние аудиторы, используя выводы внутренних аудиторов (контролеров), проверяют не только правильность отражения операций в бухгалтерском учете, соблюдение требований качества, внутренних регламентов и т. д., но и соблюдение антимонопольных требований, коррупционное, банковское, налоговое и другое законодательство. Эта проверка необходима для обеспечения непрерывности деятельности хозяйствующих субъектов и защиты от потенциальных сбоев, то есть недопущения ситуации реализации критических угроз и рисков экономической безопасности.

Создание СВК проявляется, прежде всего, в обеспечении предоставления полной и достоверной отчетности всем заинтересованным лицам. Более того, деятельность, проводимая в рамках такой системы, заметно снижает риск и вероятность мошеннических действий в отношении активов предприятия. К сожалению, малый и средний бизнес в России не уделяет должного внимания построению систем внутреннего контроля, что в дальнейшем часто приводит к неэффективности принимаемых управленческих решений. В результате, в кризисных условиях малые и средние предприятия в большей степени испытывают сложности, связанные с ослаблением их экономической безопасности, что требует повышенного внимания к этим вопросам со стороны как государственных органов, так и отраслевых (в том числе — саморегулируемых) организаций [11; 22].

С каждым годом важность организации и создания систем внутреннего контроля становится все более очевидной и сегодня признается на национальном уровне, чему в немалой степени способствовали макрошоки последних лет: пандемический и санкционный [13]. Тем не менее, внедрение систем внутреннего контроля на многих из предприятий часто игнорируется или осуществляется просто как формальность [21], что связано, по нашему мнению, не столько с нехваткой ресурсов, сколько с непониманием менеджерами важности осуществления действенного контроля.

Результаты и обсуждение

Функционирование СВК нацелено на достоверную оценку законности, правомерности, эффективности, рациональности и безопасности ведения хозяйственной деятельности предприятием. Наличие такой оценки позволяет обеспечить менеджмент актуальной релевантной информацией для принятия решений, что приобретает особую значимость в предкризисных и кризисных условиях [2]. При этом, действенность контроля обеспечивается не только строгой регламентацией его осуществления, но и системой внутреннего аудита.

Контроль и аудит в литературе часто рассматриваются как близкие по смыслу понятия, поэтому проведем их демаркацию:

- *во-первых*, внутренний контроль, как следует из его названия, осуществляется внутри предприятия и включает в себя разработку и внедрение политик, процедур и процессов для управления рисками и обеспечения соответствия, с другой стороны, внутренний аудит может проводиться как независимым подразделением внутри предприятия, так и внешней стороной для оценки эффективности системы внутреннего контроля и обеспечения уверенности в ее адекватности;
- *во-вторых*, в то время, как внутренний контроль фокусируется на текущих процессах и процедурах, внутренний аудит проводит периодические проверки и оценки для выявления «узких мест», оценки соответствия деятельности установленным и разработки рекомендаций по улучшению;
- *в-третьих*, сама система внутреннего контроля может подвергаться тщательно-му изучению и оценке в рамках внутреннего аудита, обеспечивающего ее эффективность и соответствие целям предприятия и нормативным требованиям.

Несмотря на то, что принципиально значимые подходы к формированию и организации функционирования СВК обладают некоторым единством, следует отметить и отраслевую дифференциацию этих систем. Она, в контексте нашего исследования, определяется тем обстоятельством, что угрозы и риски экономической безопасности, помимо общесистемных, имеют и отраслевые проявления. Характерным примером здесь может выступать деятельность предприятий различных отраслей в 2020 г., когда для противодействия распространения новой коронавирусной инфекции вводились многочисленные ограничения.

Так, властями приостанавливалась деятельность предприятий общественного питания, гостиниц, некоторых магазинов и др.; вводились довольно строгие ограничения на деятельность транспортных предприятий, организаций сферы образования и др.; в то же время, большинство предприятий промышленности, строительства, сельского хозяйства с подобными ограничениями столкнулось в гораздо меньшей степени. А в отношении предприятий, отнесенных к критической инфраструктуре, фактически введенные ограничения были весьма незначительными. То есть, уровень влияния пандемии на экономическую безопасность предприятий был существенно разным в разных отраслях.

Далее в качестве примера рассмотрим особенности осуществления внутреннего контроля в деятельности нефтегазовых компаний. Выбор именно этого сектора экономики обусловлен тем, что в современной России он играет ведущую роль. Например, в 2022 г. нефтегазовые доходы бюджета составили 11,586 трлн руб., в 2023 г. — 8,822 трлн руб., на 2024 г. запланирован рост нефтегазовых доходов на 30% к 2023 г., они должны составить 11,5 трлн руб. (см.: <https://www.vedomosti.ru/economics/news/2024/02/05/1018452-neftegazovie-dohodi-byudzheta>). Поэтому нарушение экономической безопасности предприятий нефтегазового сектора негативно сказывается не только на устойчивости их работы, но и на уровне национальной экономической безопасности.

Бизнес в нефтегазовой сфере имеет ряд особенностей, влияющих на выбор моделей и инструментов управления, в том числе в сфере контроля и обеспечения экономической безопасности. Назовем основные особенности:

1. Существует широкая распространенность вертикально-интегрированных структур, что предполагает консолидацию в производственной цепочке подразделений, ответственных за следующие укрупненные бизнес-процессы: разведка; добыча; транспортировка; переработка; реализация.

2. При построении СВК целесообразно придерживаться принципа методологического единства, что предполагает установление единых подходов к разработке, управлению и координации систем внутреннего контроля в материнской и дочерних компаниях. Это же относится к осуществлению деятельности по обеспечению экономической безопасности.

3. В секторе наблюдается довольно высокая доля государственного участия (в ключевых компаниях рассматриваемого сектора: «Роснефть» — свыше 40%, «Газпром» — свыше 50,23%). Таким образом, при формировании СВК необходимо учитывать не только корпоративные требования, но и требования, предъявляемые государством, как собственником.

4. Этому сектору экономики присуща высокая территориальная обособленность подразделений, размещение предприятий происходит на значительной территории, они являются территориально распределенными. Непосредственно производственная деятельность, при этом, зачастую осуществляется на удаленных и труднодоступных территориях, а материнская (управляющая) компания действует из централизованного бизнес-центра, расположенного в столице страны или региона. В результате контрольная деятельность становится затрудненной, так как территориальная удаленность подразделений может привести к вводу их представителями в СВК неполной или неадекватной информации.

В силу высокой общественной значимости результатов деятельности предприятий нефтегазового сектора, здесь присутствует довольно активное государственное регулирование, в частности действуют механизмы лицензирования и надзора, установлены крупные штрафы для нарушителей. Это приводит к тому, что появляется дополнительная совокупность рисков и угроз экономической безопасности, обусловленных возможным несоблюдением государственных требований. В этой связи, целесообразно включать инструменты комплаенс-контроля и снижения ком-

плаенс-рисков в систему внутреннего контроля нефтегазовых предприятий. Такая интеграция гарантирует, что предприятие соблюдает нормативные требования, это сводит к минимуму вероятность их несоблюдения.

Учитывая технологическую сложность деятельности нефтегазовых предприятий, они нуждаются во взаимодействии с многочисленными поставщиками как из России, так и из-за рубежа (многие из которых в условиях санкций отказались от сотрудничества в одностороннем порядке, что вызвало риски устойчивости и непрерывности деятельности рассматриваемых предприятий). Поэтому обязательным компонентом построения системы внутреннего контроля является включение контура мониторинга закупочной деятельности, который охватывает:

- процесс выбора поставщиков: установление критериев отбора и проверки поставщиков для обеспечения их соответствия установленным стандартам и требованиям;
- управление контрактами: обеспечение того, чтобы контракты с поставщиками были четко определены, соответствовали законодательным и корпоративным требованиям и эффективно управлялись на протяжении всего их жизненного цикла;
- процедуру авторизации закупок: внедрение формальных процедур авторизации закупок для предотвращения несанкционированной закупочной деятельности;
- проверку счетов и обработку платежей: проверку счетов на соответствие заказам на покупку и контрактам для обеспечения точности и законности перед обработкой платежей;
- управление запасами: мониторинг и контроль уровня запасов для предотвращения дефицита, избытка запасов или устаревания хранимых в запасах материалов;
- оценку работы поставщика: регулярную оценку работы поставщика на основе заранее определенных показателей, таких как качество, своевременность доставки и соблюдение договорных обязательств;
- контроль за коррупцией: исключение возможностей для корпоративной коррупции в закупочной деятельности.

Высокая капиталоемкость производства в нефтегазовом секторе создает существенные инвестиционные и имущественные риски. В этой связи, усиливается необходимость оптимизации затрат и раскрытия внутренних резервов. Во время кризиса (например, как это произошло весной 2022 г., в период, когда антироссийские санкции «коллективным Западом» вводились наиболее активно и системно) управление запасами служит важным инструментом для эффективной работы всех структурных элементов предприятия и их согласованного функционирования. Это позволяет предприятиям выявлять и ликвидировать накопленные неликвидные активы, тем самым генерируя необходимые средства, а также сокращая складские площади и последующие расходы на аренду.

Антироссийские санкции нанесли значительный удар именно по нефтегазовым предприятиям [12; 18–20], особенно с точки зрения нарушения налаженных каналов продаж, затруднений в закупках, обслуживании и ремонте оборудования, усложнения трансграничных транзакций и возникновения логистических сбоев. Санкции включают различные меры, в том числе вводились блокирующие санкции, которые влекут за собой замораживание активов и запрет операций с юридическими и физическими лицами, включенными в санкционные списки. Кроме того, были введены секторальные санкции, направленные против конкретных секторов экономики, налагая ограничения на определенные виды деятельности в этих секторах, что еще больше ограничило деятельность нефтегазовых компаний, способствовало возникновению многочисленных отраслевых специфичных рисков и угроз экономической безопасности.

Можно выделить следующие направления модернизации СВК с учетом санкционных рисков и необходимости повышения эффективности работы по обеспечению экономической безопасности предприятий:

1. Риск изменения санкционного режима, в том числе появление новых санкций — мониторинг введенных санкций со стороны США, ЕС, Великобритании и др.

2. Риск введения вторичных санкций для экспортеров — ограничение работы с компаниями из санкционного списка, участие в закрытых аукционах, защита информации, в частности перевод информации о работе с контрагентом в категорию сведений ограниченного распространения.

3. Риск множественности санкционных режимов — санкции различаются в зависимости от стран, их вводящих, это позволяет осуществлять своего рода «лавирирование» между различными санкционными режимами.

4. Риск автоматического попадания предприятия в санкционный список вследствие попадания в него бенефициаров (правило 50%) — мониторинг доли участия, контроля компании лицами из санкционных списков.

5. Риск возможности исключений из санкционного режима — отслеживание подобных исключений для поиска благоприятных возможностей для развития и функционирования, несмотря на санкции.

6. Риск использования схем обхода санкций — применение подобных схем квалифицируется как нарушение и может иметь последствия в виде штрафов или новых санкций, в этой связи такая деятельность (по обходу санкций) должна тщательно прорабатываться с правовых позиций.

Заключение

Таким образом, проведенное исследование позволяет прийти к выводу, что внутренний контроль представляет собой неотъемлемую и важную составляющую любой системы управления, являясь одной из форм обратной связи в ней. Через этот механизм управляющая система получает информацию о реальном состоянии управляемой системы, что позволяет оперативно и адекватно реагировать на неблагоприятные изменения. Формирование системы внутреннего контроля позволяет не только повысить эффективность управления на предприятиях, но и решать задачи обеспечения их экономической безопасности, что приобретает особую значимость в современных условиях повышенной неустойчивости и неопределенности деловой среды.

Интеграция СВК и системы управления экономической безопасностью предприятия позволяет получить следующие основные эффекты: действенный контроль и надзор за выполнением установленных процедур и политик; раннее выявление и устранение ошибок, несоответствий и потенциальных рисков экономической безопасности; поддержание соответствия деятельности предприятия законодательству и внутренним стандартам; обеспечение сохранности активов и защиты от мошенничества и хищений; повышение эффективности бизнес-процессов; рационализация использования ресурсов; адекватное информационное обеспечение принимаемых решений; повышение уровня доверия и прозрачности процессов для всех стейкхолдеров; содействие достижению целей и задач деятельности даже в условиях высокорисковой и турбулентной бизнес-среды.

Литература

1. Васильев В. Л., Седов С. А., Устюжина О. Н. Бережливое производство как метод повышения экономической безопасности предприятий и организаций // Интернет-журнал Науковедение. 2015. Т. 7, № 5 (30). С. 17. <http://dx.doi.org/10.15862/33EVN515>
2. Вертакова Ю. В., Мандрусова А. И. Значение управленческого решения в различных школах управления // Управленческие науки. 2020. № 3. С. 61–77. <https://doi.org/10.26794/2404-022X-2020-10-3-61-77>

3. Грибанова Н. Н. Методические вопросы формирования корпоративной системы управления рисками // *Baikal Research Journal*. 2013. № 1. С. 15.
4. Гришков В. Ф. Противостояние России и «коллективного Запада»: влияние на промышленное производство // Теория и практика сервиса: экономика, социальная сфера, технологии. 2023. № 1 (55). С. 21–26. <https://sciup.org/148326177>
5. Дудин М. Н., Шкодинский С. В., Иванов М. О. Актуальные проблемы обеспечения финансово-го суверенитета России в условиях международных санкций // *Финансы: теория и практика*. 2023. Т. 27. № 1. С. 185–194. <https://doi.org/10.26794/2587-5671-2023-27-1-185-194>
6. Ендовицкая А. В., Волкова Т. А. Финансовая устойчивость как фактор экономической безопасности предприятия // *Вестник Воронежского государственного университета инженерных технологий*. 2015. № 3 (65). С. 258–162. <https://doi.org/10.20914/2310-1202-2015-3-258-262>
7. Казанцева А. Н., Плотников В. А. Развитие системы внутреннего контроля в современных компаниях: теоретические подходы и предложения по совершенствованию // *Управленческое консультирование*. 2018. № 10 (118). С. 99–108. <https://doi.org/10.22394/1726-1139-2018-10-99-108>
8. Макарова В. И., Елисеева И. В., Елисеева А. И. Лизинг как инструмент обновления основных средств и обеспечения экономической безопасности предприятия // *Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева*. 2016. Т. 2, № 2. С. 61–67.
9. Матвеев Б. А. Система управления риском // *Вестник ЮУрГУ. Серия: Экономика и менеджмент*. 2007. № 5 (77). С. 70–75.
10. Мелешко Ю. В. Цифровизация предприятия горной промышленности как фактор обеспечения его экономической безопасности // *Технико-технологические проблемы сервиса*. 2020. № 3 (53). С. 59–63. EDN SSZTKN
11. Минаков А. В. Экономическая безопасность субъектов малого и среднего бизнеса в современных условиях: понятие и анализ подходов // *Вестник экономики, права и социологии*. 2018. № 3. С. 36–40.
12. Пешкова Г. Ю., Супатаев Т. М. Методическое сопровождение системы обеспечения экономической безопасности предприятия нефтегазовой отрасли // *Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета*. 2022. № 2 (134). С. 74–78. EDN JDZCOT
13. Плотников А. В., Харламов А. В. Направления нейтрализации негативного влияния неэкономических шоков на реальный сектор экономики России // *Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета*. 2023. № 1 (139). С. 50–58. EDN QQPSKE
14. Плотников В. А. Перспективы экономического развития в условиях постнормальности // *Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета*. 2022. № 6 (138). С. 15–21. EDN RWCNRH
15. Плотников В. А., Федотова Г. В. Генезис контроля в системе публичного управления России // *Экономическое возрождение России*. 2013. № 2 (36). С. 101–110.
16. Плужников В. Г., Кухаренко С. И., Шикина С. А. Диагностика как инструмент обеспечения экономической безопасности предприятия // *Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Экономика и менеджмент*. 2017. Т. 11. № 1. С. 36–44. EDN YHPXHN
17. Погодина В. В., Редькина Т. М., Смирнов А. А. Вызовы экономической безопасности России в условиях проведения специальной военной операции // *Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета*. 2023. № 5 (143). С. 82–85. EDN IFUBRV
18. Семикашев В., Гайворонская М. Возможности и ограничения развития российской газовой отрасли в условиях санкций на перспективу до 2030 г. // *Энергетическая политика*. 2023. № 9 (188). С. 26–39.
19. Славецкая Н. С. Страновой риск для международных нефтегазовых компаний в условиях устойчивого развития // *Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета*. 2023. № 3-1 (141). С. 29–33. EDN WBPHFH
20. Флегонтов Н. А. Воздействие экономических санкций на финансирование нефтегазовых проектов в российской Арктике // *Проблемы постсоветского пространства*. 2023. Т. 10, № 3. С. 218–233. <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2023-10-3-218-233>
21. Ширяева Г. Ф., Макарова В. И. Совершенствование внутреннего контроля на предприятии // *Вестник Евразийской науки*. 2019. № 2. <https://esj.today/PDF/31ECVN219.pdf>
22. Юсуфова А. М. Шоки внешней среды и жизнеспособность организаций // *Теория и практика сервиса: экономика, социальная сфера, технологии*. 2020. № 3 (45). С. 23–26. <https://sciup.org/148320310>
23. Юсуфова А. М. Экономическая безопасность предприятий: подходы к обеспечению в условиях современной политико-экономической турбулентности // *Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета*. 2023. № 6-1 (144). С. 188–193. EDN ZQFQBC

Об авторах:

Гурьянов Андрей Владимирович, Петербургский государственный университет путей сообщения Императора Александра I (Санкт-Петербург, Российская Федерация), профессор кафедры экономики транспорта, доктор экономических наук, доцент; info@elavt.spb.ru

Плотников Владимир Александрович, Санкт-Петербургский государственный экономический университет (Санкт-Петербург, Российская Федерация), профессор кафедры общей экономической теории и истории экономической мысли, доктор экономических наук, профессор; plotnikov_2000@mail.ru

Юсупова Агаханум Мирземагомедовна, Дагестанский государственный технический университет (г. Махачкала, Российская Федерация), старший преподаватель кафедры экономической теории; u.agahka@yandex.ru

References

1. Vasilyev V. L., Sedov S. A., Ustyuzhina O. N. Lean production as a method of increasing the economic security of enterprises and organizations // Internet journal of Science [Internet-zhurnal Naukovedenie]. 2015. Vol. 7, N 5 (30). P. 17. <http://dx.doi.org/10.15862/33EVN515> (in Rus).
2. Vertakova Yu. V., Mandrusova A. I. The importance of management decisions in various schools of management // Management Sciences [Upravlencheskie nauki.]. 2020. N 3. P. 61–77. (in Rus).
3. Gribanova N. N. Methodological issues of forming a corporate risk management system // Baikal Research Journal. 2013. N 1. P. 15. (in Rus).
4. Grishkov V. F. Confrontation between Russia and the “collective West”: influence on industrial production // Theory and practice of service: economics, social sphere, technology [Teoriya i praktika servisa: ekonomika, sotsial'naya sfera, tekhnologii]. 2023. N 1 (55). P. 21–26. <https://sciup.org/148326177> (in Rus).
5. Dudin M. N., Shkodinsky S. V., Ivanov M. O. Current problems of ensuring the financial sovereignty of Russia in the context of international sanctions // Finance: theory and practice [Finansy: teoriya i praktika]. 2023. Vol. 27, N 1. P. 185–194. <https://doi.org/10.26794/2587-5671-2023-27-1-185-194> (in Rus).
6. Endovitskaya A. V., Volkova T. A. Financial stability as a factor in the economic security of an enterprise // Bulletin of the Voronezh State University of Engineering Technologies [Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta inzhenernykh tekhnologii]. 2015. N 3 (65). P. 258–262. <https://doi.org/10.20914/2310-1202-2015-3-258-262> (in Rus).
7. Kazantseva A. N., Plotnikov V. A. Development of the internal control system in modern companies: theoretical approaches and proposals for improvement // Administrative consulting [Upravlencheskoe konsul'tirovanie]. 2018. N 10 (118). P. 99–108. <https://doi.org/10.22394/1726-1139-2018-10-99-108> (in Rus).
8. Makarova V. I., Eliseeva I. V., Eliseeva A. I. Leasing as a tool for updating fixed assets and ensuring the economic security of an enterprise // Bulletin of the Volzhsky University named after V. N. Tatishchev [Vestnik Volzhskogo universiteta im. V. N. Tatishcheva]. 2016. Vol. 2, N 2. P. 61–67. (in Rus).
9. Matveev B. A. Risk management system // Bulletin of the South Ural State University. Series: Economics and management [Vestnik YuUrGU. Seriya: Ekonomika i menedzhment]. 2007. N 5 (77). P. 70–75. (in Rus).
10. Meleshko Yu. V. Digitalization of a mining enterprise as a factor in ensuring its economic security // Technical and technological problems of service [Tekhniko-tekhnologicheskie problemy servisa]. 2020. N 3 (53). P. 59–63. EDN SSZTKN (in Rus).
11. Minakov A. V. Economic security of small and medium-sized businesses in modern conditions: concept and analysis of approaches // Bulletin of Economics, Law and Sociology [Vestnik ekonomiki, prava i sotsiologii]. 2018. N 3. P. 36–40. (in Rus).
12. Peshkova G. Yu., Supataev T. M. Methodological support of the system for ensuring economic security of an oil and gas industry enterprise // News of the St. Petersburg State Economic University [Izvestiya Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta]. 2022. N 2 (134). P. 74–78. EDN JDZCOT (in Rus).
13. Plotnikov A. V., Kharlamov A. V. Directions for neutralizing the negative impact of non-economic shocks on the real sector of the Russian economy // News of the St. Petersburg State Economic University [Izvestiya Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta]. 2023. N 1 (139). P. 50–58. EDN QQPSKE (in Rus).

14. Plotnikov V.A. Prospects for economic development in conditions of post-normality // News of the St. Petersburg State Economic University [Izvestiya Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta]. 2022. N 6 (138). P. 15–21. EDN RWCNRH (in Rus).
15. Plotnikov V.A., Fedotova G.V. Genesis of control in the public administration system of Russia // Economic revival of Russia [Ekonomicheskoe vrozhdzenie Rossii]. 2013. N 2 (36). P. 101–110. (in Rus).
16. Pluzhnikov V.G., Kukharenko S.I., Shikina S.A. Diagnostics as a tool for ensuring the economic security of an enterprise // Bulletin of the South Ural State University. Series: Economics and management [Vestnik YuUrGU. Seriya: Ekonomika i menedzhment]. 2017. Vol. 11, N 1. P. 36–44. EDN YHPXHN (in Rus).
17. Pogodina V.V., Redkina T.M., Smirnov A.A. Challenges to Russia's economic security in the context of a special military operation // News of the St. Petersburg State Economic University [Izvestiya Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta]. 2023. N 5 (143). P. 82–85. EDN IFUBRV (in Rus).
18. Semikashev V., Gaivoronskaya M. Opportunities and limitations for the development of the Russian gas industry in the context of sanctions for the future until 2030 // Energy Policy [Energeticheskaya politika]. 2023. N 9 (188). P. 26–39. (in Rus).
19. Slavetskaya N. S. Country risk for international oil and gas companies in the context of sustainable development // News of the St. Petersburg State Economic University [Izvestiya Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta]. 2023. N 3-1 (141). P. 29–33. EDN WBPFI (in Rus).
20. Flegontov N.A. The impact of economic sanctions on the financing of oil and gas projects in the Russian Arctic // Problems of the post-Soviet space [Problemy postsovetского prostranstva]. 2023. Vol. 10, N 3. P. 218–233. <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2023-10-3-218-233> (in Rus).
21. Shiryayeva G.F., Makarova V.I. Improving internal control at an enterprise // Bulletin of Eurasian Science [Vestnik Evraziiskoi nauki]. 2019. N 2. <https://esj.today/PDF/31ECVN219.pdf> (in Rus).
22. Yusufova A.M. Shocks of the external environment and the viability of organizations // Theory and practice of service: economics, social sphere, technology [Teoriya i praktika servisa: ekonomika, sotsial'naya sfera, tekhnologii]. 2020. N 3 (45). P. 23–26. <https://sciup.org/148320310> (in Rus).
23. Yusufova A.M. Economic security of enterprises: approaches to ensuring in the conditions of modern political and economic turbulence // News of the St. Petersburg State Economic University [Izvestiya Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta]. 2023. N 6-1 (144). P. 188–193. EDN ZQFQBC (in Rus).

About the authors:

Andrey V. Guryanov, St. Petersburg State Transport University of Emperor Alexander I (St. Petersburg, Russian Federation), Professor of the Department of Transport Economics, Doctor of Economics, Associate Professor; info@elavt.spb.ru

Vladimir A. Plotnikov, St. Petersburg State University of Economics (St. Petersburg, Russian Federation), Professor of the Department of General Economic Theory and History of Economic Thought, Doctor of Economics, Professor; plotnikov_2000@mail.ru

Agakhanum M. Yusufova, Dagestan State Technical University (Makhachkala, Russian Federation), Senior Lecturer, Department of Economic Theory; u.agahka@yandex.ru

Современные технологии стратегического управления персоналом в условиях инновационного развития предпринимательских структур

Новикова И. В.^{1, *}, Самайбекова З. К.^{1, 2}

¹Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Москва, Российская Федерация; *novikovaiv5@gmail.com

²Кыргызский государственный технический университет им. И. Раззакова, Бишкек, Кыргызская Республика

РЕФЕРАТ

В эпоху быстрых изменений и внедрения новых технологий эффективное управление персоналом становится ключевым элементом успешного развития предпринимательских структур, а инновационные технологии становятся неотъемлемой частью в стратегическом управлении персоналом, оптимизируя текущие процессы управления и создавая адаптивные, высокопроизводительные и инновационно ориентированные команды. Они помогают компаниям не только привлекать, развивать и удерживать таланты, но и создавать инновационные корпоративные культуры, способные к постоянному росту и преобразованию. Цель исследования инновационных технологий в стратегическом управлении персоналом связана с выявлением потенциала инновационных технологий для улучшения бизнес-процессов, повышения эффективности, создания благоприятной среды для сотрудников и способов их оптимального внедрения для достижения стратегических целей в предпринимательских структурах. В статье предложена трактовка понятия «инновационные технологии в стратегическом управлении персоналом». Проанализированы способы поиска работы безработных граждан в Кыргызской Республике за период 2012–2021 гг. Рассмотрены инновационные технологии в стратегическом управлении персоналом, такие как автоматизация бизнес-процессов, искусственный интеллект, облачные HR-платформы, системы управления обучением, геймификация и виртуальная реальность, коммуникационные платформы, открывающие новые перспективы для создания прогрессивных и гибких рабочих сред. Выделены преимущества и недостатки внедрения инновационных технологий в стратегическом управлении персоналом в условиях инновационного развития предпринимательских структур. При этом отмечается то, что выбор инновационных технологий должен основываться на имеющихся в предпринимательской структуре ресурсах и базовых задачах системы стратегического управления персоналом. Рекомендована комбинация технологий, совокупно увеличивающая эффективность системы стратегического управления персоналом в инновационном развитии.

Ключевые слова: инновационные технологии, персонал, кадровый потенциал, стратегическое управление персоналом, предпринимательские структуры

Для цитирования: Новикова И. В., Самайбекова З. К. Современные технологии стратегического управления персоналом в условиях инновационного развития предпринимательских структур // Управленческое консультирование. 2024. № 1. С. 84–95.

Modern Technologies of Strategic HR Management in the Conditions of Innovative Development of Entrepreneurial Structures

Irina V. Novikova^{1, *}, Zeynegul K. Samaibekova^{1, 2}

¹Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation; *novikovaiv5@gmail.com

²Kyrgyz State Technical University named after I. Razzakov, Bishkek, Kyrgyz Republic

ABSTRACT

In an era of rapid change and the introduction of new technologies, effective personnel management is becoming a key element in the successful development of business structures,

and innovative technologies are becoming an integral part in strategic personnel management, optimizing current management processes and creating adaptive, high-performance and innovation-oriented teams. They help companies not only attract, develop and retain talent, but also create innovative corporate cultures capable of continuous growth and transformation. The purpose of researching innovative technologies in strategic personnel management is related to identifying the potential of innovative technologies to improve business processes, increase efficiency, create a favorable environment for employees and ways of their optimal implementation to achieve strategic goals in business structures. The article proposes an interpretation of the concept of “innovative technologies in strategic personnel management”. The methods of finding work for unemployed citizens in the Kyrgyz Republic for the period 2012–2021 are analyzed. Innovative technologies in strategic personnel management are considered, such as business process automation, artificial intelligence, cloud HR platforms, learning management systems, gamification and virtual reality, communication platforms that open up new prospects for creating progressive and flexible work environments. The advantages and disadvantages of introducing innovative technologies in strategic personnel management in the conditions of innovative development of business structures are highlighted. It is noted that the choice of innovative technologies should be based on the resources available in the business structure and the basic tasks of the strategic personnel management system. A combination of technologies is recommended that collectively increase the effectiveness of the strategic personnel management system in innovative development.

Keywords: innovative technologies, personnel, human resources, strategic personnel management, innovative entrepreneurial structures

For citing: Novikova I. V., Samaibekova Z. K. Modern Technologies of Strategic HR Management in the Conditions of Innovative Development of Entrepreneurial Structures // Administrative consulting. 2024. N 1. P. 84–95.

Введение

В эпоху стремительных технологических изменений предпринимательские структуры активно внедряют передовые технологии в стратегии управления персоналом, которые не только повышают эффективность процессов управления, но и создают благоприятные условия для развития и привлечения высококвалифицированных сотрудников. По мнению В. Л. Квинта, «в теории стратегии и методологии стратегирования, как и в теории гуманизма, человек, создание условий для его интеллектуального, эмоционального развития и материального благополучия, объективно являются главным и конечным ориентиром всех стратегических преобразований» [8, с. 293]. Значимым направлением обеспечения конкурентоспособности в условиях инновационного развития предпринимательских структур выступает применение инновационных технологий (персонал-технологий). В научной среде отсутствует универсальная трактовка понятия «инновационные технологии». Так, М. А. Асланов считает, что «кадровая инновация — это конечный результат внедрения новшества, приводящий к изменению кадровой работы как объекта управления и получению экономического, социального или иного вида эффекта, а инновационные персонал-технологии — введенные в употребление новые или значительно улучшенные кадровые технологии» [2, с. 44]. Л. И. Проняева и А. В. Амелина представляют инновационные технологии в управлении персоналом как «систему, легко трансформируемую под рыночные изменения, позволяющую эффективно формировать, использовать и развивать кадровый потенциал организации» [16, с. 90]. С. В. Плеханова и Н. А. Виноградова под инновационными технологиями понимают «совокупность определенных методов и средств, которые способствуют созданию нового или усовершенствованию существующего технологического процесса производства и в конечном итоге повышающих конкурентоспособность предприятия» [15, с. 5]. Таким образом, *инновационные технологии в стратегическом управлении*

персоналом — совокупность новых или усовершенствованных методов и инструментов воздействия на персонал, в процессе внедрения и реализации инноваций, направленные на развитие кадрового потенциала и достижение стратегических целей компании, обеспечивая ее конкурентоспособность в динамичной среде.

Технологически единое информационное пространство компании Д. М. Журавлев определяет, как «набор интегрированных приложений, которые комплексно поддерживают все основные бизнес-процессы операционной и коммерческой деятельности, учетно-расчетные процедуры, управление взаимоотношениями с потребителями, планирование и прогнозирование, бюджетирование, управление нормативно-справочной информацией, а также обеспечивают обмен данными между всеми сервисами» [5, с. 51]. И.В. Шацкая считает, что «руководство высокотехнологичных предприятий, уделяющее первостепенное внимание инновациям в цифровой области, сможет вывести свои предприятия в разряд наиболее эффективных и конкурентоспособных не только на российском, но и на международном уровне» [22, с. 191].

В кыргызской практике стратегического управления персоналом инновационные технологии формирования кадрового потенциала не получили должного распространения (в том числе и на законодательном уровне), о чем косвенно может свидетельствовать структура способов поиска работы населением республики за 2012–2021 гг. (табл. 1) [19].

Таблица 1

Способы поиска работы безработных граждан Кыргызской Республики за 2012–2021 гг., тыс. чел.

Table 1. Ways to find work for unemployed citizens of the Kyrgyz Republic for 2012–2021, thousand people

№ п/п	Способы поиска работы	2012	2013	2016	2019	2020	2021	2021 в % к 2012
1	Обращение в государственную службу занятости	25,1	17,7	6,2	15,2	5,5	8,8	35,1
2	Обращение в коммерческую службу занятости	21,3	20,1	2,7	3,2	4,6	4,7	22,1
3	Подача объявлений в печать, отклик на объявление	35,6	26,8	23,2	38,3	32,7	28,9	81,2
4	Обращение к друзьям, родственникам, знакомым	103,1	97,9	75,6	105,7	101,8	113,1	109,7
5	Непосредственное обращение к администрации/работодателю	16,1	11,6	16,1	20,4	24,6	18,9	117,4
6	Поиск основных средств и ресурсов для открытия собственного дела	7,2	2,9	0,6	2,6	7,2	5,7	79,2
7	Иные способы	10,8	6,8	1,9	0,4	8,4	0,1	0,9
8	Всего безработных	210,4	205,7	183,7	140,9	150,2	142,6	67,8

Источник: Занятость и безработица. Итоги интегрированного выборочного обследования бюджетов домашних хозяйств и рабочей силы за 2012–2021 годы. Бишкек : Национальный статистический комитет Кыргызской Республики, 2013–2022.

Примечание: Безработные указывали все использованные способы поиска работы, поэтому сумма по столбцам может быть больше итоговой.

Инновационные технологии в стратегическом управлении персоналом

Основные инновационные подходы персонал-технологий в стратегическом управлении персоналом предпринимательских структур в условиях инновационного развития представлены на рис. 1 [3; 17–19].

Инновационные технологии в стратегическом управлении персоналом включают в себя использование современных методов обучения, развитие творческих навыков, стимулирование инициативы сотрудников, а также поиск и привлечение специалистов с инновационным мышлением.

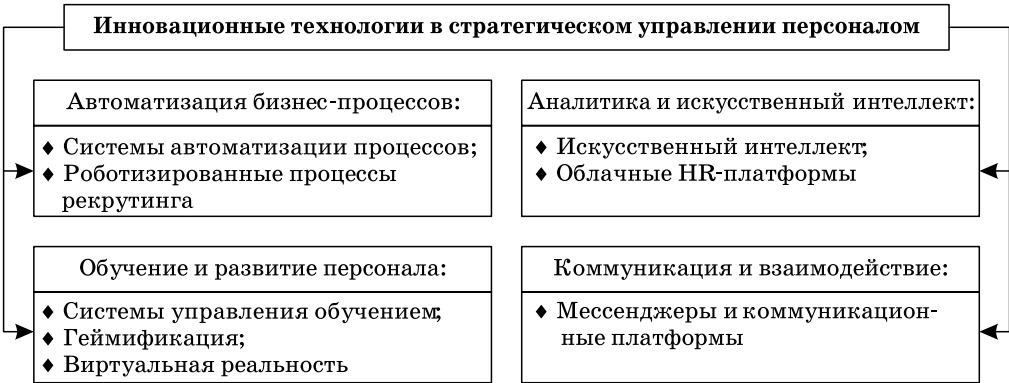

Рис. 1. Основные инновационные технологии в стратегическом управлении персоналом
Fig. 1. Key innovations in strategic human resources management

Автоматизация бизнес-процессов

Инновационные технологии в стратегическом управлении персоналом, такие как системы автоматизации бизнес-процессов (Business Process Automation — BPA) и роботизированные процессы рекрутинга (Robotic Process Automation — RPA в рекрутинге) (табл. 2), революционизируют способы, которыми предпринимательские структуры подходят к стратегическому управлению персоналом. Эти инструменты не только повышают эффективность, но и позволяют руководителям сосредоточиться на стратегически важных задачах, делая процессы более гибкими, быстрыми и эффективными [3; 17; 18; 28].

Инновационные технологии автоматизации бизнес-процессов в стратегическом управлении персоналом значительно ускоряют и улучшают оперативные задачи, освобождая время HR-специалистов и позволяя более активно фокусироваться на стратегических аспектах, таких как управление талантами и создание мотивационных сред в условиях инновационного развития предпринимательских структур [20; 23].

Аналитика и искусственный интеллект

Искусственный интеллект и облачные HR-платформы (табл. 3) совместно предоставляют предпринимательским структурам мощные инструменты для стратегического управления персоналом, помогающие компаниям принимать обоснованные решения, основанные на данных, оптимизировать процессы и поддерживать эффективное управление человеческими ресурсами в динамичной и конкурентной среде [1; 21; 25].

Искусственный интеллект становится основополагающим элементом стратегического управления персоналом, предоставляя предпринимательским структурам

Системы автоматизации бизнес-процессов и роботизированные процессы рекрутинга

Table 2. Business process automation systems and robotic recruiting processes

Иновационные технологии	Описание	Преимущества
Системы автоматизации бизнес-процессов (Business Process Automation — BPA)	Представляют собой программные роботы, способные выполнять повторяющиеся задачи, рутинные операции и бизнес-процессы без участия человека, основанные на искусственном интеллекте и машинном обучении, что позволяет им обрабатывать данные, принимать решения и взаимодействовать с различными системами	<ul style="list-style-type: none"> • BPA снижает человеческую зависимость в выполнении рутинных задач, что повышает эффективность и снижает вероятность ошибок. • Автоматизация процессов с BPA позволяет выполнять задачи значительно быстрее. • BPA легко интегрируется с различными системами и платформами, что обеспечивает совместимость с уже существующей инфраструктурой
Роботизированные процессы рекрутинга (Robotic Process Automation — RPA)	Включают в себя использование программных роботов для автоматизации рутинных задач в процессе подбора персонала, такие как сортировка резюме, отправка уведомлений, проведение предварительных собеседований и т. д.	<ul style="list-style-type: none"> • RPA позволяет быстро анализировать большие объемы данных и автоматизировать шаги в рекрутинге, что сокращает время от подачи заявки до принятия решения о найме. • Автоматизированные системы могут проводить первичный анализ резюме, выявлять подходящих кандидатов и упрощать процесс отбора. • RPA помогает уменьшить человеческий фактор в процессе рекрутинга, что способствует более объективному отбору кандидатов и снижению вероятности ошибок

Таблица 3

Искусственный интеллект и облачные HR-платформы

Table 3. Artificial Intelligence and Cloud HR platforms

Иновационные технологии	Описание	Преимущества
Искусственный интеллект (ИИ)	Включает в себя использование алгоритмов и машинного обучения для анализа данных, принятия решений и автоматизации ряда задач в стратегическом управлении персоналом и включает в себя	<ul style="list-style-type: none"> • ИИ помогает в сортировке резюме, выявлении кандидатов, соответствующих требованиям, проведении первичных интервью. • ИИ обеспечивает анализ производительности сотрудников на основе больших данных, выявляя тенденции и предоставляя ценные выводы

Иновационные технологии	Описание	Преимущества
	процессы рекрутинга, оценки производительности, обучения и развития, анализа удовлетворенности сотрудников и другие	<p>для стратегического управления персоналом.</p> <ul style="list-style-type: none"> • ИИ может адаптировать программы обучения в соответствии с индивидуальными потребностями сотрудников, увеличивая эффективность обучения и развития
Облачные HR-платформы	Представляют собой цифровые системы, размещенные в облаке, предоставляющие широкий спектр инструментов для управления персоналом, например инструменты для сбора, анализа и визуализации данных, связанных с управлением персоналом	<ul style="list-style-type: none"> • Облачные HR-платформы предоставляют централизованный доступ к данным о персонале, что облегчает управление информацией. • Интегрированные аналитические инструменты помогают компаниям анализировать производительность, потребности в обучении и другие аспекты управления персоналом. • Аналитика на основе данных позволяет компаниям предсказывать тренды в области управления персоналом, что обеспечивает более точное стратегическое планирование

возможность прогнозировать потребности в кадрах в условиях инновационного развития. Алгоритмы машинного обучения анализируют данные о прошлой производительности, предсказывают будущие требования и подсказывают оптимальные стратегии найма и развития персонала. Интеграция облачных HR-платформ не только улучшает эффективность управления кадрами и обеспечивает компаниям гибкость в управлении данными о сотрудниках, HR-процессами и аналитикой, но и снижает технические затраты, освобождая ресурсы для стратегического развития в условиях инновационного развития бизнес-среды.

Обучение и развитие персонала

Иновационные технологии в стратегическом управлении персоналом, такие как системы управления обучением (Learning Management Systems — LMS), геймификация и виртуальная реальность (Virtual Reality — VR) (табл. 4), предоставляют предпринимательским структурам в условиях инновационного развития эффективные средства для обучения, развития и мотивации персонала. Эти инструменты содействуют улучшению образовательных и трудовых процессов, делая их более интерактивными, увлекательными и адаптивными к потребностям современного рабочего окружения. Системы управления обучением (LMS) обеспечивают эффективное распределение обучающих материалов и оценку результатов, геймификация стимулирует сотрудников через игровые элементы, а виртуальная реальность (VR) открывает новые возможности для реалистичного обучения и тренингов [4; 6; 7; 10].

Системы управления обучением, геймификация и виртуальная реальность

Table 4. Learning management systems, gamification and virtual reality

Инновационные технологии	Описание	Преимущества
Системы управления обучением (Learning Management Systems — LMS)	Представляют собой программные платформы, разработанные для компании, управления и отслеживания обучения сотрудников и включают в себя функционал для создания, предоставления и оценки обучающих материалов, а также отслеживания прогресса обучения	<ul style="list-style-type: none"> • LMS обеспечивают централизованное управление всеми аспектами обучения, включая расписание, материалы, оценки и результаты. • Позволяют создавать персонализированные обучающие программы, учитывая уникальные потребности и навыки каждого сотрудника. • LMS предоставляют инструменты для отслеживания прогресса сотрудников и оценки эффективности обучения
Геймификация обучения и развития	Включает в себя применение элементов игр в корпоративной среде для стимулирования и мотивации сотрудников, например использование баллов, рейтингов, конкуренции и других игровых механик для достижения бизнес-целей	<ul style="list-style-type: none"> • Геймификация стимулирует сотрудников через элементы игр, что может увеличить их участие, вовлеченность и мотивацию. • Игровые элементы в обучении помогают сделать процесс более увлекательным и эффективным, усиливая усвоение материала. • Геймификация может способствовать формированию коллективного духа и командного взаимодействия
Виртуальная реальность (Virtual Reality — VR)	Включает в себя использование виртуальных сред для обучения, тренировок, симуляций рабочих ситуаций и других задач, где сотрудники могут погрузиться в виртуальные сценарии, имитирующие реальные рабочие условия	<ul style="list-style-type: none"> • VR предоставляет иммерсивный опыт обучения, что повышает эффективность усвоения информации. • Сотрудники могут тренироваться в виртуальных условиях, что особенно полезно для обучения в сложных сценариях. • VR позволяет обучать сотрудников, находящихся в разных географических местах, создавая виртуальные классы и события

Инновационные технологии в обучении и развитии персонала приносят значительные изменения в стратегическое управление и становятся ключевыми для создания высокопрофессиональных команд. Системы управления обучением не только предоставляют сотрудникам персонализированные образовательные пути, подстраиваясь под индивидуальные потребности сотрудников, но и интегрируют в себя элементы геймификации и виртуальной реальности, создавая эффективные методы обучения и мотивации, повышая вовлеченность и эффективность образовательных процессов, а также способствуют улучшению сотрудничества, укреплению корпоративной культуры и развитию лидерских навыков.

Все это позволяет предпринимательским структурам успешно адаптироваться в условиях инновационного развития, привлекать и удерживать талантливых сотрудников, а также обеспечивать их готовность к вызовам современного бизнеса [26].

Коммуникация и взаимодействие

Мессенджеры и коммуникационные платформы представляют собой цифровые инструменты, спроектированные для эффективного обмена информацией и взаимодействия сотрудников внутри компании, включающие в себя чаты, видеоконференции, обмен файлами и другие функции для обеспечения коммуникации в реальном времени [9; 12; 24].

Преимущества:

- мессенджеры обеспечивают мгновенный обмен сообщениями, что ускоряет решение задач и содействует оперативной коммуникации;
- коммуникационные платформы позволяют сотрудникам в разных местах взаимодействовать и сотрудничать без преград;
- возможность создания групповых чатов и комнат для проектов способствует коллективной работе и обмену идеями.

Мессенджеры и коммуникационные платформы в стратегическом управлении персоналом стали мощными инструментами для создания открытой и коммуникативной корпоративной среды, обеспечивающие постоянное взаимодействие, позволяя сотрудникам выражать свои мнения, а руководству быстро реагировать на изменения и потребности коллектива. Интеграция современных функций, таких как искусственный интеллект и виртуальные ассистенты, дополняет традиционные аспекты коммуникации, делая их более продуктивными и адаптивными к потребностям современного рабочего сообщества.

Также на основе анализа источников [11; 13; 14; 27], выделены преимущества и недостатки внедрения инновационных технологий в стратегическом управлении персоналом в условиях инновационного развития предпринимательских структур (табл. 5).

Таблица 5

Преимущества и недостатки внедрения инновационных технологий в стратегическом управлении персоналом

Table 5. Advantages and disadvantages of implementing innovative technologies in strategic personnel management

Преимущества	Недостатки
<ul style="list-style-type: none"> • Эффективность и оптимизация бизнес-процессов; • повышение уровня обучения и развития сотрудников; • быстрый доступ к информации; • стимулирование инноваций и творческого мышления; • развитие лидерских навыков; • адаптация к быстро меняющемуся окружению; • повышение конкурентоспособности на рынке труда и другие 	<ul style="list-style-type: none"> • Нехватка квалификации и обучения персонала; • высокие затраты на внедрение и обновление технологий; • сопротивление изменениям со стороны персонала; • необходимость постоянного обновления навыков сотрудников; • опасность потери конфиденциальности данных; • трудности в интеграции различных технологических решений и т. д.

Заключение

Формирование и внедрение инновационных технологий используются топ-менеджментом, службой управления персоналом, требующих их высокой квалификации и высокого организационного статуса, для разрешения актуальных проблем предпринимательской структуры и осуществления стратегии организационного и инновационного развития. Если топ-менеджмент не будет возглавлять и оказывать соответствующую поддержку инновационным процессам, то активные персоналы перестанут проявлять инициативу, не видя фактических результатов от применения инноваций. Выбор инновационных технологий должен основываться на имеющихся в предпринимательской структуре ресурсах и базовых задачах системы стратегического управления персоналом. На практике наиболее оптимальным вариантом выступает комбинация технологий, совокупно увеличивающая эффективность стратегического управления персоналом, также способствующая созданию инновационной корпоративной культуры, создающая условия для привлечения талантливых специалистов, готовых внести свой вклад в развитие и рост предпринимательских структур в условиях инновационного развития.

Литература

1. Акаев А. А., Садовничий В. А. Человеческий фактор как определяющий производительность труда в эпоху цифровой экономики // Проблемы прогнозирования. 2021. № 1. С. 45–58. DOI: 10.47711/0868-6351-184-45-58
2. Асланов М. А. Традиционные и инновационные кадровые технологии в органах государственного управления // Проблемы современной экономики. 2014. № 2 (50). С. 43–46.
3. Верещагина Л. С. Внедрение инновационных технологий в управлении персоналом: проблемы и перспективы // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. 2018. № 5 (74). С. 27–30.
4. Голянич В. М., Кудрявцева Е. И. Инновационные технологии в кадровом менеджменте // Управленческое консультирование. 2013. № 2. С. 5–16.
5. Журавлев Д. М. Стратегическое исследование условий и оценки готовности экономических систем к цифровой трансформации (на примере Кемеровской области) // Стратегирование: теория и практика. 2021. Т. 1. № 1. С. 42–56. DOI: 10.21603/2782-2435-2021-1-1-42-56
6. Казначеева С. Н., Челнокова Е. А., Челноков А. С., Новожилова Е. В., Казначеев Д. А. Инновационные методы обучения персонала в организации // Вестник Евразийской науки. 2020. № 1. Т. 12.
7. Квинт В. Л., Бодрунов С. Д. Стратегирование трансформации общества: знание, технологии, ноономика : монография. СПб., 2021. 351 с.
8. Квинт В. Л. Теоретические основы и методология стратегирования Кузбасса как важнейшего индустриального региона России // Экономика в промышленности. 2020. Т. 13, № 3. С. 290–299. DOI: 10.17073/2072-1633-2020-3-290-299
9. Коновалова В. Г. Цифровые технологии в управлении персоналом: современное состояние, проблемы и перспективы // Шаг в будущее: искусственный интеллект и цифровая экономика. Вып. 3. М. : Издательский дом ГУУ, 2017. 369 с. С. 71–80.
10. Леонтьева Л. С., Дудяшова В. П., Снурницына М. А. Применение инновационных технологий управления человеческим капиталом организации как средство повышения эффективности региона // Государственное управление. Электронный вестник. 2018. № 71. С. 329–348 [Электронный ресурс]. URL: http://e-journal.spa.msu.ru/uploads/vestnik/2018/vipusk_71._dekabr_2018_g./regionalnaja_ekonomika/leontieva_dudyasova__snurnitsyna.pdf (дата обращения: 25.09.2023).
11. Махотаева М. Ю., Николаев М. А., Малышев Д. П. Методологические аспекты формирования стратегии инновационного развития на региональном уровне: монография. Псков : Изд-во ПсковГУ, 2013. 292 с.
12. Новикова И. В. Элементы концепции стратегии занятости населения в цифровой экономике // Мягкие измерения и вычисления. 2019. № 10 (23). С. 58–63.
13. Новикова И. В., Се Куньчао. Сравнительный анализ стратегий китайских компаний в цифровой экономике // Экономика промышленности. 2022. Т. 15, № 2. С. 226–233. DOI: 10.17073/2072-1633-2022-2-226-233

14. *Одинцова Я. Г.* Новые возможности управления персоналом в условиях цифровизации // Уч. зап. Тамбовского отделения РoСМУ. 2020. № 20. С. 212–219.
15. *Плеханова С. В., Виноградова Н. А.* Исследование влияния инновационных технологий в строительной отрасли // Инновации и инвестиции. 2022. № 12. С. 4–7.
16. *Проняева Л. И., Амелина А. В.* Современные инновационные технологии в управлении персоналом // Вестник государственного и муниципального управления. 2016. № 4 (23). С. 89–95.
17. *Ребрикова Н. В.* Особенности использования рекрутинга в системе управления персоналом организации // Инновации и инвестиции. 2021. № 5. С. 79–82.
18. *Савченко И. П., Гранадская О. В.* Инновации в системе управления персоналом компании // Научный журнал «APRIORI». Сер.: Гуманитарные науки. 2015. № 2. С. 35–41.
19. *Самайбекова З. К., Кубанычбекова Н. К., Аманова А. А.* Информационные технологии в экономике Кыргызстана: проблемы развития // Вестник Кыргызского государственного университета строительства, транспорта и архитектуры им. Н. Исанова. 2017. № 3 (57). С. 242–247.
20. *Стрельникова Л. А., Лембрикова М. М.* Актуализация цифровых технологий в управлении процессом подбора персонала // Государственное и муниципальное управление. Уч. зап. 2019. № 1. С. 83–89.
21. *Цзунлян Е.* Инновационная активность персонала и способы ее стимулирования на предприятии // Теория и практика общественного развития. 2023. № 5. С. 31–35. DOI: 10.24158/tipor.2023.5.3
22. *Шацкая И. В.* Инновационно-технологическое развитие России в условиях цифровизации // Экономика устойчивого развития. 2021. № 4 (48). С. 187–191.
23. *Kocherbaeva A., Samaibekova Z., Isabaeva K.* Leadership and leaders in successful small and medium enterprises. *Advances in Social Science, Education and Humanities Research*. 2019. Vol. 359. P. 89–94.
24. *Kvint V. L.* Konzepte der strategie: impulse für führungskräfte: monographie. Munchen, 2021. 128 p.
25. *Kvint V. L., Okrepilov V. V.* Quality of life and values in national development strategies // Herald of the Russian Academy of Sciences. 2014. Vol. 84. N 3. P. 188–200. DOI: 10.1134/S1019331614030058
26. *Samaibekova Z., Choyubekova G., Isabaeva K., Samaibekova A.* Corporate sustainability and social responsibility // E3S Web Conferences. 1st Conference on Traditional and Renewable Energy Sources: Perspectives and Paradigms for the 21st Century, TRESP 2021. DOI: 10.1051/e3sconf/202125006003
27. *Samaibekova Z., Zaid S. S. M., Molchanova A., Rybakova A.* Managing the intellectual potential in the higher education system // Terra Economicus. 2019. Vol. 17. N 4. P. 174–189. DOI: 10.23683/2073-6606-2019-17-4-174-189
28. *Zhuravlev D. M., Glukhov V. V.* Strategizing of economic systems digital transformation: a driver on innovative development // St. Petersburg State Polytechnical University Journal. Economics. 2021. Vol. 14, N 2. P. 7–21. DOI: 10.18721/JE.14201

Об авторах:

Новикова Ирина Викторовна, профессор кафедры экономической и финансовой стратегии Московской школы экономики МГУ, ведущий научный сотрудник Центра стратегических исследований Института математических исследований сложных систем МГУ (Москва, Российская Федерация), доктор экономических наук, профессор; novikovaiv5@gmail.com

Самайбекова Зейнегул Кубатбековна, доцент кафедры экономики и управления на предприятии Высшей школы экономики и бизнеса, Кыргызский государственный технический университет им. И. Раззакова (Бишкек, Кыргызская Республика), стажер Центра стратегических исследований Института математических исследований сложных систем МГУ (Москва, Российская Федерация), кандидат экономических наук, доцент; samaibekova@mail.ru

References

1. *Akaev A. A., Sadovnichy V. A.* Human factor as a determinant of labor productivity in the era of the digital economy // Problems of forecasting [Problemy prognozirovaniya]. 2021. N 1. P. 45–58. (In Rus.) DOI: 10.47711/0868-6351-184-45-58

2. Aslanov M. A. Traditional and innovative personnel technologies in government bodies // Problems of modern economics [Problemy sovremennoi ekonomiki]. 2014. N 2 (50). P. 43–46. (In Rus.)
3. Vereshchagina L. S. Introduction of innovative technologies in personnel management: problems and prospects // Bulletin of the Saratov State Socio-Economic University [Vestnik Saratovskogo gosudarstvennogo sotsial'no-ekonomicheskogo universiteta]. 2018. N 5 (74). P. 27–30. (In Rus.)
4. Golyanich V. M., Kudryavtseva E. I. Innovative technologies in personnel management // Administrative consulting [Upravlencheskoe konsul'tirovanie]. 2013. N 2. P. 5–16. (In Rus.)
5. Zhuravlev D. M. Strategic study of the conditions and assessment of the readiness of economic systems for digital transformation (using the example of the Kemerovo region) // Strategy: theory and practice [Strategirovanie: teoriya i praktika]. 2021. Vol. 1. N 1. P. 42–56. (In Rus.) DOI: 10.21603/2782-2435-2021-1-1-42-56
6. Kaznacheeva S. N., Chelnokova E. A., Chelnokov A. S., Novozhilova E. V., Kaznacheev D. A. Innovative methods of training personnel in organizations // Bulletin of Eurasian Science [Vestnik Evraziiskoi nauki]. 2020. N 1. Vol. 12. (in Rus)
7. Kvint V. L., Bodrunov S. D. Strategizing the transformation of society: knowledge, technology, economics: monograph. Sankt Petersburg, 2021. 351 p. (In Rus.)
8. Kvint V. L. Theoretical foundations and methodology for strategizing Kuzbass as the most important industrial region of Russia // Economics in industry [Ekonomika v promyshlennosti]. 2020. Vol. 13. N 3. P. 290–299. (In Rus.)
9. Konovalova V. G. Digital technologies in personnel management: current state, problems and prospects // Step into the future: artificial intelligence and digital economy. Vol. 3. State University of Management. M.: State University Publishing House, 2017. 369 p. P. 71–80. (In Rus.)
10. Leontyeva L. S., Dudyashova V. P., Snurnitsyna M. A. Application of innovative technologies for managing the human capital of an organization as a means of increasing the efficiency of the region // Public Administration [Gosudarstvennoe upravlenie]. Electronic newsletter. 2018. N 71. P. 329–348 [Electronic resource]. URL: http://e-journal.spa.msu.ru/uploads/vestnik/2018/vipusk_71_dekabr_2018_g./regionalnaja_ekonomika/leontieva_dudyasova_snurnitsyna.pdf (accessed: 25.09.2023). (In Rus.)
11. Makhotaeva M. Yu., Nikolaev M. A., Malyshev D. P. Methodological aspects of the formation of an innovative development strategy at the regional level: monograph. Pskov : Pskov State University Publishing House, 2013. 292 p. (In Rus.)
12. Novikova I. V. Elements of the concept of population employment strategy in the digital economy // Soft measurements and calculations [Myagkie izmereniya i vychisleniya]. 2019. N 10 (23). P. 58–63. (In Rus.)
13. Novikova I. V., Xie Kunchao. Comparative analysis of strategies of Chinese companies in the digital economy // Industrial Economics [Ekonomika promyshlennosti]. 2022. Vol. 15, N 2. P. 226–233. (In Rus.) DOI: 10.17073/2072-1633-2022-2-226-233
14. Odintsova Ya. G. New opportunities for personnel management in the context of digitalization // Scientific notes of the Tambov branch of RoSMU [Uchenye zapiski Tambovskogo otdeleniya RoSMU]. 2020. N 20. P. 212–219. (In Rus.)
15. Plekhanova S. V., Vinogradova N. A. Study of the impact of innovative technologies in the construction industry // Innovation and Investment [Innovatsii i investitsii]. 2022. N 12. P. 4–7. (In Rus.)
16. Pronyaeva L. I., Amelina A. V. Modern innovative technologies in personnel management // Bulletin of state and municipal management [Vestnik gosudarstvennogo i munitsipal'nogo upravleniya]. 2016. N 4 (23). P. 89–95. (In Rus.)
17. Rebrikova N. V. Features of using recruiting in an organization's personnel management system // Innovations and investments [Innovatsii i investitsii]. 2021. N 5. P. 79–82. (In Rus.)
18. Savchenko I. P., Granadskaya O. V. Innovations in the company's personnel management system // Scientific journal "APRIORI". Ser.: Humanities [Nauchnyi zhurnal «APRIORI». Seriya: Gumanitarnye nauki]. 2015. N 2. P. 35–41. (In Rus.)
19. Samaybekova Z. K., Kubanychbekova N. K., Amanova A. A. Information technologies in the economy of Kyrgyzstan: development problems // Bulletin of the Kyrgyz State University of Construction, Transport and Architecture named after. N. Isanova [Vestnik Kyrgyzskogo gosudarstvennogo universiteta stroitel'stva, transporta i arkhitektury im. N. Isanova]. 2017. N 3 (57). P. 242–247. (In Rus.)
20. Strelnikova L. A., Lembrikova M. M. Updating digital technologies in managing the personnel selection process // State and municipal management. Scientific notes [Gosudarstvennoe i munitsipal'noe upravlenie. Uchenye zapiski]. 2019. N 1. P. 83–89. (In Rus.)

21. Zongliang E. Innovative activity of personnel and ways to stimulate it at the enterprise // Theory and practice of social development [Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya]. 2023. N 5. P. 31–35. (In Rus.) DOI: 10.24158/tipor.2023.5.3
22. Shatskaya I.V. Innovative and technological development of Russia in the conditions of digitalization // Economics of sustainable development [Ekonomika ustoichivogo razvitiya]. 2021. N 4 (48). P. 187–191. (In Rus.)
23. Kocherbaeva A., Samaibekova Z., Isabaeva K. Leadership and leaders in successful small and medium enterprises. Advances in Social Science, Education and Humanities Research. 2019. Vol. 359. P. 89–94.
24. Kvint V.L. Konzepte der strategie: impulse für führungskräfte: monographie. Munchen, 2021. 128 p.
25. Kvint V.L., Okrepilov V.V. Quality of life and values in national development strategies // Herald of the Russian Academy of Sciences. 2014. Vol. 84. N 3. P. 188–200. DOI: 10.1134/S1019331614030058
26. Samaibekova Z., Choyubekova G., Isabaeva K., Samaibekova A. Corporate sustainability and social responsibility // E3S Web Conferences. 1st Conference on Traditional and Renewable Energy Sources: Perspectives and Paradigms for the 21st Century, TRESP 2021. DOI: 10.1051/e3sconf/202125006003
27. Samaibekova Z., Zaid S. S. M., Molchanova A., Rybakova A. Managing the intellectual potential in the higher education system // Terra Economicus. 2019. Vol. 17. N 4. P. 174–189. DOI: 10.23683/2073-6606-2019-17-4-174-189
28. Zhuravlev D. M., Glukhov V.V. Strategizing of economic systems digital transformation: a driver on innovative development // St. Petersburg State Polytechnical University Journal. Economics. 2021. Vol. 14, N 2. P. 7–21. DOI: 10.18721/JE.14201

About the authors:

Irina V. Novikova, Professor, Department of Economic and Financial Strategy, Moscow School of Economics, Lomonosov Moscow State University; Leading Researcher, Center for Strategic Research, Institute for Mathematical Research of Complex Systems, Moscow State University (Moscow, Russian Federation), Doctor of Economics, Professor; novikovaiv5@gmail.com

Zeynegul K. Samaybekova, Associate Professor, Department of Economics and Enterprise Management, Higher School of Economics and Business, Kyrgyz State Technical University named after I. Razzakov (Bishkek, Kyrgyz Republic), Trainee, Center for Strategic Research, Institute for Mathematical Research of Complex Systems, Moscow State University (Moscow, Russian Federation), PhD in Economics, Associate Professor; samaibekova@mail.ru

Контекстный нелинейный типологический анализ как инструмент формирования и реализации региональной экономической политики*

Курзенев В. А.^{1, 2, *}, Перекрест В. Т.²

¹Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация; *kurzenewa@yandex.ru

²Институт проблем региональной экономики Российской академии наук, Санкт-Петербург, Российская Федерация

РЕФЕРАТ

В статье изложены основные теоретико-методологические позиции по формированию и реализации региональной экономической политики применительно к технологическим инновациям. В основу положен контекстный типологический анализ с использованием экономико-математического моделирования, где ключевую роль играет гибридный метод главных компонент, являющийся синтезом классического метода главных компонент и функциональных моделей многомерного метрического шкалирования. В качестве информационно-аналитического обеспечения используются данные официальной статистики. Введено понятие сетевого рейтинга для пространственных экономических систем и выполнен анализ региональных систем. Предложена удобная система визуализации для анализа и принятия управленческих решений по данным статистической информации.

Ключевые слова: контекстный анализ, нелинейный типологический анализ, технологические инновации, гибридный метод главных компонент, сетевой рейтинг

Для цитирования: Курзенев В. А., Перекрест В. Т. Контекстный нелинейный типологический анализ как инструмент формирования и реализации региональной экономической политики // Управленческое консультирование. 2024. № 1. С. 96–108.

Contextual Nonlinear Typological Analysis as a Tool for the Formation and Implementation of Regional Economic Policy

Vladimir A. Kurzenev^{1, 2, *}, Vladivir T. Perekrest²

¹Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management, Branch of RANEP), Saint Petersburg, Russian Federation; *kurzenewa@yandex.ru

²Institute for Regional Economic Studies Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg, Russian Federation

ABSTRACT

The article outlines the main theoretical and methodological positions on the formation and implementation of regional economic policy in relation to technological innovations. It is based on contextual typological analysis using economic and mathematical modeling, where the key role is played by the hybrid principal component method and scaling technology. Official statistics data are used as information and analytical support. The concept of network rating for spatial economic systems is introduced and the analysis of regional systems is carried out. A convenient visualization system for analyzing and making management decisions based on statistical information is proposed.

Keywords: contextual analysis, nonlinear typological analysis, technological innovations, hybrid principal component method, network rating

* В статье представлены результаты выполнения госзадания ИПРЭ РАН по теме «Информационно-аналитические технологии экономико-математического моделирования пространственных экономических систем в парадигме цифровизации экономики и государственного управления»; FMGS-2022–0005 № 122020500026-2.

Введение

Считается общепризнанным, что одним из важнейших направлений развития экономики как на региональном, так и на федеральном уровне является разработка и внедрение инновационных технологий. В то же время проблема формирования и реализации региональной экономической политики является сложной комплексной проблемой, включающей в себя целый набор составляющих, в том числе и разработку научно-методологического аппарата и инструментария. В этом направлении известен подход, развиваемый школой С. А. Айвазяна (ЦЭМИ) [1], основанный на анализе статистики патентов. Однако представляется более конструктивным подходом является контекстный нелинейный типологический анализ, использующий статистику инноваций. А потому целью настоящей статьи является попытка внести вклад в решение этой проблемы на основе последнего подхода.

При региональном государственном регулировании принимаются управленческие решения, в том числе в сфере региональной экономической политики. При этом большую роль играет визуализация для процессов верификации полученных результатов на основе официальной статистической информации. Используются формы целеполагания: нормативная и эталонная (зональная); разработка и применение интегральных индикаторов — критериев, представляющих цели исследования.

В основе формирования экономической политики лежит экономико-математическое моделирование (ЭММ). Экономико-математическая модель представляется как синтез трех типов моделей:

- *концептуально-аналитическая модель предметной области исследования* (исследуемых процессов): системное описание объектов экономического исследования и отношений между ними;
- *система метрологических инструментов информационно-технологической поддержки*: формирование данных моделирования, технологии их категоризации и комплексной верификации (включая визуализацию многомерных данных);
- *информационно-аналитический инструментарий*: совокупность математических моделей операций над объектами (допустимых трансформаций объектов) концептуальной модели для исследуемых процессов, включая технологии преобразования данных формата *big-data* в структуры (иерархические, сетевые и т. п.) *deep-data*.

Будем рассматривать контекстное моделирование как форму ЭММ.

Суть контекстной модели

1. *Критериальный подход* — использование критериальных показателей для характеристики наблюдаемых феноменов рассматриваемой предметной области.

2. Для разработки интегрированного представления и технологий визуализации экономической политики пространственных экономических систем в региональной (субфедеральной) дифференциации будем использовать *метод нелинейного типологического анализа* [5] (в формате *гибридного метода главных компонент* — ГМГК), в частности — технологии *сетевого рейтинга*.

Предлагаемые решения

1. Разработка гибридного метода главных компонент (ГМГК) как метода нелинейного типологического анализа (НТА) в форме синтеза классического метода главных компонент (КМГК) и функциональных моделей многомерного шкалирования (ММШ). При этом КМГК рассматривается в формате [2; 8], а ММШ — в форматах [3; 4; 6].

Технология ГМГК рассматривается в парадигме цифровой трансформации big-data в формат deep-data и в форме R-шкалирования [4; 6], позволяющей представлять ГМГК как метод типологизации, обладающий свойствами агент-ориентированного моделирования (при соответствующей интерпретации отношения сходства-различия в используемых схемах ММШ).

2. В качестве сквозного тематического примера ЭММ рассматриваются технологические инновации (ТИ) со следующими особенностями формирования панельных баз данных.

2.1. *Критериальный характер* первичных показателей технологических инноваций (ТИ) — 14 показателей (данные Росстата для 82 субъектов РФ — СРФ — см. также [7]).

2.2. Проведение *комплексной верификации панельных баз данных* (ПБД).

Приведенный далее фрагмент общей таблицы (табл. 1) показывает, что проведенная *комплексная верификация первичных показателей* (в том числе заполнение пропущенных значений) позволила существенно увеличить «панельную» *валидность* первичной информационной базы и довести ее с 46,3% до вполне приемлемого уровня 79,5%.

Последнее и обеспечило возможность использования в исследовании современных информационно-аналитических инструментов.

2.3. Построение систем *первичных индикаторов* [4]:

- 5 масштабных (значимость СРФ с общенациональных позиций);
- 3 удельных (значимость СРФ с региональных позиций оценки технологических инноваций) и ряда др.

Таблица 1

Первичные данные для построения моделей «ТВ-2023»

Table 1. Primary data for building "TV-2023" models

№ п/п	Наименование статистического показателя	Код	Наименование первичного индикатора
МАСШТАБНЫЕ индикаторы			
1	Разработанные передовые производственные технологии по СРФ (ед.)	Inds 01	% СРФ в общем числе, созданных в РФ передовых производственных технологий
2	Используемые передовые производственные технологии по СРФ (ед.)	Inds 02	% СРФ в общем числе, используемых в РФ передовых производственных технологий
3	Число организаций СРФ, осуществляющих ТИ (все уровни)	Inds 03	% СРФ в общем числе организаций РФ, осуществляющих технологические инновации
4	Затраты (млн руб.) на технологические инновации организаций по СРФ	Inds 04	% СРФ в общем объеме затрат на технологические инновации в РФ
5	Объем (млн руб.) инновационных товаров, работ, услуг по СРФ	Inds 05	% СРФ в общем объеме инновационных товаров, работ, услуг в РФ

№ п/п	Наименование статистического показателя	Код	Наименование первичного индикатора
УДЕЛЬНЫЕ индикаторы			
6	% организаций, осуществлявших ТИ в отчетном году, в общем числе обследованных организаций по СРФ	Indu 01	% организаций, осуществлявших ТИ в отчетном году, в общем числе обследованных организаций по СРФ
7	% инновационных товаров, работ, услуг в общем объеме отгруженных товаров, выполненных работ, услуг по СРФ	Indu 02	% инновационных товаров, работ, услуг в общем объеме отгруженных товаров, выполненных работ, услуг по СРФ
8	% затрат на ТИ в общем объеме отгруженных товаров, выполненных работ, услуг по СРФ	Indu 03	% затрат на ТИ в общем объеме отгруженных товаров, выполненных работ, услуг по СРФ

2.4. Формы представления основных результатов моделирования с помощью ГМГК включают:

- *набор типологических карт.* Представление каждого объекта исходного признакового пространства в виде точки модельного пространства. При этом, для любой пары объектов «расстояние» между их образами в модельном пространстве должно быть максимально близким к «расстоянию» между ними в исходном пространстве признаков «*принцип ММШ*»;
- *визуализация построенных интегральных индикаторов (факторов),* каждый из которых является нелинейной (кусочно-линейной) функцией исходных показателей. Построение *векторов локального влияния (ВЛВ)* первичных индикаторов на полученные факторы;
- *построение типологии объектов.* Выделение групп (типов) объектов не только по близости их на модельной плоскости, но и по структуре ВЛВ. Указанная задача классификации решается традиционными методами, а построенная для выделенных классов система линейных моделей КМГК рассматривается как *классификационно-типологическая модель (КТМ)*.

Функцию «размерности описания» выполняет система выделения однородных совокупностей объектов типологизации, адекватная целям и задачам проводимого исследования. Причем их количество может интерпретироваться как *типологическая размерность* построенной модели.

КТМ — это система локально-линейных типологических моделей, построенных КМГК на множестве состояний субъектов РФ для каждого выделенного типа.

Классификационно-типологическая модель может использоваться как *инструмент верификации*, представляя собой удобное средство визуализации структуры близости (различия) объектов в исходном пространстве и обеспечивает заключительный этап анализа и интерпретации данных, полученных в ходе моделирования.

Типологическая карта состояний объектов в разные моменты времени позволяет проводить *анализ траекторий движения* этих объектов в рассматриваемом признаковом пространстве.

Система ВЛВ дает возможность описывать *состояние* субъекта РФ на карте через исходные показатели и *прогнозировать возможные перемещения* субъекта на *типологической плоскости* при изменении исходных переменных.

В общем случае аппарат ВЛВ позволяет регулировать процессы целевого перемещения образа субъекта РФ в типологическом пространстве: переход из одного

состояния в другое в границах одного типа — *количественные и рейтинговые оценки*, переход из одного типа в другой — *качественные оценки*.

2.5. Построенная КТМ с позиций описания и содержательной интерпретации задает *структурную рейтинговую модель*, которая и будет называться *сетевым рейтингом*.

Для каждого класса/типа построенной КТМ строится линейная факторная модель с помощью КМГК и формируются локальные интегральные индикаторы масштабности и структурной значимости:

$$\text{инд}Ma(x) = \frac{1}{\sigma Ma} \sum_{j=1}^5 \sigma Ma_j F_j(x);$$

$$\text{инд}Уд(x) = \frac{1}{\sigma Уд} \sum_{j=1}^3 \sigma Уд_j FУд_j(x), \text{ где}$$

F и σ — соответственно фактор и доля объясненной дисперсии (j — номер фактора), т. е. каждый *интегральный индикатор является взвешенной суммой* всех представленных в соответствующей частной модели *факторов* (компонент) с весами, пропорциональными соответствующим им величинам объясненной дисперсии.

Критериальный характер первичных показателей/индикаторов определяет критериальный характер *интегральных индикаторов*.

Особенности использования сетевого рейтинга: общие принципы

(1) В рамках КТМ выделяется *целевая зона* — область, в которую желательно перевести состояние региона (задается через значения интегральных индикаторов типологизации). Альтернативный вариант — *нормативное задание* через значения первичных показателей.

(2) Оценка эффективности перемещения региона вдоль траектории его развития (на 1 год) на *основной типологической плоскости* ГМГК.

(А). *Количественная оценка изменения состояния* при перемещении в рамках одного типа. Для этого используются *интегральные индикаторы* масштабности и структурной значимости, рассчитанные для локальной модели рассматриваемого типа.

(Б). *Качественное изменение состояния региона* при переходе из одного типа в другой. Оценивается «*межтипное*» перемещение и определяется положение региона в *новом локальном рейтинге*.

(В). *Управление перемещением* состояния региона в типологическом пространстве. Осуществляется с помощью *системы ВЛВ*, определенных для состояний регионов заданного типа в рамках построенной КТМ.

Пропорции и направления для изменений состояний региона в системе первичных показателей/индикаторов выбираются так, чтобы *максимально переместиться* в типологическом пространстве в *направлении выбранной целевой зоны*.

2.6. Модель ГМГК для систем первичных индикаторов ТИ.

Первые четыре фактора построенной модели ГМГК (КМГК для сформированного R-представления) имеют соответственно следующие величины объясненной дисперсии (%): 64,21; 19,7; 8,74; 5,04.

Первые два фактора F1 и F2 объясняют 83,9% общей дисперсии (четыре — уже 97,7%).

Построенное (главное) типологическое пространство имеет размерность 2 и является двумерной плоскостью с топологией «*евклидова близость*».

Построение КТМ осуществляется методом классификации (К-средних) с использованием евклидова расстояния между объектами совокупности в соответствующем координатном пространстве.

Важным частным случаем является «тематическая» кластеризация, для построения которой использовалась евклидова метрика в двумерном пространстве стандартизированных интегральных индикаторов масштабности и структурной значимости (интМаА, интУд).

Типологическая размерность построенной КТМ также равна 13.

Основные характеристики построенной тематической классификации (табл. 2):

- всего 913 объектов; первые 3 класса наиболее заполнены свыше 196 объектов; четыре последних класса наименее заполнены (последний включает 1 объект);
 - общая наполненность первых трех, пяти и девяти классов составляет соответственно 71,6, 87,6 и 98,6 процентов;
 - среднее стандартное внутриклассовое отклонение от центра — 0,19; максимальное — 0,41.
- 2.7.

Таблица 2

Общие характеристики тематической классификации ГМГК

Table 2. General characteristics of the thematic classification of the hybrid method of the main components

№ класса	Количество элементов в классе	% от общего количества	Расстояние до центра класса		
			Среднее	Максимум	Стандарт
1	256	28,0	0,279	0,539	0,115
2	202	22,1	0,263	0,892	0,137
3	196	21,5	0,350	0,686	0,135
4	76	8,3	0,431	0,766	0,166
5	70	7,7	0,408	0,983	0,207
6	37	4,1	0,529	0,944	0,166
7	28	3,1	0,612	1,297	0,286
8	18	2,0	0,690	2,007	0,411
9	16	1,8	0,585	0,876	0,188
10	6	0,7	0,389	0,697	0,166
11	5	0,5	0,339	0,481	0,158
12	2	0,2	0,398	0,398	—
13	1	0,1	0,000	0,000	—
Итого	913	100,0			

2.8.

В табл. 3 представлены только значения, превосходящие по абсолютному значению величину 0,14. Подчеркиванием и жирным шрифтом выделены наиболее существенные по уровню значения коэффициенты для общей и локальных регрессионных моделей. При этом представленные коэффициенты в силу их стандартизованности соизмеримы в таблице в целом. В этом случае из указанной таблицы следует существенная нелинейность локально линейных систем интегральных индикаторов масштабности и структурной значимости.

(3) Результаты моделирования.

В качестве иллюстрации представлены визуальные двумерные диаграммы наиболее характерных кластеров (см. рис. 1–4).

На рис. 1 представлена общая макроструктура сформированной системы двумерного сетевого рейтинга масштабности и структурной значимости.

Стандартизованные коэффициенты для линейных регрессионных моделей интегральных индикаторов сетевого рейтинга

Table 3. Standardized coefficients for linear regression models of network rating integral indicators

Инди- катор- предик- тор	Все объ- екты	№ класса и его наполненность											
		1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
		913	256	202	196	76	70	37	28	18	16	6	5
Интегральный индикатор масштабности													
inds01	0,24	0,47		0,38	0,40	0,40		0,44	0,25	0,56	0,50	0,66	
inds02	0,45		0,33		0,26	0,26	0,40		0,27			-0,23	
inds03	0,22	0,35		0,41	0,28	0,28	0,27	0,24					
inds04		0,35	0,08	0,32			0,41	0,25	0,47	0,34	0,33		
inds05	0,15	0,42	0,85	0,49	0,35	0,35	0,48	0,42	0,25	0,27	0,90	0,18	1,00
Интегральный индикатор структурной значимости													
indu01	0,86	0,28	0,19	0,30	0,48		0,31	0,53	-0,43	0,71	0,46	0,73	0,86
indu02	–	0,92	0,33	0,91	1,05	0,48	0,70	0,52	0,53	0,53	0,86	0,48	
indu03	0,43	0,30	0,75	0,23		0,88	0,46	0,43	0,37	0,17	0,70	0,41	0,43

Особое место при этом занимают классы 7, 9, 10–13, имеющие траектории положения на макрокарте рейтинга в полосе $2 < \sigma < 7$ наибольших значений интегрального индикатора масштабности. Отметим, что в этой полосе, в частности временные состояния трех СРФ: Москвы, Санкт-Петербурга и Московской области (рис. 1).

При этом можно отметить следующее.

3.1. Москва за период 2010–2015 гг. совершила макроперемещение из класса 13 в класс 10, при этом существенно повысив как уровень масштабности, так и уровень структурной значимости и заняв место в правом верхнем углу карты локального рейтинга для класса 10.

2016 г. Положение состояния Москвы переместилось в левый нижний угол указанной карты, соответствующий крайне низким локальным значениям масштабности и структурной значимости.

2017 г. Макроперемещение из класса 10 в класс 11 — «качественные» изменения на макрошкале сетевого рейтинга:

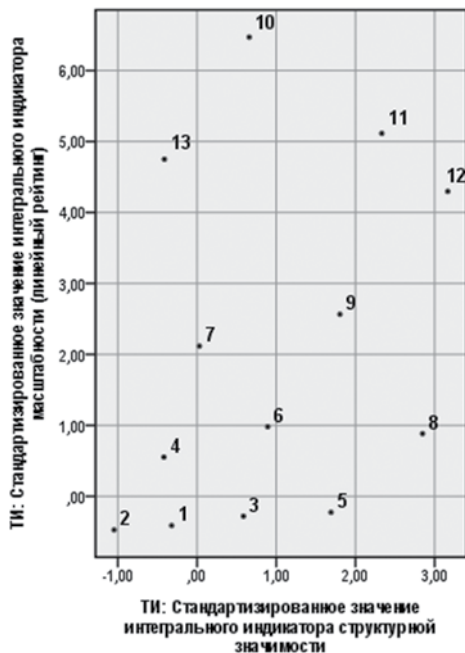
- снижение уровня масштабности;
- увеличение уровня структурной значимости.

При этом на локальной шкале сетевого рейтинга класса 11 (рис. 2) Москва в 2017 г. занимает положение в нижнем правом углу.

Классы 2018–2019 гг. Макроперемещение из класса 11 в класс 12 — продолжаются «качественные» изменения на макро-шкале сетевого рейтинга:

- снижение уровня масштабности;
- увеличение уровня структурной значимости.

2020–2023 гг. макроперемещение из класса 12 в класс 11 — «качественные» изменения на макрошкале сетевого рейтинга: рост, как уровня масштабности, так и уровня структурной значимости.

Расположение центров классов тематической классификации на общей шкале интегральных индикаторов масштабности и структурной значимости

Классы: 13 → 10 → 11 ↔ 12
 Москва: 2010, 2015–2023 гг.
 На шкале масштабности в полосе $4 < \sigma < 7$.

Классы: 7 → 9
 Санкт-Петербург: 2015–2016; 2017–2023 гг.
 На шкале масштабности в полосе $2 < \sigma < 3$.

Классы: 7 → 9
 Московская область: 2015–2016; 2017–2023 гг.
 На шкале масштабности в полосе $2 < \sigma < 3$.

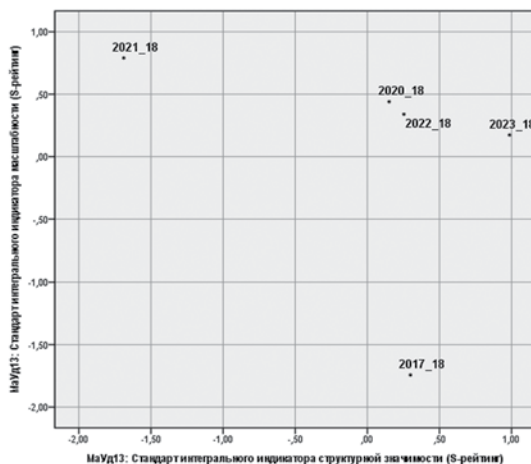
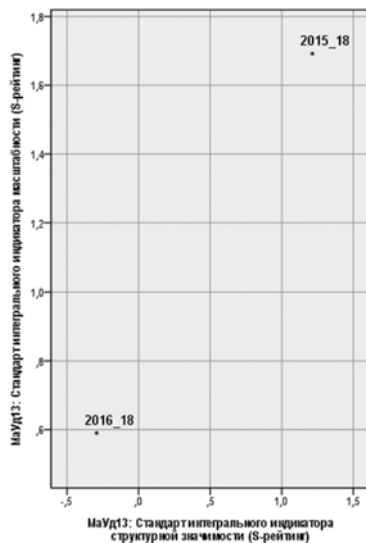
Рис. 1. Общий двумерный рейтинг: макропредставление
 Fig. 1. Overall two-dimensional rating: macro representation

При этом на локальной шкале сетевого рейтинга класса 11 (рис. 2) Москва в основном (за исключением 2021 г.) занимает положение в верхнем правом углу. При этом наблюдается тенденция снижения уровня структурной значимости.

В целом для Москвы можно отметить следующие точки бифуркации: 2014–2015 и 2019 гг. Первая связана со снижением уровня технологической инновационности, вторая — с определенным восстановлением «прежних позиций».

3.2. Санкт-Петербург и Московская область. Оба указанных СРФ совершают макропереход в 2017 г. из класса 7 в класс 9 (см. рис. 1), несколько повышая уровень масштабности и существенно увеличивая уровень структурной значимости. Соответствующие карты локальных рейтингов приведены на рис. 3 и рис. 4.

На первой карте (рис. 3) они занимают верхнее правое положение. На второй (рис. 4) наблюдаются качественно различные траектории уровня их ТИ. Санкт-

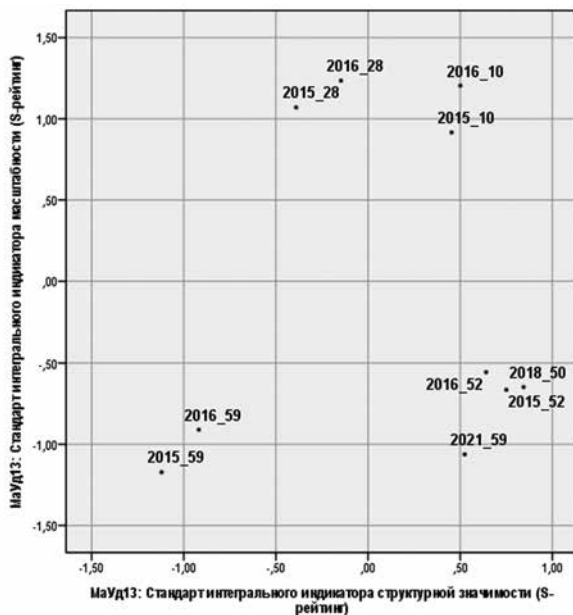

18 — Москва

Рис. 2. Расположение состояний РФ на локальной двумерной шкале масштабности — структурной значимости сетевого рейтинга ТИ

Fig. 2. Location of the status of the subject of the Russian Federation on a local two-dimensional scale — structural significance of the network rating of technological innovations

Петербург перемещается в зоне высоких значений индикатора структурной значимости в направлении роста уровня масштабности: от значения 0,5 до 2,0. В то же время Московская область на карте локального рейтинга перемещается в полосу средних значений масштабности. При этом ярко выражена тенденция снижения уровня структурной значимости.

10 — Московская область, 28 — Санкт-Петербург, 50 — Пермский край, 52 — Нижегородская область, 59 — Свердловская область, Subject

Рис. 3. Расположение состояний СРФ на локальной двумерной шкале масштабности — структурной значимости сетевого рейтинга ТИ. Класс 7
 Fig. 3. Location of the status of the subject of the Russian Federation on a local two-dimensional scale — the structural significance of the network rating of technological innovations. Class 7

Выводы

1. Предложена контекстная модель представления и анализа тематических пространственных экономических систем на базе критериального подхода с использованием математического инструментария нелинейного типологического анализа. В основе ее теоретико-методологического обоснования лежит гибридный метод главных компонент (ГМГК) с прикладной специализацией в форме сетевого рейтинга (СР).

2. Разработанные инструменты имеют комфортный интерфейс реализации и интерпретируемости, а также высокий уровень верифицируемости.

3. ГМГК позволяет в рамках общего подхода типологизации осуществлять трансформацию исходных данных в формат «big-data» с последующим преобразованием в формат «deep-data». При этом решается общая задача снижения размерности в форме разработки минимального количества нелинейных интегральных индикаторов, образующих результирующее типологическое пространство.

4. Сетевой рейтинг (СР) позволяет оценивать состояние региона в типологическом пространстве в текущий момент и в динамике. В последнем случае применяется специальный аппарат векторов локального влияния.

5. Существенная особенность СР — его двумерность. Все общие и локальные представления СР образуют двумерные карты с координатными осями «масштабность» и «структурная значимость». Последнее является следствием «матричной»

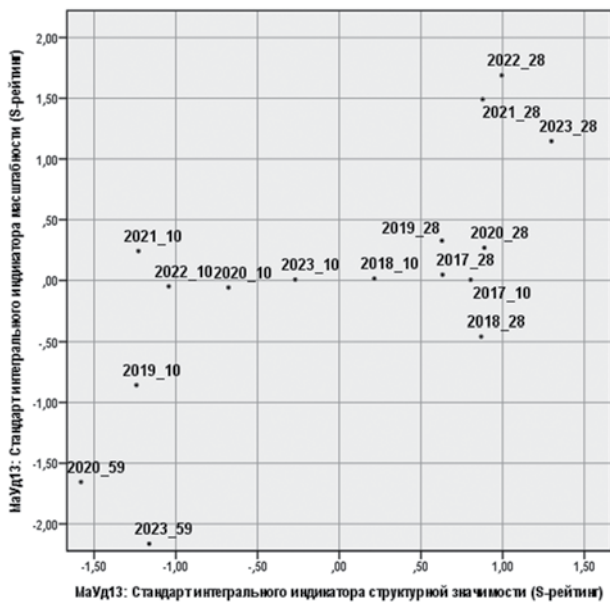

Рис. 4. Расположение состояний РФ на локальной двумерной шкале масштабности — структурной значимости сетевого рейтинга ТИ. Класс 9
 Fig. 4. Location of the status of the subject of the Russian Federation on a local two-dimensional scale — the structural significance of the network rating of technological innovations. Class 9

структуры представления и управления рассматриваемых тематических пространственных систем (административно-территориальной дифференциацией объектов экономической системы РФ).

6. «Информационная компактность» рассматриваемой экономико-математической модели инновационной структуры экономики РФ позволяет использовать ее в качестве учебного материала при изучении «продвинутых» методов прикладной эконометрики в научно-образовательных мероприятиях системы дополнительного образования.

Литература

1. Айвазян С. А. К вопросу о параметризации национальной инновационной системы / С. А. Айвазян, М. Ю. Афанасьев, А. В. Кудров, М. А. Лысенкова // Прикладная эконометрика. 2017. № 1 (45). С. 29–49. EDN YUFRP
2. Зиновьев А. Ю. Визуализация многомерных данных [Электронный ресурс]. URL: <http://psa.parod.ru/ZINANN.htm> (дата обращения: 25.06.2023).
3. Перекрест В. Т., Шакирова Н. И. Эконометрическое сопоставление инновационных систем субъектов РФ методами многомерного шкалирования // Управленческое консультирование. 2011. № 3. С. 146–159.
4. Перекрест В. Т. Эконометрическое моделирование ПЭС с помощью технологий многомерного метрического шкалирования // Государство и бизнес. Вопросы теории и практики: моделирование, менеджмент, финансы. Материалы III международной конференции. СПб. : Изд-во СЗАГС, 2011. С. 18–38.
5. Курзнев В. А., Перекрест В. Т. Нелинейный типологический анализ и современные информационно-аналитические технологии государственного регулирования в цифровой экономике // Материалы XI международной научно-практической конференции «Государ-

ство и бизнес. Современные проблемы экономики». Т. 1. СПб. : СЗИУ РАНХиГС при Президенте РФ, 2019. С. 28–34. EDN RSKHNZ

6. Курзнев В. А. Экономико-математическое моделирование сферы занятости и единого рынка труда как пространственной экономической системы / Воронина Д. Е., Курзнев В. А., Пархоменко Л. И., Перекрест В. Т., Перекрест И. В., Фриммер Е. В. // Междисциплинарное исследование процессов трансформации социально-экономического пространства и территориального развития регионов России / под науч. ред. д-ра экон. наук, проф. акад. РАН В. В. Окрепилова, д-ра экон. наук, проф. С. В. Кузнецова. СПб. : ГУАП, 2021. Гл. 6. С. 389–430. EDN HDTYYP
7. Перекрест В. Т., Перекрест И. В. Статистика инноваций: проблемы государственного регулирования инновационной сферы в субъектах Российской Федерации // Управленческое консультирование. 2010. № 3. С. 146–156.
8. Gorban A. N., Kegl B., Wunsch D., Zinovyev A. Y. (eds.). Principal Manifolds for Data Visualization and Dimension Reduction. Ser.: Lecture Notes in Computational Science and Engineering. Vol. 58. Springer, Berlin — Heidelberg — New York, 2008. XXIV. 340 p.

Об авторах:

Курзнев Владимир Анатольевич, профессор кафедры бизнес-информатики Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация); главный научный сотрудник Института проблем региональной экономики РАН (Санкт-Петербург, Российская Федерация), доктор технических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ; kurzenevva@yandex.ru

Перекрест Владимир Терентьевич, заведующий лабораторией математических методов анализа данных Института проблем региональной экономики РАН (Санкт-Петербург, Российская Федерация), доктор физико-математических наук; vtp_01@mail.ru

References

1. Ayvazyan S. A. On the question of parameterization of the national innovation system / S. A. Ayvazyan, M. Yu. Afanasyev, A. V. Kudrov, M. A. Lysenkova // Applied econometrics [Prikladnaya ekonometrika]. 2017. N 1 (45). P. 29–49. EDN YUFRP. (In Rus.)
2. Zinoviev A. Yu. Visualization of multidimensional data [Electronic resource]. URL: <http://pca.narod.ru/ZINANN.htm>. (In Rus.)
3. Perekrest V. T., Shakirova N. I. Econometric comparison of innovative systems of the subjects of the Russian Federation by multidimensional scaling methods // Administrative consulting [Upravlencheskoe konsul'tirovanie]. 2011. N 3. P. 146–159. (In Rus.)
4. Transrest V. T. Econometric Modeling of RPE Using Multidimensional Metric Scaling Technologies // State and Business. Questions of theory and practice: modeling, management, finance. Proceedings of the III International Conference. Sankt Petersburg : SZAGS Publishing House, 2011. P. 18–38. (In Rus.)
5. Kurznev V. A., Perekrest V. T. Nonlinear typological analysis and modern information and analytical technologies of state regulation in the digital economy // Materials of the XI international scientific and practical conference “State and Business. Modern problems of economics”. Vol. 1. St. Petersburg: SZIU RANEPА, 2019. P. 28–34. EDN RSKHNZ. (In Rus.)
6. Kurznev V. A. Economic and mathematical modeling of the sphere of employment and the single labor market as a spatial economic system / Voronin D. E., Kurznev V. A., Parkhomenko L. I., Perekrest V. T., Perekrest I. V., Frimer E. V. // Interdisciplinary study of the processes of transformation of the socio-economic space and territorial development of the regions of Russia / scientific. ed. Dr. Econ. Sciences, prof. Academician RAS V. V. Okrepilov, Dr. Econ. Sciences, prof. S. V. Kuznetsov. Sankt Petersburg : GUAP, 2021. Ch. 6. P. 389–430. EDN HDTYYP. (In Rus.)
7. Perekrest V. T., Perekrest I. V. Innovation statistics: problems of state regulation of the innovation sphere in the constituent entities of the Russian Federation // Administrative consulting [Upravlencheskoe konsul'tirovanie]. 2010. N 3. P. 146–156. (in Rus.)
8. Gorban A. N., Kegl B., Wunsch D., Zinovyev A. Y. (eds.). Principal Manifolds for Data Visualization and Dimension Reduction. Ser.: Lecture Notes in Computational Science and Engineering. Vol. 58. Springer, Berlin — Heidelberg — New York, 2008. XXIV. 340 p.

About the authors:

Vladimir A. Kurzenev, Professor Department of the Chair of Business Informatics of the North-West Institute of Management of RANEPA (St. Petersburg, Russian Federation); Chief Researcher of Institute for Regional Economic Studies Russian Academy of Sciences (St. Petersburg, Russian Federation), Doctor of Science (Engineering), Professor, Honored Worker of Science of the Russian Federation; kurzenevva@yandex.ru

Vladimir T. Perekrest, Head of the Laboratory of Mathematical Methods of Data Analysis of Institute for Regional Economic Studies Russian Academy of Sciences (St. Petersburg, Russian Federation), Doctor of Science (Physics and Mathematics); vtp_01@mail.ru

Меры торговой политики военного времени в сопоставлении исторических периодов Первой мировой войны и специальной военной операции

Жиряева Е. В. *, Мурина В. И., Шандакова И. Л.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация; *Zhiryayeva-ev@ranepa.ru

РЕФЕРАТ

С началом специальной военной операции (СВО) формируется новый тип внешнеторговой политики, основанной на ограничениях. История показывает, что практика ограничений на торговые операции не нова. В статье сопоставляются меры торговой политики России, введенные в период Первой мировой войны 2014–2018 гг. и СВО, начатой в 2022 г.. Целью является выявление инструментов, не задействованных в настоящее время. Рассмотрены ограничения экспорта и импорта, меры стимулирования импорта, мероприятия по выстраиванию новых торговых путей. Еще до начала СВО с момента политического обострения Россия ограничила экспорт древесины и удобрений, что противоречило Протоколу о вступлении в ВТО и отказу от количественных ограничений. Недружественные страны, применявшие превентивные санкции против России, с началом СВО отказали России в режиме наиболее благоприятствуемой нации. Как и в период Первой мировой войны, среди пищевых продуктов, попавших под ограничения экспорта, введенные правительством, присутствуют зерновые, мука и сахар. Для обоих периодов были характерны меры стимулирования импорта в стремлении обеспечить промышленность сырьем и оборудованием. Меры ограничения импорта в первый период распространялись на предметы роскоши, во второй носили характер санкций в отношении недружественных стран. Военный период характеризуется ростом интереса к северным морским путям. По сравнению с Первой мировой войной современная политика ограничений экспорта оказалась более разнообразной в части товарного охвата, но ей недоставало детализации по экспортным направлениям, которая была разработана столетие назад. Многие из современных мер допускают изъятия только в отношении стран ЕАЭС. На наш взгляд, изъятия из ограничений экспорта гуманитарных грузов могли бы быть сделаны для наиболее нуждающихся в зерне или удобрениях развивающихся стран.

Ключевые слова: торговые меры, Первая мировая война, специальная военная операция, запреты экспорта, ограничения, новые торговые пути

Для цитирования: Жиряева Е. В., Мурина В. И., Шандакова И. Л. Меры торговой политики военного времени в сопоставлении исторических периодов Первой мировой войны и специальной военной операции // Управленческое консультирование. 2024. № 1. С. 109–128.

Благодарности: Статья написана в рамках инициативной НИР «Внешнеэкономическая политика страны в условиях санкций» №122112800085-8 ЕГИСУ НИОКР.

Wartime Trade Policy Measures in Comparison of the Historical Periods of the First World War and the Special Military Operation

Elena V. Zhiryayeva*, Veronika I. Murina, Ilona L. Shandakova

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management of RANEPA), Saint Petersburg, Russian Federation; *Zhiryayeva-ev@ranepa.ru

ABSTRACT

With the beginning of the special military operation (SMO), a new type of foreign trade policy is forming, based on restrictions. History shows that the practice of restrictions on trade op-

erations is not new. The article compares Russia's trade policy measures introduced during the First World War of 2014–2018 and the SMO, which began in 2022. The goal is to identify tools that are not currently used. Restrictions on exports and imports, measures to stimulate imports, and measures to build new trade routes are considered. Even before the start of the SMO, from the moment of political aggravation, Russia limited the export of wood and fertilizers, which contradicted the Protocol on Accession to the WTO and the refusal of quantitative restrictions. Unfriendly countries that applied preventive sanctions against Russia, with the beginning of the SMO, denied Russia most favored nation treatment. As during the First World War, grains, flour and sugar were among the food products subject to government export restrictions. Both periods were characterized by measures to stimulate imports in an effort to provide industry with raw materials and equipment. Import restriction measures in the first period applied to luxury goods, in the second they took the form of sanctions against unfriendly countries. The war period was characterized by growing interest in the northern sea routes. Compared with World War I, modern export restriction policies were more varied in terms of product coverage, but lacked the specific details by export directions that were developed a century ago. Many of the modern measures allow exemptions only in relation to EAEU countries. In our opinion, exemptions from restrictions on the export of humanitarian goods could be made for the developing countries which are most in need of grain or fertilizers.

Keywords: trade measures, World War I, special military operation, export bans, restrictions, new trade routes

For citing: Zhiryaeva E. V., Murina V. I., Shandakova I. L. Wartime Trade Policy Measures in Comparison of the Historical Periods of the First World War and the Special Military Operation // Administrative consulting. 2024. N 1. P. 109–128.

Acknowledgments: The article was written within the framework of the initiative research project "Foreign economic policy of the country under sanctions" N 122112800085-8 EGISU R&D

Введение

В преддверии Специальной военной операции (СВО) и затем в ходе ее в сфере внешнеторговых отношений правительство, отойдя от требований ВТО, предприняло несколько смелых и неожиданных шагов, которые сигнализировали о переходе к новому типу политики в целом.

К существенным изменениям правового регулирования во время СВО в 2022–2023 гг. А. М. Галева относит введение ограничений в различных сферах деятельности [3]. Активное нормотворчество на уровне подзаконных актов, проходившее в 2022 г., позволило А. М. Галевой провести классификацию специальных экономических мер в зависимости от сферы их применения на следующие категории:

- в сфере внешнеэкономической деятельности¹;
- топливно-энергетической сфере²;
- сфере валютного регулирования³;
- сфере осуществления международных автомобильных перевозок грузов⁴ и др.

История показывает, что практика ограничений на торговые операции не нова. Исследование прошлого дает возможность разнообразить инструменты политики, применяемые в кризисной ситуации, в которой государство оказалось сейчас и с которой может продолжать иметь дело в будущем.

¹ Указ Президента РФ от 8 марта 2022 г. № 100.

² Указ Президента РФ от 30 июня 2022 г. № 416; Указ Президента РФ от 5 августа 2022 г. № 520.

³ Указ Президента РФ от 18 марта 2022 г. № 126.

⁴ Указ Президента РФ от 29 сентября 2022 г. № 681.

В связи с этим нам представлялось интересным рассмотреть характер и эволюцию внешнеторговой политики военного периода, выявив инструменты, не задействованные в настоящее время. Целью данной статьи является сопоставление мер торговой политики России, предпринятых в период двух военных конфликтов, временной интервал между которыми составляет порядка 100 лет — Первой мировой войны 1914–1918 гг. и СВО, начатой в 2022 г.

До Первой мировой войны основным принципом торговой политики как Европы, так и Америки было импортировать как можно меньше, экспортировать как можно больше. С началом войны картина резко изменилась. Торговые сношения России с европейскими странами значительно затруднились. «Возникла опасность товарного голода, необходимость всеми мерами ограничивать вывоз большинства товаров, стремясь сохранить то, что имелось в пределах страны. Ограничивать импорт, как и думать об экспорте теперь уже не приходилось», — писал И. М. Кулишер [8, с. 149].

В мировом порядке, сложившемся после Второй мировой войны, фоном международных экономических отношений стала свобода торговли, обеспеченная участием стран в ГАТТ/ВТО. Однако перелом, начавшийся после финансового кризиса 2008–2009 гг., выдвинул вперед соображения протекционизма, все большую заботу стран об условиях своей экономической безопасности под гнетом международной конкуренции.

Как отмечает И. В. Поткина, корректировка внешней торговли в 1914–1917 гг., не будучи приоритетным направлением регулирования в условиях войны, по количеству принятых актов представляла собой 141 источник. Большая часть постановлений была связана с запретом на вывоз, к вопросам импорта относилось около 30 распоряжений [11]. В предлагаемом ниже сравнительном анализе мы рассматриваем порядка сотни решений Коллегии и Совета ЕЭК, указов Президента и постановлений Правительства, представляющие собой корпус актов внешнеторгового регулирования конца 2021 — первых трех кварталов 2023 гг. На наш взгляд, к концу 2023 г. набор инструментов, формирующих политику, уже сформировался в основных чертах.

В первой части статьи рассматриваются меры, принятые до начала специальной военной операции в период, когда началось политическое обострение. Нам показалось интересным осветить этот вопрос, хотя аналогий с Первой мировой войной здесь не прослеживается.

Во второй части статьи рассматривается наиболее обширная группа мер ограничения экспорта. Период СВО отличается наличием мер противодействия санкциям. В третьей части описаны меры стимулирования экспорта. В литературе о Первой мировой мер такого типа мы не встретили.

В четвертой и пятой частях описаны меры, относящиеся к импорту. В шестой части описываются усилия правительства по переориентации торговых потоков в новых направлениях.

Характеристика мер, предпринятых до начала СВО

По мнению А. К. Соколова, государство заблаговременно должно подготовить пакет мер, которые будут введены в действие в кризисной ситуации. «Частично государство готовилось к новым экстраординарным условиям функционирования, о чем свидетельствуют ранее принятые федеральные законы, в которых были установлены как новые полномочия должностных лиц государства, так и содержание мер противодействия», — замечает автор [14]. К нормативно-правовой базе по обеспечению национальной безопасности государства относятся федеральные законы от 30 декабря 2006 г. № 281-ФЗ «О специальных экономических мерах и прину-

дительных мерах», от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ «О безопасности», от 4 июня 2018 г. № 127-ФЗ «О мерах воздействия (противодействия) на недружественные действия Соединенных Штатов Америки и иных иностранных государств» — закон, предусматривающий введение санкций.

В отношении агропромышленного комплекса на основе норм Закона о специальных экономических мерах 6 августа 2014 г. был принят Указ Президента РФ № 560, запрещающий ввоз отдельных видов сельскохозяйственной продукции из государств, принявших решение о введении экономических санкций в отношении российских юридических или физических лиц. Изначально продовольственное эмбарго было введено на один год, однако запреты с момента их введения продлеваются ежегодно [10]. Позже был введен порядок, обеспечивающий возможность транзита продукции из санкционных стран только с использованием пломб ГЛОНАСС и при наличии учетных талонов у водителей. Всего под продовольственное эмбарго на сегодняшний день подпало 66 товарных позиций ТН ВЭД ЕАЭС [10]. В 2020 г. был принят комплекс мер регулирования с целью стабилизации цен на продукцию АПК [7]. В него вошли временные запреты на вывоз из стран ЕАЭС некоторых видов продукции, количественные ограничения на вывоз, был принят ряд решений о нулевых ставках ввозных таможенных пошлин, утвержден перечень товаров критического импорта, освобожденных от ввозных таможенных пошлин при импорте в государства ЕАЭС [10]. В 2021 г. к разнообразию перечисленных мер добавились тарифные льготы на импорт сахара, корректировка ставок таможенных пошлин на вывоз за пределы ЕАЭС, тарифные квоты, гибкие экспортные пошлины [10].

Непосредственно перед началом СВО был ограничен экспорт ряда товаров:

- 03.11.21 г. введена квота на экспорт удобрений¹;
- 27.11.21 г. установлена повышенная ставка вывозной таможенной пошлины в отношении отдельных семян подсолнечника²;
- 01.02.22 г. введен запрет на экспорт удобрений (за исключением стран ЕАЭС)³;
- 20.07.21 г. экспорт определенных видов древесины и изделий из древесины (включая бревна) в ЕС разрешался только через пункт пропуска в Финляндии⁴;
- 27.11.21 г. повышены экспортные пошлины (до 80%) на отдельные виды древесины и изделия из древесины (в том числе бревна) (без учета членов ЕАЭС)⁵.

24 января 2022 г. ЕС инициировал спор против ограничений на экспорт древесины, указав что прекращение действия тарифных квот, которые были предусмотрены обязательствами России при вступлении в ВТО, противоречит ст. II:1(a) Генерального соглашения по тарифам и торговле (ГАТТ), а сокращение числа пунктов пропуска нарушает статьи XI:1, XIII:1и I:1 ГАТТ. Этот спор так и не получил развития, так как спустя месяц Россия начала военную операцию, а 15 марта 2022 г. ЕС и еще 13 стран⁶ заявили [16] о приостановке применения режима наиболее благоприятствуемой нации (РНБ) к товарам и услугам Российской Федерации. Это означало, что базовые обязательства ВТО перестают действовать по отношению к России.

Таким образом, экспорт некоторых товаров (например, древесины и удобрений) из РФ был ограничен еще до начала СВО.

¹ Постановление Правительства РФ от 3 ноября 2021 г. № 1910.

² Постановление Правительства РФ от 27 ноября 2021 г. № 2068.

³ Постановление Правительства РФ от 1 февраля 2022 г. № 82.

⁴ Постановление Правительства РФ от 20 июля 2021 г. № 1225.

⁵ Постановление Правительства РФ от 27 ноября 2021 г. № 2068.

⁶ Албании, Австралии, Канады, Европейского Союза, Исландии, Японии, Республики Корея, Молдовы, Черногории, Новой Зеландии, Северной Македонии, Норвегии, Соединенного Королевства и США.

Меры ограничения экспорта

Уже с самого начала Первой мировой войны она велась не только оружием, но и экономическими мерами, обнаруживалось стремление лишить врагов нужных им видов продовольствия, нанести ущерб их промышленности и населению [8]. Война «выдвинула на сцену запрещения экспорта, заставила вернуться к этим давно забытым мерам» [8]. В вопросе жесткого регулирования экспортных операций Россия не была одинока и придерживалась общемировой тенденции. Практика запрета на вывоз из страны продукции, значимой для военной экономики, получила распространение во всех государствах, вовлеченных в вооруженный конфликт. Реестр запрещенных к вывозу товаров западноевропейских государств в основных своих позициях совпадал [8].

В Первой мировой войне участвовали три России: царская, «демократическая» и «социалистическая». Это делает необходимым рассматривать меры данного периода по годам. Запрещения вводились с целью воспрепятствовать получению неприятелем необходимых ему предметов, а также сохранения внутри Империи товаров, нужных для целей войны и внутренней промышленности. Едва началась война, как в России был запрещен вывоз ресурсов, имевших стратегическое значение — зерна, мяса, яиц, масла коровьего, рыбы, сала, овощей, птицы и дичи. Вывоз был закрыт через сухопутную границу Европейской России и через все порты Белого, Балтийского, Черного и Азовского морей [8].

Отдельные императорские указы основывались на правилах морской войны. 26 февраля 1909 г. ряд стран подписали Декларацию «О праве морской войны», согласно которой различались два вида контрабанды — абсолютная и условная. К первой были отнесены предметы, непосредственно предназначавшиеся для военных целей — вооружения, боеприпасы, средства транспорта, инструменты для ремонта. Условной контрабандой считались такие изделия и товары, которые могли служить в равной мере как для военных, так и для мирных потребностей. К ней относились съестные припасы, фураж, ткани, готовая одежда, обувь, простые средства передвижения, драгоценные металлы и денежные купюры. Предметы абсолютной контрабанды подлежали захвату или уничтожению воюющими сторонами в любом случае, независимо от адресата, если судно следовало в неприятельский порт. Предметы условной контрабанды могли быть захвачены только тогда, когда предназначались для вооруженных сил неприятельского государства [11]. И. В. Поткина замечает, что перечень предметов, составивших абсолютную и условную контрабанду, корреспондируется со списками запрещенных к вывозу из России продукции и сырьевых ресурсов. Первый закон увидел свет 29 июля 1914 г., согласно ему по сухопутным и морским границам прекратился экспорт лошадей, попадавших в категорию предметов абсолютной контрабанды. В настоящее время с предметами абсолютной и условной контрабанды ближе всего соотносятся вооружения в определении Федерального закона «О военно-техническом сотрудничестве Российской Федерации с иностранными государствами» и объекты экспортного контроля в понимании закона «Об экспортном контроле». Эта специфическая продукция не является предметом нашего изучения.

Первый список, пришедший на смену единичным постановлениям о запрете вывоза тех или иных товаров, был утвержден 12 августа 1914 г., включал 40 наименований, в том числе продовольственные товары, фураж, твердое и минеральное топливо, резиновые изделия, шкуры животных и кожу, семена масличных, а также хлеб на первом месте. В течение 1914 г. и в начале следующего года список расширялся за счет тканей, цветных металлов, кормовых трав и другой продукции.

В мае 1915 г. распоряжением министра финансов П. Л. Барка был утвержден второй общий список товаров, попавших под эмбарго. Он вообрал в себя все прежние положения, был разделен на 5 разделов и содержал уже 86 наименований

продукции. Для получения разрешения на вывоз товаров применялись утвержденные Министром финансов 4 мая 1915 г. «Правила для отпуска за границу товаров из числа запрещенных к вывозу по обстоятельствам военного времени» (Правила) [1]. Распоряжением Министра финансов от 26 июня 1915 г. был запрещен вывоз из страны золота в любом виде по всем границам.

Вскоре после того, как Правила были приняты, на заседании Совета съездов представителей биржевой торговли и сельского хозяйства Петербурга 2 июля 2015 г. обсуждался вопрос о желательности их пересмотра. Совещание высказалось за исключение из списков ряда продуктов, которые имеются в большом избытке в стране или же вообще не требуются для нужд армии или населения. К ним совещание отнесло: пшеницу, ячмень кормовой, чечевицу, горох, фасоль, бобы, муку пшеничную, табак, сибирское масло коровье, кишки, семена клевера и других кормовых трав, спирт винный [5].

Новый список санкционных товаров появился 18 июля 1915 г. и содержал уже 205 предметов. Впоследствии разрешения на вывоз были даны винам, икре и рассыпному чаю [11].

Быстро ухудшавшаяся экономическая ситуация вынудила Временное правительство объявить казенную монополию на жизненно важные съестные припасы и товары первой необходимости [11].

Запреты не были абсолютными. Перечень запрещенных товаров подвергался неоднократным дополнениям. Изъятия допускались в пользу союзных и дружественных России государств. Вывоз в Финляндию товаров, поименованных в списках, не воспрещался. Вывоз товаров из Финляндии за границу производился на основании особых действующих в Великом Княжестве Финляндском правил [12]. Вывоз в Англию яиц и свинины-бекон допускался «без испрошения особых в каждом отдельном случае разрешений и без свидетельств», если груз направлялся в эту страну в прямом заморском скандинавском сообщении [12]. Разрешался вывоз без особого разрешения и без выдачи свидетельств непосредственно в союзные государства на судах русских или под союзным флагом товаров, поименованных в Приложении № 17 к Правилам [12]. К таким товарам относились кукуруза, макуха сурепная, отруби и выжимки всякие; свинина-бекон; яйца; кишки, рыба; семена масличные; семена клевера и других кормовых трав. Все товары отпускались беспрепятственно в союзные страны и в тех случаях, когда отправлялись в почтовых посылках [12]. Свободно могли вывозиться в Персию из пределов Кавказского наместничества чай, соль поваренная, табак, чечевица, солод, горох, фасоль, бобы, рис, отруби, декстрин и крахмал, консервы рыбные и фруктовые, рыба, семена кормовых трав и огородные семена. Разрешался вывоз сахара при условии сопровождения акцизными документами и не свыше годового размера, определенного Министерством финансов. Вывоз продовольственных припасов для военных отрядов, консульств и состоящих при них воинских частей допускался без особых разрешений¹. Для облегчения перевозки грузов из Петрограда в Англию через Финляндию товаровладельцам предоставлялись особые условия перевозки [9].

Таким образом, считает И. М. Кулишер, прежняя однообразная политика ограничения импорта и поощрения экспорта сменилась гораздо более сложной, дифференцированной в зависимости от характера товара. Система представляла собой квотирование экспорта путем выдаваемых каждый раз разрешений на основании выяснения запасов товара в стране и количества, вывоз которого возможен. Создалась не чисто запретительная, а запретительно-разрешительная система, система контроля [8].

¹ Распоряжение Министерства финансов от 16 февраля 1916 г. № 5571 «О вывозе товаров в Персию и Афганистан».

Российское правительство стремилось к тому, чтобы хотя бы частично компенсировать экономические потери от введения эмбарго на свою экспортную продукцию. С этой целью оно в сентябре 1915 г. заключило с США особое соглашение о вывозе из России товаров, находившихся под санкциями [11]. В годы Первой мировой войны крупные сибирские фирмы наладили регулярную поставку пушнины в Северную Америку, тем самым компенсировав потери основного торгового партнера — Германии.

Ограничения экспорта, которые были введены в период СВО, для удобства их анализа разделим на две категории: вводимые по спискам и устанавливаемые индивидуально.

Ограничения, вводимые по спискам

С началом СВО на основании указа Президента¹ были установлены запреты на вывоз определенных товаров по перечням в соответствии с постановлениями Правительства от 09.03.2022 № 311, 313, а также был введен разрешительный порядок вывоза отдельных товаров в страны ЕАЭС на основании Постановления Правительства от 09.03.2022 № 312, а именно:

- временный запрет на экспорт более 200 наименований товаров, таких, как: бытовая техника, медицинское оборудование, продукция машиностроения, сельскохозяйственная продукция, электрооборудование. Экспорт в ЕАЭС, Абхазию и Южную Осетию освобожден от меры (действие постановления продлевается)²;
- ограничен вывоз товаров, перечисленных в Приложении 2 к Постановлению Правительства РФ № 311 (например, газы инертные);
- запрет на вывоз в отдельные иностранные государства и территории товаров, указанных в Приложении 2 Постановления Правительства РФ от 09.03.2022 № 313. К примеру, запрещено вывозить в Черногорию древесину в виде щепок или стружки;
- требование о лицензировании экспорта ряда товаров, таких как технологическое, телекоммуникационное и медицинское оборудование, транспортные средства, сельскохозяйственная техника, электрооборудование, а также железнодорожные вагоны и локомотивы, контейнеры, турбины, станки для резки металла и камня, видеодисплеи, проекторы, консоли и коммутаторы, предназначенные для стран ЕАЭС, Абхазии и Южной Осетии³. Порядок выдачи разрешений регламентируется ведомственными актами.

С началом действия указанных Постановлений многие российские компании были вынуждены расторгать контракты с иностранными контрагентами либо указывать в договорных обязательствах дополнительное время на обращение за разрешительными документами, а также предусматривать последствия их неполучения [3].

Ограничения, вводимые отдельными актами

Анализ отдельных постановлений ограничим кругом товаров, которые по аналогии с временами Первой мировой войны являются «жизненными припасами» или сырьем, необходимым для промышленности, поскольку именно эти товары были основным объектом запретов в первый из рассматриваемых периодов. В отношении продукции лесного хозяйства и агропромышленного комплекса принимались следующие меры (табл. 1).

Сравнение списков запрещенных к вывозу товаров двух периодов показывает существенные общие черты — под ограничения вывоза попали зерновые, мука,

¹ Указ Президента РФ от 08 марта 2022 г. № 100.

² Постановление Правительства РФ от 9 марта 2022 г. № 311.

³ Постановление Правительства РФ от 9 марта 2022 г. № 312.

Ограничения на экспорт пищевого сырья и продукции в 2022–2023 гг.

Table 1. Restrictions on the export of food in 2022–2023

Товар	Дата	Мера	Характер меры
Сахар	14.03.22	Временный запрет на экспорт белого сахара и сахара-сырца за пределы Российской Федерации (за исключением членов ЕАЭС) ¹ . Мера была отменена	Ограничения
	30.03.23	Сахар-сырец тростниковый, предназначенный для промышленной переработки в Беларуси, Казахстане, Кыргызской Республике и РФ и ввозимый в установленных объемах, освобождается от ввозной таможенной пошлины ²	Исключение из ограничений
	22.05.23	Допустимый объем экспорта сахара белого и свекловичного сахара-сырца с 1 августа 2023 г. по 31 июля 2024 г. определен в размере 1 тонны. Речь идет о допустимом совокупном объеме вывоза за пределы ЕАЭС в период действия общих исключений в отношении соглашений об экспорте сахара между хозяйствующими субъектами, осуществляющими его производство или реализацию ³	Исключение из ограничений
Зерновые и бобовые	14.03.22	Временный запрет на экспорт пшеницы, меслина, ржи, ячменя и кукурузы за пределы РФ (за исключением членов ЕАЭС) ⁴	Ограничения
	31.03.22	До 31 августа 2022 г. соевые бобы вывозятся через определенные пункты пропуска ⁵	Ограничения
	30.06.22	Переход экспортных пошлин на зерно, подсолнечное масло и шрот с долларов США на российские рубли (без учета членов ЕАЭС) ⁶	Ограничения
	30.12.22	С 1 января по 31 декабря 2023 г. применяются ставки вывозных таможенных пошлин на отдельные виды с/х продукции, вывозимой с территорий ДНР, ЛНР, Запорожской и Херсонской областей за пределы территории РФ в государства, не являющиеся членами ЕАЭС. Установлены тарифные квоты на вывоз с указанных территорий пшеницы и меслина, ячменя, кукурузы, соевых бобов, семян рапса, семян подсолнечника, масла подсолнечного, подсолнечного шрота на разные сроки ⁷ . Срок действия указанных тарифных квот продлен по 31 декабря 2023 г. включительно ⁸	Ограничения
	29.12.22	Объем тарифной квоты на вывоз из РФ за пределы ЕАЭС пшеницы, меслина, ржи, ячменя и кукурузы с 15 февраля по 30 июня 2023 г. установлен в размере 25,5 млн тонн ⁹	Ограничения
Рис	30.06.22	Временный запрет на экспорт риса и рисовой крупы за пределы РФ, за исключением ЕАЭС ¹⁰	Ограничения

Товар	Дата	Мера	Характер меры
Масличные семена	27.11.21	Повышенная ставка вывозной таможенной пошлины в отношении отдельных семян подсолнечника ¹³	Ограничения
	31.03.22	Временный запрет на экспорт семян подсолнечника и рапса за пределы РФ (за исключением членов ЕАЭС) ¹⁴	Ограничения
	31.03.22	Временная вывозная таможенная пошлина в размере 5% на семена льна, но не менее 100 долл. за 1000 кг (без учета членов ЕАЭС) ¹⁵	Ограничения
	8.09.22	Временный запрет на экспорт семян рапса за пределы РФ, за исключением ЕАЭС ¹⁶	Ограничения
	18.03.23	Временный запрет на вывоз семян рапса ¹⁷	Ограничения
	27.05.23	Перечень случаев, в которых не применяется запрет на вывоз семян рапса. Возможность вывоза семян рапса из пункта пропуска Забайкальск продлена по 31 августа 2023 г. включительно ¹⁸	Исключение из ограничений
	25.08.23	Новый запрет на вывоз из РФ семян рапса ¹⁹	Ограничения
Масло	31.03.22	Временная квота на экспорт масла подсолнечного в объеме 1,5 млн т и жмыха в объеме 700 тыс. т за пределы РФ за исключением ЕАЭС ²⁰	Ограничения
Остатки пищевых производств	31.03.22	«Плавающая» ставка вывозной таможенной пошлины на жмых подсолнечный (без учета членов ЕАЭС) ²¹	Ограничения

Источники: [17], а также: ¹Постановление Правительства РФ от 14 марта 2022 г. № 361; ²Решение Совета ЕЭК от 30 марта 2023 г. № 32; ³Приказ Минсельхоза России от 22 мая 2023 г. № 508; ⁴Постановление Правительства РФ от 14 марта 2022 г. № 362; ⁵Постановление Правительства РФ от 31 марта 2022 г. № 530; ⁶Постановление Правительства РФ от 30 июня 2022 г. № 1179; ⁷Постановление Правительства РФ от 30 декабря 2022 г. № 2535; ⁸Постановление Правительства РФ от 31 августа 2023 г. № 1418; ⁹Постановление Правительства РФ от 29 декабря 2022 г. № 2524; ¹⁰Постановление Правительства РФ от 30 июня 2022 г. № 1171; ¹¹Постановление Правительства РФ от 30 декабря 2022 г. № 2546; ¹²Постановление Правительства РФ от 28 июля 2023 г. № 1222; ¹³Постановление Правительства РФ от 27 ноября 2021 г. № 2068; ¹⁴Постановление Правительства РФ от 31 марта 2022 г. № 529; ¹⁵Постановление Правительства РФ от 31 марта 2022 г. № 531; ¹⁶Постановление Правительства РФ от 8 сентября 2022 г. № 1580; ¹⁷Постановление Правительства РФ от 18 марта 2023 г. № 420; ¹⁸Постановление Правительства РФ от 27 мая 2023 г. № 838; ¹⁹Постановление Правительства РФ от 25 августа 2023 г. № 1382; ²⁰Постановление Правительства РФ от 31 марта 2022 г. № 548; ²¹Постановление Правительства от 31 марта 2022 г. № 532.

сахар. Что касается жировых продуктов, акцент сдвинулся с молочных и животных на растительные жиры. При этом общим фоном является действующее с 2014 г. эмбарго на ввоз пищевой продукции из ряда стран и ЕС. Продовольственная независимость России за столетие значительно выросла [4]. Ушли в прошлое мотивы «стремления лишить врагов нужных им видов продовольствия, нанести ущерб их населению», на первый план выдвинулся совершенно противоположный мотив — лишить противника рынка сбыта для его сельскохозяйственной продукции [8]. Ограничения на вывоз зерна в ситуации, когда твой экспорт практически невозможен из-за финансовых и логистических санкций, становятся мерой, требующей ювелирной балансировки — с одной стороны, есть необходимость вывозить, с другой стороны, не вывезти бы слишком много.

Удобрения, по производству которых Россия занимает первое место на мировом рынке, как и пищевые продукты, являются гуманитарными грузами, на них не должны распространяться торговые ограничения (табл. 2). И здесь политик встает перед выбором: необходимо удовлетворить внутренний спрос, «обеспечить продовольственную безопасность», не создавая при этом препятствий для отправки товаров на рынки наименее развитых стран.

До начала СВО в ноябре 2021 г. была установлена квота на экспорт удобрений, затем введен запрет вывоза. Предназначением меры было сдерживание роста цен на продовольствие. В 2022 г. выросли цены на природный газ — основное сырье для производства удобрений, возникла угроза мирового продовольственного кризиса, как следствия СВО. При этом правительство России продолжало расширять систему ограничений, распространив их на компоненты удобрений. Были установлены повышенные ставки вывозной таможенной пошлины. Затем их обнулили для удобрений стоимостью 450 USD за тонну, пошлина на удобрения стоимостью выше этой пороговой цены определялась по формуле (23,5% для ценовой разницы). Расчет делался на получение фискального дохода. Цены на удобрения выросли непомерно, и это обрушило мировой спрос на них. К 2023 г. бюджет не получил ожидаемых доходов. В попытке стимулировать экспорт правительство увеличивало объем квот. С 1 сентября 2023 г. была введена единая адвалорная пошлина на экспорт всех видов удобрений — 7% при различной специфической составляющей, в результате экспортная пошлина на удобрения понизилась.

В годы военных действий вполне понятны причины, подвигающие государство искать разнообразные источники бюджетных поступлений. Но, как представляется, при высокой экспортной пошлине был упущен из виду гуманитарный характер груза, миссия России на международном рынке по отношению к странам нетто-импортерам, в том числе наименее развитым. Снижение пошлины в сентябре 2023 г. должно исправить эту ситуацию.

Опыт Первой мировой войны показывает, что многочисленные изъятия из запретов распространялись на отдельные экспортные направления. В наше время такими изъятиями (на основе положений ВТО — разрешающей оговорки и ст. XXIV ГАТТ) могут пользоваться развивающиеся страны и страны — члены зон свободной торговли и таможенного союза. Можем отметить несколько направлений, при отгрузке в которые возможны таможенно-тарифные льготы и субсидирование перевозок — это не только страны ЕАЭС, но и страны — члены зон свободной торговли ЕАЭС — Сербия, Вьетнам, Иран, а также развивающиеся страны в рамках системы тарифных преференций ЕАЭС. Однако существующие соглашения о свободной торговле и правила ЕАЭС для развивающихся стран разработаны с целью облегчения импорта, а не экспорта. Для того, чтобы осваивать этот инструмент политики, потребуется пересмотр действующих соглашений или сформулированные на уровне ЕАЭС подходы к перемещению гуманитарных грузов.

Ограничения на экспорт удобрений в 2022–2023 гг.
Table 2. Restrictions on fertilizer exports in 2022–2023

Дата	Мера	Характер меры
1.02.2022	Запрет на экспорт удобрений. Экспорт, предназначенный для членов ЕАЭС, освобождается от меры ¹	Ограничения
15.04.2022	Продлена квота на экспорт удобрений, введенная до начала СВО (без учета членов ЕАЭС) ²	Ограничения
30.06.2022	Временный запрет на экспорт некоторых аминокислот (за исключением членов ЕАЭС) ³	Ограничения
30.11.2022	На год установлены нулевые ставки вывозных таможенных пошлин на азотные, фосфорные и калийные удобрения стоимостью до \$ 450. При превышении указанного уровня таможенной стоимости ставка вывозной таможенной пошлины применяется в размере 23,5% разницы между таможенной стоимостью и \$ 450 ⁴	Ограничения
20.12.2022	Квота на вывоз из России за пределы ЕАЭС удобрений ⁵ . Увеличен разрешенный объем вывоза в государства, не являющиеся членами ЕАЭС — с 1 апреля 2023 г. по 31 мая 2023 г. в объеме 235000 т ⁶	Ослабление ограничений
26.01.2023	Увеличены квоты на вывоз отдельных минеральных удобрений в государства, не являющиеся членами ЕАЭС ⁷	Ослабление ограничений
27.05.2023	Увеличены квоты на вывоз отдельных минеральных удобрений в государства, не являющиеся членами ЕАЭС ⁸	Ослабление ограничений
27.05.2023	Установлено количественное ограничение на вывоз за пределы территории РФ в государства, не являющиеся членами ЕАЭС, минеральных удобрений на период с 1 июня по 30 ноября 2023 г. в объеме 16 329 тыс. т ⁹	Ограничения
29.05.2023	Определен Порядок выдачи разрешения на вывоз жидкостей — восстановителей оксидов азота AUS 32 и AUS 40 в государства, не являющиеся членами ЕАЭС. Прежде количественное ограничение на вывоз минеральных удобрений, установленное Постановлением Правительства РФ от 27.05.2023 № 822, не распространялось на жидкости ¹⁰	Ограничения
30.08.2023	С 1 сентября 2023 г. по 31 декабря 2024 г. установлены единые ставки вывозной таможенной пошлины в отношении отдельных удобрений ¹¹	Ослабление ограничений

Источники: ¹Постановление Правительства РФ от 1 февраля 2022 г. № 82; ²Постановление Правительства РФ от 15 апреля 2022 г. № 670; ³Постановление Правительства РФ от 30 июня 2022 г. № 1169; ⁴Постановление Правительства РФ от 30 ноября 2022 г. № 2188; ⁵Постановление Правительства РФ от 20 декабря 2022 г. № 2353; ⁶Постановление Правительства РФ от 20 декабря 2022 г. № 2353; ⁷Постановление Правительства РФ от 26 января 2023 г. № 91; ⁸Постановление Правительства РФ от 27 мая 2023 г. № 821; ⁹Постановление Правительства РФ от 27 мая 2023 г. № 822; ¹⁰Приказ Минпромторга России от 29 мая 2023 г. № 1899; ¹¹Постановление Правительства РФ от 30 августа 2023 г. № 1405.

Несколько иной набор инструментов политики был разработан для древесины, которая не является жизненно необходимым сырьем ни для населения, ни для промышленности. Экспорт древесины можно ограничить в целях воздействия на противника или стимулировать для увеличения бюджетных поступлений (табл. 3).

За полтора года военных действий политика в отношении экспорта древесины, начавшись с запрета на экспорт в ЕС, свелась к стимулированию перевозок в европейском направлении. До начала СВО отечественные предприятия лесопромышленного комплекса экспортировали продукцию преимущественно на европейский рынок. Но в апреле 2022 г. ЕС ввел запрет на импорт древесины, фанеры, плит и пеллет из России. Это привело к падению экспорта лесопромышленной продукции в западном направлении на 90% в 2022 г. Мера поддержки перевозок древесины в направлении портов Северо-Запада, принятая в июле 2023 г., была разработана специально для экспортеров лесопромышленного комплекса, столкнувшихся с введенными ограничениями. Благодаря появлению нового транспортного маршрута стала возможна перевозка леса из Санкт-Петербурга в Египет. Мера призвана помочь перераспределить грузопотоки с Восточного полигона (БАМ и Транссиб) на порты Северо-Запада. По данным РЖД, в 2022 г. предприятия СЗФО нарастили перевозки лесной продукции на Дальний Восток втрое, Центрального ФО — в 3,8 раза. Более половины экспорта российского леса в 2022 г. пришлось на Китай. Восточный полигон фактически исчерпал резервы провозной емкости¹.

Таблица 3

Ограничения на экспорт древесины в 2022–2023 гг.

Table 3. Restrictions on timber exports in 2022–2023.

Дата	Мера	Характер меры
20.07.2021	Экспорт определенных видов древесины и изделий в ЕС разрешен только через пункт пропуска в Финляндии ¹	Ограничения
27.11.2021	Повышение экспортных пошлин (до 80%) (без учета членов ЕАЭС) ²	Ограничения
16.03.2022	Квоты на вывоз древесины в государства — члены ЕАЭС на 2022 г. ³	Ограничения
30.12.2022	Установлены грузовые пункты пропуска на российско-казахстанской, российско-белорусской границах ⁴	Ограничения
01.03.2023	Смягчается запрет на вывоз древесины в виде щепок или стружки, убывающей через морские пункты пропуска Владивосток, Находка и Ольга ⁵	Ослабление ограничений
26.07.2023	Субсидирование перевозок древесины на экспорт через порты Северо-Запада ⁶	Стимулирование экспорта

Источники: ¹Постановление Правительства РФ от 20 июля 2021 г. № 1225; ²Постановление Правительства РФ от 27 ноября 2021 г. № 2068; ³Постановление Правительства РФ от 16 марта 2022 г. № 380; ⁴Постановление Правительства РФ от 30 декабря 2022 г. № 2552; ⁵Постановление Правительства РФ от 1 марта 2023 г. № 327; ⁶Постановление Правительства РФ от 26 июля 2023 г. № 1215.

¹ Правительство расширило субсидирование перевозок леса на экспорт // Ведомости. 2 августа 2023. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vedomosti.ru/business/articles/2023/08/02/988056-pravitelstvo-rasshirilo-subsidirovanie-perevozki-lesa-na-eksport> (дата обращения: 25.10.2023).

Другим событием, заставившим правительство РФ изменить свою политику в отношении экспорта древесины, является запрет властей Японии в апреле 2022 г. ввоза в страну бревен, щепы и досок из России¹. В результате ограничения на вывоз этой категории древесины через дальневосточные порты были смягчены.

На примере торговли древесиной мы видим, что ограничения торговли, наложенные одной из противоборствующих сторон (ЕС, Япония), лишают вторую сторону — Россию — необходимости принимать аналогичные меры. Война неизбежно ведет к снижению курса национальной валюты [6]. Процент, на который снижается курс, аналогичен введению импортной таможенной пошлины в том же размере или некоторой мере стимулирования экспорта. Правительство РФ до конца 2024 г. ввело гибкие ставки вывозных таможенных пошлин от 4 до 7% в отношении отдельных товаров с привязкой к курсу рубля. При курсе менее 80 руб. за доллар США предусмотрена нулевая ставка². Корреспондирующие изменения внесены в ставки вывозных таможенных пошлин, утвержденные Постановлением Правительства РФ от 27.11.2021 № 2068. Мера позволяет изымать у экспортеров 30–40% дополнительной выгоды, которую они получают от дешевого конкурентоспособного экспорта своей продукции³.

Таким образом, по сравнению с Первой мировой войной политика ограничений экспорта оказалась более разнообразной в части товарного охвата, но ей не доставало той детализации по экспортным направлениям, которая была разработана столетие назад.

Меры стимулирования импорта

До Первой мировой войны самыми крупными статьями в импорте были машины и хлопок. При этом накануне войны ввоз станков и оборудования для промышленности резко возрос [11]. Во время войны наибольшее сокращение показали сельхозмашины: ввоз в 1916 г. составил 6% по отношению к 1913 г., т. е. упал в 16,7 раза. Отечественные экономисты отмечали, что ослабление притока иностранных товаров в годы войны весьма сильно должно было отразиться на состоянии народного хозяйства, вызывая сокращение продукции многих отраслей хозяйства и общее ухудшение условий производства [11].

С наступлением войны воюющим государствам пришлось распрощаться с целым рядом импортных пошлин. Уже в августе 1914 г. во Франции были отменены импортные пошлины на зерно и муку, рис, мороженое и соленое мясо, живой скот, сухие овощи. Той же политики придерживались Германия, Австрия, Италия. Пошлины на сельскохозяйственные продукты были повсюду упразднены. Война сразу смела весь аграрный протекционизм. Вся суть заключалась в снабжении населения отсутствующими товарами, в необходимости привлечения иностранных товаров в минуту нужды [8].

В России регулирование импорта коснулось небольшой группы изделий, которые освобождались от уплаты таможенных тарифов. Из съестных припасов право бесплатного ввоза было распространено на сахар и рыбу, выловленную японцами в арендованных ими русских водах. Не облагался налогом также импорт машин и разного рода приборов, предназначенных для сибирской и уральской золотопро-

¹ Лесопромышленникам расширили субсидии при перевозке в порты Северо-Запада // Ведомости. 22 июня 2023. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vedomosti.ru/business/articles/2023/06/22/981703-lesopromishlennikam-rasshirili-subsidii-pri-perevozke-v-porti-severo-zapada> (дата обращения: 25.10.2023).

² Постановление Правительства РФ от 21 сентября 2023 г. № 1538

³ Белоусов: гибкие пошлины изымают у экспортеров 30–40% дохода от ослабления рубля // ТАСС. 19 октября 2023. [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/ekonomika/19066947> (дата обращения: 25.10.2023).

мышленности, в развитии которой было крайне заинтересовано царское правительство [11].

В период СВО в отношении импорта были приняты обширные льготы и послабления [3]:

- упрощения при подтверждении соответствия товаров¹;
- льготы при оформлении сертификатов происхождения²;
- упрощение процедуры ветеринарного надзора³;
- послабления при таможенном оформлении⁴;
- возможность ввоза отдельных товаров по параллельному импорту⁵;
- государственная гарантийная поддержка страхования критического импорта⁶;
- разрешены расчеты по внешнеэкономическим контрактам наличными денежными средствами⁷.

Некоторые меры по снижению импортных таможенных пошлин можно расценивать как стремление к обеспечению промышленности сырьем и оборудованием [17]. Были установлены нулевые ставки на меховое сырье ягнят⁸, отдельные продукты, используемые для кормления животных⁹, отдельные виды рыбы¹⁰, отдельные виды фруктового пюре¹¹, какао-масло, какао-жир¹², отдельные пищевые продукты¹³, замороженное мясо крупного рогатого скота, предназначенное для использования в производстве мясной продукции¹⁴, на отходы и лом драгоценных металлов¹⁵. Предприятия агропромышленного комплекса и рыбного хозяйства получили право беспошлинно ввозить товары, необходимые для их деятельности в рамках реализации мер, направленных на повышение устойчивости государств — членов ЕАЭС¹⁶. Были снижены пошлины на отдельные виды продукции переработки фруктов¹⁷, продукты, используемые для кормления животных¹⁸.

Среди мер, облегчающих импорт товаров в 2022 г., назовем также увеличение квоты на ввоз томатов из Турции¹⁹. Эту меру можно расценивать как дружественный шаг по отношению к Турции.

В целом можно заключить, что ввоз необходимых населению и промышленности товаров был максимально облегчен.

Меры ограничения импорта

Запрещения импорта исследователь Первой мировой войны И. М. Кулишер считает вторым периодом в истории торговой политики военного времени. Дело в том, что

¹ Постановление Правительства РФ от 12 марта 2022 г. № 353.

² Приказ Торгово-промышленной палаты РФ от 28 марта 2022 г. № 32.

³ Письмо Россельхознадзора от 21 апреля 2022 г. № ФС-КК-7/11256.

⁴ Федеральный закон от 26 марта 2022 г. № 74-ФЗ.

⁵ Приказ Министерства промышленности и торговли РФ от 19 апреля 2022 г. № 1532.

⁶ Распоряжение Правительства РФ от 15 ноября 2022 г. № 3456-р.

⁷ Постановление Правительства РФ от 26 декабря 2022 г. № 2433.

⁸ Решение Коллегии ЕЭК от 9 ноября 2021 г. № 149.

⁹ Решение Коллегии ЕЭК от 26 октября 2021 г. № 142.

¹⁰ Решение Совета ЕЭК от 17 марта 2022 г. № 29.

¹¹ Решение Совета ЕЭК от 17 марта 2022 г. № 34.

¹² Решение Коллегии ЕЭК от 22 марта 2022 г. № 44.

¹³ Решение Коллегии ЕЭК от 25 октября 2022 г. № 154.

¹⁴ Решение Совета ЕЭК от 25 января 2023 г. № 19.

¹⁵ Решение Коллегии ЕЭК от 15 марта 2022 г. № 42.

¹⁶ Решение Совета ЕЭК от 17 марта 2022 г. № 37.

¹⁷ Решение Совета ЕЭК от 29 октября 2021 г. № 125.

¹⁸ Решение Коллегии ЕЭК от 17 января 2023 г. № 6.

¹⁹ Приказ Минсельхоза России от 16 марта 2022 г. № 151.

под влиянием ограничений экспорта торговый баланс должен был сильно ухудшиться, а это требовало ограничений импорта товаров второстепенной важности, без которых можно обойтись. Так, в Англии в 1917 г. запрещен был импорт различных предметов роскоши, как, например, спиртных напитков. Для других была установлена определенная квота: импорт консервированной рыбы был допущен в пределах половины импорта прежних лет, импорт томатов, миндаля, винограда — в размере $\frac{1}{4}$. Задача была — не допускать ввоза ненужных товаров в целях сбережения на средствах транспорта и на валюте. Пошлины не могли достичь этой цели [8].

Следуя общеевропейской практике, российское правительство наложило вето на «произведения почвы и промышленности» из стран, находящихся в состоянии войны с Россией. Это означает, что возможности осуществления технической модернизации отечественной промышленности убавились по сравнению с мирным временем, поскольку машины, станки и другое оборудование ранее привозились в страну из Германии в достаточно больших объемах [11].

В период СВО указом от 03.05.2022 № 252¹ были введены специальные экономические меры в отношении недружественных юридических и физических лиц, а также находящихся под их контролем организаций. Запрещалось совершать сделки с ними, исполнять обязательства по сделкам, если такие обязательства не исполнены или исполнены не в полном объеме, осуществлять финансовые операции, выгодоприобретателями по которым являются лица, находящиеся под санкциями. Постановлением Правительства РФ от 20.07.2023 № 1173 были увеличены ставки ввозных таможенных пошлин на товары из недружественных стран и территорий. Так, на вина ставки пошлин составляли 20% от таможенной стоимости, но не менее 1,5 долл. США за литр, на фанеру клееную — 50%, на строительные детали, изготовленные из полиуретана — 35%.

Таким образом, соображения, заставлявшие правительство ограничивать импорт, в течение двух исследуемых исторических эпизодов различались.

Новые торговые пути

Как отмечал С. Н. Прокопович [13], с началом Первой мировой войны для России остались открытыми по европейской границе только пути через Архангельск, Ботнический залив в Швецию, Румынию и Болгарию (до октября 1915 г.). Между тем в 1913 г. товарооборот по указанным маршрутам составлял только 5,6 от всего вывоза и 2,8% от ввоза по западной границе. При этом доля Белого моря в экспортно-импортных операциях составляла соответственно 2,56 и 0,46%. Другими словами, объемы торговли были ничтожны [11].

Боевые действия по западным и южным границам империи прервали торговые отношения с Германией, Австро-Венгрией, Турцией, Болгарией, а также Сербией. На долю этих держав в годы промышленного подъема 1908–1913 гг. в среднем приходилось 46,8% всего русского вывоза. С закрытием для прохождения судов проливов Босфор и Дарданеллы прекратились коммерческие связи с зарубежными рынками новороссийских губерний, игравших огромную роль в ключевом хлебном вывозе. Уже в 1914–1917 гг. для воюющей России второстепенные пути через Архангельск и Белое море становятся основными. В мирное время инфраструктуре этих портов не уделялось должного внимания. К главному порту вели гужевая и узкоколейная железная дороги. Ледокольная флотилия в Архангельском торговом порту, обеспечивавшая проводку судов по Белому морю в зимнюю навигацию, сформировалась в течение трех военных лет. Если накануне Первой мировой войны к порту был приписан только один ледокол (всего в распоряжении Министерства торговли и про-

¹ Указ Президента РФ от 03 мая 2022 г. № 252.

мышленности тогда находилось 17 кораблей), то к середине 1917 г. северная эскадра насчитывала уже 21 ледокольное судно. Однако на севере транспортная инфраструктура была очень слабо развита. Вопреки тяжелым условиям правительству удалось увеличить «общий объем внешнеторговых оборотов через архангельские порты в 1915 г. ... в 5,1 раза» по сравнению с 1914 г. [11]

Мурманская морская пристань на берегу незамерзающего Кольского залива была основана весной 1915 г., а движение по новой Мурманской железной дороге к порту открылось 3 ноября 1916 г. Государственное и экономическое значение этого торгового пути осознали только тогда, когда основные маршруты были отрезаны. «Сооружаемый ныне порт на Мурмане, никогда не замерзающий, открытый круглый год для мореплавания, доступный для самых больших и глубокоосидающих океанских судов, самый близкий к Англии и Америке по времени морского перехода русский порт... явится тем давно желанным выходом на мировой рынок нашей торговли, которого она давно уже ищет, запертая в Белом море льдами, а в Балтийском и Черном — проливами, ключи от которых не в наших руках», — написал более 100 лет назад Н. В. Вехов [2].

В наше время альтернативой для традиционного пути между Европой и Азией служит Северный морской путь (СМП). В мае 2023 г. генеральный директор «Росатом» А. Е. Лихачев сделал следующее заявление: «Прорабатываем вопрос перенаправления российской нефти из портов Балтики на СМП как на самый безопасный привлекательный маршрут»¹. Преимущества СМП над Суэцким каналом очевидны: 6000 миль (18 дней) от порта Мурманск до портов Японии через СМП и 12 000 миль (37 дней) через Суэцкий канал, отсутствие очередей и пиратов². Однако есть и существенные сложности использования этого маршрута — требования к оснащенности судов, вызывающие необходимость в расширении российского флота танкеров и ледоколов, а также постройке трубопровода до порта Мурманска.

В 2022 г. председатель Правительства РФ М. В. Мишустин поручил до 2030 г. выделить из бюджета 118 млрд руб. на строительство еще двух атомных ледоколов, а также 25 млрд руб. на судно атомно-технологического обеспечения. Еще около 7 млрд руб. будут направлены на строительство портов «Бухта Север» и «Северная звезда»³. На данный момент транспортировка нефти через СМП имеет временное ограничение по правилам акватории СМП: осуществлять перевозку возможно только с 1 июля по 15 ноября, так как суда низких арктических классов (Arc4 и Arc5) могут осуществлять плавание по этому маршруту совместно с ледоколами, а суда без ледового класса и Ice1-Ice3 допускаются к плаванию только с 1 июля по 15 ноября. Одно судно за навигацию может выполнить только два рейса⁴. Это говорит о необходимости строительства не менее 10–15 судов к 2025–2026 г. Данное количество гораздо меньше, чем число ледоколов, построенных за время Первой мировой войны. Строительства нефтепровода для экспорта нефти этим маршрутом пока не планируют.

¹ Севморпуть станет альтернативным маршрутом между Европой и Азией // RG.RU. 26 июня 2023. [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/2023/06/26/tanker-rastopit-led.html> (дата обращения: 25.10.2023).

² Атомные ледоколы — новые покорители Арктики // Сделано у нас. 18 апреля 2023 [Электронный ресурс]. URL: <https://sdelanounas.ru/blogs/150980/> (дата обращения: 25.10.2023).

³ Власти РФ выделяют 118 млрд. рублей на два новых серийных атомных ледокола // Интерфакс. 29 апреля 2023 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.interfax.ru/russia/838605> (дата обращения: 25.10.2023).

⁴ Эксперты оценили выгоду от переброски экспорта нефти с Балтики на СМП // РИА Новости. 25 мая 2023 [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/20230529/neft-1874729357.html> (дата обращения: 25.10.2023).

В целях активного освоения СМП в 2023 г. правительство предоставило право неоднократного пересечения госграницы РФ любым российским судам, убывающим из российских портов, расположенных в Арктической зоне РФ, в целях торгового мореплавания в Северном Ледовитом океане и входящих в него морях с последующим прибытием в российские порты, расположенные в Арктической зоне РФ. Ранее указанное право было предоставлено только ледоколам¹.

Санкции были главной движущей силой, способствующей повороту России на Восток [15]. Однако, как мы показали на примере древесины, поворот на Восток с существующей пропускной способностью железнодорожных путей в 2023 г. оказался невозможен. Рассмотрим перспективы развития инфраструктуры в южном и восточном направлениях. Российская Федерация — ключевой «игрок» международного транспортного пути Север-Юг, развитие которого стратегически важно для нашей страны. Этот путь не затронут вновь разгоревшимся конфликтом между Израилем и Сектором Газа и открывает возможности для России, Ирана и Индии сформировать многополярный мир.

В 2023 г. были осуществлены паромные сообщения через Каспий, а также завершилось строительство железнодорожного участка Азербайджан — Иран. Этот путь может иметь ряд ответвлений, в частности, морской участок из Ирана в Саудовскую Аравию (по нему уже был перевезен груз из России), а также железнодорожное направление из Ирана в Туркменистан и далее, в страны Центральной Азии². Так как война между Израилем и ХАМАС 2023 г. нанесла серьезный ущерб коридору Индия — Ближний Восток — ЕС, для стран — участниц коридора Север-Юг открываются дополнительные новые возможности.

Таким образом, если в период Первой мировой войны открывались и осваивались северные порты, в настоящее время развивается новый путь — на Юг и Восток.

Выводы

Общая характеристика мер торговой политики 2022–2023 гг. заключается в том, что они начали применяться с момента острого политического обострения — с конца 2021 г., — когда конфликт не перешел в горячую фазу. До начала СВО Россия ограничила экспорт древесины и удобрений, что противоречило Протоколу о вступлении в ВТО и отказу от количественных ограничений, предусмотренному ст. XI ГАТТ. То же можно сказать о политике противоположной стороны — санкционная политика стран Запада носила превентивный характер, а с началом СВО пятнадцать стран отказались применять в отношении РФ основной из принципов ВТО — режим наиболее благоприятствуемой нации. Отметим, что лишь семь авторов этого заявления — шесть стран и ЕС — имплементировали меру. Как и в период Первой мировой войны, среди пищевых продуктов, попавших под ограничения экспорта, присутствуют зерновые, мука и сахар.

Если среди товаров гражданского назначения в Первую мировую войну запреты распространялись только на пищевые продукты, в настоящее время перечень пополнился древесиной и удобрениями. В законодательстве РФ или ЕАЭС нет специальных указаний на особенности регулирования экспорта гуманитарных грузов. Меры в отношении удобрений были многочисленными и разнонаправленными, что, на наш взгляд, должно было привести к неопределенности на мировом рынке. За

¹ Постановление Правительства РФ от 26.01.2023. № 97.

² Война в Израиле поставила под удар обходящий Россию транспортный коридор // ИА Регнум. 10 октября 2023 [Электронный ресурс]. URL: <https://dzen.ru/a/ZSWxadaBAXWQw2TP> (дата обращения: 25.10.2023).

почти два года военных действий политика в отношении экспорта древесины, начавшись с запрета на экспорт в ЕС, свелась к стимулированию перевозок в европейском направлении по той причине, что путь на Восток — Транссиб и БАМ — оказался перегруженным. Ограничения торговли древесиной, наложенные одной из противоборствующих сторон (ЕС, Япония), лишили вторую сторону — Россию — необходимости принимать аналогичные меры. По сравнению с Первой мировой войной политика ограничений экспорта оказалась более разнообразной в части товарного охвата, но ей недоставало той детализации по экспортным направлениям, которая была разработана столетие назад.

В период Первой мировой войны послабления импорта распространялись на съестные припасы и машины, необходимые для промышленности. Для периода СВО характерны общие меры стимулирования импорта, стремление обеспечить сырьем пищевую промышленность и некоторые обрабатывающие производства. Корпус документов, включающих обнуление или снижение пошлин на отдельные машины и оборудование, специально в этой статье не рассматривался.

Меры ограничения импорта в первый период имели целью поддержание платежного баланса и распространялись на предметы роскоши, во второй период носят характер санкций в отношении недружественных стран.

До 2022 г., как и столетие назад, торговые пути России были сориентированы на Запад. Военный период характеризуется ростом интереса к северным путям, в настоящее время также — к путям на Восток и Юг.

Цель работы состояла в том, чтобы на основе опыта Первой мировой войны выявить меры торговой политики, актуальные для практики текущего момента. Как нам представляется, существующий механизм изъятий не столь разнообразен, как предлагает исторический опыт. В период Первой мировой войны изъятия применялись в отношении союзных и дружественных России государств, а также сфер ее влияния — Финляндии, Англии, Персии. Был облегчен вывоз на российских судах, в почтовых посылках, из определенных мест (например, из пределов Кавказского наместничества). Не все, но многие из современных мер допускают изъятия только в отношении стран ЕАЭС. На наш взгляд, изъятия из ограничений экспорта гуманитарных грузов могли бы быть сделаны для наиболее нуждающихся развивающихся стран.

Литература

1. *Богданов В. В.* Правила о вывозе товаров за границу из числа запрещенных к отпуску по обстоятельствам военного времени. Петроград : Книгоиздательство М. В. Попова, 1916.
2. *Вехов Н. В.* Мурманская железная дорога // Архив наследия. М. : Институт наследия, 2004.
3. *Галева А. М.* Осуществление внешнеэкономической деятельности в условиях запретов и ограничений: правовое регулирование и тенденции судебной практики // Арбитражные споры. 2023. № 3 [Электронный ресурс]. URL: <https://arbspor.ru/articles/1762/> (дата обращения: 26.10.2023).
4. *Жиряева Е. В.* Обеспечение национальной продовольственной безопасности мерами торговой политики: примеры военного времени // Переработка и управление качеством сельскохозяйственной продукции. Сб. статей VI Международной научно-практической конференции. Минск, 30–31 марта 2023. Минск : БГАТУ, 2023. С. 360–362.
5. *Журнал образованного при Совете съездов представителей биржевой торговли и сельского хозяйства Совещения для пересмотра утвержденных Министром Финансов 4 мая 1915 г. «Правил об отпуске за границу товаров из числа запрещенных к вывозу по обстоятельствам военного времени».* Совет съездов представителей биржевой торговли и сельского хозяйства Петербурга, 1915.
6. *Журов Ф. Г.* Влияние последней войны на внешнюю торговлю России 1877 года. СПб., 1880.
7. *Итоговый доклад о результатах деятельности Минсельхоза России за 2020 г.* // Министерство сельского хозяйства РФ [Электронный ресурс]. URL: <https://mcx.gov>.

- ru/upload/iblock/8af/8afa6e8620d482b2622540644816ab11.docx (дата обращения: 26.10.2023).
8. Кулишер И. М. Основные вопросы международной торговой политики. Челябинск : Социум, 2008. 479 с.
 9. *Особые условия перевозки грузов из Петрограда через Финляндию в Англию.* Утверждены Императорским Финляндским Сенатом 29 сентября 1915 г.
 10. Парушин Г. В., Стрельцов Р. С. Таможенное регулирование в агропромышленном комплексе РФ // Таможенное дело. 2022. № 4. С. 2–4.
 11. Поткина И. В. В преддверии катастрофы. Государство и экономика России в 1914–1917 годах. СПб. : Нестор-История, 2022. 380 с.
 12. Правила об отпуске за границу товаров из числа запрещенных к вывозу по обстоятельствам военного времени. Утверждены Министром Финансов 4 мая 1915 г.
 13. Прокопович С. Н. Война и народное хозяйство. 2-е изд. М.: Тип. Н. А. Сазоновой, 1918.
 14. Соколов А. К. Некоторые особенности нормативного правового регулирования осуществления предпринимательской деятельности в Российской Федерации в условиях недружественных действий иностранных государств // Предпринимательское право. 2023. № 2. С. 47–53.
 15. Sutyryn S. F., Trofimenko O. Y., Koval A. G. Russian Trade Policy: Achievements, Challenges and Prospects. 2019. London, New York : Routledge [Электронный ресурс]. URL: <https://www.routledge.com/Russian-Trade-Policy-Achievements-Challenges-and-Prospects/Sutyryn-Trofimenko-Koval/p/book/9780367728601> (дата обращения: 25.10.2023).
 16. WTO. Joint statement on aggression by the Russian Federation against Ukraine with the support of Belarus. 15 March 2022. WT/GC/244 [Электронный ресурс]. URL: <https://docs.wto.org/dol2fe/Pages/SS/directdoc.aspx?filename=q:/WT/GC/244.pdf&Open=True> (дата обращения: 25.10.2023).
 17. WTO. Report of the TPRB from the Director-General on trade-related developments (mid-October 2021 to mid-October 2022). WT/TPR/OV/25/Add.1 [Электронный ресурс]. URL: <https://d3ipxbzibstf0l.cloudfront.net/reports/53-summary.pdf> (дата обращения: 25.10.2023).

Об авторах:

Жиряева Елена Васильевна, профессор кафедры экономики Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), доктор экономических наук, доцент, Zhiryeva-ev@ranepa.ru

Мурина Вероника Игоревна, аспирант кафедры экономики Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), vmurina-21@edu.ranepa.ru

Шандакова Илона Левоновна, студент кафедры экономики Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), ishandakova-20@edu.ranepa.ru

References

1. Bogdanov V.V. Rules on the export of goods abroad from those prohibited for release due to wartime circumstances. Petrograd : Book publishing house M. V. Popov. 1916 (in Rus.).
2. Vekhov N. V. Murmansk Railway // Heritage Archive. М. : Heritage Institute, 2004. (in Rus.).
3. Galeva A. M. Carrying out foreign economic activity under conditions of prohibitions and restrictions: legal regulation and trends in judicial practice // Arbitration disputes. 2023. N 3 [Electronic source]. URL: <https://arbspor.ru/articles/1762/> (accessed: 10.26.2023) (in Rus.).
4. Zhiryeva E. V. Ensuring national food security through trade policy measures: examples of wartime // Processing and quality management of agricultural products. Collection of articles of the VI International Scientific and Practical Conference. Minsk, March 30–31, 2023. Minsk : BGATU, 2023. P. 360–362 (in Rus.).
5. Journal of the Meeting formed under the Council of Congresses of Representatives of Exchange Trade and Agriculture to revise the “Rules on the release abroad of goods prohibited for export due to wartime circumstances” approved by the Minister of Finance on May 4, 1915. Council of Congresses of Representatives of Exchange Trade and Agriculture of St. Petersburg, 1915 (in Rus.).
6. Zhurov F. G. The influence of the last war on Russian foreign trade in 1877. SPb., 1880 (in Rus.).

7. Final report on the results of the activities of the Ministry of Agriculture of Russia for 2020 // Ministry of Agriculture of the Russian Federation [Electronic source]. URL: <https://mcx.gov.ru/upload/iblock/8af/8afa6e8620d482b2622540644816ab11.docx> (accessed: 10.26.2023) (in Rus.).
8. Kulisher I. M. Basic issues of international trade policy. Chelyabinsk : Socium, 2008. 479 p. (In Rus).
9. Special conditions for the transportation of goods from Petrograd through Finland to England. Approved by the Imperial Finnish Senate on September 29, 1915 (in Rus.).
10. Parushin G. V., Streltsov R. S. Customs regulation in the agro-industrial complex of the Russian Federation // Customs Affairs. 2022. N 4. P. 2–4 (in Rus.).
11. Potkina I. V. On the eve of disaster. The state and economy of Russia in 1914–1917. SPb. : Nestor-Istoriya, 2022. 380 p. (in Rus.).
12. Rules on the release abroad of goods prohibited for export due to wartime circumstances. Approved by the Minister of Finance on May 4, 1915 (in Rus.).
13. Prokopovich S. N. War and national economy. 2nd ed. M. : Sazonova publishing house, 1918 (in Rus.).
14. Sokolov A. K. Some features of the normative legal regulation of entrepreneurial activities in the Russian Federation in the conditions of unfriendly actions of foreign states // Entrepreneurial Law. 2023. N 2. P. 47–53 (in Rus.).
15. Sutyurin S. F., Trofimenko O. Y., Koval A. G. Russian Trade Policy: Achievements, Challenges and Prospects. 2019. London, New York : Routledge [Electronic source]. URL: <https://www.routledge.com/Russian-Trade-Policy-Achievements-Challenges-and-Prospects/Sutyurin-Trofimenko-Koval/p/book/9780367728601> (accessed: 10.26.2023).
16. WTO. Joint statement on aggression by the Russian Federation against Ukraine with the support of Belarus. 15 March 2022. WT/GC/244 [Electronic source]. URL: <https://docs.wto.org/dol2fe/Pages/SS/directdoc.aspx?filename=q:WT/GC/244.pdf&Open=True> (accessed: 10.26.2023).
17. WTO. Report of the TPRB from the Director-General on trade-related developments (mid-October 2021 to mid-October 2022). WT/TPR/OV/25/Add.1 [Electronic source]. URL: <https://d3ipxbzibstf0l.cloudfront.net/reports/53-summary.pdf> (accessed: 10.26.2023).

About the authors:

Elena V. Zhiryaeva, Professor of the Department of economy of North-West Institute of Management, Branch of RANEPА (St. Petersburg, Russian Federation), Dr. Sci. (Econ.), Zhiryaeva-ev@ranepa.ru

Veronika I. Murina, Postgraduate Student of the Department of Economics of North-West Institute of Management, Branch of RANEPА (St. Petersburg, Russian Federation), vmurina-21@edu.ranepa.ru.

Iлона L. Shandakova, Student of the Department of Economics of North-West Institute of Management, Branch of RANEPА (St. Petersburg, Russian Federation), ishandakova-20@edu.ranepa.ru

Оценка влияния пандемии COVID-19 на экономику регионов России

Манаева И. В.^{*}, Швецова А. А., Канищева А. В.

Белгородский государственный национальный исследовательский университет, Белгород, Российская Федерация; *in.manaeva@yandex.u

РЕФЕРАТ

Пандемия COVID-19 оказала серьезное влияние на устойчивость социального, экономического и экологического развития стран и регионов. Различия в структуре экономики субъектов России и темпы распространения инфекции вызывают предположение о пространственной неравномерности экономических последствий пандемии COVID-19. Цель данной работы — определить степень влияния COVID-19 на экономику регионов с учетом отраслевой специфики. В статье представлена теоретическая база исследования на основе зарубежных и отечественных источников, рассмотрено распространение коронавирусной инфекции в регионах РФ с использованием показателя «общее число случаев COVID-19 (на 1000 чел.)», динамика уровня безработицы в трудоспособном возрасте в регионах России в период 2018–2021 гг., динамика экономического роста в регионах РФ и динамика темпа прироста ВРП в разрезе секторов экономики в период пандемии COVID-19, специализация регионов РФ.

По результатам исследования проведено ранжирование регионов РФ по степени влияния COVID-19 на их экономическую сферу: а) регионы, специализация которых определена природно-географическими факторами (за исключением туризма), испытали наименьшее влияние пандемии COVID-19; б) регионы, экономика которых высоко дифференцирована, на их территории расположены крупные промышленные и финансовые предприятия, экономическая сфера данной группы регионов испытала значимое влияние пандемии COVID-19, но восстановление происходило быстрыми темпами; в) регионы, в экономике которых произошла концентрация ряда пандемических факторов риска; г) регионы-аутсайдеры экономического состояния в РФ.

Проведенное исследование дополняет цикл работ в области влияния эпидемии на экономику регионов и стран. Полученные результаты могут быть использованы для разработки и проведения политики управления рисками по смягчению последствий противоэпидемических мероприятий в регионах РФ.

Ключевые слова: COVID-19, пандемия, регион, структура экономики, экономический рост, ВРП, индекс специализации

Для цитирования: Манаева И. В., Швецова А. А., Канищева А. В. Оценка влияния пандемии COVID-19 на экономику регионов России // Управленческое консультирование. 2024. № 1. С. 129–143.

Благодарность. Исследование поддержано грантом РНФ, проект № 22-28-00209.

Assessment of the Impact of the COVID-19 Pandemic on the Economy of Russian Regions

Inna V. Manaeva^{*}, Angela A. Shvetsova, Alexandra V. Kanishcheva

Belgorod State National Research University, Belgorod, Russian Federation; *in.manaeva@yandex.ru

ABSTRACT

The COVID-19 pandemic has had a serious impact on the sustainability of the social, economic and environmental development of countries and regions. Differences in the structure of the economy of the subjects of Russia and the rate of spread of infection give rise to an assumption about the spatial unevenness of the economic consequences of the COVID-19 pandemic. The purpose of this work is to determine the degree of impact of COVID-19 on various types of regional economies, taking into account industry specifics. The article pre-

sents the theoretical base of the study based on foreign and domestic sources, considers the spread of coronavirus infection in the regions of the Russian Federation using the indicator “total number of cases of COVID-19 (per 1000 people)”, the dynamics of the unemployment rate at working age in the regions of Russia in 2018–2021, the dynamics of economic growth in the regions of the Russian Federation and the dynamics of the growth rate of GRP by sectors of the economy during the COVID-19 pandemic, specialization of the regions of the Russian Federation. Based on the results of the study, the regions of the Russian Federation were ranked according to the degree of influence of COVID-19 on their economic sphere: a) regions whose specialization is determined by natural and geographical factors (with the exception of tourism) experienced the least impact of the COVID-19 pandemic; b) regions whose economies are highly differentiated, large industrial and financial enterprises are located on their territory, the economic sphere of this group of regions has experienced a significant impact of the COVID-19 pandemic, but recovery has been rapid; c) regions in whose economy a number of pandemic risk factors have been concentrated; d) economic outsider regions in the Russian Federation. The conducted research complements the cycle of works in the field of the impact of epidemics on the economy of regions and countries. The results obtained can be used to develop and implement a risk management policy to mitigate the consequences of anti-epidemic measures in the regions of the Russian Federation.

Keywords: COVID-19, pandemic, region, economic structure, economic growth, GRP, specialization index

For citing: Manaeva I.V., Shvetsova A.A., Kanishcheva A.V. Assessment of the Impact of the COVID-19 Pandemic on the Economy of Russian Regions // Administrative consulting. 2024. N 1. P. 129–143.

Acknowledgement. The study was supported by a grant from the Russian Science Foundation, project N 22-28-00209.

Введение

Глобальная пандемия коронавирусной инфекции COVID-19 оказала серьезное влияние на устойчивость социального, экономического и экологического развития стран и их регионов. Исследование особенностей распространения и влияние COVID-19 на города и регионы России актуально и значимо по ряду причин. Во-первых, Российская Федерация — это страна с огромной территорией, разнообразными природно-географическими характеристиками регионов. Во-вторых, субъекты Российской Федерации широко дифференцированы по ряду важных показателей: диапазон численности населения в городах варьирует от 1 тыс. чел. (Чекалин) до 12 330,1 тыс. чел. (Москва); плотность населения в регионах от 5114,23 чел./км² (Москва) до 0,07 чел./км² (Чукотский автономный округ); ВРП на душу населения от 5206 тыс. руб. (Ненецкий автономный округ) до 142 тыс. руб. (Республика Ингушетия); среднегодовая температура воздуха от –6,7°C (Якутск) до 14,9°C (Сочи)¹. В-третьих, для субъектов РФ характерна различная степень специализации по секторам экономики, что определяет их восприимчивость к карантинным мероприятиям.

Существенные структурные различия в регионах РФ и темпы распространения инфекции вызывают предположение о пространственной неравномерности экономических последствий пандемии COVID-19 в России, таким образом, цель данного исследования — определить степень влияния COVID-19 на экономику регионов с учетом отраслевой специфики.

¹ Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium> (дата обращения: 15.04.2023).

Литературный обзор исследования

Несмотря на то что проблематика COVID-19 является довольно молодым направлением, в зарубежной и отечественной литературе имеется достаточный блок работ, посвященных как медицинским, так и экономическим вопросам.

В ряде зарубежных работ рассмотрены вопросы неравномерного пространственного распространения COVID-19 в регионах, среди которых можно выделить исследования Н. Капицини [15], Р. Флориды и Ш. Мелландера [12], М. Амдауда, Дж. Аркури, Н. Левратто [9], Т. Сиглера, С. Махмуда, Э. Кимптона, Э. Чарльза-Эдварда [22], Д. Бейли [10], Ву Ф. [23], К. Скарфоне [20], Ф. Макканни [18], Р. Рамирес-Альданы и Дж.К. Гомес-Верьяны [19], Х. Гонга [13], Е. Баньского [11], Ф. Майнена [17]. Авторы отмечают, что именно географические особенности повлияли на неоднородность экономического воздействия пандемии на экономику регионов.

Отдельные исследователи отмечают, что рост урбанизации, мобильность людей и более тесная интеграция мировой экономики способствовали глобальной взаимосвязанности [14; 24]. Глобализация стала важным механизмом передачи болезней не только на уровне стран, но и регионов [21].

Особый интерес представляют результаты исследований А. Ким, Дж. Лимы, А. Коллетты, полученные в работе посредством проведенных расчетов с использованием индексов для определения регионального экономического сопротивления и измерения промышленной специализации и разнообразия. Это позволило сделать выводы о взаимосвязи между промышленной специализацией и влиянием COVID-19 на экономику штатов США. Уязвимость к потрясениям пандемии в штатах варьируется в зависимости от отраслевой структуры. Здесь важно отметить, что в рамках исследования, внимание было сфокусировано на второстепенной отрасли с высоким уровнем межличностных взаимодействий и эссенциальной отрасли с низким уровнем межличностного взаимодействия [16].

Отдельно представим обзор исследований по вопросам COVID-19 в отечественной литературе. А.А. Федюнина с соавторами исследуют факторы, влияющие на внедрение и расширение электронной коммерции на уровне компаний в ответ на вызовы пандемии COVID-19, при этом особое внимание уделяется региональным особенностям развития онлайн-торговли. Фирмы в регионах с более низким уровнем развития электронной коммерции (до распространения COVID-19), а также компании в крупных городах чаще делали выбор в пользу онлайн-торговли во время пандемии, что свидетельствует о конвергенции электронной коммерции между российскими регионами [8]. А.Н. Пилясов с соавторами провели исследование связи региональных особенностей социально-экономического развития и результатов первого года пандемии (выраженных в избыточной смертности в регионах). Ученые доказали связь распространения вируса с экономической специализацией регионов [5]. А.В. Топилин и О.Д. Воробьева рассмотрели процессы трансформации рынка труда, региональные особенности провалов рынка и его восстанавливаемости в условиях пандемии COVID-19, выявили положительную связь между динамикой уровня безработицы и темпами роста числа вакансий, заявляемых работодателями в службе занятости, увеличением среднемесячной заработной платы [7]. В работе Л.С. Ружанской с соавторами представлены результаты анализа влияния региональной власти на активность малого и среднего бизнеса в период кризиса, и как это влияние сочеталось с собственными усилиями предпринимателей и экономической свободой в регионе [6].

А.А. Песоцкий в своем исследовании распределил все регионы на три кластера по степени урона от экономического шока, вызванного пандемией коронавируса: пострадавшие в большей степени, промежуточная группа, пострадавшие в меньшей степени. При анализе полученных данных использовался метод главных компонент и инструменты R-statistics языка программирования R. Различный уровень панде-

мического шока в регионах обусловлен, в целом, зависимостью от международных связей и экспорта [4].

Эмпирический анализ факторов сокращения экономической активности позволил Е. А. Коломак прийти к выводу, что малый бизнес оказался фактором, который сыграл позитивную роль в поддержании производства регионов России благодаря гибкости и предпринимательской инициативе. Значимость факторов определялась на основе регрессионного анализа [1].

Анализируя недополученную выручку российских предприятий за период «карантинных каникул», Е. В. Лисова отмечает взаимосвязь действий властей регионального уровня и возможными последствиями COVID-19. Кроме того, существует значительная дифференциация убытков от последствий пандемии в зависимости от сферы деятельности. Так, среди анализируемых девяти сфер, больше всего недополучили предприятия оптовой торговли непродовольственными товарами (504 млрд руб.), а меньше всего — гостиницы и общепит (18 млрд руб.) [2].

Т. В. Миролюбова и Е. Н. Ворончихина определили влияние COVID-19 на социально-экономическую ситуацию в регионах России, рассчитав индекс устойчивости региональной экономики к COVID-19 (RCOVID-19), который включает 11 экономических и социальных показателей. RCOVID-19 рассчитывается согласно приведенному в работе алгоритму, состоящему из пяти этапов. Затем, на основе полученных данных, осуществлена кластеризация регионов (с высоким, средним и низким уровнями устойчивости региональной экономики к COVID-19). В итоге, учеными был сделан вывод, что регионы с более высоким уровнем экономического развития не обязательно характеризуются более высокой устойчивостью экономики к COVID-19 [3].

Результаты и обсуждения

На первом этапе исследования рассмотрим географию распространения COVID-19 в регионах РФ (рис. 1).

Общее число случаев COVID-19 (на 1000 чел.) вероятно, занижено, выявление заболевания было медленным и неполным, но данный показатель дает полезную информацию о распространенности инфекции в регионах. В целом, можем заключить о высокой дифференциации критерия: максимальная доля заболевших отмечается в северных регионах и за Уралом.

Чтобы определить степень влияния COVID-19 на социально-экономическую сферу регионов РФ, необходимо проанализировать динамику наиболее важных параметров в период 2019–2021 гг. Значимым критерием рынка труда в регионе в период пандемии выступает уровень безработицы (рис. 2).

Уровень безработицы в трудоспособном возрасте в регионах России широко дифференцирован. Максимальные значения данного показателя в 2018 г. зафиксированы в Республике Ингушетия 28,6%, минимальные в Москве 1,3%; в 2019 г. максимальные значения в Республике Ингушетия 28,8%, минимальные в Санкт-Петербурге 1,41%; в 2020 г. максимальные в Республике Ингушетия 31,5%, минимальные в Ямало-Ненецком автономном округе 2,4%; в 2021 г. максимальные в Республике Ингушетия 32,3%, минимальные в Санкт-Петербурге 2,2%.

Закономерно наблюдается рост безработицы во всех субъектах РФ с начала пандемии COVID-19, но в 2021 г. можем увидеть положительную динамику данного показателя, так медиана в выборке регионов по данному критерию в 2020 г. — 6,1, а в 2021 г. — 4,9.

На рис. 3 и в таблице представлена динамика экономического роста в регионах РФ и динамика темпа прироста ВРП в разрезе секторов экономики в период пандемии COVID-19.

Рис. 1. Общее число случаев COVID-19 на 1000 чел., в регионах России 2020 г.
 Fig. 1. Total number of COVID-19 cases per 1000 people, in the regions of Russia 2020

Источник: Статистика коронавируса по регионам России [Электронный ресурс]. URL: <https://russian-trade.com/coronavirus-russia> (дата обращения: 01.01.2023).

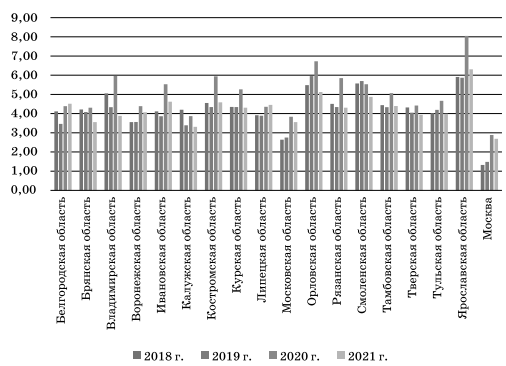
Логично, что в 2020 г. произошло снижение темпа роста ВРП во всех субъектах РФ, в отдельных регионах наблюдалось снижение ВРП (50 субъектов), а в ряде регионов рост ВРП продолжался, но со сниженными темпами (30 субъектов). В 2021 г. по отношению к 2020 г. наблюдается заметная положительная динамика анализируемого критерия в субъектах РФ (за исключением Астраханской области, Чечни, Пензенской и Саратовской областей). Нами проведены расчеты темпов роста ВРП региона 2021 г. по отношению к доковидному 2019 г., результат получился ниже, чем 2021 г. к 2020 г., но динамика положительная.

Таким образом, как показано в таблице, снижения ВРП в ковидный период не произошло в сельском хозяйстве, обрабатывающем производстве, водоснабжении и водоотведении, в области информации, финансовой и страховой деятельности. Кроме того, в секторе «деятельность финансовая и страховая» наблюдается значимая положительная динамика, данная ситуация объясняется повышенным спросом на ипотечное кредитование, спровоцированным программой льготной ипотеки под 6,5% годовых.

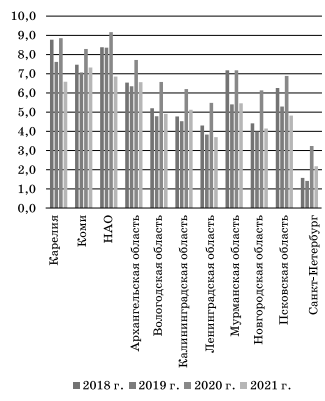
Наибольшее негативное воздействие ограничительные мероприятия в период пандемии COVID-19 оказали на такие сектора экономики, как «транспортировка и хранение», «деятельность гостиниц», «деятельность в области культуры и спорта», «прочие виды услуг».

В рамках данного исследования целесообразно рассмотреть специализацию регионов РФ (рис. 4).

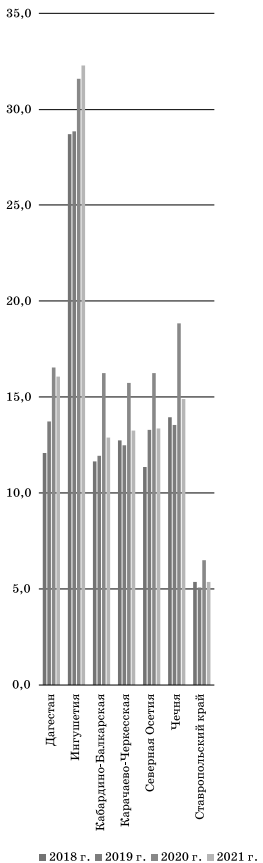
Специализация регионов в сельском хозяйстве, добывающей промышленности и туризме обусловлена природно-географическими факторами. Лидерами в сельском хозяйстве выступают регионы Центрального Черноземья: Белгородская область, Курская область, Воронежская область, Липецкая область, Тамбовская область. Лидерами в добывающей промышленности — регионы с наличием полезных ископаемых: Ненецкий, Ханты-Мансийский, Ямало-Ненецкий, Чукотский

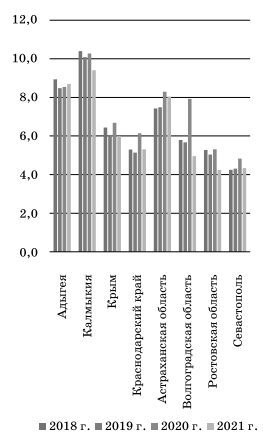
А) ЦФО

Б) СЗФО

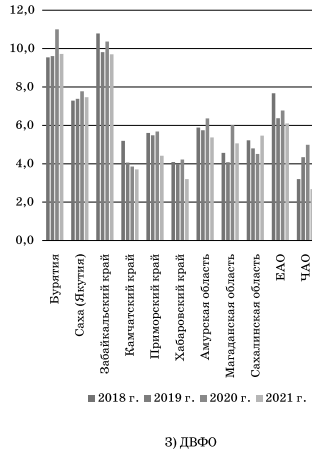
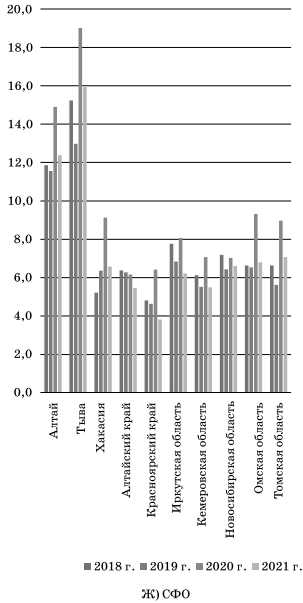
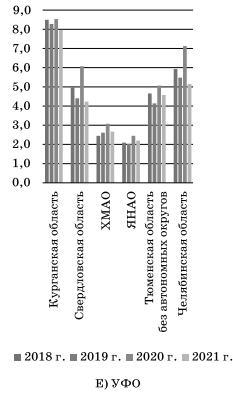
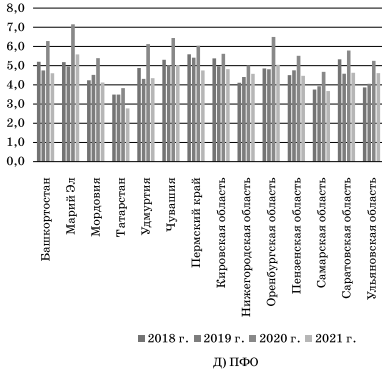

Г) СКФО

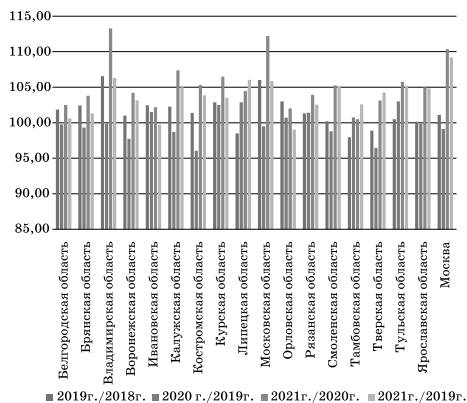

Б) ЮФО

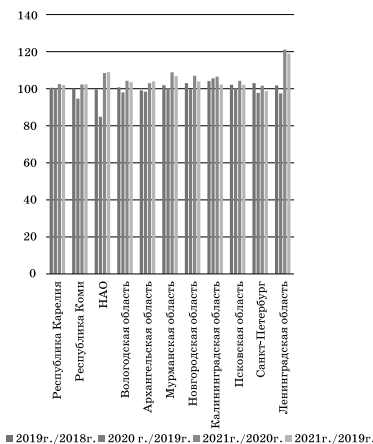
Рис. 2. Динамика безработицы в трудоспособном воз-
Fig. 2. Dynamics of unemployment in working age in the

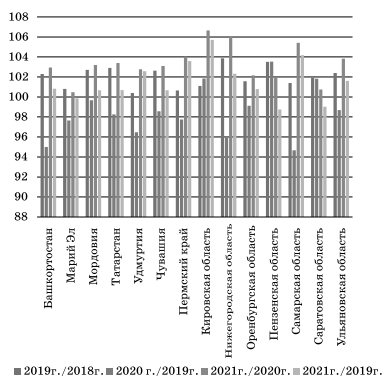
расте в регионах РФ в 2018–2021 гг., %
regions of the Russian Federation in 2018–2021, %

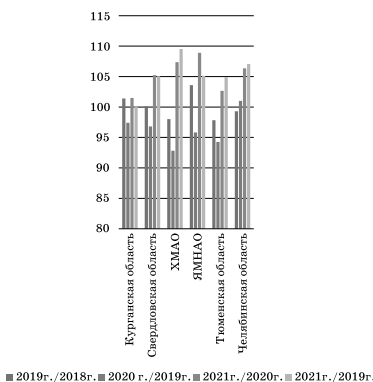
А) ЦФО

Б) СЗФО

Д) ПФО

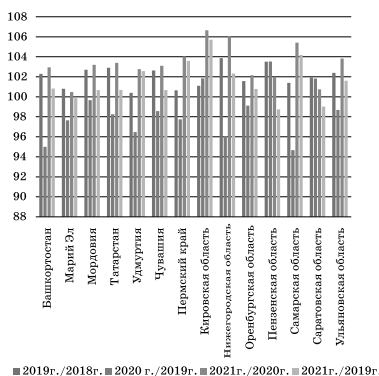
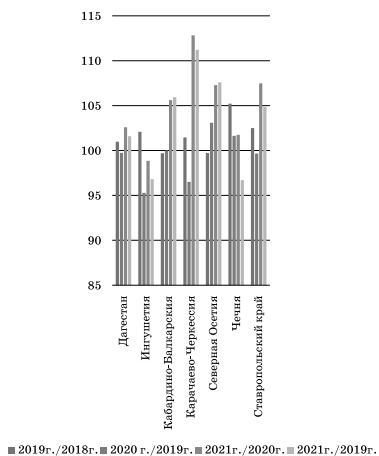
Е) УФО

Рис. 3. Динамика темпа роста ВРП в регионах
Fig. 3. Dynamics of GRP growth rate in Russian

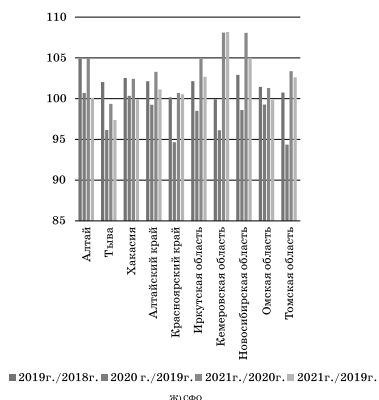
Источник: Федеральная служба государственной статистики [Электронный ре-

автономные округа, Магаданская и Кемеровская области, Якутия и Коми. Лидерами в обрабатывающем производстве являются Калужская, Омская, Калининградская, Вологодская, Тульская и Челябинская области; в оптовой и розничной торговле — Ямало-Ненецкий автономный округ, Москва, Ивановская и Московская области, Краснодарский край. В секторах обрабатывающего производства, оптовой и розничной торговли специализация не продиктована природными факторами.

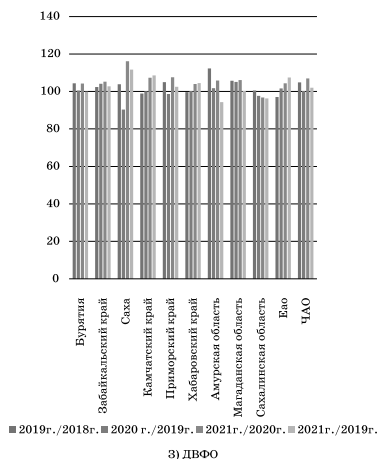
Максимальный индекс специализации по сектору «транспортировка и хранение» получен для регионов Дальневосточного федерального округа, Республики Калмыкия и Краснодарского края; по сектору «деятельность в области культуры и спорта» для Краснодарского края, Санкт-Петербурга, Ярославской области; по сектору «туризм, гостиницы и предприятия общественного питания» для

Г) СКФО

Д) ПФО

Ж) СФО

З) ДФО

России в 2019–2021 гг., %
regions in 2019–2021, %

сурс]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13206> (дата обращения: 01.06.2023).

Краснодарского края, Ставропольского края, Республик Дагестан, Чечня, Крым; по сектору «прочие виды услуг» для Москвы, Ивановской и Псковской областей.

Таким образом, по результатам проведенного исследования можно ранжировать регионы РФ по степени влияния COVID-19 на их экономическую сферу.

Первая группа — регионы, специализация которых определена природно-географическими факторами (за исключением туризма), испытали наименьшее влияние пандемии COVID-19: Белгородская область, Курская область, Воронежская область, Липецкая область, Тамбовская область, Ненецкий, Ханты-Мансийский, Ямало-Ненецкий, Чукотский автономные округа, Магаданская и Кемеровская области, Якутия и Коми.

Вторая группа — регионы, экономика которых высоко дифференцирована, на их территории расположены крупные промышленные и финансовые предприятия,

**Динамика темпа прироста ВРП по секторам экономики
в РФ в 2019–2021 гг., %**

Table. Dynamics of GRP growth rate by economic sectors in the Russian Federation
in 2019–2021, %

Сектор экономики	2019 г./ 2018 г.	2020 г./ 2019 г.	2021 г./ 2020 г.	2021 г./ 2019 г.
Сельское хозяйство	3,96	2,38	1,64	4,06
Добыча полезных ископаемых	3,68	-7,54	7,24	-0,84
Обрабатывающее производство	1,51	0,97	6,94	7,98
Обеспечение электрической энергией	0,51	-3,08	6,64	3,35
Водоснабжение и водоотведение	-2,33	2,41	9,87	12,51
Строительство	1,94	-0,24	5,86	5,60
Торговля оптовая и розничная	0,13	-2,95	10,39	7,14
Транспортировка и хранение	2,44	-7,50	9,69	1,45
Деятельность гостиниц	1,66	-21,26	25,19	-1,43
Деятельность в области информации	7,31	6,78	16,13	24,01
Деятельность финансовая и страховая	-15,11	21,85	17,34	42,98
Деятельность по операциям с недвижимостью	-0,09	-1,05	5,40	4,30
Деятельность научная и техническая	4,44	2,52	7,51	10,22
Деятельность в области здравоохранения	0,45	-0,27	2,92	2,63
Деятельность в области культуры и досуга	6,81	-17,61	22,04	0,55
Прочие виды услуг	-0,61	-10,92	8,47	-3,37

Источник: Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13206> (дата обращения: 01.06.2023).

города-миллионники: регионы центральной России, Республика Татарстан, Башкортостан, Челябинская область, Нижегородская область и т.д. Экономическая сфера данной группы регионов испытала значимое влияние пандемии COVID-19, но восстановление происходило быстрыми темпами.

Третья группа — регионы, в экономике которых произошла концентрация ряда пандемических факторов риска, например, специализация по нескольким секторам экономики, на которые наибольшее негативное влияние оказали карантинные мероприятия: Краснодарский край, Ставропольский край, Крым.

Четвертая группа — регионы-аутсайдеры экономического состояния в РФ, субъекты, которые имеют низкий уровень социально-экономического развития, а пандемия в целом усугубила их состояние: Ингушетия, Дагестан, Калмыкия, Тыва, Бурятия.

Заключение

Значимый рост безработицы отмечается во всех субъектах РФ с начала пандемии COVID-19, но в 2021 г. безработица снижается, медианное значение в выборке регионов по данному критерию в 2020 г. — 6,1, а в 2021 г. — 4,9. В ря-

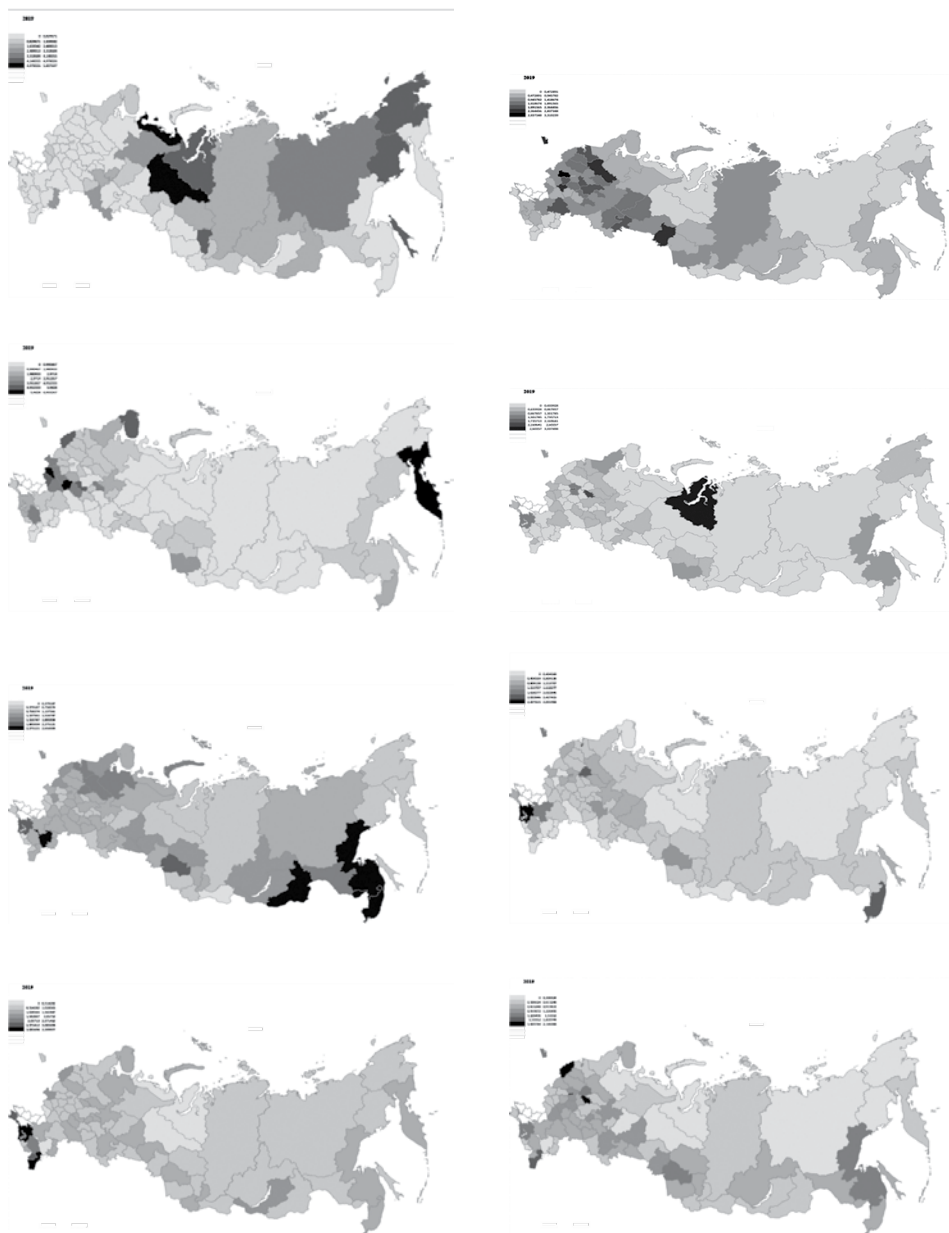

Рис. 4. Индекс специализации регионов России по секторам экономики в 2019 г.

Fig. 4. Index of specialization of Russian regions by economic sectors in 2019

Источник: Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13206> (дата обращения: 01.06.2023).

де регионов РФ в 2020 г. наблюдалось снижение ВРП (50 субъектов), в отдельных субъектах рост ВРП продолжается, но со сниженными темпами (30 субъектов). В 2021 г. по отношению к 2020 г. отмечен значимый рост ВРП (за исключением Астраханской области, Чечни, Пензенской и Саратовской об-

ластей). При расчетах темпов роста ВРП региона 2021 г. по отношению к доковидному 2019 г., результат получился ниже, чем 2021 г. к 2020 г., но динамика положительная.

Снижения ВРП в период пандемии COVID-19 не произошло в сельском хозяйстве, обрабатывающем производстве, водоснабжении и водоотведении, деятельности в области информации, финансовой и страховой деятельности. Повышенный спрос на ипотечное кредитование, спровоцированный программой льготной ипотеки под 6,5% годовых, способствовал значимому росту ВРП в секторе «деятельность финансовая и страховая».

Высокий уровень дифференциации российских регионов по важным критериям определяет их различную восприимчивость к вирусным инфекциям (половозрастная структура и плотность населения, доступность и качество медицинской помощи) и ограничительным мероприятиям (структура экономики), что позволяет ранжировать регионы РФ по степени негативного влияния противозидемических карантинных мероприятий на социально-экономическую сферу.

Проведенное исследование имеет теоретическую и практическую значимость. Дополняет цикл работ в области влияния эпидемий на экономику регионов и стран. Полученные результаты могут быть использованы для разработки и проведения политики управления рисками по смягчению последствий противозидемических мероприятий в регионах РФ.

Литература

1. Коломак Е. А. Экономические последствия COVID-19 для регионов России // ЭКО. 2020. № 12. С. 143–153. DOI: 10.30680/ЕКО0131-7652-2020-12-143-153
2. Лисова Е. В. Воздействие COVID-19 на социально-экономическую деятельность регионов // Путеводитель предпринимателя. 2020. Т. 13. № 2. С. 119–125.
3. Миролюбова Т. В., Ворончихина Е. Н. Пространственная неравномерность влияния пандемии COVID-19 на социально-экономическое развитие регионов России // Вестник Пермского университета. Серия: Экономика. 2021. Т. 16. № 3. С. 238–254.
4. Песоцкий А. А. Оценка влияния пандемии COVID-19 на экономику российских регионов: теоретические и практические аспекты // Вестник образования и развития науки Российской академии естественных наук. 2022. № 3. С. 76–83.
5. Пилясов А. Н., Замятина Н. Ю., Котов Е. А. Распространение пандемии COVID-19 в регионах России в 2020 году: модели и реальность // Экономика региона. 2021 Т. 17. № 4. С. 1079–1095. DOI: 10.17059/ekon.reg.2021-4-3
6. Ружанская Л. С., Фонова Н. Г., Якимова Е. А. Реакция малого и среднего бизнеса на коронакризис: влияние органов власти субъектов Федерации // Экономика региона. 2022. Т. 18. № 3. С. 653–672. DOI: 10.17059/ekon.reg.2022-3-3
7. Топилин А. В., Воробьева О. Д. Динамика и региональные особенности восстановления рынка труда в период COVID-19 // Экономика региона. 2023. Т. 19. № 1. С. 85–98. DOI: 10.17059/ekon.reg.2023-1-7
8. Федюнина А. А., Городный Н. А., Симачев Ю. В., Драпкин И. М. Как пандемия COVID-19 ускорила развитие электронной коммерции в России: анализ данных на уровне компаний с учетом пространственных факторов // Экономика региона. 2022. Т. 18. № 4. С. 988–1002. DOI: 10.17059/ekon.reg.2022-4-2
9. Amdaoud M., Arcuri G., Levratto N. Are regions equal in adversity? A spatial analysis of spread and dynamics of COVID-19 in Europe // The European Journal of Health Economics. 2021. Vol. 22. P. 629–642. DOI: 10.1007/s10198-021-01280-6
10. Bailey D., Clark J., Colombelli A., Corradini C., Propriis L., Derudder B. Regions in a time of pandemic // Regional Studies. 2020. Vol. 54 (9). P. 1163–1174. DOI: 10.1080/00343404.2020.1798611
11. Banski J., Mazur M., Kaminska W. Socioeconomic Conditioning of the Development of the COVID-19 Pandemic and Its Global Spatial Differentiation // International Journal of Environmental Research and Public Health. 2021. Vol. 18 (9). P. 4802. DOI: 10.3390/ijerph18094802
12. Florida R., Mellander Ch. The geography of COVID-19 in Sweden // The Annals of Regional Science. 2022. Vol. 68. P. 125–150. DOI: 10.1007/s00168-021-01071-0

13. Huiwen Gong H., Hassink R., Tan J., Huang D. Regional Resilience in Times of a Pandemic Crisis: The Case of COVID-19 in China // *Journal of Economic and Human Geography*. 2020. Vol. 111 (3). P. 497–512.
14. Jeanne L., Bordin S., Nadou F., Noiret G. Economic globalization and the COVID-19 pandemic: global spread and inequalities // *GeoJournal*. 2022. Vol. 88 (5). P. 1181–1188. DOI: 10.1007/s10708-022-10607-6
15. Kapitsinis N. The underlying factors of the COVID-19 spatially uneven spread. Initial evidence from regions in nine EU countries // *Special Issue: Regional Drivers Effects and Policies of COVID-19*. 2020. Vol. 12 (6). P. 1027–1045. DOI: 10.1111/rsp3.12340
16. Kim A., Lim J. How regional economic structure matters in the era of COVID-19: resilience capacity of U. S. states // *The Annals of Regional Science*. 2023. Vol. 70. P. 159–185.
17. Maruniak E., Dronova O. The COVID-19 Pandemic in Ukraine: A Mosaic of Regional Patterns and Voices of Social Disparity // *COVID-19 and a World of Ad Hoc Geographies*. 2022. P. 157–183. DOI: 10.1007/978-3-030-94350-9_11
18. McCann Ph., Ortega-Argilés R., Pei-Yu Yuan. The COVID-19 shock in European regions // *Regional Studies*. 2021. Vol. 56 (7). P. 1142–1160. DOI: 10.1080/00343404.2021.1983164
19. Ramírez-Aldana R., Gomez-Verjan J. C., Bello-Chavolla O. Y. Spatial analysis of COVID-19 spread in Iran: Insights into geographical and structural transmission determinants at a province level // *PLOS Neglected tropical diseases*. 2020. Vol. 14 (11), e0008875. DOI: 10.1371/journal.pntd.0008875
20. Scarpone Ch., T. Brinkmann S., Große T., Sonnenwald D., Fuchs M., Byron B., Walker B. A multimethod approach for county-scale geospatial analysis of emerging infectious diseases: a cross-sectional case study of COVID-19 incidence in Germany // *International Journal of Health Geographics*. 2020. Vol. 19 (32). DOI: 10.1186/s12942-020-002251
21. Shrestha N., Shad M. U., Ulvi O., Khan Md. M. H. The impact of COVID-19 on Globalization // *Journal Pre-proof*. 2020. Vol. 11. DOI: 10.1016/j.onehlt.2020.100180
22. Sigler Th., Mahmuda S., Kimpton A., Loginova J., Wohland P., Charles-Edwards E., Corcoran J. The socio-spatial determinants of COVID-19 diffusion: the impact of globalisation, settlement characteristics and population // *Globalization and Health*. 2020. Vol. 17 (56). DOI: 10.1186/s12992-021-00707-2
23. Wu Feng, Liu Guijun, Guo Naliang, Li Zhihui, Xiangzheng D. The effects of COVID-19 epidemic on regional economy and industry in China // *Acta Geographica Sinica*. 2021. Vol. 76 (4). P. 1034–1048. DOI: 10.1007/s11442-021-1859-3
24. Xu A., Qian F., Chih-Hung Pai, Na Yu, Pan Zhou. The Impact of COVID-19 Epidemic on the Development of the Digital Economy of China-Based on the Data of 31 Provinces in China // *Front. Public Health, Health Economics*. 2022. Vol. 9. DOI: 10.3389/fpubh.2021.778671

Об авторах:

Манаева Инна Владимировна, Белгородский государственный национальный исследовательский университет НИУ «БелГУ» (г. Белгород, Российская Федерация), профессор кафедры мировой экономики, доктор экономических наук, доцент; in.manaeva@yandex.ru

Швецова Анжела Александровна, Белгородский государственный национальный исследовательский университет НИУ «БелГУ» (г. Белгород, Российская Федерация), старший преподаватель кафедры мировая экономика, кандидат экономических наук; mikhajlovaangela@yandex.ru

Канищева Александра Владимировна, Белгородский государственный национальный исследовательский университет НИУ «БелГУ» (г. Белгород, Российская Федерация), лаборант-исследователь Соглашения РНФ № 22-28-00209; black_shadow13@mail.ru

References

1. Kolomak E. A. Economic consequences of COVID-19 for regions of Russia // *ECO [Eko]*. 2020. N 12. P. 143–153. (In Rus.) DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2020-12-143-153
2. Lisova E. V. Impact of COVID-19 on the socio-economic activities of regions // *Entrepreneur's Guide [Putevoditel' predprinimatel'ya]*. 2020. Vol. 13 N 2. P. 119–125. (In Rus.)
3. Mirolyubova T. V., Voronchikhina E. N. Spatial unevenness of the influence of the COVID-19 pandemic on the socio-economic development of Russian regions // *Bulletin of Perm University. Series: Economics [Vestnik Permskogo universiteta. Seriya: Ekonomika]*. 2021. Vol. 16. N 3. P. 238–254. (In Rus.)

4. Pesotsky A. A. Assessing the impact of the COVID-19 pandemic on the economy of Russian regions: theoretical and practical aspects // Bulletin of education and development of science of the Russian Academy of Natural Sciences [Vestnik obrazovaniya i razvitiya nauki Rossijskoj Akademii Estestvennyh Nauk]. 2022. N 3. P. 76–83. (In Rus.)
5. Pilyasov A. N., Zamyatina N. Yu., Kotov E. A. The spread of the COVID-19 pandemic in Russian regions in 2020: models and reality // Regional Economics [Ekonomika regiona]. 2021. T. 17. N 4. P. 1079–1095. (In Rus.) DOI: 10.17059/ekon.reg.2021-4-3
6. Ruzhanskaya L. S., Fonova N. G., Yakimova E. A. Reaction of small and medium-sized businesses to the coronavirus crisis: the influence of authorities of the constituent entities of the Federation // Regional Economics [Ekonomika regiona]. 2022. Vol. 18. N 3. P. 653–672. (In Rus.) DOI: 10.17059/ekon.reg.2022-3-3
7. Topilin A. V., Vorobyova O. D. Dynamics and regional features of the labor market recovery during COVID-19 // Regional Economics [Ekonomika regiona]. 2023. T. 19. N 1. P. 85–98. (In Rus.) DOI: 10.17059/ekon.reg.2023-1-7
8. Fedyunina A. A., Gorodny N. A., Simachev Yu. V., Drapkin I. M. How the COVID-19 pandemic accelerated the development of e-commerce in Russia: analysis of data at the company level taking into account spatial factors // Regional Economics [Ekonomika regiona]. 2022. T. 18. N 4. P. 988–1002. (In Rus.) DOI: 10.17059/ekon.reg.2022-4-2
9. Amdaoud M., Arcuri G., Levratto N. Are regions equal in adversity? A spatial analysis of spread and dynamics of COVID-19 in Europe // The European Journal of Health Economics. 2021. Vol. 22. P. 629–642. DOI: 10.1007/s10198-021-01280-6
10. Bailey D., Clark J., Colombelli A., Corradini C., Proprijs L., Derudder B. Regions in a time of pandemic // Regional Studies. 2020. Vol. 54 (9). P. 1163–1174. DOI: 10.1080/00343404.2020.1798611
11. Banski J., Mazur M., Kaminska W. Socioeconomic Conditioning of the Development of the COVID-19 Pandemic and Its Global Spatial Differentiation // International Journal of Environmental Research and Public Health. 2021. Vol. 18 (9). P. 4802. DOI: 10.3390/ijerph18094802
12. Florida R., Mellander Ch. The geography of COVID-19 in Sweden // The Annals of Regional Science. 2022. Vol. 68. P. 125–150. DOI: 10.1007/s00168-021-01071-0
13. Huiwen Gong H., Hassink R., Tan J., Huang D. Regional Resilience in Times of a Pandemic Crisis: The Case of COVID-19 in China // Journal of Economic and Human Geography. 2020. Vol. 111 (3). P. 497–512.
14. Jeanne L., Bordin S., Nadou F., Noiret G. Economic globalization and the COVID-19 pandemic: global spread and inequalities // GeoJournal. 2022. Vol. 88 (5). P. 1181–1188. DOI: 10.1007/s10708-022-10607-6
15. Kapitsinis N. The underlying factors of the COVID-19 spatially uneven spread. Initial evidence from regions in nine EU countries // Special Issue: Regional Drivers Effects and Policies of COVID-19. 2020. Vol. 12 (6). P. 1027–1045. DOI: 10.1111/rsp3.12340
16. Kim A., Lim J. How regional economic structure matters in the era of COVID-19: resilience capacity of U. S. states // The Annals of Regional Science. 2023. Vol. 70. P. 159–185.
17. Maruniak E., Dronova O. The COVID-19 Pandemic in Ukraine: A Mosaic of Regional Patterns and Voices of Social Disparity // COVID-19 and a World of Ad Hoc Geographies. 2022. P. 157–183. DOI: 10.1007/978-3-030-94350-9_11
18. McCann Ph., Ortega-Argilés R., Pei-Yu Yuan. The COVID-19 shock in European regions // Regional Studies. 2021. Vol. 56 (7). P. 1142–1160. DOI: 10.1080/00343404.2021.1983164
19. Ramirez-Aldana R., Gomez-Verjan J. C., Bello-Chavolla O. Y. Spatial analysis of COVID-19 spread in Iran: Insights into geographical and structural transmission determinants at a province level // PLOS Neglected tropical diseases. 2020. Vol. 14 (11), e0008875. DOI: 10.1371/journal.pntd.0008875
20. Scarpone Ch., T. Brinkmann S., Große T., Sonnenwald D., Fuchs M., Byron B., Walker B. A multimethod approach for county-scale geospatial analysis of emerging infectious diseases: a cross-sectional case study of COVID-19 incidence in Germany // International Journal of Health Geographics. 2020. Vol. 19 (32). DOI: 10.1186/s12942-020-002251
21. Shrestha N., Shad M. U., Ulvi O., Khan Md. M. H. The impact of COVID-19 on Globalization // Journal Pre-proof. 2020. Vol. 11. DOI: 10.1016/j.onehlt.2020.100180
22. Sigler Th., Mahmuda S., Kimpton A., Loginova J., Wohland P., Charles-Edwards E., Corcoran J. The socio-spatial determinants of COVID-19 diffusion: the impact of globalisation, settlement characteristics and population // Globalization and Health. 2020. Vol. 17 (56). DOI: 10.1186/s12992-021-00707-2

23. Wu Feng, Liu Guijun, Guo Naliang, Li Zihui, Xiangzheng D. The effects of COVID-19 epidemic on regional economy and industry in China // Acta Geographica Sinica. 2021. Vol. 76 (4). P. 1034–1048. DOI: 10.1007/s11442-021-1859-3
24. Xu A., Qian F., Chih-Hung Pai, Na Yu., Pan Zhou. The Impact of COVID-19 Epidemic on the Development of the Digital Economy of China-Based on the Data of 31 Provinces in China // Front. Public Health, Health Economics. 2022. Vol. 9. DOI: 10.3389/fpubh.2021.778671

About the authors:

Inna V. Manaeva, Belgorod State National Research University National Research University (Belgorod, Russian Federation), Professor of the Department of World Economy, Doctor of Economics, Associate Professor; in.manaeva@yandex.ru

Angela A. Shvetsova, Belgorod State National Research University (Belgorod, Russian Federation), Senior Lecturer of the Department of World Economics, PhD in Economics; mikhajlovaangela@yandex.ru

Alexandra V. Kanishcheva, Belgorod State National Research University National Research University (Belgorod, Russian Federation), Research Assistant, RSF Agreement N 22-28-00209; black_shadow13@mail.ru

An Ecosystem Approach to Balanced Territorial Development

Leyla A. Gamidullaeva^{1, *}, Ekaterina S. Grosheva²

¹Penza State University, Penza, Russia; *gamidullaeva@gmail.com

²K. G. Razumovsky Moscow State University of technologies and management (the First Cossack University), Penza, Russia

ABSTRACT

Relevance. The problems of sustainable development of rural areas are extremely relevant nowadays, especially in the context of deepening localization and the increasing role of territorial and natural resources.

Research objective. The purpose of the article is to develop theoretical and methodological aspects of sustainable development of territories, encompassing rural areas with small urban settlements, based on the ecosystem approach to form a unified multi-level strategy for the development thereof.

Method and data. The paper substantiates an application of the ecosystem approach to the development of rural areas in increasing the efficiency of rural businesses, budgetary spending through prioritization of state support recipients, stimulating sustainable development of enterprises and the industry, and increasing the consistency of regional economic policy. The conceptual foundations of this approach are presented, and an algorithm to select participants in a rural ecosystem is proposed.

Results. The proposed approach allows operationalizing self-organization processes in an ecosystem, ensuring a balance of interaction processes of its participants. The research results have contributed to solving the problem of territorial socio-economic ecosystem formation by proposing an algorithm to select target indicators for achieving sustainable development goals, taking into account the specifics and development trends of territories.

Conclusions. The conclusions arising from the conducted research provide scientists, government bodies with the necessary information for a better understanding of practical mechanisms to provide balanced territorial development, ensure the move from fragmentary unsystematic measures of state support to effective differentiated and targeted regional policy of rural areas.

Keywords: sustainable development; rural areas; small territories; spatial regional policy; strategy; territorial development; rural ecosystem; cluster

For citing: Gamidullaeva L. A., Grosheva E. S. An Ecosystem Approach to Balanced Territorial Development // Administrative consulting. 2024. N 1. P. 144–162.

Экосистемный подход к сбалансированному территориальному развитию

Гамидуллаева Л. А.^{1, *}, Грошева Е. С.²

¹Пензенский государственный университет, Пенза, Российская Федерация; *gamidullaeva@gmail.com

²Московский государственный университет технологий и управления имени К. Г. Разумовского (Первый казачий университет), Пенза, Российская Федерация

РЕФЕРАТ

Актуальность. Проблема сбалансированного и устойчивого развития сельских территорий чрезвычайно актуальна в настоящее время, особенно в условиях углубления локализации и возрастания роли природно-ресурсных факторов.

Цель исследования. Целью статьи является разработка теоретико-методологических аспектов устойчивого развития территорий на основе экосистемного подхода для формирования единой многоуровневой стратегии их развития.

Данные и методы. В статье обосновано применение экосистемного подхода к развитию сельских территорий с малыми городскими поселениями для повышения эффек-

тивности сельского бизнеса, оптимизации расходования бюджетных средств за счет приоритизации получателей государственной поддержки, стимулирования устойчивого развития предприятий и отрасли, повышения согласованности региональной экономической политики. Представлены концептуальные основы этого подхода и предложен алгоритм выбора участников сельской экосистемы.

Результаты. Предложенный подход позволяет операционализировать процессы самоорганизации в экосистеме, обеспечить сбалансированность процессов взаимодействия ее участников. Результаты исследования вносят определенный вклад в решение проблемы формирования территориальной социально-экономической экосистемы посредством разработки алгоритма выбора целевых показателей достижения целей устойчивого развития с учетом специфики и тенденций развития территорий.

Выводы. Выводы, вытекающие из проведенного исследования, предоставляют ученым и государственным органам необходимую информацию для лучшего понимания практических механизмов и инструментов обеспечения сбалансированного развития территорий, обеспечения перехода от фрагментарных бессистемных мер государственной поддержки к эффективной дифференцированной и адресной региональной политике.

Ключевые слова: устойчивое развитие, сельские районы, малые территории, пространственная региональная политика, стратегия, территориальное развитие, сельская экосистема, кластер

Для цитирования: Гамидуллаева Л. А., Грошева Е. С. Экосистемный подход к сбалансированному территориальному развитию // Управленческое консультирование. 2024. № 1. С. 144–162.

Introduction

Russia is characterized by a significant differentiation of the socio-economic space due to the heterogeneity of the territory, and the peculiarities of the distribution of the population, resources and industries. Under these conditions, there is further polarization of the economic space being manifested in the accelerated growth of large urban agglomerations as centers of concentration of population and production, and, conversely, in the crisis state of small territories. The latter are characterized by depressive development including depopulation due to natural decline and migration outflow, high unemployment, monoprofile, etc. Therefore, when developing a policy aimed at improving the balance of the economic space, it is necessary to take into account the characteristics of various territories, including small (rural areas, small urban settlements, and small cities) ones. The conceptual definition of small regional territories might vary for each country [27]. In this article, they are specified as settlements, located in small urban regions and normally surrounded by rural areas.

The level of the quality of life of citizens in rural areas, being predominant on the territory of the Russian Federation, should be considered as an important criterion for the development of the economic space.

The debate about urban-rural disparities in living conditions is very broad. Many studies have concentrated particularly on inequalities and disadvantages resulting from the residential environment with focus on rural areas and rural-urban disparities [18; 22; 42]. Uneven development between urban and rural areas can lead to social unrest and uncontrolled mass-migration affecting the more developed urban areas [27].

There is a number of approaches to understanding the specifics of the quality of life in rural areas, including such aspects as social inequality caused by the gap between large metropolitan and rural, depopulated places, as well as other factors reducing the attractiveness of rural life [16; 18; 25; 42]. The so-called “rural effect” implies that rural life is an independent factor to reduce the level of well-being of the population [16]. In our opinion, it is inappropriate to consider this state of affairs as an independent factor that cannot be changed.

In Russia, this discussion was initiated, first of all, by various researchers who studied the inner periphery [1; 8; 9; 23; 41]. They highlighted that there were disadvantaged, predominantly rural areas, whose residents suffered from a limited job supply, dilapidated public infrastructure and limited transportation, which led to a decrease in the quality of life.

There is a view that the differences between urban, regional and rural development may decrease over time due to the focus on sustainable development problems, as “rural areas have become bound into urban and regional development patterns in new ways” [27]. Today, sustainable development of rural areas is based on the concept of sustainable development — Our Common Future — the report of the World Commission on Environment and Development, presented in 1987 and better known as the Brundtland Report (BR). Rural territories, due to their predominance in the territories of the Russian Federation, are the country’s most important resource.

In the international theory and practice, it is argued that fostering a competitive agricultural sector can contribute significantly to the achievement of Sustainable Development Goals (SDGs). For example, the focus of the European Union rural development policy is to actively support multifunctional agriculture, accompanied by a low reflection of non-agricultural activities by strengthening the social, environmental and economic sustainability of rural areas [28; 30; 32]. Environmental protection, conservation and effective development of lands suitable for agricultural activities, infrastructure development, etc. are among the priority issues for authorities and local self-government bodies. In fact, it is industrial and social development of territories, and, ultimately, improvement of the quality of life of citizens.

The Russia’s agriculture is on the rise with a positive dynamics of export-import turnover [12]. Despite the dynamic growth of the agro-industrial complex as a whole in the country, the quality of life of rural citizens lag significantly behind the large cities. The population’s access to the services of social organizations is narrowing, and the information and innovation gap between urban and rural areas is deepening, leading to an increase in the migration outflow of the rural population. Supporting the development of small territories is a promising area, since it provides new incentives for socio-economic revival, and inclusion in the country’s economic space.

Unfortunately, the Russian rurality is being rapidly emptied out. The number of rural areas is decreasing (19,416 settlements by now), and the number of extinct settlements is growing. Unemployment and poverty are concentrated in rural areas [9], and the standard of living of rural citizens is very low. Nowadays, it is the main reason for the outflow of population from rural communities to large cities. In this regard, the research into the problems of sustainable development of rural areas and search for ways to solve thereof remains an urgent task of the state at current stage of economic development.

In our opinion, the most adequate definition of a “rural territory (area)” was formulated as “...socio-economic, cultural and distinctive area of existence and life of the rural community, designated by the territory outside urbanized spaces, consisting of rural settlements with their social and production infrastructure, enterprises, and surrounding natural landscape and corresponding inter-settlement territories” [3]. The author suggests considering a small territory as a combination of six subsystems: economic, social, environmental, political, cultural, and informational. Balanced development within each subsystem leads to sustainable development of rural areas. Some researchers [6] identify the following factors for the development of small territories: increasing the attractiveness of activity of small forms of enterprise in the agro-industrial complex; developing social and transport infrastructure; creating consumer cooperatives; developing rural tourism.

It is obvious that a state social policy is needed in order to increase the economic efficiency and the quality of life in rural areas. This policy should be focused on the

following major guidelines: creation of a favorable social environment; increase in the material living standards up to the average urban; provision of population employment, its social activity and professional culture; restoration of spiritual values and the best traditions; increase in fertility [4].

The SDGs and indicators within the framework of the 2030 Agenda for Sustainable Development are reflected in the state policy of the Russian Federation, in particular in the provisions of the Decrees on national goals and strategic objectives for the development of the Russian Federation for the period up to 2024 and for the period up to 2030. Just prior to the adoption of the UN Agenda, the Strategy for the Sustainable Development of Rural Areas of the Russian Federation for the period up to 2030, partially addressing the issues regarding ensuring the quality of life of the population had been endorsed, and after that the State Program of the Agro-Industrial Complex of the Penza Region Development was approved.

Thus, today, the main goals of sustainable development of rural areas in Russia and the proposed measures to achieve thereof are only integrated into state strategic and program documents. At the same time, there is no consensus regarding the mechanism for setting goals for sustainable development of rural areas and methods of achieving thereof both at the level of the constituent entities of the Russian Federation and in the rural areas themselves.

In general, there are two main ways of development of rural settlements that can be used for sustainable development of the territory. Firstly, this is a sectoral approach, within which the basis for the development of rural areas is sustainable development of the agro-industrial complex and agriculture in general. Secondly, it is a territorial approach, when the comprehensive development of rural areas is required to restore a decent standard of living for rural residents, including the development of infrastructure in rural settlements [2].

Today, the sectoral approach prevails in the state socio-economic policy. Despite the fact that the territorial approach, being more complex but the most expedient, it is practically ignored in strategic documents. For example, Spatial Development Strategy of the Russian Federation for the period up to 2025, approved by the Order of the Russian Government dated February 13, 2019 N 207-R embraces measures specifically focused on cities that form large urban agglomerations. Nevertheless, there are no specific mentions of small territories which contemplate the need to devote resources to developing rural areas, by focusing on sustainable agriculture and rural infrastructure.

Small territories were out of strategy developers' view. On the one hand, there is an imbalance in development of small, medium and large towns, and, on the other hand, of the urban and rural system, and a continuous widening of the gap between a city and the countryside. The issues of "effective economic and social development of rural areas" were beyond the scope of the State Program for the Development of Agriculture [23].

It is necessary to fundamentally change the attitude towards the mission of rural areas in the country's economy. A number of documents provide industrial concentration in limited favorable zones, construction of multi-storey farms, thus ensuring competitiveness of agriculture, and accelerating production of synthetic food, especially livestock products. However, focusing on the maximum possible use of the country's richest land fund for the production of agricultural products and rural settlement should be considered the most appropriate solution [8; 41].

In Russian practice, the attempts have been made to solve the problem of increasing the production of agricultural products by creating holding companies with the involvement of farms in 5–7 administrative districts. Despite job creation and economic growth, this led to market monopolization, squeezing out smaller producers and depleting agricultural land. The uncontrolled monopolization of segments of the agro-industrial

complex by large agricultural holdings is accompanied by the washing out of small and medium-sized enterprises, which, in turn, creates structural constraints for the development of rural areas and dooms them to stagnation.

In our opinion, ensuring sustainable development of rural areas is impossible without the inclusion of all rural entities in this process. It should be realized the awareness to “shift resources from large commercial farmers to smaller non-commercial farmers and rural nonfarm households in general” [3]. Such an approach requires a comprehensive consideration of the totality of these entities as a unified system and the correlation of their goals and results of activities with the SDGs of the rural territory of their functioning. It will allow moving to a qualitatively new stage in the development of a territory in the interests of its residents.

In our view, this task can be solved using the ecosystem approach. In our opinion, an ecosystem is a new complex organizational and economic model for the development of a territory, based mainly on horizontal relations and connections. The key advantage of creating ecosystems is to ensure mutually beneficial cooperation and voluntary partnership of all rural stakeholders. The ecosystem approach allows one to get away from a rigid hierarchy, vertically integrated structures that have shown their unviability in the face of uncertainty and external shocks, including the pandemic crisis that has unfolded today. It is these vertically integrated structures in the form of agricultural holdings, which actually monopolized the agro-industrial complex in rural areas, that represent the main barrier that does not allow rural areas to develop sustainably.

The rest of the paper is organized as follows. In Section 2, we provide an overview of the current state and problems of rural development in Russia. Section 3 is devoted to the theoretical foundations of our research based on the authors' conceptual assumptions and chosen approaches. An ecosystem approach to sustainable development of rural areas is also considered in this Section. Section 4 presents a new algorithm for the selection of participants in the rural ecosystem. This algorithm includes the key assessment factors formed in accordance with the strategy of sustainable development of the territory in which the ecosystem functions, and the development strategy of the ecosystem itself. Section 5 focuses on the key research findings and presents the theoretical contribution and practical significance of the study. Future research perspectives are also proposed here.

Theoretical framework

Current State and Development Problems of Rural Areas in Russia

Consider the current state of sustainable development of rural areas in the Russian Federation. As of 2018, Russia ranked 16th among the world's leading countries with the largest rural population (Fig. 1).

At the same time, there are extremely pessimistic projections regarding the rural population decline in Russia: in 2050, it will be approximately 14.68 million less than in 2018 (Fig. 2).

As in 2015-2017, the negative natural increase was the main reason for the decline in the rural population in 2018. The second most important reason is the migration outflow, the third one is administrative-territorial transformations. In the period from 2019 to 2020, the rural population of Russia decreased by more than 0.7%

Significant peaks occurred in 1992 and 2004, when the rural population grew by 1.88 and 0.85 percent, respectively, partly due to a decline in the urban population.

In 2020, more than 14 deaths per one thousand population were recorded in Russian cities. In rural areas, the mortality rate was 15.4 deaths per thousand people in the same year. In both types of territories, an increase in mortality was observed over the past year (Fig. 3).

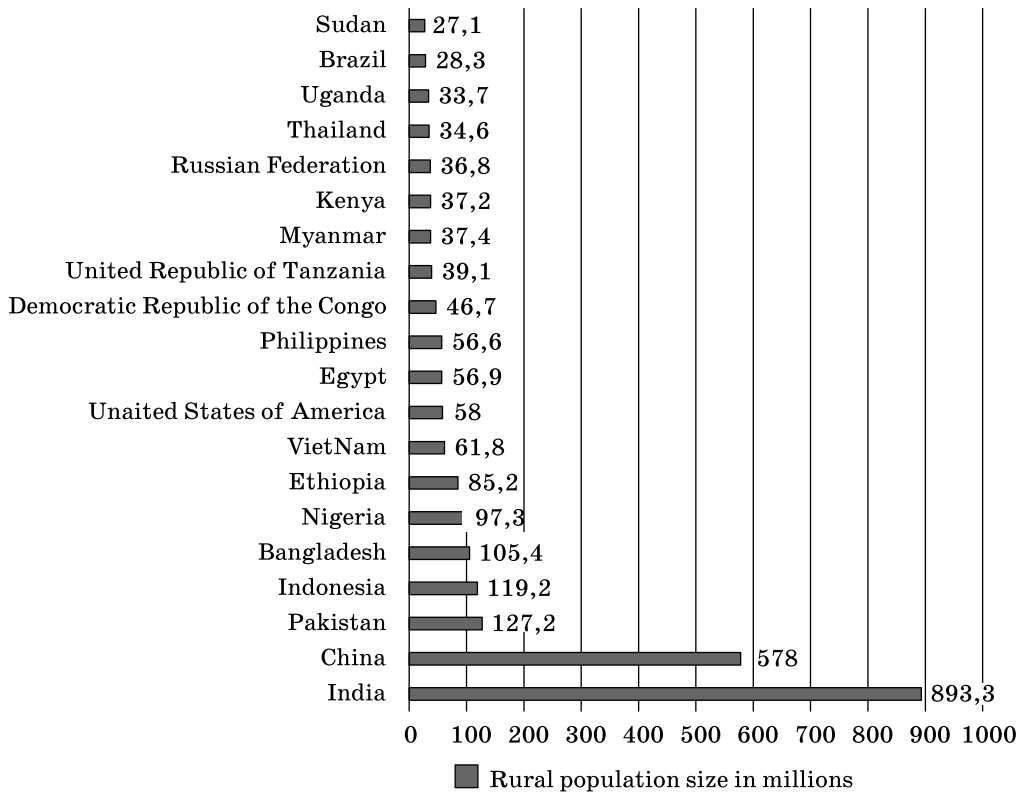

Fig. 1. Top twenty countries worldwide with the largest rural population in 2018 (in millions)

Source: the author's calculations are based on statistical data (Statista) [Electronic source]. URL: <https://www.statista.com/statistics/875087/top-ten-countries-with-biggest-rural-population/> (accessed: 06.07.2022)

The level and structure of mortality are due to the complex interaction of many factors, and socio-economic and environmental factors playing a significant role. Today, the main causes of death are diseases of the so-called endogenous type, i. e. associated with disruption of the activity of the most important systems of the body.

In 2020, life expectancy in rural areas in Russia averaged 70.7 years. For urban dwellers, the average life expectancy at birth was 71.54 years.

Since 2016, the birth rate among the rural population in Russia has decreased, and it amounted to 1.74 in 2020 (Fig. 4).

At the same time, the birth rate in rural areas exceeded the average number of children born per woman in urban areas for the entire period. The decline in the birth rate both in the countryside and in the city shows that its causes are common to all territories and are most likely associated with a decrease in the standard of living and income of the population. Since social problems in rural areas are more acute than in cities, the answer to them had manifested itself earlier in the form of a decrease in the birth rate [20].

Based on the statistics, we can conclude that there is the ongoing process of depopulation and desertification of rural areas. Despite the fact that Russia is still not

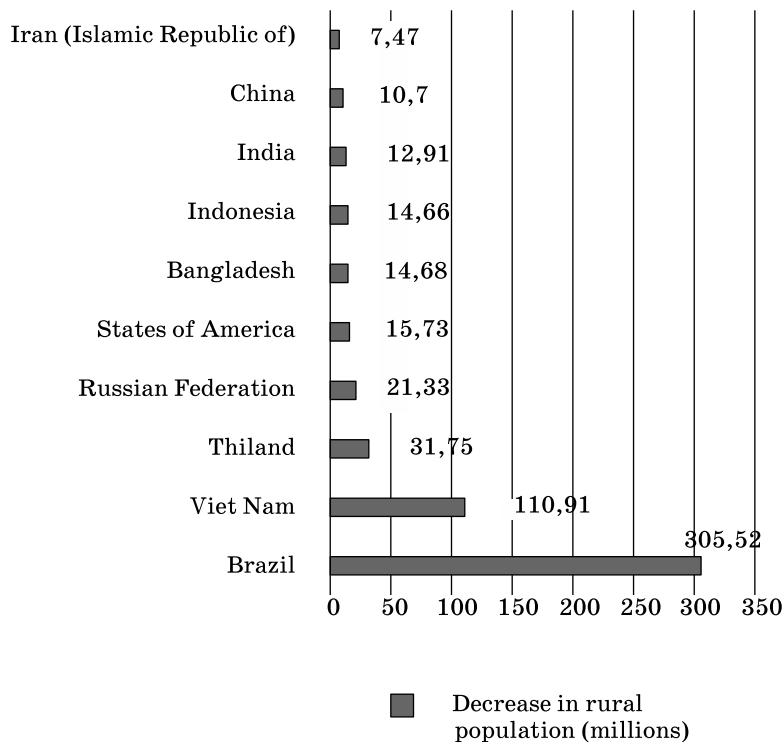

Fig. 2. Top ten countries worldwide with the largest projected decline in the rural population between 2018 and 2050 (in millions)

Source: the author's calculations are based on statistical data (Statista). [Electronic source]. URL: <https://www.statista.com/statistics/670958/top-ten-countries-with-projected-decline-in-rural-population/> (accessed: 06.07.2022)

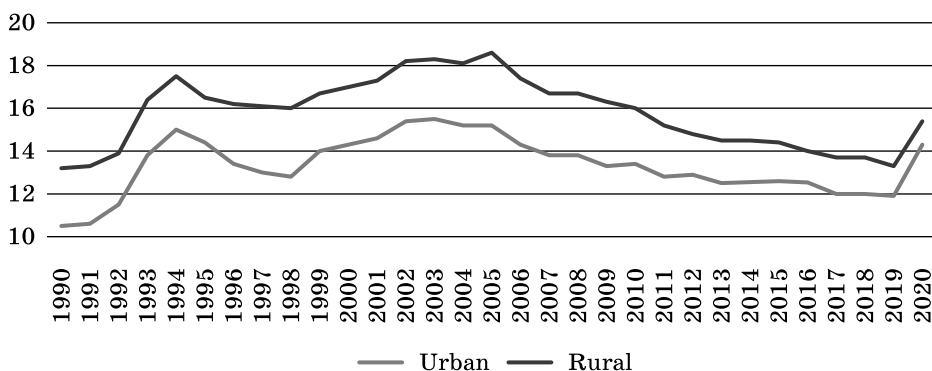

Fig. 3. Mortality rate per 1,000 population in Russia from 1990 to 2020, by type of area

Source: the author's calculations are based on statistical data (Statista). [Electronic source]. URL: <https://www.statista.com/statistics/1041628/russia-number-of-deaths-per-area/> (accessed: 06.07.2022)

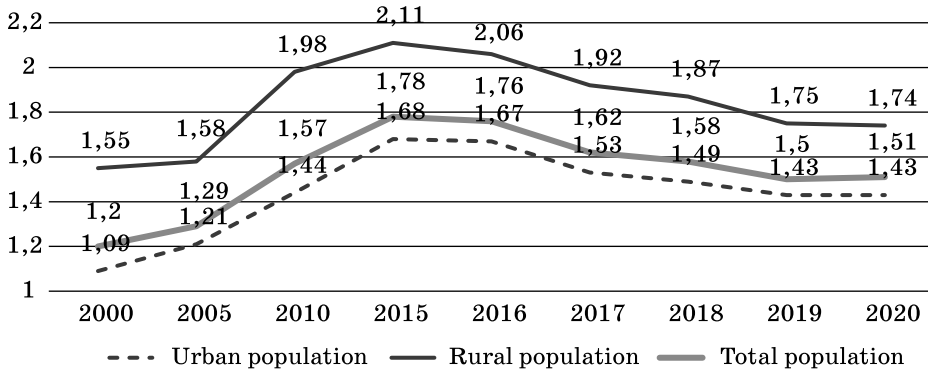

Fig. 4. Fertility rate in Russia from 2000 to 2020, by type of area (in children per one woman)

Source: the author’s calculations are based on statistical data (Statista). [Electronic source]. URL: <https://www.statista.com/statistics/1005471/fertility-rate-russia-area/> (accessed: 06.07.2022)

a highly urbanized country, the forecasts remain disappointing and, if the scenario of the development of rural areas is not changed, soon we will see extinct rurality and a hyper-concentration of the population in large cities.

The main reasons for the decrease in the population in rural areas are as follows: low standard of living, unemployment, lack of accessible infrastructure, low provision of housing and communal benefits.

The categories of “standard of living” and “quality of life” are among the most important socio-economic ones. Quality of life includes the key factors that influence what people value in life beyond its material aspects. These factors are related to, for example, safety or time costs. An evaluation of standard of living may include such factors as income, quality and availability of employment, poverty rate, life expectancy, climate, safety, or cost of goods and services. Standard of living is often used to compare geographic areas or different moments in time. Quality of life is more subjective and intangible than standard of living [12]. Such a view is more in line with the content that is laid down in the 17 SDGs.

Thus, the task of finding innovative mechanisms for sustainable rural development is urgent.

An Ecosystem Approach to Sustainable Rural Development

The search for organizational and managerial models ensuring sustainable development has been going on for more than a dozen years. These models include clusters, networks, and agro-industrial and eco-industrial parks. Each of these models has its own advantages and limitations [39].

Currently, it is becoming problematic for an individual enterprise, even with a large capacity margin, to ensure sustainable development while maintaining competitive advantages, flexibly and instantly adapting to the requirements of external environment. And it is practically impossible to respond to new challenges for small and medium-sized enterprises.

In our opinion, the use of an ecosystem approach to the development of rural areas can make a certain contribution to solving this problem. The concept of an ecosystem is borrowed from the natural sciences (biology, ecology, etc.), where it is defined as a system consisting of a community of living organisms (biocenosis), their habitat, a system of connections that exchange matter and energy between thereof. In eco-

conomic science, in a broad sense, an ecosystem is understood as a wide, but finite circle of participants united by a single concept aimed at effective and successful activities carried out in a limited area.

An ecosystem is the development of a cluster model, while combining the most promising practices of interaction and coordination of participants and supplementing them with new principles necessary in the transformation of behavioral organizational and economic mechanisms of economic entities.

Speaking about the ecosystem, it should be noted the complexity and ambiguity of the interpretation of this term in the literature. An “ecosystem” is often seen as a metaphor for a specific kind of network and network externalities, for a specific market or market niche, to reflect the complementarity of physical, human and intellectual assets, or spillover effects arising from joint activities [13]. The underlying idea of this concept is that enterprises today not only compete with each other by developing effective market strategies in order to achieve competitive advantages, relying on their own resources, abilities and knowledge. In today’s unstable and turbulent environment, economic agents are increasingly building their strategies and forming competitive advantages based on the sharing of resources, network externalities (external effects) and knowledge transfers (spillover effects). This requires the development of new conceptual approaches reflecting real trends, and the theory of ecosystems being the one.

The proposed ecosystem rationale for rural development does not directly relates to mainstream regional clusters. Meanwhile, it is based on several regional clustering policy advantages, such as creation of economies of scale and scope; reduction of costs and increasing efficiency; stimulation of innovation, etc. [27]. Meanwhile, the ecosystem approach can help to overcome the disadvantages of regional clustering, including reducing diversity in the regions; placing in disadvantage non-dominant regional industries; increasing the economic dependency of regions; increasing the resistance to change in certain clusters; potential lack of any propensity from certain companies to cooperate with each other [27]. These are, in our view, all important aspects for increasing the development of small territories.

The cluster policy is based on the selected sectoral regional specialization. While the ecosystem assumes “connected” diversification, that is, the agglomeration of enterprises of the same and related sectors, connected by different forms of interactions.

Having applied the ecosystem concept to justify the unequal development of small and medium-sized businesses in Russia, several authors come to the conclusion that the more advanced ecosystems can successfully withstand external shocks (e.g., reduction of incomes of the population) and the better use of development opportunities [13]. Some authors trace the relationship between the ecosystems and new business opportunities [40].

A number of researchers associate the development of ecosystems with the quality of life of citizens in a certain territory. However, having used a multidimensional approach, some authors specify a combination of categories of entrepreneurial, innovative and sustainable ecosystems while investigating the current state of ecosystems, their structural and changing dynamics, and its impact on the quality of life of rural citizens.

Here are some of the ecosystem approach principles: self-organization and self-development; trust and partnership; corporate culture; customer centricity; project orientation; innovation and openness to changes; collaboration through the exchange of information and intellectual resources; transboundary and interdisciplinary [39].

Having analyzed the approaches to the concept of an “ecosystem”, we note that an ecosystem is a voluntary association of enterprises and organizations, complexes, and networks forming collaborative interactions, which presupposes long-term agreements between the participants (Tolstykh, Gamidullaeva & Shmeleva, 2021). This ensures that all participants have an equal position in decision-making, allowing them to arrive at an

agreed strategy of actions for each specific project. In our opinion, such definition most precisely reflects the principles of self-organization and collaboration, which were originally laid down in the concept of an “ecosystem” as an analogue of natural environment. As a rule, such ecosystems are formed around large universities or enterprises generating new ideas and technologies. In practice, ecosystems are often associated with digital platforms, though any digital solution is just a tool for implementing the ecosystem approach [38].

There is a synergistic effect in an ecosystem when new technologies and projects stimulate productivity growth within the company, in the supply chain, and between different industries [38; 39].

Agro-industrial, industrial and engineering enterprises, IT-startups, research and scientific organizations, resource providers, industrial regulators and territorial authorities, that is, any organization interested both in its innovation development and the territory as a whole, can be a participant (actor) of a rural ecosystem.

In practice, a rural ecosystem should be created around an industrial cluster in industries such as agriculture, industry, accommodation and food service activities. Its creation should be facilitated by a competent and verified policy aimed at improving the quality of life in this territory and counteracting the trend of population migration.

A rural ecosystem can be geographically considered as unification of several administrative districts with a common resource, institutional and socio-economic potential within a vast region. The problem of identifying or delimiting an ecosystem is similar to the delimiting clusters in a given territory. First, it must have a certain number of interactions, connections and interdependencies. Secondly, it should include the ability to have economic specialization in the sector, as well as the potential to implement the circular economy plan in its territory. Third, streamlined processes of territorial governance and cooperation in several areas between local authorities could contribute to the implementation of the strategy. Finally, existing links of physical accessibility between small territories (physical proximity and connectivity) must be considered to delineate these clusters [27].

The following advantages of using the ecosystem approach for the territorial socio-economic development can be highlighted:

- increasing the efficiency of interaction between organizations and enterprises of an ecosystem;
- increasing the efficiency of budgetary spending by prioritizing the recipients of state support;
- increasing the consistency and effectiveness of regional economic policy;
- providing balanced spatial development of a territory;
- stimulating sustainable development of rural areas as a whole, which implies coordination of economic, social, and environmental development goals [20].

Meanwhile, the lack of formalization and proposing indicators without clear reasoning of the causes and effects of phenomena and processes can be considered a challenge for the ecosystem concept [43].

We should bear in mind that implementation of the ecosystem model requires different coordination systems and interaction mechanisms between actors aimed at stimulating sustainable development of a territory (rural area). In practice, the roles of actors are not clearly defined and may change as the ecosystem develops. The role of a core organization (focal firm) in coordinating the ecosystem has been extensively explored in the literature. Successful commercialization of a new technology often requires accompanying changes in complementary activities within the ecosystem [10]. Clear rules for cooperation and interaction of actors are required for the development of an ecosystem. Rural ecosystems development policies will also call for a more integrated, and bottom-up policy approaches to engage local communities in their implementation.

In turn, it substantiates the necessity in a more objective, transparent and barrier-free mechanism for involving participants in an ecosystem required to be operationalized in a more effective and efficient manner which is developed and proposed in the following Section.

Method and Data

To solve the stated problem, the authors propose an algorithm for the selection of participants in a rural ecosystem, which includes key assessment factors formed in accordance with the strategy of sustainable development of the territory in which the ecosystem functions, and the development strategy of the ecosystem itself (Fig. 5).

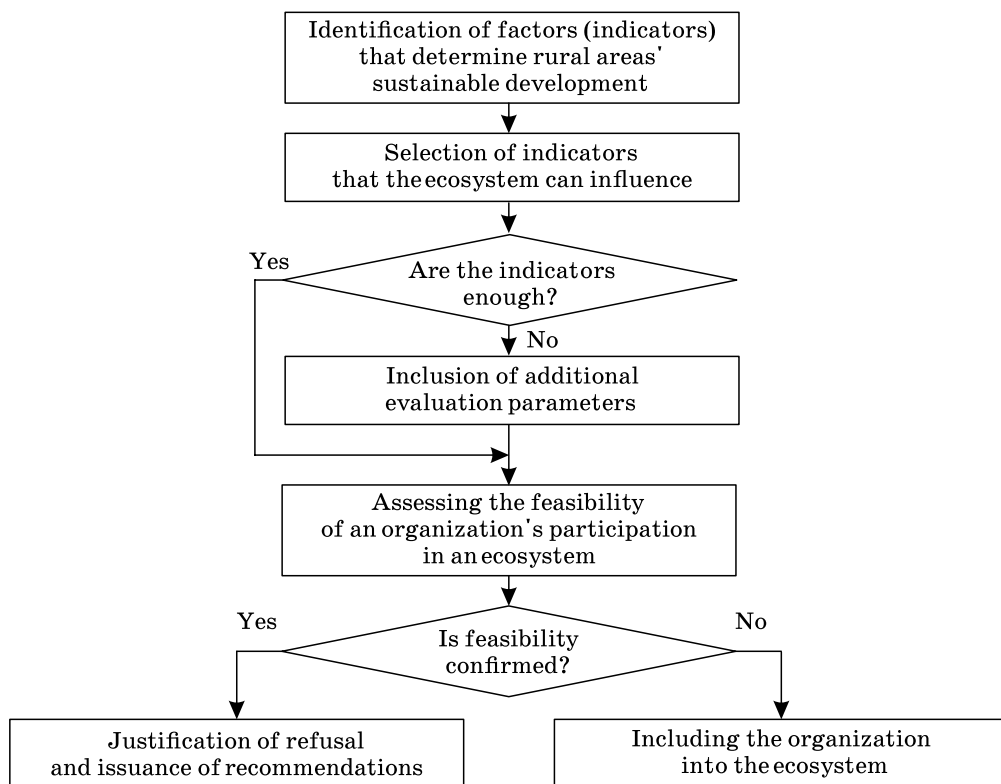

Fig. 5. An algorithm for the selection of participants (actors) in a rural ecosystem.

Results

A possible system of indexes and indicators, formed taking into account the target indicators for the implementation of the strategy for sustainable development of rural areas on the example of the Penza region, is presented in a Table.

The objectives of sustainable development of rural areas in the studied region were set in 2014 as part of the implementation of the subprogram The Sustainable Development of Rural Areas of the Penza Region for 2014–2017 and until 2022 and the State Program of the Penza Region Development of the Agro-Industrial Complex of the Penza Region for 2014–2022.

A system of indicators

Index	Integrated Indicator
Rural population, thousand people	Demography
Rural population growth/decline rate	
Infant mortality (deaths under 1 year of age per 1,000 live births), %	Public Health
Life expectancy at birth, years	
Number of treatment and prevention organizations, units	
Final consumption expenditures, on average per household member, per month, rubles	Income Level
Investments in fixed assets at the expense of the municipal budget, thousand rubles	Investment
Expenditures for the implementation of measures for the sustainable development of rural areas from the federal and regional budgets within the framework of the State Program for the Development of Agriculture and Regulation of the Markets of Agricultural Products, Raw Materials and Foods, per one villager, thousand rubles	
The total area of residential premises, on average per one inhabitant in rural areas, sq. m.	Rural Housing Stock
The share of the area of the housing stock, provided with all types of improvement, in the total area of the housing stock, %	
Share of families who received housing and improved housing conditions in the total number of families registered as needing housing, %	
Number of pre-school institutions, units	Education
The number of pupils in pre-school educational institutions — total, thousand people	
The number of state educational institutions, units	
The number of students in general education institutions — total, thousand people	
The number of club and leisure institutions of the Ministry of Culture of the Russian Federation, units	Culture
The share of buildings of clubs and leisure-type establishments of the Ministry of Culture of the Russian Federation that are in an unsatisfactory condition, %	
Number of employees of club-type institutions, people	
Number of cultural events, units	
Number of libraries and branch libraries, units	
Share of libraries with Internet access, %	
Number of registered library users, thousand people	
Number of sports facilities, units	
Number of places in tourist collective accommodation facilities, units	Tourism

Index	Integrated Indicator
Number of stores — total, units	Market
Trading floor area — total, sq.m	
The number of consumer services facilities for the population, units	
Number of reception points for consumer services of the population, units	
Number of catering facilities, units	
The area of the hall for serving visitors to public catering facilities — total, sq.m.	
Share of non-gasified settlements, %	Housing and Communal Services
Specific weight of heating and steam networks in two-pipe calculation in need of replacement,%	
Specific weight of the street water supply network in need of replacement,%	
Specific weight of the street sewer network in need of replacement,%	
Solid household waste removed, thousand cubic meters	
Share of rural settlements served by postal services,%	
Share of rural settlements with telephones,%	

Source: the author's calculations are based on statistical data (Rosstat, Server of Statistics of the Ministry of Culture of the Russian Federation, Ministry of Sport of the Russian Federation) [Electronic source]. URL:<https://eng.rosstat.gov.ru/>, https://www.gks.ru/free_doc/new_site/region_stat/sel-terr/sel-terr.html, <https://stat.mkrf.ru/>, <https://minsport.gov.ru/en/> (accessed: 16.07.2022).

Naturally, the list of indicators should vary from the standpoint of the different roles of the participants in the rural ecosystem (developers, resource providers, integrators, regulators, etc.), as well as data accumulates and the patterns of ecosystem functioning and the dynamics of achieving strategic goals for the territorial development, including SDGs. A digital platform that implements most of the functions for the selection, coordination of participants and managing interaction of all stakeholders should become a tool for successful implementation of the ecosystem approach to territorial development [21; 34].

Conclusion

Today small territories face acute socio-economic and demographic challenges, which can lead to the erosion of the quality of life of rural residents, shrinking employment opportunities, and enhance the imbalance in the country's economic space.

Ecosystem approach as an emerging concept and greatly promising concept carry even greater potential for the application of rural territorial capacity comparatively to the participative approach and clusters [7; 26; 27; 31].

Meanwhile, this approach is well established and generally acknowledged primarily in the industrial sector [14; 15]. In particular, the authors of the article dealt with the problem of the development of industrial ecosystems and proved their socio-economic efficiency for territorial development on the example of Novokuznetsk city [19].

Ecosystems are crucial in this because efforts to enhance infrastructure and institutions in a territory often require collective action. As such, companies should try to enlist partners to share the cost, gain support, and assemble the right skills. The ecosystem model makes it possible to form a special friendly environment from various participants through a voluntary partnership for the generation and implementation of innovative projects. This enables ecosystem actors to be open to external challenges through the integration of resources, knowledge, technologies, and competencies, ensuring the principles of sustainable development. Each ecosystem participant not only consumes products in the form of new knowledge, information, technologies, materials provided by other participants, but also creates products for the next links in such chains.

The effect of creating a rural ecosystem will have a positive effect on all types of businesses and on the citizens living in this area. Rural areas have the potential to be more focused on sustainability, balance and well-being, rather than on economic growth [29]. Participants of a rural ecosystem are tend to be innovative and generate sustainability-led innovations [26].

The authors propose an ecosystem approach to rural development, allowing using all the advantages of territorial clusters (industrial, innovation), while reducing the disadvantages inherent to mainstream cluster approach. The main features of ecosystems are maximum implementation of self-organization principle of actors (all stakeholders) and minimizing vertical interactions between thereof. The implementation of this approach is fundamentally impossible without the use of modern information technologies [21].

In the article, there is an attempt to operationalize an ecosystem approach in terms of organizing the process of selecting actors in the rural ecosystem to provide its balanced development. For this purpose, the authors have developed an appropriate methodology that can be applied within the framework of the organizational and economic mechanism for managing rural territories.

The novelty of the proposed approach also lies in the potential benefits of revealing (limiting) rural ecosystems to implement integrated, sustainable, innovative and place-based regional development policy strategies. In practice, the selection of ecosystems can take place on the basis of existing clusters, but it is important to emphasize that these clusters should arise from the bottom up and not from the top down, in order to facilitate their further natural development and evolution within the rural ecosystem [27]. From a practical point of view, the ecosystem approach to the development of small territories will help to develop separate sub-regional support programs using funding from regional government support and development programs. These integrated approaches to territorial development for each ecosystem will maximize the use of the available territorial capital of the region. Putting things in perspective, this policy approach has the potential advantage of stimulating new investment and skills targeting the specific territorial capital of an ecosystem.

The effectiveness of the implementation of such a policy will depend on such factors as the amount of investment made in each ecosystem development strategy, and the institutional structure and administrative capacity for its implementation.

However, the key problem is to organize the interaction between actors based on the ecosystem principles, and focusing on sustainable development being the dominant one. This requires additional research into the interests of these enterprises, and elaboration of organizational and economic mechanism for the ecosystem projects' implementation. It is also promising to develop an algorithm including steps to implement the ecosystem approach strategy for regional development. This is a direction for further research within this scientific problem. Additionally, it is reasonable to provide a comparative analysis between the proposed ecosystem approach, clusters and other participatory approaches in terms of rural development in order to reveal their differences, specific characteristics and application perspectives in rural policy.

Acknowledgments

This study was supported by the grant of the President of the Russian Federation for the young Russian scientists' state support on scientific research "Balanced development of the territory based on industrial clusters in the context of theory of "smart specialization"" (grant number: MD-1823.2022.2).

Competing interests

The authors declare that they have no competing interests.

References

1. Alekseev A., Safronov S., Savoskul M., Kuznecova G. The main trends in the evolution of rural settlement in Russia in the XX — early XXI centuries. *ECO*. 2019. N 49 (4). P. 26–49. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2019-4-26-49 (in Rus.).
2. Glazovsky N., Gordeev A., Sdasyuk G. *Sustainable Agriculture and Rural Development: World Experience and Problems of Russia*. M. : KMK Scientific Press, 2005. 614 p. (in Rus.).
3. Ikonnikova O. Basic approaches to the notion of "sustainable development of rural territories" // *Problems of Modern Economics*. 2012. N 1 (41). P. 349–352 (in Rus.).
4. Kiryushin V. Consequences of Radical Economic Liberalism and the Tasks of the New Agrarian Policy // *Innovations* 2015. N 1. P. 14–27 (in Rus.).
5. Oborin M., Chernikova S. The impact of agriculture on socio-economic development of the region // *Transbaikal State University Journal*. 2018. N 24 (8). P. 137–146. DOI: 10.21209/222792452018248137146 (in Rus.).
6. Repina A., Zaitsev D., Kornilov D. Problems of development of rural areas and solutions // *Aeconomics: Economics and Agriculture*. 2014. N 3 (3). P. 4–9 (in Rus.).
7. Tikhii V., Koreva O. (2019). The sustainable development of rural territories of the region through the formation of regional agro-industrial cluster InterCarto. *InterGIS. GI support of sustainable development of territories // Proceedings of the International conference*. M. : Moscow University Press. V. 25. P. 1. P. 206–218. DOI: 10.35595/2414-9179-2019-1-25-206-218 (in Rus.).
8. Ushachev I. et al. Development of agriculture of Russia and increasing its competitiveness under the conditions of integration in the EAEU. M. : Rosinformagrotekh, 2018. ISBN 978-5-7367-1469-8 (in Rus.).
9. Ushachev I. et al. Strategic directions for the development of agriculture in Russia in the context of deepening integration into the EAEU. M. : RAS. ISBN 978-5-906906-86-1 (in Rus.).
10. Adner R., Kapoor R. Value creation in innovation ecosystems: how the structure of technological interdependence affects firm performance in new technology generations // *Strategic Management Journal*. 2010. N 31 (3). P. 306–333. DOI: 10.1002/smj.821.
11. Alvedalen J., Boschma R. A critical review of entrepreneurial ecosystems research: towards a future research agenda // *European Planning Studies*. 2017. Vol. 25. N 6. P. 887–903. DOI: 10.1080/09654313.2017.1299694.
12. Barreiro-Gen M. *Discussing Approaches to Standard of Living*. Cham : Springer, 2019. DOI: 10.1007/978-3-319-71058-7_22-1.
13. Blew R. On the definition of ecosystem // *Bulletin of the Ecological Society of America*. 1996. N 77. P. 171–173.
14. Carolina Wijayanti F., Veronica V., Biri A. The important role of coffee agroecosystem for rural development // *IOP Conf. Ser.: Earth Environ. Sci.*, 374 012025. DOI: 10.1088/1755-1315/374/1/012025.
15. Chertow M., Portlock M. *Developing Industrial Ecosystems: Approaches, Cases, and Tools* // *Yale School of Forestry & Environmental Studies Bulletin Series*. 2002. N 95.
16. Cotter D. Poor people in poor places: Local opportunity structures and household poverty // *Rural Sociology*. 2002. N 67 (4). DOI: 10.1111/j.1549-0831.2002.tb00118.x.
17. Da Rosa Pires A., Pertoldi M., Edwards J., Hegyi F. Smart Specialisation and Innovation in Rural Areas // *S3 Policy Brief Series*. 09/2014. DOI: 10.2791/312469
18. Fisher M. On the Empirical Finding of a Higher Risk of Poverty in Rural Areas: Is Rural Residence Endogenous to Poverty? // *Journal of Agricultural and Resource Economics*. 2005. N 30 (2). P. 185–199. DOI: 10.22004/ag.econ.31219.

19. Gamidullaeva L, Shmeleva N, Tolstykh T., Shmatko A. An Assessment Approach to Circular Business Models within an Industrial Ecosystem for Sustainable Territorial Development // Sustainability. 2022. N 14 (2). P. 704. DOI: 10.3390/su14020704.
20. Gamidullaeva L., Korostyshevskaya E. Prospective Models for Sustainable Development of Territorial Socio-Economic Systems // Sustainable development of territorial socio-economic systems: research perspectives and empirical evidence. Springer Nature. 2023 (in Press).
21. Gamidullaeva L., Tolstykh T., Bystrov A., Radaykin A., Shmeleva N. Cross-Sectoral Digital Platform as a Tool for Innovation Ecosystem Development // Sustainability. 2021. N 13. P. 11686. DOI: 10.3390/su132111686.
22. Gray D., Shaw J., Farrington J. Community transport, social capital and social exclusion in rural areas // Area. 2006. N 38. P. 89–98. DOI: 10.1111/j.1475-4762.2006.00662.x.
23. Gumerov R. State program for the development of agriculture: Ambitions and realities // ECO. 2019. N 49 (4). P. 8–25. DOI: 10.30680/ECO0131–7652–2019–4–8–25.
24. Hughes T.P. Networks of Power: Electrification in Western Society 1880–1930. Baltimore : Johns Hopkins University Press, 1983.
25. Lichter D., Johnson K. The changing spatial concentration of America's rural poor population // Rural Sociology. 2007. N 72 (3). P. 331–358. DOI: 10.1526/003601107781799290.
26. Martinidis G., Adamseged M., Dyjakon A., Fallas Y. et al. How Clusters Create Shared Value in Rural Areas: An Examination of Six Case Studies // Sustainability 2021. N 13. P. 4578. DOI: 10.3390/su13084578.
27. Medeiros E. Development Clusters for Small Places and Rural Development for Territorial Cohesion? // Sustainability. 2022. N 14 (1). P. 84. DOI: 10.3390/su14010084.
28. Michalek J., Ciaian P., Di Marcantonio F. Regional impacts of the EU Rural Development Programme: Poland's food processing sector // Reg. Stud. 2022. N 54. P. 1389–1401. DOI: 10.1080/00343404.2019.1708306.
29. Murphy D., Marshall A. Citizenship and Sustainability in Organizations: Exploring and Spanning the Boundaries (1st ed.). Routledge, 2020. 178 p. DOI: 10.4324/9780429347399.
30. Pelucha M., Kveton V. The role of EU rural development policy in the neo-productivist agricultural paradigm // Reg. Stud. 2017. N 51. P. 1860–1870. DOI: 10.1080/00343404.2017.1282608.
31. Pollermann K., Raue P., Schnaut G. Opportunities for a participative approach in rural development // Findings from LEADER in Mecklenburg-Vorpommern and the requirements for Community Led Local Development Landbauforsch, Landbauforschung Volkenrode. 2014. N 64. P. 127–138. DOI: 10.3220/LBF_2014_127-138.
32. Rizov M. Rural development under the European CAP: The role of diversity // Soc. Sci. J. 2005. N 42. P. 621–628. DOI: 10.1016/j.soscij.2005.09.003.
33. Rosenberg N. On Technological Expectations // The Economic Journal. 1976. N 86 (343). P. 523–535.
34. Shmeleva N., Gamidullaeva L., Tolstykh T., Lazarenko D. Challenges and Opportunities for Technology Transfer Networks in the Context of Open Innovation: Russian Experience // J. Open Innov. Technol. Mark. Complex. 2021. N 7. P. 197. DOI: 10.3390/joitmc7030197.
35. Shucksmith M, Cameron S., Merridew T., Pichler F. Urban-Rural Differences in Quality of Life across the European Union // Regional Studies. 2009. N 43 (10). P. 1275–1289. DOI: 10.1080/00343400802378750.
36. Teece D. Explicating dynamic capabilities: the nature and microfoundations of (sustainable) enterprise performance // Strategic Management Journal. 2007. N 28 (13). P. 1319–1350. DOI: 10.1002/smj.640.
37. Theodorakopoulos N., Sánchez P., Bennett D. Transferring technology from university to rural industry within a developing economy context: the case for nurturing communities of practice // Technovation 2012. N 32 (9–10). P. 550–559. DOI: 10.1016/j.technovation.2012.05.001.
38. Tolstykh T., Gamidullaeva L., Shmeleva N. Universities as Knowledge Integrators and Cross-Industry Ecosystems: Self-Organizational Perspective // SAGE Open. 2021. N 11 (1). DOI: 10.1177/2158244020988704.
39. Tolstykh T., Shmeleva N., Gamidullaeva L. Evaluation of Circular and Integration Potentials of Innovation Ecosystems for Industrial Sustainability // Sustainability. 2020. N 12 (11). P. 4574. DOI: 10.3390/su12114574.
40. Trabskaja J., Mets T. Ecosystem as the Source of Entrepreneurial Opportunities // Foresight and STI Governance. 2019. N 13 (4). P. 10–22. DOI: 10.17323/2500-2597.2019.4.10.22.
41. Ushachev I. Agrarian policy of Russia: Problems and solutions. M. : V.V. Nasiriddinov Publishing House, 2016. ISBN 978-5-905523-26-7.

42. Weber B., Jensen L., Miller K., Mosley J., Fisher M. A critical review of rural poverty literature: Is there truly a rural effect? // *International Regional Science Review*. 2005. N 28 (4). P. 381–414. DOI: 10.1177%2F0160017605278996.
43. Zemtsov S., Baburin V. Entrepreneurial ecosystems in the regions of Russia // *Regional Studies*. 2019. N 2. P. 4–14. DOI: 10.5922.1994-5280-2019-2-1.

About the authors

Leyla A. Gamidullaeva, Doctor of Economics, Professor, Head of Department of management and public administration, Penza State University, Russia; Scopus Author ID: 56436586400; ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3042-7550>; Researcher ID: E-7822-2016; gamidullaeva@gmail.com

Ekaterina S. Grosheva, Senior Lecturer, Department of Management and Business Informatics, Researcher, Penza Cossack Institute of Technology (branch), K. G. Razumovsky Moscow State University of technologies and management (the First Cossack University, Russia; Scopus Author ID: 57195328506; ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6066-1001>; Researcher ID: ABA-4988-2021; grosheva.work@gmail.com

Литература

1. Алексеев А., Сафронов С., Савоскул М., Кузнецова Г. Основные тенденции эволюции сельского расселения России в XX — начале XXI вв. // *ЕСО*. 2019. № 49 (4). С. 26–49. DOI: 10.30680/ЕСО0131-7652-2019-4-26-49.
2. Глазовский Н. Ф., Гордеев А. В., Сдасюк Г. В. Устойчивое развитие сельского хозяйства и сельских территорий: Зарубежный опыт и проблемы России. М. : Т-во научных изданий КМК, 2005. 614 с.
3. Иконникова О. В. Основные подходы к определению понятия «Устойчивое развитие сельских территорий» // *ПСЭ*. 2012. № 1 (41). С. 349–352.
4. Кирюшин В. И. Последствия радикального экономического либерализма и задачи новой аграрной политики // *Инновации*. 2015. № 1. С. 14–27.
5. Оборин М. С., Черникова С. А. Влияние сельского хозяйства на социально-экономическое развитие региона // *Вестник ЗабГУ*. 2018. № 24 (8). С. 137–146. DOI: 10.21209/222792452018248137146.
6. Регина А. А., Зайцев Д. А., Корнилов Д. А. Проблемы развития сельских территорий и пути решения // *Аэкономика: экономика и сельское хозяйство*. 2014. № 3(3). С. 4–9.
7. Тихий В. И., Корева О. В. Повышение устойчивости развития сельских территорий региона через формирование территориального агропромышленного кластера // *Proceedings of the International conference*. М. : Изд-во МГУ. Т. 25. Ч. 1. С. 206–218. DOI: 10.35595/2414-9179-2019-1-25-206-218.
8. Ушачев И. Г. Развитие и повышение конкурентоспособности сельского хозяйства России в условиях интеграции в ЕАЭС. / И. Г. Ушачев [и др.]. М.: Росинформагротех, 2018. 348 с.
9. Ушачев И. Г. Стратегические направления развития сельского хозяйства России в условиях углубления интеграции в ЕАЭС / И. Г. Ушачев [и др.]. М. : РАН, 2017. 48 с.
10. Adner R., Kapoor R. Value creation in innovation ecosystems: how the structure of technological interdependence affects firm performance in new technology generations // *Strategic Management Journal*. 2010. N 31 (3). P. 306–333. DOI: 10.1002/smj.821.
11. Alvedalen J., Boschma R. A critical review of entrepreneurial ecosystems research: towards a future research agenda // *European Planning Studies*. 2017. Vol. 25. N 6. P. 887–903. DOI: 10.1080/09654313.2017.1299694.
12. Barreiro-Gen M. Discussing Approaches to Standard of Living. Cham : Springer, 2019. DOI: 10.1007/978-3-319-71058-7_22-1.
13. Blew R. On the definition of ecosystem // *Bulletin of the Ecological Society of America*. 1996. N 77. P. 171–173.
14. Carolina Wijayanti F., Veronica V., Biri A. The important role of coffee agroecosystem for rural development // *IOP Conf. Ser.: Earth Environ. Sci.*, 374 012025. DOI: 10.1088/1755-1315/374/1/012025.
15. Chertow M., Portlock M. Developing Industrial Ecosystems: Approaches, Cases, and Tools // *Yale School of Forestry & Environmental Studies Bulletin Series*. 2002. N 95.
16. Cotter D. Poor people in poor places: Local opportunity structures and household poverty // *Rural Sociology*. 2002. N 67 (4). DOI: 10.1111/j.1549-0831.2002.tb00118.x.

17. *Da Rosa Pires A., Pertoldi M., Edwards J., Hegyi F.* Smart Specialisation and Innovation in Rural Areas // S3 Policy Brief Series. 09/2014. DOI: 10.2791/312469
18. *Fisher M.* On the Empirical Finding of a Higher Risk of Poverty in Rural Areas: Is Rural Residence Endogenous to Poverty? // Journal of Agricultural and Resource Economics. 2005. N 30 (2). P. 185–199. DOI: 10.22004/ag.econ.31219.
19. *Gamidullaeva L., Shmeleva N., Tolstykh T., Shmatko A.* An Assessment Approach to Circular Business Models within an Industrial Ecosystem for Sustainable Territorial Development // Sustainability. 2022. N 14 (2). P. 704. DOI: 10.3390/su14020704.
20. *Gamidullaeva L., Korostyshevskaya E.* Prospective Models for Sustainable Development of Territorial Socio-Economic Systems // Sustainable development of territorial socio-economic systems: research perspectives and empirical evidence. Springer Nature. 2023 (in Press).
21. *Gamidullaeva L., Tolstykh T., Bystrov A., Radaykin A., Shmeleva N.* Cross-Sectoral Digital Platform as a Tool for Innovation Ecosystem Development // Sustainability. 2021. N 13. P. 11686. DOI: 10.3390/su132111686.
22. *Gray D., Shaw J., Farrington J.* Community transport, social capital and social exclusion in rural areas // Area. 2006. N 38. P. 89–98. DOI: 10.1111/j.1475-4762.2006.00662.x.
23. *Gumerov R.* State program for the development of agriculture: Ambitions and realities // ECO. 2019. N 49 (4). P. 8–25. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2019-4-8-25.
24. *Hughes T.P.* Networks of Power: Electrification in Western Society 1880–1930. Baltimore : Johns Hopkins University Press, 1983.
25. *Lichter D., Johnson K.* The changing spatial concentration of America's rural poor population // Rural Sociology. 2007. N 72 (3). P. 331–358. DOI: 10.1526/003601107781799290.
26. *Martinidis G., Adamseged M., Dyjakon A., Fallas Y. et al.* How Clusters Create Shared Value in Rural Areas: An Examination of Six Case Studies // Sustainability 2021. N 13. P. 4578. DOI: 10.3390/su13084578.
27. *Medeiros E.* Development Clusters for Small Places and Rural Development for Territorial Cohesion? // Sustainability. 2022. N 14 (1). P. 84. DOI: 10.3390/su14010084.
28. *Michalek J., Ciaian P., Di Marcantonio F.* Regional impacts of the EU Rural Development Programme: Poland's food processing sector // Reg. Stud. 2022. N 54. P. 1389–1401. DOI: 10.1080/00343404.2019.1708306.
29. *Murphy D., Marshall A.* Citizenship and Sustainability in Organizations: Exploring and Spanning the Boundaries (1st ed.). Routledge, 2020. 178 p. DOI: 10.4324/9780429347399.
30. *Pelucha M., Kveton V.* The role of EU rural development policy in the neo-productivist agricultural paradigm // Reg. Stud. 2017. N 51. P. 1860–1870. DOI: 10.1080/00343404.2017.1282608.
31. *Pollermann K., Raue P., Schnaut G.* Opportunities for a participative approach in rural development // Findings from LEADER in Mecklenburg-Vorpommern and the requirements for Community Led Local Development Landbauforsch, Landbauforschung Volkenrode. 2014. N 64. P. 127–138. DOI: 10.3220/LBF_2014_127-138.
32. *Rizov M.* Rural development under the European CAP: The role of diversity // Soc. Sci. J. 2005. N 42. P. 621–628. DOI: 10.1016/j.soscij.2005.09.003.
33. *Rosenberg N.* On Technological Expectations // The Economic Journal. 1976. N 86 (343). P. 523–535.
34. *Shmeleva N., Gamidullaeva L., Tolstykh T., Lazarenko D.* Challenges and Opportunities for Technology Transfer Networks in the Context of Open Innovation: Russian Experience // J. Open Innov. Technol. Mark. Complex. 2021. N 7. P. 197. DOI: 10.3390/joitmc7030197.
35. *Shucksmith M., Cameron S., Merridew T., Pichler F.* Urban-Rural Differences in Quality of Life across the European Union // Regional Studies. 2009. N 43 (10). P. 1275–1289. DOI: 10.1080/00343400802378750.
36. *Teece D.* Explicating dynamic capabilities: the nature and microfoundations of (sustainable) enterprise performance // Strategic Management Journal. 2007. N 28 (13). P. 1319–1350. DOI: 10.1002/smj.640.
37. *Theodorakopoulos N., Sánchez P., Bennett D.* Transferring technology from university to rural industry within a developing economy context: the case for nurturing communities of practice // Technovation 2012. N 32 (9–10). P. 550–559. DOI: 10.1016/j.technovation.2012.05.001.
38. *Tolstykh T., Gamidullaeva L., Shmeleva N.* Universities as Knowledge Integrators and Cross-Industry Ecosystems: Self-Organizational Perspective // SAGE Open. 2021. N 11 (1). DOI: 10.1177/2158244020988704.
39. *Tolstykh T., Shmeleva N., Gamidullaeva L.* Evaluation of Circular and Integration Potentials of Innovation Ecosystems for Industrial Sustainability // Sustainability. 2020. N 12 (11). P. 4574. DOI: 10.3390/su12114574.

40. *Trabskaja J., Mets T.* Ecosystem as the Source of Entrepreneurial Opportunities // *Foresight and STI Governance*. 2019. N 13 (4). P. 10–22. DOI: 10.17323/2500-2597.2019.4.10.22.
41. *Ushachev I.* Agrarian policy of Russia: Problems and solutions. M. : V. V. Nasiriddinov Publishing House, 2016. ISBN 978-5-905523-26-7.
42. *Weber B., Jensen L., Miller K., Mosley J., Fisher M.* A critical review of rural poverty literature: Is there truly a rural effect? // *International Regional Science Review*. 2005. N 28 (4). P. 381–414. DOI: 10.1177%2F0160017605278996.
43. *Zemtsov S., Baburin V.* Entrepreneurial ecosystems in the regions of Russia // *Regional Studies*. 2019. N 2. P. 4–14. DOI: 10.5922.1994-5280-2019-2-1.

Об авторах:

Гамидуллаева Лейла Айваровна, доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой «Менеджмент и государственное управление» Пензенского государственного университета (г. Пенза Россия); Scopus Author ID: 56436586400; ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3042-7550>; Researcher ID: E-7822-2016; gamidullaeva@gmail.com

Грошева Екатерина Сергеевна, старший преподаватель кафедры «Менеджмент и бизнес-информатика», научный сотрудник Пензенского казачьего института технологий (филиал) ФГБОУ ВО «Московский государственный университет технологий и управления им. К. Г. Разумовского (Первый казачий университет)» (г. Пенза, Россия); Scopus Author ID: 57195328506; ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6066-1001>; Researcher ID: ABA-4988-2021; grosheva.work@gmail.com

Предложения по совершенствованию нормативно-правовой базы и терминологии института уполномоченного экономического оператора

Комелова А. Ю.

Санкт-Петербургский имени В. Б. Бобкова филиал Российской таможенной академии, Санкт-Петербург, Российская Федерация; komelova2014@ya.ru

РЕФЕРАТ

В статье рассматриваются актуальные вопросы, связанные с развитием института уполномоченного экономического оператора (далее — УЭО) в России. Исследование посвящено анализу нормативно-правовой базы, а также проанализировано текущее положение дел.

Цель статьи — выявление проблем, требующих обсуждения и более глубокого исследования с целью совершенствования регулирования института УЭО, начиная с осмысления термина и его роли в формировании вектора развития отрасли; формулировании концептуальных предложений для вовлечения компаний, действительно нуждающихся в упрощениях при совершении таможенных операций для ведения внешней торговли.

Данное исследование базируется на методологических подходах отечественных ученых к проблемам развития экономических институтов. При проведении исследования применялся метод сравнительного анализа законодательства по регулированию института УЭО; проведен анализ научной литературы и существующих данных из открытых Реестров УЭО. Использовались методы научного познания, системного анализа (дедукция, индукция, анализ, синтез), графические и статистические методы, системный подход; применялись методы монографического, статистического и компаративного анализа, обобщения и интервью.

Результаты и научная новизна исследования. В работе сделан акцент на исследовании терминов, лежащих в основе института УЭО. По мнению автора, термин должен точнее отражать цель и суть его создания. Правовое регулирование института УЭО требует нового переосмысления, с перспективами развития института, как это заложено в стандартах Всемирной таможенной организации, от понимания УЭО как национальных компаний, имеющих ряд упрощений при совершении таможенных операций, до понимания УЭО как организаций — звеньев цепи поставки продукции между УЭО других стран, при условии, что все они соответствуют стандартам торговли и безопасности. Сформирован комплекс предложений для развития института УЭО.

Выводы. Предложения касаются уточнения терминологии, совершенствованию нормативной базы, в частности развитию упрощений. Федеральные таможенные службы стран ЕАЭС при разработке правового регулирования развития института УЭО могут использовать положения данной статьи. Степень проработки варьируется от концептуальной идеи до предложения конкретных поправок в статьи законов.

Ключевые слова: уполномоченный экономический оператор, УЭО, таможенное дело, специальные упрощения, Евразийский экономический союз, реестры лиц в сфере таможенного дела, таможенное администрирование реестров ФТС, реестры ФТС России

Для цитирования: Комелова А. Ю. Предложения по совершенствованию нормативно-правовой базы и терминологии института уполномоченного экономического оператора // Управленческое консультирование. 2024. № 1. С. 163–173.

Proposals for Improving Legal Regulation of the Institute of Authorized Economic Operator

Anna Yu. Komelova

Russian Customs Academy St. Petersburg branch named after Vladimir Bobkov, St. Petersburg, Russian Federation; komelova2014@ya.ru

ABSTRACT

The article discusses current issues related to the development of the institution of an authorized economic operator (hereinafter — AEO) in Russia. The study is devoted to the analysis of the regulatory framework, and also analyzes the current state of affairs.

The purpose of the article is to identify problems that require discussion and deeper research in order to improve the regulation of the AEO institution; formulating conceptual proposals for its development and involving in this institute companies that really need simplifications when carrying out customs operations for conducting foreign trade activities.

This study is based on the methodological approaches of domestic scientists to the problems of development of economic institutions. When conducting the study, the method of comparative analysis of legislation regulating the AEO institution was used; An analysis of scientific literature and existing data from open AEO Registers was carried out. Methods of scientific knowledge, system analysis (deduction, induction, analysis, synthesis), graphic and statistical methods, systems approach were used; methods of monographic, statistical and comparative analysis, generalization and interviews were used.

Results and scientific novelty of the study. The work focuses on the study of the terms underlying the AEO institution. According to the author, the term should more accurately reflect the purpose and essence of its creation. The legal regulation of the AEO institution requires a new rethinking, with prospects for the development of the institution, as laid down in the standards of the World Customs Organization, from the understanding of AEOs as national companies that have a number of simplifications when performing customs operations, to the understanding of AEOs as organizations — links in the supply chain of products between AEOs of other countries, provided they all meet trade and safety standards. A set of proposals for the development of the AEO Institute has been formed.

Conclusions. The proposals concern clarification of terminology and proposals for improving the regulatory framework, in particular the development of simplifications. The federal customs services of the EAEU countries may use the provisions of this article when developing legal regulation for the development of the AEO institution. The degree of elaboration varies from a conceptual idea to the proposal of specific amendments to articles of laws.

Keywords: authorized economic operator, AEO, customs affairs, special simplifications; the Eurasian Economic Union, registers of persons in the field of customs affairs, customs administration of FCS registers, FCS registers

For citing: Komelova A.Yu. Proposals for Improving Legal Regulation of the Institute of Authorized Economic Operator // Administrative consulting. 2024. N 1. P. 163–173.

Введение

На протяжении последних 12 лет (с 2010 г.) органы государственной власти активно изучают возможность получения дополнительного импульса для развития услуг в сфере таможенного дела и снижения рисков в области ВЭД через развитие института уполномоченного экономического оператора (УЭО).

Правовое регулирование развития УЭО в России, по мнению практиков, экспертов, а также представителей действующих предприятий — УЭО развито недостаточно.

Сравним данные о внешнеторговом обороте по данным таможенной статистики. В 2021 г. внешнеторговый оборот России составил 798,0 млрд долл. (139,3% к 2020 г.), в том числе экспорт — 494,0 млрд долл. (148,2%), импорт — 303,9 млрд долл. (126,8%). Сальдо торгового баланса оставалось положительным, 190,1 млрд долл. (в 2020 г. — положительное, 93,7 млрд долл.)¹.

¹ О внешней торговле в 2021 году // Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/26_23-02-2022.html (дата обращения: 01.05.2023).

Тогда как в 2021 г. внешнеторговый оборот Республики Беларусь достиг 81,7 млрд долл., что на 31,9% больше, чем в 2020 г. Экспорт товаров составил 39,9 млрд долл. и вырос на 36,7% по отношению к предыдущему году¹.

Таким образом, с точки зрения внешнеторговых показателей, экономика России примерно в десять раз превышает экономику Республики Беларусь, однако, участников ВЭД, кто хотел и получил статус в Реестре УЭО в России, в два раза меньше (см. табл. 1). Данный факт отмечен в работе Т. Н. Прохоренко [11]. Попробуем исследовать данный феномен.

В табл. 1 собраны, обобщены и проанализированы данные о количестве лиц, включенных в различные реестры таможенных служб стран-участников Таможенного союза (ЕАЭС). В общем таможенном реестре уполномоченных экономических операторов (УЭО) государств-участников ЕАЭС на январь 2023 г. зарегистрировано 511 участников, из которых в России — 166, в Республике Беларусь — 333, остальные 12 единиц — в др. странах таможенного союза.

При том что пропорции количества таможенных представителей в странах РФ и РБ больше соответствуют масштабам экономики и ВЭД, в России — 726 компаний таможенных представителей, в Белоруссии — 78 таких компаний.

Показатели динамики включения УЭО в реестр ФТС России за период 2012–2020 гг. также были исследованы в работе Н. А. Денисовой [2]. В статье отмечено, что несмотря на заинтересованность бизнеса в упрощениях, предоставляемых для УЭО, в период с 2012 по 2018 гг. наблюдалась динамика роста числа компаний, которые включались в реестр, а в связи с изменениями в ТК ЕАЭС с 2018 г. наблюдается снижение числа участников реестра (см. табл. 2). На апрель 2023 г. численность компаний — 168 ед., так и не достигла максимального значения 2018 г. — 187 единиц. Даже компании, ранее включенные в реестр УЭО, не вошли в него вновь.

На протяжении последних 12 лет органы государственной власти активно изучают возможность получения дополнительного импульса для развития экономики и снижения рисков в области ВЭД через развитие института УЭО. Однако бизнес в России не стремится нести бремя «реестрового лица» и предпочитает работать без предложенных таможен «преимуществ».

Таблица 1

Количество организаций, включенных в Реестры таможенных представителей и Реестры УЭО в странах ЕАЭС (данные на 01.01.2023), в единицах

Table 1. Number of organizations included in the Registers of Customs Representatives and the Registers of AEO in the EAEU countries (data on 01.01.2023), in units

№	Страна	Количество УЭО в странах ЕАЭС, в ед.				
		Россия	Беларусь	Казахстан	Армения	Кыргызстан
1	Таможенные представители	726	78	843	165	114
2	УЭО	166	322	7	2	3

Источник: составлено автором по: Уполномоченные экономические операторы ЕАЭС // [Электронный ресурс]. URL: <https://eec.eaeunion.org/news/upolnomochennye-ekonomicheskie-operatori-eaes-smogut-markirovat-tovary-bez-razresheniya-tamozhennogo/>; Реестр Уполномоченных экономических операторов // Официальный сайт Федеральной таможенной службы Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <https://customs.gov.ru/folder/720> (дата обращения: 01.04.2023).

¹ Общая информация о внешней торговле: направления, задачи, итоги за актуальный период // Министерство иностранных дел Республики Беларусь [Электронный ресурс]. URL: <https://mfa.gov.by/trade> (дата обращения: 01.05.2023).

Динамика количества организаций, включенных в реестр УЭО в РФ с 2012 по 2023 г. с шагом в 2 года (данные на 01.04.2023), в единицах

Table 2. Dynamics of the number of organizations included in the AEO register in the Russian Federation from 2012 to 2023 in increments of 2 years (data for 01.04.2023), in units

Год	2012	2014	2016	2018	2020	2022	2023
Кол-во ед.	79	121	161	187	97	166	168

Источник: составлено автором по: Реестр Уполномоченных экономических операторов // Официальный сайт Федеральной таможенной службы Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <https://customs.gov.ru/folder/720> (дата обращения: 01.04.2023).

Методы и материалы

Данное исследование базируется на методологических подходах отечественных ученых к проблемам развития экономических институтов. При проведении исследования применялся метод сравнительного анализа законодательства по регулированию института УЭО; проведен анализ научной литературы и существующих данных из открытых Реестров УЭО. Использовались методы научного познания, системного анализа (дедукция, индукция, анализ, синтез), графические и статистические методы, системный подход; применялись методы монографического, статистического и компаративного анализа, обобщения и интервью.

Референтная база научных статей включает в себя труды, опубликованные в течение последнего десятилетия (2012–2022 гг.).

Несколько работ об исследовании института УЭО как в Таможенном союзе, так и в ЕАЭС опубликовано Д. В. Некрасовым [7; 8; 9; 10].

О проблемах функционирования института УЭО в ЕАЭС, не позволяющих полностью раскрыть его потенциал опубликованы работы [1; 3; 5; 12; 13; 14].

В работах Д. А. Кирилловой, А. Ю. Терешенковой и А. В. Сальниковой дана оценка изменения законодательства по результатам анализа норм ТК ТС и ТК ЕАЭС, а также анализ упрощений для этой категории лиц [6; 15].

Преимуществам работы УЭО в Республике Беларусь была посвящена статья Т. Н. Прохоренко [11].

Н. А. Денисова также в своей работе обратила внимание на существующий потенциал, отмечая необходимость развития понятийного аппарата, возможность применения SWOT-анализа для формирования стратегических документов и исследования сильных и слабых сторон института УЭО, определения благоприятных возможностей и вероятных угроз экономике от его применения [2].

В работах А. С. Логиновой и А. В. Одиноквой отмечены недостатки законодательства об упрощениях для УЭО и проблемах, существующих в деятельности УЭО [4]. В частности, авторами рассматривается отсутствие возможности отзыва заявления до подачи декларации, а также отсутствие типового соглашения после 2018 г., разработанного на основе норм ТК ЕАЭС, которое должно быть заключено между УЭО и таможенным органом.

Результаты

Терминология. «Как вы яхту назовете...»

Рассмотрим значение термина УЭО, следующее из статьи 430 ТК ЕАЭС¹:

¹ Таможенный кодекс Евразийского экономического союза (приложение № 1 к Договору о Таможенном кодексе Евразийского экономического союза). Доступ из СПС «КонсультантПлюс»

- 1) уполномоченным экономическим оператором является юридическое лицо, созданное в соответствии с законодательством государств-членов и включенное в реестр УЭО в порядке и при соблюдении условий ТК ЕАЭС;
- 2) при включении юридического лица в реестр УЭО выдается свидетельство о включении в реестр УЭО;
- 3) с даты вступления в силу свидетельства о включении в реестр УЭО уполномоченный оператор относится к категории участников ВЭД «низкого уровня риска»;
- 4) УЭО вправе пользоваться предусмотренными ст. 437 ТК ЕАЭС специальными упрощениями на таможенной территории Союза с учетом положений ТК ЕАЭС.

Сделаем попытку рассмотреть общепринятый смысл каждого из терминов, давших название добросовестным участникам ВЭД, включенным в реестр УЭО.

«Уполномоченный», согласно определению юридического словаря, «это официальное лицо, наделенное полномочиями, где полномочие — это право и обязанность субъекта правовых отношений действовать в конкретной сфере этих отношений»¹.

«Экономический», согласно толковому словарю, — «прилагательно к экономике в значении хозяйственный»; или, согласно словарю иностранных слов, «сохраненный, собранный бережливостью, или в смысле “выгодный”»².

«Оператор», согласно справочнику технического переводчика, «человек/люди, в задачи которого(ых) входит установка, пуск в эксплуатацию, эксплуатация, наладка, поддержание в рабочем состоянии, чистка, ремонт или транспортировка машины». В значении словаря иностранных слов — «производящий операции»³.

Вот из таких разнородных терминов, совокупностью которых можно обозначить множество экономических субъектов деятельности, и было собрано название той группы предприятий-участников ВЭД, которые относятся к категории низкого уровня риска в отношении таможенного оформления и таможенного контроля, уплаты таможенных платежей и пр.

Следовательно, существующее наименование УЭО в ТК ЕАЭС не является отражением тех функций, прав, обязанностей, обладателями, носителями которых является предприятие — уполномоченный экономический оператор согласно таможенному законодательству ЕАЭС и РФ.

Таким образом, введенный в ТК ЕАЭС термин, в настоящее время, не отражает тех процессов, которые внедряют в свою практику предприятия, ставшие УЭО. Чего нельзя сказать о таких предприятиях, как «таможенные перевозчики» или «таможенные представители», эти термины более точно отражают их функции и задачи.

Почему внимание обращено на наименование института УЭО?

Отметим, что понимание сути предмета должно начинаться не только со свода правил, норм и требований законодательства, но и понимания семантики терминов, определений, традиций в таможенном законодательстве, и в том числе, истории появления этих норм и правил. Поскольку объем информации, который обрушивается на головы специалистов представителей участников ВЭД, огромен, то у них должны быть некие смысловые опоры. Сейчас принято это называть «интуитивным знанием». Согласитесь, что словосочетание «уполномоченный экономический оператор» выходит за пределы того, что можно понять интуитивно, только прочитав

[Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_215315/ (дата обращения: 01.04.2023).

¹ Советский юридический словарь [Электрон. ресурс]. URL: https://soviet_legal.academic.ru (дата обращения: 01.04.2023).

² Толковый словарь Ушакова [Электрон. ресурс]. URL: <https://ushakovdictionary.ru/> (дата обращения: 01.04.2023).

³ Словарь иностранных слов русского языка [Электрон. ресурс]. URL: https://gufo.me/dict/foreign_words (дата обращения: 01.04.2023).

наименование. Да и вообще, законодатель всегда стремится к тому, чтобы быть точным, однозначно понятым и лаконичным. По нашему мнению, в случае с УЭО, связь термина со смыслом не достигнута.

Предложения по уточнению терминологии в области УЭО звучат и в работах других исследователей. *Во-первых*, предприятия пользуются упрощениями, некоторые из которых предоставляют право совершать таможенные операции от лица таможенного органа, следовательно, использование термина «таможенный» вполне уместно. В соответствии с законодательством об УЭО, предприятия являются декларантами, то обоснованным будет термин «экономический», хотя и не обязательно, поскольку финансово-хозяйственную деятельность ведет любое лицо-декларант, участник ВЭД. А вот термин «уполномоченный» — ключевой, на наш взгляд. Таким образом, если не расширять области применения категории УЭО за пределы таможенного дела, то более точно смысл этой категории лиц будут передавать термины:

- *первый вариант* — таможенный экономический уполномоченный;
- *второй вариант* — таможенный уполномоченный.

Обсуждение

Материал данной статьи является результатом многолетнего опыта консультации участников ВЭД, являющихся уже действующими УЭО, или только встающими на путь организации УЭО на своих предприятиях и готовящих пакеты документов для получения свидетельства определенного типа в ФТС России. Для анализа текущей практики работы, обобщения опыта, а также подготовки данной статьи неоценимую помощь и консультации оказала Елена Борисовна Пигалова, ведущий эксперт по таможенной практике Академии ВЭД и Логистики «Сфера» (С.-Петербург), в прошлом руководитель отдела логистики УЭО ПАО «АвтоВАЗ».

«Институт уполномоченного экономического оператора — это признанный международный стандарт партнерской программы, а УЭО — особая категория лиц, которым предоставляются упрощения при проведении таможенных операций и таможенного контроля как лицам, отвечающим определенным требованиям»¹.

Сама история термина берет начало в 2005 г., когда Всемирной таможенной организацией (ВТамО) были приняты Рамочные стандарты безопасности и упрощения процедур мировой торговли («Framework of Standards to Secure and Facilitate Global Trade»²), включающие Программу уполномоченных экономических операторов (УЭО) («Authorized Economic Operator Program (AEO)» [20].

Согласно определению ВТамО, «уполномоченный экономический оператор (УЭО) — это сторона, участвующая в международном перемещении товаров в любой функции, которая была одобрена национальной таможенной администрацией или от ее имени как соответствующая стандартам ВТамО или эквивалентным стандартам безопасности цепочки поставок»³. Эти стандарты касаются следующих областей:

- подтвержденное соответствие таможенным требованиям (demonstrated compliance with customs requirements);

¹ Подготавливаемые ЕЭК требования к системе учета товаров обсудили на конференции Ассоциации европейского бизнеса // Официальный сайт евразийской экономической комиссии [Электронный ресурс]. URL: <https://eec.eaeunion.org/> (дата обращения: 01.04.2023).

² WCO Framework of Standards to Secure and Facilitate Trade (SAFE). WCO tools to secure and facilitate global trade. URL: https://www.wcoomd.org/en/topics/facilitation/instrument-and-tools/frameworks-of-standards/safe_package.aspx (дата обращения: 01.11.2023).

³ SAFE Framework of Standards. URL: <https://www.wcoomd.org/-/media/wco/public/global/pdf/topics/facilitation/instruments-and-tools/tools/safe-package/safe-framework-of-standards.pdf> (дата обращения: 01.11.2023).

- удовлетворительная система управления коммерческого учета (satisfactory system for management of commercial records);
- финансовая дееспособность (financial viability);
- консультации, сотрудничество и коммуникации (consultation, cooperation and communication);
- образование, обучение и осведомленность (education, training and awareness);
- обмен информацией, доступ и конфиденциальность (information exchange, access and confidentiality);
- безопасность груза (cargo security);
- транспортная безопасность (conveyance security);
- охрана помещений (premises security);
- кадровая безопасность (personnel security);
- безопасность торговых партнеров (trading partner security);
- кризисное управление и восстановление после инцидентов (crisis management and incident recovery);
- измерение, анализ и улучшение (measurement, analysis and improvement).

Таким образом, согласно программе ВТамО, компания, получившая статус УЭО, ведет свою деятельность согласно указанным стандартам, проверена таможенной администрацией и соответствует стандартам организации цепочки поставки; она сама берет на себя обязательства, в том числе осуществлять проверку своих торговых партнеров.

По замыслу данного института, компании, получившие идентификационный номер УЭО (AEO ID) при осуществлении ВЭД с партнером из других стран, также имеющим свой национальный AEO ID, имеют упрощения при совершении таможенных операций и связаны с национальной информационной системой таможенных органов.

Термин УЭО, принятый в законодательстве ЕАЭС и введенный в ТК ЕАЭС в 2018 г., — не соответствует стандартам ВТамО, применяемым к «уполномоченным экономическим операторам» (Authorized Economic Operator). В законодательстве ЕАЭС нет аналогичной системы стандартов для УЭО, есть только упрощения, ускоряющие прохождение ряда таможенных операций. Это разные категории лиц.

Возможно, следует изучить опыт зарубежных стран и расширить применяемые к УЭО требования в части вышеуказанных стандартов, при этом — дать этим категориям лиц и большие упрощения, улучшающие их работу в области ВЭД. Стандарты обеспечения безопасности поставки также расширяются от категории «товары и информация», до категории — «транзакции», тем самым обеспечивая безопасность и снижение глобальных рисков в разных секторах экономики.

Одной из целей введения института УЭО в международной практике было не только снижение рисков и предоставление упрощений уполномоченным компаниям внутри страны, но и снятие двойного контроля в стране импорта и экспорта, если поставки осуществляются между УЭО двух стран, имеющих соответствующие соглашения и стандарты института УЭО. Таким образом, для упрощения работы внутри цепей поставок между УЭО удастся избежать дублирования таможенного контроля в отношении «прозрачных» для таможенных органов компаний.

В 2015 г. в рамках концепции скоординированного управления границами в Концепцию (SAFE Framework) были внесены поправки, чтобы добавить новый третий компонент, описывающий сотрудничество между таможенной и другими государственными и межправительственными учреждениями [20]. В стандарте говорится: «... [это] следует поощрять к разработке соглашений о сотрудничестве с другими государственными учреждениями» (WCO SAFE, 2005, с. 6).

Пример такой программы: «Таможенно-торговое партнерство против терроризма — взаимное признание» (Customs Trade Partnership Against Terrorism — Mutual

Recognition, акроним — СТРАТ МR)¹. Суть данной программы — это подписание соглашений между Таможенной и пограничной службой США (СВР) и иностранной таможенной администрацией, которое обеспечивает платформу для обмена информацией о членстве в программе и признает совместимость соответствующих поставок между УЭО разных стран, тем самым обеспечивается безопасность цепи поставки. В данную программу входят УЭО из стран: США, Новая Зеландия, Канада, Иордания, Япония, Корея, Европейский союз, Тайвань, Израиль, Мексика, Сингапур, Доминиканская Республика, Перу, Великобритания, Индия, Уругвай, Бразилия.

Можно предположить, что в России институт УЭО не набрал должную популярность и не имеет того веса, как в других странах — участницах ВТамО по нескольким причинам.

1. Технология электронного декларирования в России внедрена с 2014 г., охватывает всех участников ВЭД, независимо от статуса УЭО. Почти 100% таможенных деклараций (ДТ) обрабатывается в 16 центрах электронного декларирования (ЦЭД). Доступ к электронной системе декларирования в России имеют все участники ВЭД. Они могут использовать каналы передачи данных информационных операторов ФТС России или напрямую загружать ДТ через личный кабинет на сайте ФТС России.

2. Доступ к электронным сервисам ФТС России в России также имеют все участники ВЭД, кто зарегистрировался и получил доступ в личный кабинет участника ВЭД. Количество и качество сервисов растет ежегодно, на 2023 г. их более 42. Российская таможенная служба в своей информационной системе по данным 2019 г. имеет 69 информационных ресурсов и 81 программное средство².

3. Параллельно с внедренным институтом УЭО, ФТС России разработала и внедрила за последние 10 лет внутреннюю систему категорирования участников ВЭД. То есть независимо от наличия статуса УЭО, компании уже могут иметь ряд упрощений при наличии «низкой категории риска». То есть существует конкуренция между системами внутри ФТС России.

Заключение

Таким образом, в целях развития института уполномоченного экономического оператора следует еще раз вернуться к истокам термина, целям и задачам внедрения этого института, а также пересмотреть требования к уполномоченным экономическим операторам и стандартам их деятельности.

Новым импульсом в развитии института может служить расширение применяемых «зеленых коридоров» для поставок товаров между компаниями разных стран, имеющими статус УЭО, согласно национальным требованиям.

Исходя из национальных интересов следует расширять географию сотрудничества для применения «зеленых коридоров» поставок между компаниями УЭО разных регионов в условиях санкционного давления. Это направления сотрудничества: «Зеленый коридор»/«Упрощенный таможенный коридор», «Взаимное признание институтов уполномоченного экономического оператора» и «Взаимное признание результатов таможенного контроля».

Например, с февраля 2022 г. Федеральной таможенной службой и Главным таможенным управлением Китайской Народной Республики подписан протокол

¹ Customs Trade Partnership against Terrorism — Mutual Recognition [Электронный ресурс]. URL: <https://www.cbp.gov/border-security/ports-entry/cargo-security/c-tpat-customs-trade-partnership-against-terrorism/mutual-recognition> (дата обращения: 01.04.2023)

² Основные результаты деятельности ФТС России в 2019 году [Электронный ресурс]. URL: <http://council.gov.ru/media/files/zC7OIqwTXSJE3LAU2z7Hj07VYzc92tnA.pdf> (дата обращения: 01.04.2023).

о взаимном признании статуса уполномоченного экономического оператора, который позволил китайским и российским УЭО, участвующим в проекте, в минимальные сроки осуществлять поставки товаров¹. На 2023 г. в проекте участвует около 80 компаний.

Также необходимо вернуться к вопросу о возможности взаимного признания статуса УЭО как внутри стран ЕАЭС, так и появлению «зеленых коридоров» со странами, образующими с ЕАЭС зоны свободной торговли.

Литература

1. *Агамагомедова С. А.* Оптимизация таможенных операций в проекте Таможенного кодекса Евразийского экономического союза // Вестник Российской таможенной академии. 2015. № 4. С. 80–86.
2. *Денисова Н. А.* Анализ потенциала развития института уполномоченного экономического оператора в Евразийском экономическом союзе // Бюллетень инновационных технологий. 2020. Т. 4. № 2 (14). С. 13–18.
3. *Горбачева А. И.* Развитие института уполномоченного экономического оператора в контексте нового Таможенного кодекса Евразийского союза // Логистические системы и процессы в условиях экономической нестабильности: Материалы заочной научно-практической конференции (Минск, 6–7 декабря 2017 г.). Минск : БГАТУ, 2017. С. 39–43.
4. *Логинова А. С., Одинокова А. В.* Правовые аспекты деятельности уполномоченного экономического оператора в Евразийском экономическом союзе: проблемы и перспективы // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2021. № 2 (54). С. 85–88.
5. *Мозер С. В.* Совершенствование института уполномоченного экономического оператора в Евразийском экономическом союзе // Академический вестник Ростовского филиала Российской таможенной академии. 2016. № 2 (23). С. 23–27.
6. *Кириллова Д. А.* Специальные упрощения, предоставляемые уполномоченному экономическому оператору по Таможенному кодексу Евразийского экономического союза // Таможенные чтения — 2017. Современная наука и образование на страже экономических интересов Российской Федерации: сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции с международным участием: В 3 т. Т. 1. СПб. : Санкт-Петербургский имени В. Б. Бобкова филиал Российской таможенной академии, 2017. С. 66–76. EDN XRMWWT.
7. *Некрасов Д. В.* Правовые новации института уполномоченного экономического оператора в Евразийском экономическом союзе // Вестник Российской таможенной академии. 2015. № 3. С. 92–100.
8. *Некрасов Д. В.* Программа уполномоченного экономического оператора как инструмент совершенствования его административно-правового статуса // Административное и муниципальное право. 2013. № 12. С. 1156–1161.
9. *Некрасов Д. В.* Совершенствование административно-правового статуса уполномоченного экономического оператора в условиях Евразийского экономического союза: монография. М. : Издательство Российской таможенной академии, 2015. 230 с.
10. *Некрасов Д. В.* Уполномоченный экономический оператор. Специальные упрощения как исключительное право на совершение таможенных операций // Пробелы в российском законодательстве. 2013. № 4. С. 183–186.
11. *Прохоренко Т. Н.* Совершенствование института уполномоченного экономического оператора в Евразийском экономическом союзе и его развитие в Республике Беларусь // Школа науки. 2018. № 4 (4). С. 4–5.
12. *Рыльская М. А., Некрасов Д. В.* Институт уполномоченного экономического оператора в контексте теории права // Вестник Финансового университета. 2014. № 1. С. 122–128.
13. *Сумина Н. В.* Проблемы функционирования института уполномоченного экономического оператора в Евразийском экономическом союзе // Управление инвестициями и инновациями. 2016. № 2. С. 98–102.

¹ Проект итогового доклада о результатах и основных направлениях деятельности ФТС России в 2022 году [Электронный ресурс]. URL: <https://customs.gov.ru/activity/results/itogovye-doklady-o-rezul-tatax-deyatel-nosti> (дата обращения: 01.04.2023). С. 11.

14. Сальникова А. В. Эволюция института уполномоченного экономического оператора: новации Таможенного кодекса Евразийского экономического союза // В сб.: Innovative processes in economic, social and spiritual spheres of life of society. Materials of the VIII international scientific conference. 2018. С. 9–14.
15. Терешенкова А. Ю. Развитие института уполномоченного экономического оператора // Технично-технологические проблемы сервиса. 2017. № 3 (41). С. 45–49.
16. Худжатов М. Б. Оценка эффективности деятельности уполномоченного экономического оператора в Евразийском экономическом союзе // Вестник Московского финансово-юридического университета МФЮА. 2019. № 1. С. 40–48.
17. Gellert L. Withdrawal, revocation and suspension of AEO certification // World Customs Journal. 2011. Vol. 5. N 1. P. 3–16.
18. Hans-Joachim Schramm. Who benefits most from AEO certification? An Austrian perspective // World Customs Journal. 2015. Vol. 9. N 1. P. 59–67.
19. Liu J., Tan Y.-H., Hulstijn J. IT enabled risk management for taxation and customs: the case of AEO assessment in the Netherlands, Electronic Government // Lecture Notes in Computer Science. 2009. Vol. 5693. P. 376–387.
20. Karlsson L. Back to the future of Customs: A new AEO paradigm will transform the global supply chain for the better // World Customs Journal. 2017. Vol. 11. N 1. P. 3–16.

Об авторе:

Комелова Анна Юрьевна, доцент кафедры таможенных доходов и тарифного регулирования Санкт-Петербургского имени В.Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии (Санкт-Петербург, Российская Федерация), кандидат экономических наук, доцент; komelova2014@ya.ru

References

1. Agamagomedova S. A. Optimization of customs operations in the draft Customs Code of the Eurasian Economic Union // Bulletin of the Russian Customs Academy [Vestnik Rossiiskoi tamozhennoi akademii]. 2015. N 4. P. 80–86 (in Rus).
2. Denisova N. A. Analysis of the development potential of the institution of an authorized economic operator in the Eurasian Economic Union // Bulletin of innovative technologies [Byulleten' innovatsionnykh tekhnologii]. 2020. V. 4. N 2 (14). P. 13–18 (in Rus).
3. Gorbacheva A. I. Development of the institution of an authorized economic operator in the context of the new Customs Code of the Eurasian Union // Logistics systems and processes in conditions of economic instability: Materials of an absentee scientific and practical conference (Minsk, December 6–7, 2017). Minsk : BGATU, 2017. P. 39–43 (in Rus).
4. Loginova A. S., Odnikova A. V. Legal aspects of the activities of the authorized economic operator in the Eurasian Economic Union: problems and prospects // Legal science and practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2021. N 2 (54). P. 85–88 (in Rus).
5. Moser S. V. Improvement of the Institute of the Authorized Economic Operator in the Eurasian Economic Union // Academic Bulletin of the Rostov Branch of the Russian Customs Academy. 2016. N 2 (23). P. 23–27 (in Rus).
6. Kirillova D. A. Special simplifications provided to the authorized economic operator under the Customs Code of the Eurasian Economic Union // Customs Readings — 2017. Modern science and education on guard of economic interests of the Russian Federation. Collection of materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference with international participation: In 3 v. V. 1. St. Petersburg Branch of the Russian Customs Academy, 2017. P. 66–76. EDN XRMWWT (in Rus).
7. Nekrasov D. V. Legal innovations of the Institute of the Authorized Economic Operator in the Eurasian Economic Union // Bulletin of the Russian Customs Academy. 2015. N 3. P. 92–100 (in Rus).
8. Nekrasov D. V. The program of the authorized economic operator as a tool for improving its administrative and legal status // Administrative and municipal law. 2013. N 12. P. 1156–1161 (in Rus).
9. Nekrasov D. V. Improving the administrative and legal status of an authorized economic operator in the conditions of the Eurasian Economic Union: monograph. M. : Publishing House of the Russian Customs Academy, 2015. 230 p. (in Rus).

10. Nekrasov D.V. Authorized economic operator. Special simplifications as an exclusive right to perform customs operations // Gaps in Russian legislation. 2013. N 4. P. 183–186 (in Rus).
11. Prokhorenko T.N. Improvement of the institution of the authorized economic operator in the Eurasian Economic Union and its development in the Republic of Belarus // School of Science. 2018. N 4 (4). P. 4–5 (in Rus).
12. Rylskaya M. A., Nekrasov D. V. Institute of Authorized Economic Operator in the Context of Legal Theory // Bulletin of the Financial University. 2014. N 1. P. 122–128 (in Rus).
13. Sumina N.V. Problems of Functioning of the Institute of the Authorized Economic Operator in the Eurasian Economic Union // Investment and Innovation Management. 2016. N 2. P. 98–102 (in Rus).
14. The evolution of the institution of an authorized economic operator: innovations of the Customs Code of the Eurasian Economic Union // In the collection: Innovative processes in economic, social and spiritual spheres of life of society. Materials of the VIII international scientific conference. 2018. P. 9–14 (in Rus).
15. Tereshenkova A.Yu. Development of the institute of an authorized economic operator // Technical and technological problems of service. 2017. N 3 (41). P. 45–49 (in Rus).
16. Khujatov M.B. Assessment of the effectiveness of the activities of the authorized economic operator in the Eurasian Economic Union // Bulletin of the Moscow Financial and Legal University. 2019. N 1. P. 40–48 (in Rus).
17. Gellert L. Withdrawal, revocation and suspension of AEO certification // World Customs Journal. 2011. Vol. 5. N 1. P. 3–16.
18. Hans-Joachim Schramm. Who benefits most from AEO certification? An Austrian perspective // World Customs Journal. 2015. Vol. 9. N 1. P. 59–67.
19. Liu J., Tan Y.-H., Hulstijn J. IT enabled risk management for taxation and customs: the case of AEO assessment in the Netherlands, Electronic Government // Lecture Notes in Computer Science. 2009. Vol. 5693. P. 376–387.
20. Karlsson L. Back to the future of Customs: A new AEO paradigm will transform the global supply chain for the better // World Customs Journal. 2017. Vol. 11. N 1. P. 3–16.

About the author:

Anna Yu. Komelova, Associate Professor of the Chair of Customs Revenue and Tariff Regulation of Russian Customs Academy St. Petersburg branch named after Vladimir Bobkov (St. Petersburg, Russian Federation), PhD in Economics, Associate Professor; komelova2014@ya.ru

Еще раз о проблемах сохранения объектов недвижимого культурного наследия с позиций коллективного и индивидуального потребительского восприятия

Богатырев И. С.¹, Цацулин А. Н.², *

¹Санкт-Петербургский научно-исследовательский и проектный институт «Спецреставрация», Санкт-Петербург, Российская Федерация

²Санкт-Петербург, Российская Федерация; *vash_64@mail.ru

РЕФЕРАТ

Концепция отношения к объектам недвижимого культурного наследия, сформированная более века тому назад, актуальна сегодня, основывается на тех предпосылках, что данные материальные объекты образуют объективную ценность в восприятии и в понимании любого индивидуума, любого социума, любой цивилизации. Цель статьи — проведение предварительного анализа проблем, образующих осмысление ценности культурного наследия, сохранение и бережное отношение к нему в режимах реставрационной деятельности и восстановительных работ. Достижением цели может стать решение ряда задач о надлежащей государственной охране объектов недвижимого культурного наследия и о необходимой помощи со стороны государства, общественных институтов и международных организаций, а также с учетом присвоенного статуса объекта в деле спасения, восстановления и щадящей научной реставрации. В качестве методических и инструментальных подходов к решению возникших проблем рассматриваются существующие в настоящее время направления и наработки всестороннего оценивания памятников архитектуры прошлого, методы наблюдения, деятельной компаративистики, статистических измерений. К полученным результатам авторы отнесли исследование комплексного взаимодействия и изолированного влияния на категорию ценности таких существенных признаков-факторов в качестве оценочных критериев, как культурная и коллективная память, историческая репутация в их значениях для самоидентификации общества и в разработке стратегий в сфере сохранности объектов культурного наследия и их использования в эксплуатации рекреационного потенциала дестинации туристским бизнесом. Обсуждены примеры из отечественной реставрационно-строительной практики и западноевропейского опыта, применяемых в целях минимизации негативных последствий возрастающей антропогенной нагрузки на территорию. В конце материала указаны перспективы дальнейших исследований и сделаны необходимые выводы.

Ключевые слова: культурное наследие, архитектурный шедевр, объект недвижимости, оценка стоимости, историческая репутация, рекреационный потенциал, научная реставрация

Для цитирования: Богатырев И. С., Цацулин А. Н. Еще раз о проблемах сохранения объектов недвижимого культурного наследия с позиций коллективного и индивидуального потребительского восприятия // Управленческое консультирование. 2024. № 1. С. 174–193.

Once Again About the Problems of Preserving Objects of Immovable Cultural Heritage from the Standpoint of Collective and Individual Consumer Perception

Ilya S. Bogatyrev¹, Alexander N. Tsatsulin², *

¹St. Petersburg Research and Design Institute "Spetsrestavratsiya", St. Petersburg, Russian Federation

²Sankt Petersburg, Russian Federation; *vash_64@mail.ru

ABSTRACT

The concept of attitude towards objects of immovable cultural heritage, formed more than a century ago, is relevant today, based on the premises that these material objects form an

objective value in the perception and understanding of any individual, any society, any civilization. The purpose of the article is to conduct a preliminary analysis of the problems that form the understanding of the value of cultural heritage, preservation and careful treatment of it in the modes of restoration activities and restoration work. Achieving the goal can be the solution of a number of problems regarding the proper state protection of objects of immovable cultural heritage and the necessary assistance from the state, public institutions and international organizations, as well as taking into account the assigned status of the object in the matter of rescue, restoration and gentle scientific restoration. Currently existing directions and developments in a comprehensive assessment of architectural monuments of the past, observation methods, active comparative studies, and statistical measurements are considered as methodological and instrumental approaches to solving emerging problems. The results obtained by the authors included a study of the complex interaction and isolated influence on the category of value of such significant features-factors as evaluation criteria such as cultural and collective memory, historical reputation in their meaning for the self-identification of society and in the development of strategies in the field of preservation of cultural heritage objects and their use in the exploitation of the recreational potential of the destination by the tourism business. Examples from domestic restoration and construction practice and Western European experience, used to minimize the negative consequences of the increasing anthropogenic load on the territory, are discussed. At the end of the material, prospects for further research are indicated and the necessary conclusions are drawn.

Keywords: cultural heritage, architectural masterpiece, real estate, valuation, historical reputation, recreational potential, scientific restoration

For citing: Tsatsulin A. N., Bogatyrev I. S. Once again about the problems of preserving objects of immovable cultural heritage from the standpoint of collective and individual consumer perception // Administrative consulting. 2024. N 1. P. 174–193.

Полюбить можно лишь то, что знаешь.

Леонардо да Винчи

Введение

Известно, что Россия является по ряду характеристик абсолютно уникальным государством с богатейшей, более чем тысячелетней историей. На ее исторической территории имеется россыпь городов, известных не только внутри своих границ, но и далеко за их пределами [8]. По данным Росстата с 2014 по 2019 г. ежегодно в туристических целях Россию посещали от 2,6 до 4,2 млн иностранных туристов. В последние два года из-за событий горестного характера этот турпоток резко снизился, и по итогам 2022 г. турпоток в Россию был в 1,44 раза меньше, чем в 2021 г. (288,3 тыс. чел.) и составил лишь 200,1 тыс. чел. В свою очередь, это в 25,5 раза меньше, чем в 2019-м, когда пандемии COVID-19 еще не было, и страны не вводили свои ограничения на туристские перемещения по миру с разными целевыми установками [19].

Безусловными лидерами по посещениям в Российской Федерации (РФ) являются Москва и Санкт-Петербург, которые конкурируют между собой по туристической привлекательности. Каждый год из регионов РФ и других стран в названные туристские дестинации прибывают сотни тысяч людей, которые ориентируются на эти столичные города в целях провести интересно и полезно, познавательно и творчески свой отпуск или разнообразить служебную командировку, наслаждаясь богатейшей архитектурой мирового уровня и достижениями великой культуры обоих мегаполисов. Так, Санкт-Петербург в 2022 г. посетили 8,0 млн гостей по программам внутреннего и зарубежного туризма и оставили в бюджете города более 350,0 млрд руб.

Выдающаяся архитектура Санкт-Петербурга умело совместила в себе современность и прошлое, сохраняя свою мощную энергетику имперской столицы как в малозэтажной застройке, в помпезных дворцовых ансамблях, в особняках знати, так и в роскошных соборах разных конфессий, пышных садах, парадных парках, со знаковых видовых точек при обзорах городских перспектив (парадизов) и линий горизонта. Основанный Петром I, тогда еще в титуле царя, в день Святой Троицы, 27 мая 1703 г. уже российский город (на месте бывшего шведского города Ниен¹) неизменно привлекает множество зарубежных и отечественных туристов.

Город действительно открыт для всех интересующихся, а для иностранцев это служит хорошим шансом познакомиться близко и всесторонне с богатейшей, многослойной и таинственной русской культурой. Более чем трехвековая история Санкт-Петербурга — Северной Пальмиры, Культурной столицы (она же имперская), Русской Венеции и другие ведомые синонимы, присвоенные мегаполису, — сама по себе, наравне с архитектурными шедеврами и культурными ценностями, вызывает неподдельный интерес у гостей всех возрастов, разных социальных статусов, групп достатка, религиозных конфессий и уровней образованности. Эта же история города свидетельствует о том, что для его строительства привлекались как выдающиеся европейские светила от архитектуры, так и начинающие талантливые соискатели мировой славы на этом поприще. Гармоничный исторический центр Санкт-Петербурга впитал в себя самые разные европейские стили и традиции: итальянский, голландский, немецкий, французский и иные. Непосредственно центр Санкт-Петербурга вместе с Дворцовой площадью заслуженно значится в списке ЮНЕСКО как официальные объекты Всемирного культурного наследия.

При этом в городе имеется множество самостоятельных архитектурных шедевров, выполненных в древнерусской, в русской, псевдорусской традициях и в неорусском стиле. Широко известны также выдающиеся культовые сооружения в разных стилях — Большая Хоральная синагога в мавританском стиле, 1893 г., Малая синагога в строгом арабо-мавританском стиле, 1912 г., Соборная суннитская Джума-мечеть, 1913 г. в архитектурном стиле Северного модерна, Буддийский храм Дацан Гунзэчойнэй, 1915 г. в буддийской традиционной сангхе России, школа *гелугпа* и иные в исключительно интересных вариантах исполнения. Но никак нельзя забывать о горестных утратах множества замечательных памятников архитектуры, исчезнувших с географической карты города и Ленинградской области (ЛО) по разным причинам и похоже навсегда.

Уточнение проблемы и цель исследования

Санкт-Петербург является крупнейшим средоточием мировой и российской культуры и где сконцентрировано уникальное культурно-историческое наследие. В частности, в административно-закрепленных границах города размещается более 8,4 тыс. объектов культурного наследия (ОКН), которые защищены соответствующим статусом и охраняются государством. Почти 4/5 из ОКН представляют собой памятники XVIII–XIX вв., состоящих из безусловных подлинников в виде объектов недвижимого культурного наследия (ОНКН). Старый Санкт-Петербург как канонический мегаполис формирует в разных своих частях 36 комплексных объектов, объединяющих извест-

¹ Разумеется, город СПб был воздвигнут не на пустом месте. Кроме собственно шведской крепости Ниеншанц на территории будущей столицы империи (провозглашена в 1711 г.) в хрониках описаны город Ниен и отдельно стоящие деревеньки. Так, по свидетельству американского историка Роберта Масси (Robert Kinloch Massie III) на месте современного Летнего сада размещалась дача одного из шведских комендантов крепости майора Канау [12].

нейшие памятники архитектуры, истории и культуры числом, чуть менее 4 тыс., которые включены отдельно в список ЮНЕСКО.

В России сформировалось со стороны властных структур особое отношение к ОНКН — данными объектами можно любоваться издалека, некоторые из них можно посещать, но зачастую их вовсе нельзя использовать в коммерческих целях. Скорее всего по этой причине огромное количество ОНКН до сих пор не востребовано никак, и они тихо гибнут как на просторах страны (например, Поречьевская звонница / колокольня Храма Никиты Мученика в Поречье-Рыбном, высотой 94 м), так и на территории Санкт-Петербурга, разваливаясь на наших глазах. По данным Комитета государственной инспекции и охраны памятников (КГИОП) Администрации Санкт-Петербурга, из городского ландшафта с 1917 г. уже исчезло свыше 1,9 тыс. зданий-памятников — известных архитектурных удач с зафиксированной документально исторической репутацией [17], включая обилие культовых сооружений. Другие ОНКН были изуродованы, искажены более поздними строительными доработками и юридико-техническими просчетами.

Еще большее количество ОНКН Санкт-Петербурга и ЛО в настоящее время находится в действительно плачевном состоянии и требует срочных ремонтно-строительных работ, ремонтно-восстановительных, а также масштабной и чрезвычайно дорогостоящей реставрации. Проблемные задачи содержания, сохранения, воссоздания и реставрации ОНКН в настоящее время являются предельно актуальными, вызывают живейший интерес в обществе и создают головные боли у градозащитников, так и городских/областных властей [14].

Более того, отдельные решения и действия обеих администраций субъектов федерации оказываются, мягко говоря, противоречащими действующему законодательству о сохранении городского (с пригородами) и областного архитектурного пейзажа и ландшафта, надлежащего содержания выдающихся артефактов¹. Так, например, большой пожар Троицкого собора в Санкт-Петербурге в 2006 г. (рис. 1), «малый» пожар Храма в Кондопоге (Республика Карелия) в 2018 г., перемещение раки Александра Невского из Эрмитажа, несанкционированные сносы ОНКН (Аракчеевские казармы на Шпалерной, 51²) и т. д. в разное время вызывали щемящую боль у градозащитников и пристальный интерес уже у сотрудников Следственного комитета РФ. Но ведь даже согласованное перемещение подлинника «Троицы» в Сергиев Посад, ставший недавно местом весьма повышенной опасности, не служит гарантией избежать рисков и реальных угроз утраты.

Но после тотального уничтожения бывш. бань Екимовой, дома Лапина, казармы на Заозерной улице, манежа лейб-гвардии Финляндского полка (1854 г. постройки, рис. 2), дома Салтыковой и иных объектов было возбуждено уголовное дело по фактам превышения полномочий в отношении ряда ответственных сотрудников КГИОП Санкт-Петербурга, допустивших несанкционированные действия застройщиков, и к настоящему времени длительное расследование закончено. Только по двум уничтоженным ОНКН ущерб, нанесенный «охранителями памятников» городу, составил более 186 млн руб. Уголовное дело в отношении чиновников направлено в Генеральную прокуратуру РФ для передачи в суд³.

¹ Пожар 04.06.2023 в поселке Кузнечный Приозерского района ЛО полностью, со всеми экспонатами уничтожил старинный финский Дом-музей работников железной дороги Aseman Talu.; пожар 05.05.2023 произошел в федеральном объекте культуры — Дом Л. А. Орбели в селе Павлово Всеволожского района ЛО и т. д.

² В центре Петербурга рухнул исторический дом [Электронный ресурс]. URL: http://top.rbc.ru/spb_sz/11/02/2014/904533.shtml (дата обращения: 25.01.2024).

³[Электронный ресурс]. URL: https://www.rbc.ru/spb_sz/12/08/2023/64d7b5c89a794745a35f0b95 (дата обращения: 15.08.2023).

Рис. 1. Пожар Собора (Троицкого) Измайловского полка в Санкт-Петербурге (фото 25.08.2006)
Fig. 1. Fire of the Cathedral (Trinity) of the Izmailovsky regiment in St. Petersburg (photo 25.08.2006)

Руководители КГИиОП произвольно меняли подходы к определению ценности городской застройки с тем, чтобы уйти от года постройки объекта до 1917 как главного критерия отнесения его к зданиям-памятникам. В связи с такой точечной избирательностью руководства комитета, дома в документах о своей постройке резко молодели (так, манеж лейб-гвардии оказался, благодаря умелой фальсификации специалистов, появился на Большом пр. Васильевского острова Санкт-Петербурга уже в 1937–1938 гг.), т. е. пересекали роковую возрастную черту и переставали мешать хитроумным девелоперам от строительной отрасли.

Сейчас в центральных районах Санкт-Петербурга расположено около 14 тыс. исторических зданий, которые по разным причинам не являются ОНКН, но зато находятся под прицелом строительных компаний элитного и премиального жилья, в режиме уплотнительной застройки, и узкоспециализированной Группы компаний по оперативному, несанкционированному сносу «Прайд» (СКК), чем группа особенно и гордится. И здесь можно, безусловно, согласиться с концепцией градозащитников, суть которой сводится к следующему: городу противопоказано развиваться в историческом центре — он и так перегружен во всех смыслах.

Естественно, схожие несчастья и техногенные катастрофы случаются и с зарубежными именитыми архитектурными шедеврами, как это имело место с Собором Парижской Богоматери в 2019 г. (рис. 3). Только собранные по подписке в виде пожертвований денежные средства на восстановление ОНКН, который планируется открыть для посетителей в декабре 2024 г.,

уже превышают 800 млн евро. До пожара храм Нотр-Дам де Пари ежегодно посещали около 14 млн туристов. Но всегда в подобных трагических ситуациях перед собственником и/или государством возникает триада вовсе не риторических вопросов:

- какова страховая, рыночная и кадастровая стоимость пострадавшего ОНКН;
- хватит ли начисленного страхового возмещения по ущербу ОНКН на осуществление его ремонтов и реставраций без финансовой поддержки государства или просвещенных корпораций смешанных организационно-правовых форм, спонсоров или усилий краудфандинга;
- какие привлекать для полноценного восстановления объекта юридико-технические процедуры и научно-технологические процессы в соответствии с международными хартиями / соглашениями и действующим в данной стране законодательством?

Рис. 2. Разрушение ОНКН манежа лейб-гвардии Финляндского полка на Большом пр. Васильевского острова, Санкт-Петербург (фото В. Егоршина // «Фонтанка.ру»)
Fig. 2. Destruction of the arena of the Life Guards of the Finland Regiment on Bolshoi Prospekt Vasilievsky Island, Sankt Petersburg

Применение современных критериев оценки подлинного значения, реальной и других видов стоимости ОНКН [4; 6], его содержания и использование достаточно гибких принципов научной реставрации, безусловно, поможет сохранить единство городского/областного пейзажа, обеспечив органичный и непротиворечивый синтез того, что называется условно *старое* и условно *новое*. Зачастую предельная долговечность здания обусловлена его непрерывным без профилактических и плано-предупредительных ремонтов, а также варварским использованием того или иного объекта. Научно обоснованное, в известном смысле тактичное восстановление ОНКН, щадящая и высоко профессиональная реставрация позволяют как сохранить сложившееся своеобразие городской среды, так и способствовать всестороннему и успешному экономическому развитию территории обоих указанных выше субъектов федерации.

Рис. 3. Возгорание Собора Парижской Богоматери, Франция, 15.04.2019 ([Электронный ресурс]. URL: <https://www.m24.ru/galleries/proisshestiya/15042019/7943> (дата обращения: 22.01.2024))

Fig. 3. Ignition of Notre Dame Cathedral, France, 15.04.2019

В исторической части Санкт-Петербурга, городов и весей ЛО большая часть застройки имеет художественную и культурную ценность. Здесь архитекторы и реставраторы сталкиваются с перечнем таких первоочередных и не терпящих отлагательства задач: сохранение старинных зданий и сооружений; поиск подходящего способа дальнейшего использования реставрируемых зданий и сооружений; создание для охраняемого, статусного ОНКН соответствующего эпохе и надлежащего для сохранности объекта гармоничного стилевого окружения. Дискуссионными здесь остаются вопросы, нуждающиеся в серьезной экспертизе специалистов, которые касаются перспектив возрождения утраченных по разным причинам архитектурных шедевров Санкт-Петербурга и ЛО.

Актуальным остается также дополнительный к триаде вопрос, как вселить новую жизнь в старую застройку, придать ей новую и современную функцию и, как следствие, спасти историческую застройку от полного разрушения. Существует два диаметрально противоположных подхода: полное восстановление и сохранение исторической застройки или же снос разрушающихся зданий/сооружений и застройка абсолютно новых зданий в городскую застройку, как правило, с изменением и искажением видовой структуры последней.

Но возможно ли оперативно и в соответствии с действующим законодательством решить проблему сохранения старого и привнесения нового в городскую застройку? Данная проблема возникла и в прошлые века, поскольку вечных строительных и отделочных материалов не существует. Материалы устаревают как физически, так и морально и приходится перестраивать здания, другими словами, вносить нечто «новое». Например, для восстановления сгоревших полностью стропил и лесов Нотр-Дам де Пари требуются дубы метрового диаметра в количестве до тысячи единиц, а это не менее чем двухсотлетние по возрасту деревья, и недостающие экземпляры бревен планируется завозить аж из Канады.

С неоднозначных позиций западной урбанистики, в исторических городах сочетание «старого» и «нового», во-первых, должно быть с тем, чтобы не препятствовать органическому развитию, например, мегаполиса [21]. Во-вторых, оно должно быть гармоничным с тем, чтобы современные архитектурные «достижения» (например, Центр Ж. Помпиду) не затмевали безукоризненные исторические удачи. При

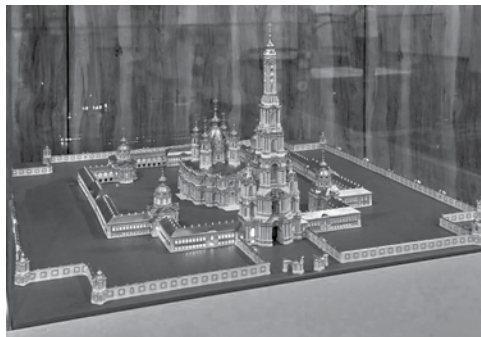

Рис. 4. Проект колокольни в 175 м Смольного собора Б. Растрелли (фото выставочного макета в трактовке арх. В. Стасова)

Fig. 4. The project of the bell tower in 175 m. Smolny Cathedral B. Rastrelli (photo of the exhibition layout in the interpretation of Archpriest V. Stasov)

собора по проекту Б. Растрелли (рис. 4) и выработки рекомендаций для поиска альтернативного исторического места. Колокольня была не только задумана, согласована с императрицей Елизаветой, спроектирована в чертежах, но и выстроена до уровня второго яруса. Кстати, найден старый фундамент незавершенного уже при архитекторе В. Стасове строительства высотной доминанты. Но дискуссии сводились к тому, что прежнее место занято, и это будет не воссоздание, а именно новое строительство на новом месте, что вступает в конфликт с действующим законодательством 73-ФЗ, которое надо будет пересматривать¹. В случае воплощения этой весьма привлекательной идеи (по согласованию с ЮНЕСКО) город получит новую долгожданную, по существу, исторически легитимную доминанту на открытом городском пространстве². А сам объект станет на два метра выше Искупительного храма Святого Семейства (*Sagrada Familia*) в Барселоне, что все еще достраивается с 1882 г. в архитектурном стиле неоготика и модерн, и заметим, «по мотивам» идей А. Гауди.

Цель исследования авторов статьи предусматривает на базе изучения источников разнообразной информации проведение предварительного анализа тех проблем, которые образуют осмысление ценности культурного наследия, сохранение и бережное отношение к нему в режиме активных реставрационной деятельности и восстановительных работ. Достижением сформулированной авторами цели может стать решение ряда важнейших задач о надлежащей государственной охране объектов недвижимого культурного наследия и о необходимой помощи со стороны государства, общественных институтов и международных организаций, а также с учетом присвоенного статуса объекта в деле спасения, восстановления и щадящей научной реставрации. Каждая из задач нуждается в научной проработке.

¹ Федеральный закон 73-ФЗ от 24.05.2002 г. «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры народов Российской Федерации)» [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37318/ (дата обращения: 20.01.2024).

² Есть ли место для доминанты: проект колокольни Смольного собора впервые вынесли на официальное обсуждение [Электронный ресурс]. URL: <https://www.fontanka.ru/2023/06/07/72377000/> (дата обращения: 16.08.2023).

этом развитие современной архитектуры должно основываться на принципах, заложенных в зодчестве прошлых столетий. Исчезновение исторических зданий приведет и к полному исчезновению исторической среды, а значит, город потеряет свои характерные черты, свою индивидуальность, более того — свою историко-культурную идентичность. Такое решение, действительно, трудного вопроса о «сочетании» не имеет ничего общего с имитацией или стилизацией *новодела* ОНКН под как бы подлинную историческую архитектуру, да еще с полной потерей своей собственной исторической репутации.

В Санкт-Петербурге уже много лет специалисты ведут высоко профессиональный спор вокруг спорной идеи воссоздания самого высокого культового сооружения в России, самого высокого православного сооружения в мире колокольни Смольного

Методы исследования

В статье в качестве методических и инструментальных подходов к решению возникших проблем рассматриваются существующие в настоящее время главные направления и практические наработки всестороннего оценивания памятников архитектуры прошлого, а также методы сплошного и выборочного наблюдения, деятельностной компаративистики, материалистической диалектики, статистических измерений.

Литературный обзор

Так, по мнению нынешнего (с 21.03.2023) директора ГМИИ им. А. С. Пушкина Е. С. Лихачевой (до этого назначения являлась директором Государственного музея архитектуры им. А. В. Щусева) в отношении перспектив реставрации серьезно поврежденного Собора Парижской Богоматери с почти девятивековой историей «... очень сложно говорить о том, будет ли он прежним. Просто потому, что его облик и так менялся неоднократно. Тот Нотр-Дам, который люди наблюдали последние 130 лет, это не совсем тот собор, который парижане видели 500 лет назад. Фактически собор — это явление социально-культурной жизни Европы. Раньше соборы перестраивались, менялись с течением времени. Современные стандарты сохранения памятников — это довольно новое изобретение. Поэтому мне кажется, что тут не совсем корректно говорить, что он не будет таким, каким он был прежде. Принято решение восстанавливать его в том виде, который он получил после реставрации Виолле-ле-Дюка¹, то есть воссоздать тот облик, который собор обрел в XIX в. Планируется восстановить шпиль и гаргулий»².

По мнению авторов настоящей статьи, в таких решениях содержатся спорные моменты, которые устойчиво дискутируются отечественными специалистами [7³]. Правда, отсутствует устойчивое единообразие взглядов на формирование методических указаний и стандартов в восстановлении, а также в оценке состояния ОНКН, и в зарубежных школах исследователей. Показательным примером служит противоречивое научное наследие как раз предтечи и основоположника архитектурной реставрации Виолле-ле-Дюка — видного искусствоведа и идеолога так называемой *неоготики*.

Интересно отметить, что на склоне своей жизни патриарх истории архитектуры опубликовал альбом-справочник «Русское искусство. Его источники, его составные элементы, его высшее развитие, его будущность». Исследователь в справочнике восторгался такими памятниками русского шатрового зодчества, как Дьяковская церковь и храм в Путинках. Автор в других своих изыскательских работах привнес во французскую научную школу методiku точного, археологического подхода к обмерам и описаниям старинных ОНКН.

¹ Эжен Эммануэль Виолле-ле-Дюк (Eugène Emmanuel Viollet-le-Duc, 1814–1879) — французский архитектор, основоположник архитектурной реставрации. Под его руководством была отреставрирована поврежденная в Революцию скульптурная часть Собора, восстановлены витражные розы нефа и возведен новый шпиль вместо утраченного [Электронный ресурс]. URL: <https://www.pravmir.ru/tri-goda-s-pozhara-v-notr-dam-de-pari-cto-proishodit-s-soborom-sejchas/> (дата обращения: 16.06.2023).

² Сычева И. Три года с пожара в Нотр-Дам-де-Пари. Что происходит с собором сейчас? [Электронный ресурс]. URL: <https://www.pravmir.ru/tri-goda-s-pozhara-v-notr-dam-de-pari-cto-proishodit-s-soborom-sejchas/> (дата обращения: 16.06.2023).

³ См. также: Методические указания по проведению градостроительной, историко-культурной и технико-экономической экспертизы недвижимых объектов, состоящих под государственной охраной, в порядке подготовки их к приватизации / разработчик: ТОО «Ассоциация исследователей Санкт-Петербурга». СПб., 1997.

Тем не менее личный опыт практической реставрации автора, по меньшей мере, вызывал у коллег скептический настрой в отношении таких отдельных утверждений, как «Реставрировать здание не значит подновлять его, ремонтировать или перестраивать; это значит — восстанавливать его *завершенное* состояние, какого оно могло и не иметь до настоящего времени» [5, с. 24]. От себя заметим, что объявленная эпоха цифровизации и прогнозируемая эра искусственного интеллекта (ИИ) открывает для архитекторов, строителей и реставраторов манящие перспективы — целые пласты принципиально новых инженерных возможностей и свежий срез невероятных профессиональных компетенций [13].

Резкое противодействие подобному неоднозначно «инновационному» подходу к обоснованиям научной реставрации вызывало у оппонентов из «консервативного» лагеря искусствоведов и архитекторов во главе с не менее известным шотландским теоретиком искусства Джоном Рескиным (*John Ruskin*, 1819–1900). Последний абсолютно справедливо упрекал мэтра от реставрации ОНКН конкретно в том, что после его реставрации «нельзя собрать даже обломков» настоящей старины. Крайним примером неординарного творческого подхода Виолле-ле-Дюка служит, по мнению не чуждого *природе готики* Дж. Рескина, замок Пьерфон, в условной «реставрации» которого доминировала идея создания «идеального здания» в некоем средневековом стиле [15; 16].

Однако идеи оригинального восстановления/воссоздания средневековых памятников по схемам Виолле-ле-Дюка прижились на европейских просторах. Благодаря такому концептуальному подходу свой внешний вид обрели многие сохранившиеся памятники — от замка Карлштейн до Успенского собора во Владимире-Волынском. С точки зрения современной практики консервации зданий, реставрационный подход Виолле-ле-Дюка рассматривается как излишне свободный, предельно субъективный и базирующийся на произвольных интерпретациях. Парадокс же состоит в том, что некоторые архитектурные памятники могли бы быть утеряны без участия мэтра в их восстановлении.

Но скоротечное время безостановочно, и даже принятая в первой редакции 1964 г. в качестве международного документа нормативного характера, но узко ориентированная Венецианская хартия по вопросам сохранения и реставрации ОНКН и достопримечательных мест, закрепила под патронажем ЮНЕСКО профессиональные стандарты в области охраны и реставрации материального наследия, по существу, явилась первой попыткой кодификации принципов и стандартов по охране исторических построек, не обладала приемлемой стабильностью [22]. Заметные изменения в содержании документа в отношении аутентичности сохранения и реставрации ОКН/ОНКН произошли уже в 1995 и 2002 гг., а далее вообще предметно обсуждался вопрос о принципиальном пересмотре Венецианской Хартии (она же Конвенция, она же Соглашение)¹.

Сегодня все чаще в рамках, скорее виртуального, так называемого общественного договора исходят из посылы, что ОКН/ОНКН — это объективная ценность для любого исторического периода, любой цивилизации, любого социума. При этом предполагается, что стороннему наблюдателю априори интересно и ценно то же самое, что и специалисту по ОКН/ОНКН. Казалось бы, что достаточно поднять образовательный и культурный уровень воспринимающего субъекта-индивидуума до уровня, когда он будет готов оценить ОКН/ОНКН в полной мере. Такой концепт понимания был коллективно сформулирован более века назад и до сих пор остается основой современной национальной и международной политики в области

¹ ICOMOS Scientific Journal: Raymond Lemaire: ICOMOS — un regard en arrière, un coup d'oeil en avant [Электронный ресурс]. URL: <http://www.icomos.org/venicecharter2004/lemaire2.pdf> (дата обращения: 16.06.2023).

охраны ОКН/ОНКН, базой методологии, методики и теории реконструкции и реставрации исторической застройки.

Однако в действительности сложившаяся ситуация оказывается намного сложнее, чем кажется. В большинстве своем индивидуумы равнодушны к своему культурному наследию, что часто приводит к отрицательным и даже губительным последствиям для того или иного ОКН/ОНКН. А те, кто не равнодушен, не обладает единой природой интереса к культурному наследию, и их внимание оказывается прикованным к разным его сторонам, на что довольно долго не обращалось должного внимания.

Еще австрийский историк искусства, представитель венской школы искусствоведения и создатель оригинальной формальной теории исторического развития художественного стиля Алоиз Ригль (*Alois Riegl*, 1858–1905) заметил, что та или иная сторона ценности оказывается более близкой какой-то части современного культурного сообщества [16]. Как практикующий реставратор А. Ригль не только внес значительный вклад в разработку целостной теории охраны памятников, но и выступал против непризнания и недооценки достижений предыдущих эпох.

Практика популяризации культурного наследия в наши дни основывается на ошибочном представлении, будто бы история сама по себе является объективной ценностью для любого индивидуума. И здесь следует задуматься над тем, а на какие группы делаются возможные «потребители» культурного наследия и какими представлениями о категории ценности они руководствуются. С некоторыми допущениями можно выделить три условных класса потребителей, придерживающихся, соответственно, трех направлений оценки многообразных как творений человеческого гения, так и рядовых произведений ремесленного мастерства, но существенно прошлых времен.

Первое — научно-исследовательское направление, стремящееся в максимальном объеме представить и оценить содержащуюся в ОКН/ОНКН информацию о прошлом.

Второе — социокультурное направление, определяющее, т. е. направленное на уяснение официальной значимости ОКН/ОНКН для жизни общества, что может быть признано как коллективное восприятие.

Третье — потребительское направление, отражающее отношение к ОКН/ОНКН основной массы граждан страны и отдельных ее представителей.

Следует отметить, что эти три направления жестко не разграничены между собой и оказываются тесно переплетенными друг с другом. Более того, одновременно внутри каждого из направлений (особенно запутанно в третьем варианте) присутствует своя, зачастую весьма сложная дифференциация признаков-факторов и факторов-предикаторов механизма складывающегося отношения. На взгляд авторов статьи с их оценочным суждением, в первую очередь, стоит рассмотреть направление, связанное с осмыслением социокультурной роли ОКН/ОНКН в жизни общества и государства. Необходимо разобраться также в вопросах искренней преданности, формальной лояльности и устойчивой памяти рядовых представителей социума конкретным идеалам и ценностям прошлого, воспроизводимым в настоящем времени.

Человеческая память — это не только обозначение комплекса познавательных способностей и высших психических функций, связанных с накоплением, сохранением и воспроизведением знаний, навыков и владений. Так, французский основоположник научных исследований в области исторической и коллективной памяти, с ее культурными аспектами, Морис Хальбвакс (правильнее: Альбвакс, *Maurice Halbwachs*) детально изучал эти феномены. В его представлениях то или иное общество избирательно удерживает значимые для социума фиксированные историей события прошлых времен, живые традиции, обычаи и нормы жизни и мн. др.

И коллективная память в этом случае необходима для выживания консолидированного общества, что служит залогом сохранения его сложившейся идентичности [17, с. 41].

К концу XX в. сложно структурированное понятие «коллективной памяти» дополнилось введенным немецким культурологом и египтологом Яном Ассманом (*Assmann J.*) самостоятельным аспектом «культурная память», основанным, прежде всего, на культивации слоя воспоминаний или объема знаний о фактах прошлого, о достаточно ранних преданиях, выходящих за рамки живого опыта отдельных людей или малых сообществ, и понимаемым как процедура передачи в рамках той или иной цивилизации из поколения в поколение базовых смысловых структур, что образует специфику культурного пространства этой самой цивилизации [1].

Культурная память отличается от коллективной, поскольку первая в большинстве своих проявлений оказывается и более упорядоченной, и более формализованной, и более активной в интересах поддержания идентичности и определенной формы самосознания достаточно крупных культурных общностей и образований или локальных субкультур. Упорядоченность, формализация и интенсивность становятся во многом программными доминантами. Это, как кажется, на первый взгляд, отвлеченное теоретизирование становится чрезвычайно актуальным, в частности, при организации практической работы по охране и содержанию ОКН/ОНКН в масштабных восстановительных и реставрационных проектах.

Что касается потребительской стороны отношения к ОКН/ОНКН, то совсем недавно эта сторона не рассматривалась как особая проблема в области сохранения и оценки стоимости объектов культурного наследия. Также не обращалось внимания на то, что многое в заказанной профессиональной оценке, например, памятника архитектуры зависит от индивидуальных предпочтений того или иного заинтересованного индивидуума. Сегодня, в связи с распространением так называемой культуры массового потребления это направление приобретает особую значимость.

Эстетическая и особенно историческая ценность наследия в современной культуре все больше отодвигаются на второй план. Все это является результатом распространения идеологии и навыков культуры консьюмеризма. В смысле этого результата, как его критически понимает британский социолог еврейского происхождения из Польши, один из идеологов течений постмодернизма и критик общества потребления Зигмунт Бауман (*Zygmunt Bauman*), к сожалению, современному обществу важнее задействовать своих членов не столько в качестве свободных рыночных продуцентов, сколько в качестве потребителей любого экономического блага. А такой потребитель тем выгоднее для общественного устройства, чем больше он потребляет, чем чаще он меняет потребляемый товар [3].

Активизация безудержного потребления предусматривает непрерывную смену потребляемого блага в рамках товарной субституции, что активно разогревается условно добросовестной рекламой, которой *идеальный потребитель*, по образному выражению З. Баумана, безоговорочно доверяет. Этот же потребитель легко возбуждается при перспективе отведать чего-то нового и так же легко теряет интерес к уже потребленному. Такая гонка за новыми ощущениями безостановочна, а поведение не вполне рационального потребителя подобно самовозбуждению синхронного генератора. И важный вывод мыслителя сводится к тому, что в эпоху постмодернизма сущность культуры общества потребления крайне поверхностна, скоротечна и сиюминутна, а следовательно, ее механизм ориентирован на «забывать», а «не запоминать».

Характерные черты такой культурной памяти, по мнению авторов настоящей статьи, заметно отличаются от тех свойств коллективной памяти, которые необходимы для проникновенного и квалифицированного восприятия собственно культурного наследия. В последнее время исследователи все чаще отмечают, что неподготов-

ленного потребителя и пользователя *прекрасного* привлекают оригинальность, необычность ОКН/ОНКН и его броскость, которые вызывают повышенное к ним внимание согласно доминирующему в данный момент представлению и вышестоящему мнению. В этих случаях преимущественно предметом интереса оказываются здания / сооружения с уникальной и исключительной формами, являющиеся свидетельством или фактом исторической памяти о чрезвычайных событиях прошлых времен, а также комплексами с необычным назначением. Это обусловлено заложенной в механизме культуры потребления внутренней тягой испробовать нечто новое, непривычное и все-таки доступное.

Необычность культурного блага как рыночного товара — критерий, который, как правило, почти не рассматривается в научных работах, посвященных восприятию архитектуры прошлого. В связи с вопросом усиливающейся коммерциализации ОКН/ОНКН на этот фактор динамики приходится обращать внимание. В частности, ведущий британский исследователь в области развития городов и урбанистики Чарльз Лэндри (*Charles Landry*) замечает, что предметом соревнования честолюбий и гедонистических состязаний конца XX в. в области использования / потребления объектов наследия становятся культурные различия, желание обладать некой культурной материальной экзотикой [11]. Это обстоятельство приобретает в современных условиях особое общественное звучание и одновременно является настораживающим, довольно тревожным фактором.

Приходится признать, что для повышения заинтересованности общества в настоящей и будущей судьбе архитектурного наследия прошлого, в понимании Ч. Лэндри, нужны специальные подходы, разрабатываемые совместно специалистами от имени государства с общественными институтами [10]. Но наиболее эффективной можно счесть теорию *коммодификации*, т. е. своеобразного «отоваривания» объекта, согласно которой ОКН/ОНКН объект признается экономическим благом в виде рыночного товара, который можно выгодно реализовать на целевом сегменте открытого товарного рынка.

В качестве исследования этого предназначенного для продажи товара и его оценочная процедура *heritage* проходит основные стадии создания ОКН/ОНКН от истории формирования его идеи, проектирования, подбора сырья, материалов, проведения необходимых строительно-монтажных и реставрационных работ, изучения хронологических стадий длительной его эксплуатации, анализа физического состояния и степени оригинальности. И, наконец, всестороннего, полноценного и научно обоснованного оценивания стоимости ОКН/ОНКН с учетом его исторической репутации [4; 6] перед последним этапом продажи / передачи на каком-либо праве конечному, но всегда временному потребителю.

Изначально автор концепции коммодификации шотландский урбанист, исследователь комплекса взаимоотношений ОКН/ОНКН, туризма и *place marketing* Грегори А(Э)шворт (*Gregory Ashworth*) подчеркивает, что при создании продукта архитектурного наследия используемые *сырьевые материалы* «... очень широки и разнообразны, это пестрая смесь исторических событий, личностей, народной памяти, мифологии, литературных ассоциаций и переживших время материальных реликтов, вместе с определенным местом, будь то государства или маленькие города, с которыми они символически ассоциируются. Прошлое, таким образом, лучше всего представить в виде своеобразного карьера возможностей, из которого добывается и используется лишь малая часть в виде наследия» [20].

Полученные результаты

Обращаясь непосредственно к состоянию проблематики культурного наследия второго города страны, авторы статьи отмечают, что среди мировых мегаполисов

Санкт-Петербург занимает абсолютно законное место в качестве уникального по масштабу и целостности урбанистического памятника, сохранившего в основных чертах свой грандиозный, гармоничный исторический центр и великолепное ожерелье пригородных ансамблей. Но канонический и запоминающийся образ города создают не только отдельно стоящие шедевры архитектуры, но и идеально продуманная и спланированная архитектурно-пространственная среда. Сравнительно высокая мера сохранности и существенная степень подлинности исторических территорий, как отмечалось выше, послужила основанием для включения в список ЮНЕСКО всего исторического центра Санкт-Петербурга и большинства групп памятников его пригородов и районов ЛО.

Рассматривая очередную каденцию стратегии сохранения ОКН/ОНКН Санкт-Петербурга, обращаем внимание, что данный документ своим целеполаганием определяет основные приоритеты, критерии и направления охраны культурного наследия мегаполиса. Содержательный контент, как принято сегодня говорить, процедуры стратегирования раскрывает проблемы охраны, реконструкции/восстановления/реставрации и использования отдельных объектов, ансамблей и видов городской среды, а также охватывает перспективы реконструкции и нового строительства в исторических местах Санкт-Петербурга. Любая принятая стратегия призвана обеспечить смысловые, правовые (юридико-технические) и процедурные аспекты преобразования и совершенствования городского ландшафта, сущность которых определяется формулой «сохранение через развитие, развитие через сохранение».

Под государственной охраной ныне состоят 7783 городских ОКН/ОНКН, то есть почти 10% всех памятников, охраняемых на территории страны. Это архитектурные ансамбли, здания и инженерные сооружения, сады и парки, пруды и каналы, монументальная и садово-парковая скульптура, исторические захоронения и археологические объекты. В перечнях памятников отражены периоды развития архитектуры вплоть до начала XXI в. При этом культурное наследие страны во всех периодах — это материальный, духовный, культурный, экономический и социальный капитал/потенциал служит базой для национального самоуважения и признания мировым сообществом.

Высочайший потенциал культурного наследия, необходимость его сбережения и эффективного использования как одного из важнейших ресурсов мировой экономики постиндустриальная цивилизация еще пытается осознать. Но, как всегда, время скоротечно, а скорбные утраты культурных ценностей невозможны и необратимы. Любые потери наследия неизбежно отразятся на всех областях жизни нынешнего и будущих поколений, приведут к духовному оскудению, разрывам нити времен и исторической памяти. В частности, физическое исчезновение ОКН/ОНКН или варварское разграбление святилищ Египта, Латинской Америки, музеев Багдада, или кража скифских сокровищ музеев Крыма и/или перемещение сокровищ Киево-Печерской лавры, невнятная история пропавшей «Коллекции Кенигса» из Нидерландов, которая включала в себя примерно 3 тыс. полотен и рисунков, принадлежащих кисти/карандашу фламандских и др. художников XV–XIX вв., никак не могут быть компенсированы ни неторопливым развитием современной культуры, ни созданием новых мало-мальски значимых произведений соответствующих стран. Накапливание и сохранение культурных ценностей прошлого — суть основы развития цивилизации.

Еще один аспект сохранности — физической утраты и разрушения ОКН/ОНКН представляют собой известные, но относительно изученные специфические угрозы-риски. Риски, как правило, связаны с процессами естественного старения, которые ускоряют: неблагоприятные климатические условия (высокая влажность,

длительность залегания снега и льда, до 110 раз по счету температурных переходов через 0° за анализируемый год); стихийные бедствия (наводнения, паводки, подтопления, оползни, ураганы, ветры, шторма); геологические и гидрологические особенности дельты Невы (структурно неустойчивые грунты); атмосферные загрязнения; неконтролируемая урбанизация и движение автотранспорта; неуместное новое строительство в исторической среде; неправильный режим эксплуатации зданий; пожары и прочие факторы.

Для сохранности ОКН/ОНКН особую опасность в последние три десятилетия начинает представлять также интенсивный туризм, в том числе неорганизованный, приводящий к излишней антропогенной нагрузке на экскурсионные объекты в регионах [18]. И, конечно же, пагубны «тотальные», мало профессиональные, небрежные и просто неумелые реставрации, наносящие ущерб подлинности и исторической аутентичности памятника, что идет вразрез с концептуальными и нормативными положениями Венецианской хартии.

Процессы естественного старения ОКН/ОНКН определяются жизненными циклами зданий и строительных материалов, пределами безопасности эксплуатации конструкций. Отсутствие должной защиты зданий и сооружений от погодных условий, техногенной нагрузки на грунты и конструкции, загазованность и кислотные дожди создают кумулятивный эффект. Активируются процессы коррозии металлов и карбонизации штукатурных слоев, «дикая» рыхлая патина разъедает бронзовые и медные поверхности, абразивное воздействие уничтожает позолоту, перерождаются гранит и мрамор, грунтовые воды разрушают фундаменты, биологические поражения распространяются на деревянные конструкции и опоры.

Из-за воздействия экологических и антропогенных факторов за последнее пятилетие до начала 2023 г. утрачено 12 ОКН/ОНКН. В активной фазе разрушения находятся 1317 памятников. Но в реальных условиях сегодняшнего Санкт-Петербурга более 7 тыс. памятников нуждаются в срочном восстановительно-реставрационном вмешательстве со значительными объемами потребных финансовых затрат [2]. Поэтому комплексная научно обоснованная масштабная реставрация с должным комбинированным финансированием по-прежнему остается приоритетом среди других методов сохранения ОКН/ОНКН.

Под давлением тяжелых плохо решаемых проблем следует признать, что методов вечного сохранения материальной части объекта не существует. Главная задача охранителей ОКН/ОНКН сводится к приостановке процессов естественного старения, износа и разрушений, к минимизации воздействия факторов их нормального ускорения этих процессов. Ускорение физического разрушения ОКН/ОНКН антропогенными и природными факторами представляет угрозу их «выживанию» и возможности быть переданными будущим поколениям. Диспропорция между опасностями, которые надо предотвратить, и средствами, используемыми для этих целей, постоянно возрастает.

К общим мерам приостановления процессов разрушения ОКН/ОНКН, в первую очередь, относят: сокращение источников загрязнения и вибрации (отвод автотранспорта, ограничение парковок, запрет на движение транспортных средств вблизи особо ценных памятников; вывод промышленных предприятий, оздоровление и реновация индустриальных земель); снижение уязвимости исторических построек с помощью правильной эксплуатации и ухода за конструкциями, защиты строения от агрессивных погодных условий, устранения дефектов, ослабляющих структуру, допускающих проникновение и капиллярное движение вод, препятствующих дренажам. А также эффективное использование ОКН/ОНКН, достойное их значения и не противоречащее принципам сохранности; запрет на применение непригодных и вредных материалов в реставрации, консервации и ремонте; над-

лежащая физическая защита через усиление дверей, видеонаблюдение, центр контроля и т. п.; систематические противопожарные мероприятия.

Обсуждение

Недостаточность защитных мер требует проведения междисциплинарных исследований процессов износа исторических строений, воздействий и взаимодействия физического, химического и биологического разрушений на основе постоянного мониторинга и прогноза развития. Для каждого вида опасностей и типов исторических сооружений следует разработать профилактические меры с комплексом организационных, административных и технических мероприятий по предотвращению угроз, снижению потерь и ущерба. Они наряду со специальными планами на случай чрезвычайных ситуаций должны формироваться на межведомственной основе с привлечением служб пожарной безопасности, гражданской обороны и чрезвычайных ситуаций, экологического надзора, аварийных служб и полиции.

И, естественно, необходимо обеспечить обязательное страхование рисков утраты (гибели), повреждения, хищения декоративных элементов с ОКН/ОНКН. Должны быть разработаны нормы и правила содержания и эксплуатации ОКН/ОНКН с учетом особенностей этого вида недвижимости. Среди ободряющих событий в области городского законодательства можно отметить внесение в 2014 г. поправок в 820-й закон Санкт-Петербурга о границах зон охраны¹, подготовленные КГИИОП вместе с экспертами ВООПИиК. И в этой новой редакции 2020 г. закон предусматривает появление списка из нескольких сотен диссонирующих объектов, расположенных в историческом центре.

Определение того, что является диссонирующим объектом и каким образом может производиться его реконструкция, уже прописаны в 820-м законе от 2009 г. В частности, их разрешено реконструировать с отклонением от режимов охраны. А при соответствующем заключении КГИИОП разрешен снос и реконструкция без сохранения фасадов таких зданий. Прежде всего, к таким объектам произвольно и без специальной историко-архитектурной экспертизы отнесли здания советской постройки, якобы, не имеющие исторической и архитектурной ценности.

Но поправки в 820-й закон предусматривали снижение разрешенной высотности застройки в зонах охраны, запрет на строительство архитектурных доминант, превышающих рядовую застройку на четверть, и ужесточение норм по признанию зданий необратимо аварийными. Корректировки были призваны удовлетворить представление прокуратуры конца 2011 г., принятое в связи с коррупциогенностью закона и его несоответствием проекту зон охраны, согласованному Росохранкультурой (в настоящее время некогда полезная структура ликвидирована).

Стоимость материальных активов исторического центра Петербурга без учета не поддающихся оценке особо ценных ОКН/ОНКН составляет, в оценке авторов статьи, 1250 млрд руб., а реставрационная потребность замерена примерно в 100 млрд руб. (в ценах начала 2022 г.). Однако финансирование предыдущих периодов по всем источникам не превышало 4% от требуемых объемов [9]. Тем не менее реставрация памятников, реабилитация ветхих строений требует инвестиций, равных или превышающих стоимость нового строительства. И среди первоочередных мер по обеспечению надлежащей реставрационной деятельности следует предусмотреть

¹ Закон Санкт-Петербурга от 03.08.2020 № 820-7 «О границах объединенных зон охраны объектов культурного наследия, расположенных на территории Санкт-Петербурга, режимах использования земель и требованиях к градостроительным регламентам в границах указанных зон» (новая редакция с изменениями на 29.03.2023) [Электронный ресурс]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/891801807> (дата обращения: 17.11.2023).

тщательную дифференциацию направлений сохранения ОКН, установление норм, расценок, сметных нормативов, тарифов на все виды реставрационных работ в рамках рекордно долго проводимой в РФ реформы ценообразования в строительной индустрии и в промышленности строительных материалов, в том числе современных и инновационных.

Для надлежащего проведения реставрационно-восстановительных работ следует преодолеть естественно возникающие трудности, связанные с используемыми материалами и задействованными техниками, которые являются современными или максимально приближенными к тем, что были применены ранее. Скажем, было принято решение восстанавливать Нотр-Дам де Пари по старым технологиям, благо это заметной проблемой во Франции не является, где до сих пор действуют цеховые структуры, которые производят продукцию по технологиям средневековых цехов. Например, собор в Страсбурге до сих пор обслуживается тем же профессиональным цехом, который его строил 500 лет тому назад.

Но любой кафедральный собор, такой как преп. Исаакия Далматского в Санкт-Петербурге, восстановленный заново Храм Христа Спасителя в Москве или Нотр-Дам-де-Пари — это не просто грандиозные известные сооружения, но и особая священная культура, требующая определенного духовного наполнения. Но именно наполнение, некий религиозный символ, к сожалению, безвозвратно уходит¹. По пессимистическому прогнозу упомянутой выше Е. С. Лихачевой, в недалеком будущем судьба большинства христианских храмов сведется к превращению в исторические памятники и к утрате их религиозного значения, потому что «...никакая церковь не может сейчас предложить ничего такого, что могло бы победить суеверие и мракобесие, которое поселилось в современном обществе»².

Современный опыт охраны ОКН/ОНКН и развития исторических городов опровергает устаревшее понятие о затратном характере содержания и реконструкции памятников. Так, анализ экономических преимуществ сохранения историко-культурного наследия выявил положительное воздействие на экономический рост в четырех областях развития мегаполиса: новое строительство и реставрационно-строительные работы на массивах ОКН/ОНКН; управление и эффективное использование ОКН/ОНКН с учетом фискальных интересов Санкт-Петербурга и ЛО; профессиональная оценка всех видов стоимости ОКН/ОНКН; доходы от туризма всех видов. Мировой опыт показывает, что наиболее эффективен для сохранения памятников путь включения исторического наследия в планы городского и территориального развития разной длительности. Для Санкт-Петербурга и развития его туристской индустрии чрезвычайно полезным окажется открытие новых культурных заведений, общественных пространств и реализация региональной Программы «Исторический город».

Направления будущих исследований

Отдельно следует сказать о проблемах собственности на ОКН/ОНКН. Абсолютное большинство объектов архитектурного наследия находится в собственности государства. При наличии множества хозяйствующих субъектов, различных видов собственности в сфере недвижимости исключение исторической недвижимости из делового оборота лишено здравого смысла. Мораторий на приобретение ОКН/ОНКН заметно остановил приток инвестиций в историческую недвижимость. Государство как гарант сохранности культурного наследия, конституционных прав каж-

¹ Минченков Е. Соборование Исаакия // «Новая газета». 16.12.2007. С. 3.

² Лихачева Е. С. Три года с пожара в Нотр-Дам-де-Пари. Что происходит с собором сейчас? [Электронный ресурс]. URL: <https://www.prav-mir.ru/tri-goda-s-pozhara-v-notr-dam-de-pari-cto-proishodit-s-soborom-sejchas/> (дата обращения: 15.08.2023).

дого на доступ к культурным ценностям обязано устранить все законодательные препятствия для развития этого особого вида недвижимости.

Произвол в отношении исторической недвижимости не допустим, как бы это не аргументировали посягнувшие лица и организации. Фактический собственник обязан содержать, сохранять, ремонтировать, реставрировать памятники и обеспечивать доступность их осмотра. Отчуждению из государственной собственности не подлежат особо ценные объекты культурного наследия (скажем, федерального уровня значимости), памятники и ансамбли, включенные в Список Всемирного наследия ЮНЕСКО, историко-культурные заповедники, объекты археологического наследия и пр.

При этом в той или иной степени деформируются и форма представления, и заложенный смысл культурного наследия. Это закономерно вызывает беспокойство профессиональных кругов многих стран, международных организаций, таких как ЮНЕСКО, ИКОМОС, других институций и интернационального культурного сообщества. Задаваясь вопросом о допустимой степени трансформации общественных представлений о ценности наследия эпох, нужно не забывать, что уже сложившиеся на сегодняшний день представления сами по себе являются производными современной культуры.

Современные представления, с одной стороны, не в полной степени и неточно отражают систему сложившихся традиционных ценностей (наука, техника, технология, религия, идеология, национальная идея, вера, скрепы, корневые устои, семья, субъектность государства, суверенность страны, даже «красный проект» и многое другое) и особенности их формирования в прошлых периодах. А в отдельных случаях эти представления и искажают, и деформируют сложившуюся систему. А, с другой стороны, они привносят оценки, создают суммы новых сущностей, которые просто-напросто не могли образоваться внутри культуры минувшего и являются результатом ее предвзятого рассмотрения с, якобы, современных и с, якобы, объективно внешних позиций.

Выводы

Подводя итог сказанному, можно отметить, что при реставрации ОКН/ОНКН необходимо опираться на разные аспекты содержания объекта культурного наследия — на близкие коллективному сознанию, культурному сообществу, цеховому содружеству специалистов в области историко-архитектурных, культурологических и экономико-социологических изысканий. Для более широкого круга специалистов поиск области сопричастности в восприятии культуры прошлого, поиск того, что делает архитектурное наследие своим, родным может стать одним из ключевых направлений деятельности в сфере сохранения, восстановления и высоко профессиональной научной реставрации ОКН/ОНКН.

Сопричастность может стать залогом внутреннего равнодушия и уважительного отношения к архитектурному наследию. Подобная сопричастность наиболее реальна по отношению к близкой к нам по времени части прошлого, с которой непосредственно соприкасались ныне живущие поколения людей. Это область коллективного опыта, то, что известно не только из литературных источников, но и то, с чем имеется эмоциональная связь, полученная с приобретенным жизненным опытом. От этого приобретенного опыта тянутся связи в глубь веков, в область исторической памяти и даже в область самой истории. Эти связи проходят где-то в силу преемственности, где-то благодаря надежным научным знаниям, доверию к источникам получаемой информации.

Складывается парадоксальная ситуация: с теоретической точки зрения, наиболее ценное архитектурное наследие — древнее, на практике же актуален для бытия

общества и потому более ценен ближний к нам слой наследия. Конечно же противоречие такого условного противостояния здесь не столь схематично. Действующие системы образования разного уровня, средства массовой информации и другие самые разнообразные информационные механизмы просветительно-пропагандистского толка преобразуют коллективное сознание, накопленный опыт, искажая, обогащая или деформируя его. Подобные усовершенствованные механизмы с элементами цифровизации, используя сетевые мощности, влияют и на наши представления о нашем ближнем и дальнейшем прошлом.

Интерпретационная техника — оружие, не только требующее высокой квалификации профессионального аналитика, но и оружие обоюдоострое. И в контексте настоящей статьи его нельзя оставлять на потребу лишь сторонникам потребительского курса в отношении нормативно-правовой основы распоряжения достижениями прошлых эпох. Хотя взвешиваемые и творческие поиски компромисса с этим заявленным курсом во многих случаях неизбежны и должны приветствоваться.

Литература

1. *Ассман Я.* Культурная память: письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М. : Языки славянской культуры, 2004. 368 с. (Studia historica)
2. *Афанасьева Р. Р., Цацулин А. Н.* Экономические и юридико-технические аспекты сохранения, владения и оценки стоимости памятников архитектуры // Вестник Национальной академии туризма. 2016. № 4 (40). С. 100–106.
3. *Бауман Э.* Глобализация. Последствия для человека и общества. М. : Весь Мир, 2004. 188 с.
4. *Бурунова Е. Н., Цацулин А. Н.* Проблемы и особенности профессиональной оценки материальных активов российской экономики // Государство и Бизнес. Современные проблемы экономики. Материалы VII Международной научно-практической конференции. Северо-Западный институт управления РАНХиГС при Президенте РФ. Факультет экономики и финансов. 2015. С. 139–146.
5. *Виолле-ле-Дюк Э. Э.* Энциклопедия готической архитектуры. М. : Эксмо, 2012. 512 с.
6. *Грибовский С. В.* Оценка рыночной стоимости объектов культурного наследия с использованием затратного подхода [Электронный ресурс]. URL: <http://www.appraiser.ru/UserFiles/File/Articles/gribovsky/05-2015.pdf> (дата обращения: 18.03.2023).
7. *Иванов А.* Датская методика оценки исторической застройки SAVE: возможности использования в России // Архитектурный вестник. 2000. № 2. С. 43–51.
8. *Крогиус В. Р.* Исторические города России как феномен ее архитектурного наследия. М. : Прогресс-Традиция, 2009. 162 с.
9. *Кудимов И. С., Шакин В. А.* Городские памятники. Сколько они стоят? // Вопросы оценки. 2004. № 1. С. 57–82.
10. *Лэндри Ч.* Креативный город. М. : Издательский дом «Классика-XXI», 2018. 399 с.
11. *Лэндри Ч.* Развитие городов через культуру // Экология культуры. 2000. № 6. С. 19–28.
12. *Масси Р. К.* Петр Великий: ноша императора. СПб. : Амфора, 2015. 414, [2] с.; (Тайны истории; 2015, вып. № 14 (43)).
13. *Рассел Ст., Норвиг П.* Искусственный интеллект: современный подход. 2-е изд. М. : Издательский дом «Вильямс», 2006. 1408 с.
14. *Реставрация и исследования памятников культуры.* Вып. 8. / Центральные научно-реставрационные проектные мастерские / отв. ред. А. Б. Бодэ. М.; СПб. : Коло, 2016. 272 с.
15. *Рескин Дж.* Лекции об искусстве: на сто умеющих читать приходится едва ли один умеющий думать / Сер.: Азбука-Классика. Non-Fiction. М. : Азбука, 2021. 288 с.
16. *Ригль А.* Современный культ памятников. Его сущность и возникновение. Сер. ЦЭМ. М. : Издательство V-A-C press, 2018. 96 с.
17. *Романовская Е. В.* Морис Хальбвакс: культурные контексты памяти // Известия Саратовского государственного университета. Сер.: «Философия. Психология. Педагогика». 2010. Т. 10. Вып. 3. С. 41–49.
18. *Цацулин А. Н., Цацулин Б. А.* Источники развития регионального туризма и антропогенная нагрузка на ресурсный потенциал территории // Сб. «Перспективы развития цивилизованного и научного туризма» по материалам III Международной научно-практической конференции факультета гостиничного бизнеса. СПб. : СПбГЭУ, 2013. С. 61–68.

19. *Швец И. Ю.* Глобальное и локальное влияние COVID-19 на сферу туризма / Сб. науч. трудов: Экономика после коронакризиса: вызовы и решения. М., 2022. С. 105–117.
20. *Ashworth G. J.* From history to heritage — from heritage to identity. In search of concepts and models // Building a New Heritage. Tourism, Culture and Identity in the New Europe / ed. G. J. Ashworth, P. J. Larkham. London : Routledge, 1994.
21. *Bianca S.* Historic cities in the 21st century: core values for a globalizing world // Managing Historic Cities. World Heritage Papers. 2010. N 27. P. 66–79.
22. *How to assess built heritage? Assumptions, methodologies, examples of heritage assessment systems* // International Scientific Committee for Theory and Philosophy of Conservation and Restoration ICOMOS, Romualdo Del Bianco Fondazione, Lublin University of Technology. Florence-Lublin, 2015. P. 71–79.

Об авторах:

Богатырев Илья Сергеевич, руководитель группы проектировщиков Санкт-Петербургского научно-исследовательского и проектного института «Спецреставрация» (Санкт-Петербург, Российская Федерация), ibogatyrev@yandex.ru

Цацулин Александр Николаевич, Санкт-Петербург, Российская Федерация, доктор экономических наук, профессор, Почетный работник высшего профессионального образования РФ, действительный член Национальной академии туризма, действительный член Европейской академии естественных наук (Ганновер, ФРГ); vash_64@mail.ru. ORCID: 0000-0002-3725-9871

References

1. Assman J. Cultural memory: writing, memory of the past and political identity in the high cultures of antiquity. Moscow : Languages of Slavic Culture, 2004. 368 p. (Studia historica). (In Rus.)
2. Afanasyeva R. R., Tsatsulin A. N. Economic and legal-technical aspects of conservation, ownership and assessment of the value of architectural monuments // Bulletin of the National Academy of Tourism [Vestnik Natsional'noi akademii turizma]. 2016. N 4 (40). P. 100–106. (In Rus.)
3. Bauman Z. Globalization. Consequences for individuals and society / Transl. From English. Moscow : Publishing house "Ves Mir", 2004. 188 p. (In Rus.)
4. Burunova E. N., Tsatsulin A. N. Problems and features of the professional assessment of material assets of the Russian economy // State and Business. Modern problems of economics. Materials of the VII International Scientific and Practical Conference. Northwestern Institute of Management RANEPa under the President of the Russian Federation, Faculty of Economics and Finance, 2015. P. 139–146. (In Rus.)
5. Viollet-le-Duc E. E. Encyclopedia of Gothic Architecture. Moscow : Eksmo Publishing House, 2012. 512 p. (In Rus.)
6. Gribovsky S. V. Assessing the market value of cultural heritage objects using the cost approach [Electronic resource]. URL: <http://www.appraiser.ru/UserFiles/File/Articles/gribovsky/05-2015.pdf> (accessed: 03.18.2023). (In Rus.)
7. Ivanov A. Danish methodology for assessing historical buildings SAVE: possibilities of use in Russia // Architectural Bulletin [Arkhitekturnyi vestnik]. 2000. N 2. P. 43–51. (In Rus.)
8. Krogius V. R. Historical cities of Russia as a phenomenon of its architectural heritage. Moscow : Progress-Tradition, 2009. 162 p. (In Rus.)
9. Kudimov I. S., Shakin V. A. City monuments. How much do they cost? // Questions of assessment [Voprosy otsenki.]. 2004. N 1. P. 57–82. (In Rus.)
10. Landry Ch. Creative city. Moscow : Publishing house "Klassika-XXI", 2018. 399 p. (In Rus.)
11. Landry Ch. Development of cities through culture // Ecology of culture [Ekologiya kul'tury]. 2000. N 6. P. 19–28. (In Rus.)
12. Massey R. K. Peter the Great: the burden of the. Sankt Petersburg: Amphora, 2015. 414, [2] p.; (Secrets of history; 2015, is. N 14 (43)). (In Rus.)
13. Russell St., Norvig P. Artificial intelligence: a modern approach. 2nd ed. Moscow : Williams Publishing House, 2006. 1408 p. (In Rus.)
14. Restoration and research of cultural monuments. Vol. 8. / Central scientific and restoration design workshops / resp. ed. A. B. Bode. Moscow; Sankt Petersburg : Kolo, 2016. 272 p. (In Rus.)

15. Ruskin J. Lectures on art: for every hundred who can read, there is hardly one who can think. Ser.: ABC-Classics. Non-Fiction. Moscow : Publishing house "Azbuka", 2021. 288 p. (In Rus.)
16. Riegl A. Modern cult of monuments. Its essence and origin / Transl. from German. Moscow : Publishing house V-A-C press 2018. 96 p. (In Rus.)
17. Romanovskaya E. V. Maurice Halbwachs: cultural contexts of memory // News of Saratov State University. Ser.: "Philosophy. Psychology. Pedagogy" [Izvestiya Saratovskogo gosuniversiteta. Ser.: «Filosofiya. Psikhologiya. Pedagogika»]. 2010. Vol. 10. Is. 3. P. 41–49. (In Rus.)
18. Tsatsulin A. N., Tsatsulin B. A. Sources of development of regional tourism and anthropogenic load on the resource potential of the territory // "Prospects for the development of civilized and scientific tourism" based on materials of the III International Scientific and Practical Conference of the Faculty of Hotel Business. Sankt Petersburg : Sankt Petersburg State Economic University, 2013. P. 61–68. (In Rus.)
19. Shvets I.Yu. Global and local impact of COVID-19 on the tourism sector // In the collection of scientific papers: Economy after the coronavirus crisis: challenges and solutions. Moscow, 2022. P. 105–117. (In Rus.)
20. Ashworth G. J. From history to heritage — from heritage to identity. In search of concepts and models // Building a New Heritage. Tourism, Culture and Identity in the New Europe / ed. G. J. Ashworth, P. J. Larkham. London : Routledge, 1994.
21. Bianca S. Historic cities in the 21st century: core values for a globalizing world // Managing Historic Cities. World Heritage Papers. 2010. N 27. P. 66–79.
22. How to assess built heritage? Assumptions, methodologies, examples of heritage assessment systems // International Scientific Committee for Theory and Philosophy of Conservation and Restoration ICOMOS, Romualdo Del Bianco Fondazione, Lublin University of Technology. Florence-Lublin, 2015. P. 71–79.

About the authors:

Ilya S. Bogatyrev, Head of the design team of the St. Petersburg Research and Design Institute "Special Restoration" (St. Petersburg, Russian Federation); ibogatyrev@yandex.ru

Alexander N. Tsatsulin, St. Petersburg, Russian Federation, Doctor of Economics, Professor, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, full member of the National Academy of Tourism, full member of the European Academy of Natural Sciences (Hanover, Germany); vash_64@mail.ru

Территориальная доступность региональных систем среднего профессионального образования

Ломтева Е. В. *, Бедарева Л. Ю.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Москва, Российская Федерация; *lomteva-ev@ranepa.ru

РЕФЕРАТ

В статье рассмотрены вопросы развития инфраструктуры региональных систем среднего профессионального образования, а также территориальная доступность профессиональных образовательных организаций для молодежи. В рамках исследования авторы рассматривают соблюдение государственных гарантий реализации права молодежи на профессиональное образование в части обеспеченности бюджетными местами в образовательных организациях среднего профессионального образования и местами в общежитиях, а также допустимое значение удельного веса числа зданий государственных профессиональных образовательных организаций, приспособленных для обучения лиц с ограниченными возможностями здоровья и инвалидов. Основанием для исследования послужили Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года, утвержденная распоряжением Правительства Российской Федерации от 13 февраля 2019 г. № 207-р¹ и Стратегии развития системы подготовки рабочих кадров и формирования прикладных квалификаций в РФ на период до 2030 г.² В результате проведенного исследования авторами были выявлены регионы, находящиеся в группе риска по доступности среднего профессионального образования. Расчеты проводились с учетом демографического прогноза и миграции молодежи.

Статья подготовлена в рамках выполнения научно-исследовательской работы государственного задания РАНХиГС.

Ключевые слова: среднее профессиональное образование, инфраструктура СПО, образовательная миграция, доступность профессионального образования, демография

Для цитирования: Ломтева Е. В., Бедарева Л. Ю. Территориальная доступность региональных систем среднего профессионального образования // Управленческое консультирование. 2024. № 1. С. 194–204.

Territorial Accessibility of Regional Systems of Secondary Vocational Education

Elena V. Lomteva*, Larisa Yu. Bedareva

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russian Federation; *lomteva-ev@ranepa.ru

ABSTRACT

The article discusses the development of the infrastructure of regional systems of secondary vocational education, as well as the territorial accessibility of professional educational organizations (VET) for young people. As part of the study, the authors consider compliance with state guarantees for the implementation of the right of young people to vocational education in terms of providing budgetary places in educational organizations of the open-ended educational system and places in hostels, as well as the permissible value of the specific gravity

¹ Распоряжение Правительства Российской Федерации от 13 февраля 2019 г. № 207-р «Об утверждении Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года» [Электронный ресурс]. URL: https://www.economy.gov.ru/material/directions/regionalnoe_razvitie/strategicheskoe_planirovanie_prostranstvennogo_razvitiya/strategiya_prostranstvennogo_razvitiya_rossiyskoy_federacii_na_period_do_2025_goda/?ysclid=lf00ngkgll797011382 (дата обращения: 24.01.2023 г.).

² Там же.

of the number of buildings of state public educational institutions adapted for training people with disabilities and disabled people. The basis for the study was the Spatial Development Strategy of the Russian Federation for the period until 2025, approved by order of the Government of the Russian Federation of February 13, 2019 N 207-r and the Development Strategy for the system of training workers and the formation of applied qualifications in the Russian Federation for the period until 2030. As a result of the study, the authors identified regions at risk for the availability of secondary vocational education. Calculations were carried out taking into account the demographic forecast and migration of young people.

The article was written on the basis of the RANEPА state assignment research programme.

Keywords: secondary vocational education, vocational infrastructure, educational migration, availability of vocational education, demographics.

For citing: Lomteva E. V., Bedareva L. Yu. Territorial Accessibility of Regional Systems of Secondary Vocational Education // Administrative consulting. 2024. N 1. P. 194–204.

Анализ динамики приема в образовательные организации среднего профессионального образования показывает, что интерес к системе среднего профессионального образования (СПО) неуклонно растет [1; 2; 6]. Динамика спроса на среднее профессиональное образование и прогнозируемое увеличение численности молодежи в возрасте 15–19 лет приведет в будущем к увеличению нагрузки на инфраструктуру СПО и, как следствие, снизит доступность данного уровня образования для тех молодых людей, кто стремится учиться на бюджетной основе.

Доступность образования и, в частности, среднего профессионального образования рассматривалась в работах различных авторов. Рядом зарубежных авторов рассматривалась доступность среднего профессионального образования для студентов с ограниченными возможностями здоровья в рамках цифровизации образовательного процесса [9], доступность профессионального образования в период пандемии [8], а также территориальная доступность системы профессиональной подготовки в рамках реформирования системы образования¹. Российские исследователи также рассматривали доступность среднего профессионального образования, но основные публикации по этой теме были направлены на изучение территориальной организации профессиональных образовательных организаций [4], рассматривались вопросы формирования интегрированных сетевых образовательных структур на уровне региона [5], анализировалась организация сетевого взаимодействия организаций среднего профессионального образования в регионе и предлагались рекомендации по его ресурсному обеспечению [7], предлагалась модель сетевого управления образовательным потенциалом территории на примере системы среднего профессионального образования как наиболее регионально ориентированной на рынок труда и обеспечение экономики региона высококвалифицированными кадрами [3].

Однако вопросам доступности среднего профессионального образования с точки зрения обеспечения государственной гарантии получения образования в работах российских авторов не уделялось значимого внимания. Также не рассматри-

¹ Cedefop (2023). The future of vocational education and training in Europe: 50 dimensions of vocational education and training: Cedefop's analytical framework for comparing VET. Luxembourg: Publications Office. Cedefop research paper. No. 92. [Электронный ресурс]. URL: <http://data.europa.eu/doi/10.2801/57908> (дата обращения: 13.02.2023); OECD (Organisation for Economic Co-operation and Development), ILO, The World Bank, 2016. «Report Prepared for the G20 Employment Working Group with Inputs from The International Monetary Fund» [Электронный ресурс]. URL: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---dgreports/---inst/documents/publication/wcms_563296.pdf (дата обращения: 13.02.2023); Summary of Change Decisions. Reform of Vocational Education. MITO — Te Pūkenga [Электронный ресурс]. URL: <https://www.mito.org.nz/assets/PDFs/RoVE/RoVE-Decisions-Detailed-Summary-of-Changes-1-August-2019.pdf> (дата обращения: 13.02.2023).

вался вопрос обеспеченности обучающихся местами в общежитиях, что является достаточно серьезной проблемой для миграции молодежи в другие регионы с целью получения желаемого образования. При планировании нагрузки на профессиональные образовательные организации (ПОО) не учитывается и планируемая нагрузка на образовательные организации ОО: при изменении в ту или иную сторону демографических показателей эта нагрузка может как вырасти, так и сократиться. Так, по данным 2021 г. субъекты Российской Федерации, в которых наблюдается приток молодежи, поступающей в СПО (более 20%): Республика Алтай, г. Санкт-Петербург, г. Москва, Республика Адыгея, Карачаево-Черкесская Республика. Субъекты Российской Федерации, в которых наблюдается отток молодежи, поступающей в СПО (более 10%): Ленинградская область, Республика Тыва, Республика Адыгея, Еврейская автономная область.

Настоящее исследование базируется на анализе текущего и прогнозного уровней минимально допустимой обеспеченности молодежи бюджетными местами в государственных образовательных организациях (ОО) СПО во всех субъектах Российской Федерации. Итогами исследования стали оценка доступности инфраструктуры региональных систем СПО и предложения по ее совершенствованию.

Структура сети образовательных организаций, реализующих образовательные программы среднего профессионального образования, на протяжении последних лет практически не менялась. На сегодняшний день самостоятельные профессиональные образовательные организации составляют 70,2%, на второй позиции находятся филиалы ПОО — 13,1%, затем филиалы и головные образовательные организации высшего образования, реализующие программы подготовки СПО — 9,3% и 7,4% соответственно. Среди ПОО, несмотря на то что большую долю составляют государственные образовательные организации (ОО), наблюдается тенденция их сокращения и в то же время увеличение частных ОО (рис. 1).

Сокращение государственных ПОО можно объяснить политикой укрупнения и объединения нескольких ОО в одну организацию, увеличению же частных ПОО способствует, с одной стороны, снижение контрольных цифр приема на бюджетные места и увеличение числа платных мест в государственных ПОО, с другой стороны, уменьшение или даже полное отсутствие предложения обучения со стороны государственных ПОО по ряду профессий и специальностей, в которых заинтересована молодежь, поэтому, когда у выпускников школ возникает необходимость выбирать между обучением на платной основе в государственном или частном ПОО, часть молодежи выбирает обучение в частном секторе СПО. Инертность реакции государственных ПОО и в то же время динамичность частных в отношении увеличивающегося контингента поступающих за счет роста демографии, также сказывается на увеличении сети частных организаций СПО. Динамика последних нескольких лет показала увеличение доли молодежи, выбирающей СПО, плюс 15 пп. (с 31,9% в 2015 г. до 47,2% в 2021 г.). При этом прием за данный период в государственные образовательные организации среднего профессионального образования (ОО СПО) вырос лишь в 1,5 раза, а в частные ПОО почти в 3 раза. Ниже представлены регионы с наибольшей долей (более 20%) частных образовательных организаций, реализующих программы среднего профессионального образования.

**Субъекты Российской Федерации
с долей негосударственных ОО СПО более 20%**

Ставропольский край	40,6
Чеченская Республика	40,0
Республика Дагестан	37,7
Республика Ингушетия	35,7

Москва	27,0
Краснодарский край	26,4
Карачаево-Черкесская Республика	26,3
Калининградская область	26,1
Московская область	25,0
Калужская область	24,2
Республика Татарстан	24,2
Смоленская область	22,2

Источник: Сведения об образовательной организации, осуществляющей образовательную деятельность по образовательным программам среднего профессионального образования (форма № СПО-1); Сведения о материально-технической и информационной базе, финансово-экономической деятельности профессиональной образовательной организации (форма № СПО-2).

Учитывая вышеизложенное, а также увеличение численности молодежи в возрасте 15–19 лет (согласно демографическому прогнозу по однолетним возрастам) можно говорить о необходимости новых подходов к территориальному планированию сети образовательных организаций СПО. Развитие региональной инфраструктуры системы среднего профессионального образования должно быть направлено на определение функционального назначения объектов СПО с учетом максимально эффективного использования площадей исходя из совокупности социально-

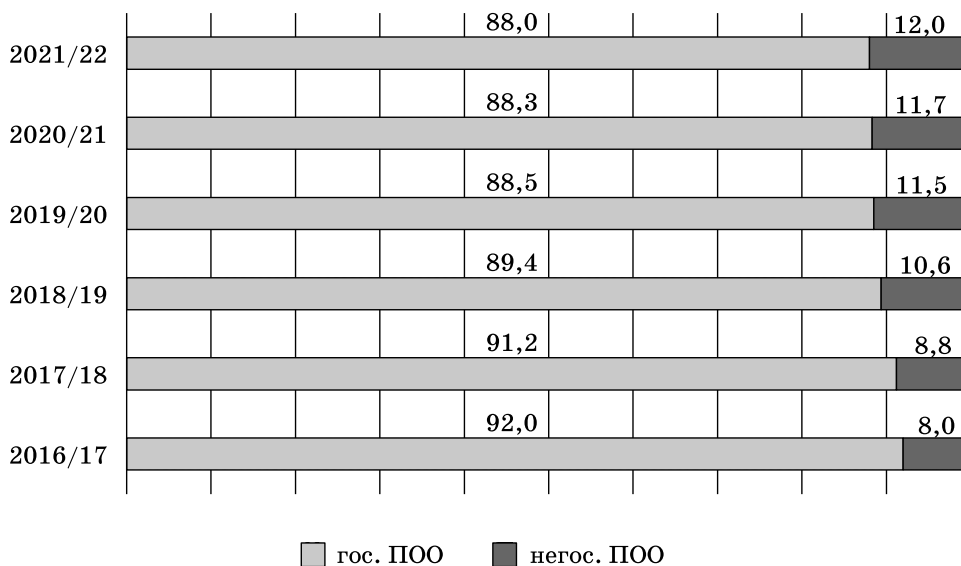

Рис. 1. Динамика изменения сети государственных и частных профессиональных образовательных организаций по учебным годам

Fig. 1. Dynamics of changes in the network of public and private professional educational organizations by year

Источник: Сведения об образовательной организации, осуществляющей образовательную деятельность по образовательным программам среднего профессионального образования (форма № СПО-1) [Электронный ресурс]. URL: https://edu.gov.ru/activity/statistics/secondary_prof_edu; Сведения о материально-технической и информационной базе, финансово-экономической деятельности профессиональной образовательной организации (форма № СПО-2) [Электронный ресурс]. URL: https://edu.gov.ru/activity/statistics/secondary_prof_edu (дата обращения: 25.02.2023 г.).

экономических факторов, обеспечивающих устойчивое развитие территорий, принимая во внимание интересы граждан.

Пространственная сеть образовательных организаций, реализующих образовательные программы среднего профессионального образования, должна стать составной частью социально-экономической политики региона, а создание нового ландшафта сети профессиональных образовательных организаций предусматривать обеспечение достаточно гибкого реагирования на происходящие изменения на региональных рынках труда. Несбалансированность предлагаемых образовательными организациями СПО программ подготовки и реальных потребностей регионального рынка труда приводят к переизбытку невостребованных выпускников со средним профессиональным образованием при сохраняющемся спросе в квалифицированных рабочих и служащих.

Кроме того, проблема дисбаланса между выпуском специалистов среднего звена и квалифицированных рабочих СПО и потребностями региональных рынков труда в кадрах соответствующей квалификации, осложняется отсутствием утвержденной на федеральном уровне методологии сопоставления названий профессий и специальностей, указанных в ОКВЭД, и названий профессий/специальностей из перечней СПО и высшего образования (ВО), что приводит к трудностям при формировании перечней востребованных и перспективных профессий и специальностей в субъектах Российской Федерации (ТОП-РЕГИОН). Отсутствие сопоставления профессий (специальностей), по которым обучают в ОО СПО и ВО, и профессий (специальностей), востребованных на региональном рынке труда, не позволяет осуществлять своевременную оптимизацию учебного процесса, а также совершенствование инфраструктуры соответствующих образовательных организаций, в том числе решать вопрос о строительстве новых учебно-лабораторных зданий или реконструкции уже существующих.

Одним из факторов, влияющим на развитие инфраструктуры среднего профессионального образования в регионе, является увеличение или снижение учащихся из других регионов, так называемая образовательная миграция. И если раньше образовательная миграция была характерна больше для учащихся системы высшего образования, то в настоящее время можно говорить и о повышении мобильности обучающихся в колледжах. Образовательная миграция выпускников общеобразовательных школ из других регионов с целью поступления в образовательные организации СПО и ВО, с одной стороны, приводит к сокращению доступности этих уровней образования для жителей данного региона, а с другой, способствует оттоку молодого трудоспособного населения из региона-донора. Ниже представлены регионы, в которых наблюдается устойчивый приток молодежи из других регионов, поступающей в профессиональные организации.

Доля принятых по программам СПО (очно) из числа граждан, получивших общее образование в другом субъекте, %

Республика Алтай	53,0
Санкт-Петербург	36,6
Москва	28,0
Республика Адыгея	21,7
Карачаево-Черкесская Республика	20,7
Кабардино-Балкарская Республика	16,8
Республика Хакасия	16,8
Новосибирская область	15,4
Тюменская область	14,3

Рязанская область	13,5
Хабаровский край	13,5

Источник: Сведения об образовательной организации, осуществляющей образовательную деятельность по образовательным программам среднего профессионального образования (форма № СПО-1).

С целью совершенствования подходов к территориальному планированию сети образовательных организаций СПО необходимо проводить оценку территориальной доступности среднего профессионального образования как на текущий момент времени, так и на прогнозные периоды. Методология такой оценки предложена Центром экономики непрерывного образования РАНХиГС. Разработана она на базе двух нормативно-правовых документов в сфере территориального планирования объектов ОО СПО:

- Приказ Минэкономразвития России от 15 февраля 2021 г. № 71 «Об утверждении методических рекомендаций по подготовке нормативов градостроительного проектирования»¹;
- Письмо Министерства образования и науки от 4 мая 2016 г. № АК-950/02 «О методических рекомендациях»².

В вышеуказанных документах обозначено три ключевых расчетных показателя оценки территориальной доступности среднего профессионального образования.

1. Показатель минимально допустимой обеспеченности бюджетными местами в ОО СПО региона (Q_{min}).

Данный показатель характеризует обеспечение государственных гарантий по числу бюджетных мест в образовательных организациях СПО. Q_{min} является расчетным показателем, значение которого зависит от 2-х коэффициентов (k_1 и k_2), суммарное значение которых находится в диапазоне от 0,15 до 0,45. Каждый субъект Российской Федерации вправе выбирать значения этих коэффициентов на свое усмотрение:

- k_1 — это коэффициент обеспеченности подростков в возрастной группе места-ми в организациях среднего образования, проживающих в городском округе/городском поселении. Определяется с учетом фактической потребности по данным уполномоченного органа. Рекомендуемые значения коэффициента устанавливаются на уровне 0,1–0,25;
- k_2 — это коэффициент обеспеченности подростков в возрастной группе места-ми в организациях среднего образования, проживающих в субъекте Российской Федерации/муниципальном районе. Определяется с учетом фактической потребности по данным уполномоченного органа. Рекомендуемые значения коэффициента устанавливаются на уровне 0,05–0,2.

С учетом вариативности суммы $k_1 + k_2$ в расчетах минимально допустимой обеспеченности бюджетными местами в ОО СПО использовались крайние значения указанного ранее диапазона для коэффициентов, а именно 0,15 и 0,45, соответственно были получены нижняя минимально допустимая граница Q_{min1} и верхняя минимально допустимая граница — Q_{min2} , где:

- Q_{min1} — соответствует 15,0% от численности населения в возрасте 16–19 лет;
- Q_{min2} — соответствует 45,0% от численности населения в возрасте 16–19 лет.

¹ Приказ Минэкономразвития России от 15 февраля 2021 г. № 71 «Об утверждении методических рекомендаций по подготовке нормативов градостроительного проектирования» [Электронный ресурс]. URL: <https://legalacts.ru/doc/prikaz-minekonomrazvitija-rossii-ot-15022021-n-71-ob-utverzhenii/?ysclid=lf2q2v4vvj290527763> (дата обращения: 12.02.2023).

² Письмо Министерства образования и науки от 4 мая 2016 года № АК-950/02 «О методических рекомендациях» [Электронный ресурс]. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71322382/?ysclid=lf2q4e74cw595429444> (дата обращения: 12.02.2023).

При этом следует учитывать, что число мест в ОО СПО региона должно быть больше Q_{min1} — это обязательное условие соблюдения государственных гарантий обеспечения бюджетными местами в ОО СПО. Возрастной диапазон молодежи 16–19 лет был установлен исходя из требований приказа Минэкономразвития России от 15 февраля 2021 г. № 71, хотя в письме Министерства образования и науки от 4 мая 2016 г. № АК-950/02 возрастной диапазон определен от 15 до 19 лет.

2. Минимально допустимое значение удельного веса числа зданий государственных ОО СПО, приспособленных для обучения лиц с ограниченными возможностями здоровья и инвалидов (D_{min}).

В нашей стране создаются необходимые условия для получения качественного профессионального образования лицами с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ) и инвалидами. Государственные гарантии на получение профессионального образования лицами с ОВЗ и инвалидами обозначены в Федеральном законе от 24.11.1995 № 181-ФЗ «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации»¹.

Согласно нормативу, установленному приказом Минэкономразвития № 71, минимально допустимое значение удельного веса числа зданий государственных ОО СПО, приспособленных для обучения лиц с ОВЗ и инвалидов, не должно опускаться ниже 25% от общего количества зданий государственных ОО СПО.

3. Минимально допустимая обеспеченность местами в общежитиях государственных ОО СПО (L_{min}).

Как уже было сказано ранее, образовательная миграция оказывает влияние на прием в образовательные организации СПО. Сама по себе образовательная миграция подразделяется на 2 вида: межрегиональная миграция (переезд с целью обучения из одного региона в другой) и внутрирегиональная миграция, когда выпускники школ в сельской местности или в малых городах, приезжают учиться в региональные столицы. Именно поэтому данный показатель включен в перечень необходимых и достаточных для проведения оценки доступности среднего профессионального образования. Минимально допустимая обеспеченность местами в общежитиях государственных ОО СПО — это расчетный показатель, значение которого не должно быть меньше 15,0% относительно общей численности учащихся очной формы обучения в государственных ОО СПО.

В ходе апробации методологии оценки территориальной доступности среднего профессионального образования для молодежи в регионах, учитывающей все вышеперечисленные показатели, были получены результаты, которые показали, что на период 2021/22 учебного года только в Чеченской Республике обеспеченность бюджетными местами в ОО СПО меньше нижней границы допустимого минимального значения, т. е. менее 15,0% относительно численности населения в возрасте 16–19 лет. В 56 регионах данный показатель находился внутри диапазона 15,0–45,0% (причем во многих из них ближе к верхней границе диапазона, т. е. ближе к 45,0%) и в 28 превысил значение в 45,0%, что можно отметить как хорошее обеспечение доступности СПО для молодежи со стороны государства. Но вот оценка перспектив обеспеченности на прогнозные периоды в 5 и 10 лет относительно 2021/2022 уч. года показала совершенно другие результаты.

Через 5 лет (2026/27 уч. год) из списка 28 регионов, в которых минимальная допустимая обеспеченность бюджетными местами в ОО СПО была более 45,0%, останется только 9 регионов. В Свердловской, Ростовской, Нижегородской, Кемеровской, Омской, Белгородской, Тульской, Кировской, Пензенской, Курской, Липецкой, Рязанской, Курганской и Орловской областях; Республике Алтай; Республи-

¹ Федеральный закон от 24.11.1995 № 181-ФЗ «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8559/?ysclid=lf2pfx4ulu337597491 (дата обращения: 04.02.2023).

ке Марий Эл; Чувашской Республике; Пермском крае и г. Санкт-Петербург прогнозируется снижение показателя менее 45,0%, а для 56 регионов с показателем от 15,0 до 45,0% само значение также уменьшится в прогнозный период и будет ближе к середине данного диапазона или даже к его нижней границе. В Чеченской Республике показатель еще уменьшится по сравнению с 2021/22 уч. годом.

Через 10 лет (2031/32 уч. год) в топе регионов, превысивших планку в 45,0% минимально допустимой обеспеченности местами в СПО, останется всего три региона — Архангельская, Тамбовская и Магаданская области (рис. 2), из 9 топовых регионов 5-летнего прогнозного периода данный показатель снизится (станет менее 45,0%) еще в 6 регионах — Самарская, Ярославская, Вологодская, Костромская и Новгородская области; Хабаровский край. При этом к Чеченской Республике, в которой не будет выполняться допустимый минимум по обеспеченности местами в ОО СПО, добавится Москва.

Касательно показателя минимально допустимого значения удельного веса числа зданий государственных ОО СПО, приспособленных для обучения лиц с ограниченными возможностями здоровья и инвалидов по субъектам Российской Федерации, можно отметить, что только в трех регионах — Камчатском крае, Республике Коми и Ненецком автономном округе он не выполняется (меньше минимально допустимого значения). В остальных регионах как в настоящее время, так и на перспективу норматив по данному показателю выполняется.

Оценка же минимально допустимой обеспеченности учащихся ОО СПО местами в общежитиях со стороны государства показала, что на 2021/22 уч. год в 40 из 85 регионов норматив в 25,0% относительно численности учащихся очной формы обучения уже не выполнялся (рис. 5).

В перспективе через 5 лет в 2026/27 уч. году число регионов, с невыполненным нормативом допустимой минимальной обеспеченности местами в общежитиях ОО

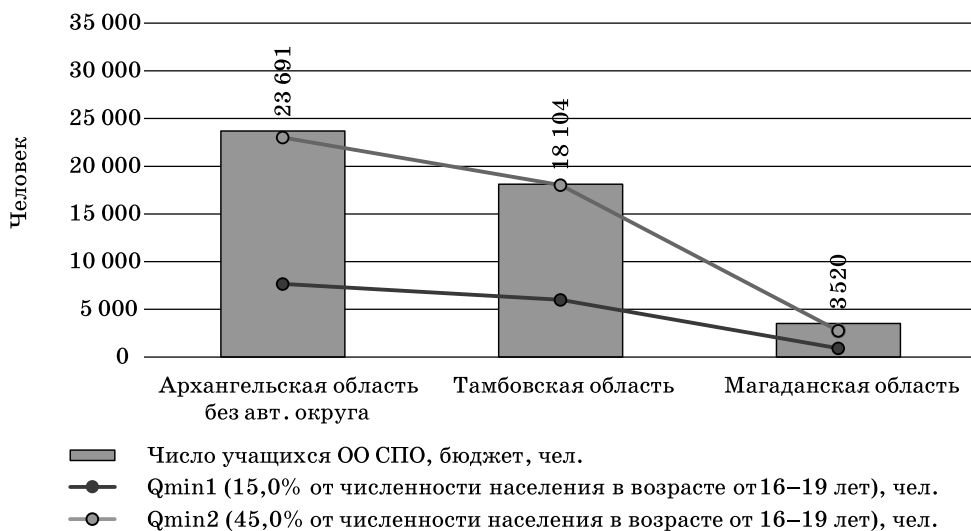

Рис. 2. Регионы, в которых обеспеченность местами в ОО СПО (за счет бюджетных средств) более 45,0% относительно численности населения в возрасте 16–19 лет, учебные помещения (прогнозный период через 10 лет — 2031/32 уч. г.)

Fig. 2. Regions with more than 45.0% of the 16–19-year-old population in the SPO SAR (at the expense of budget funds), educational premises (forecast period in 10 years — 2031/2032)

Источник: расчеты авторов.

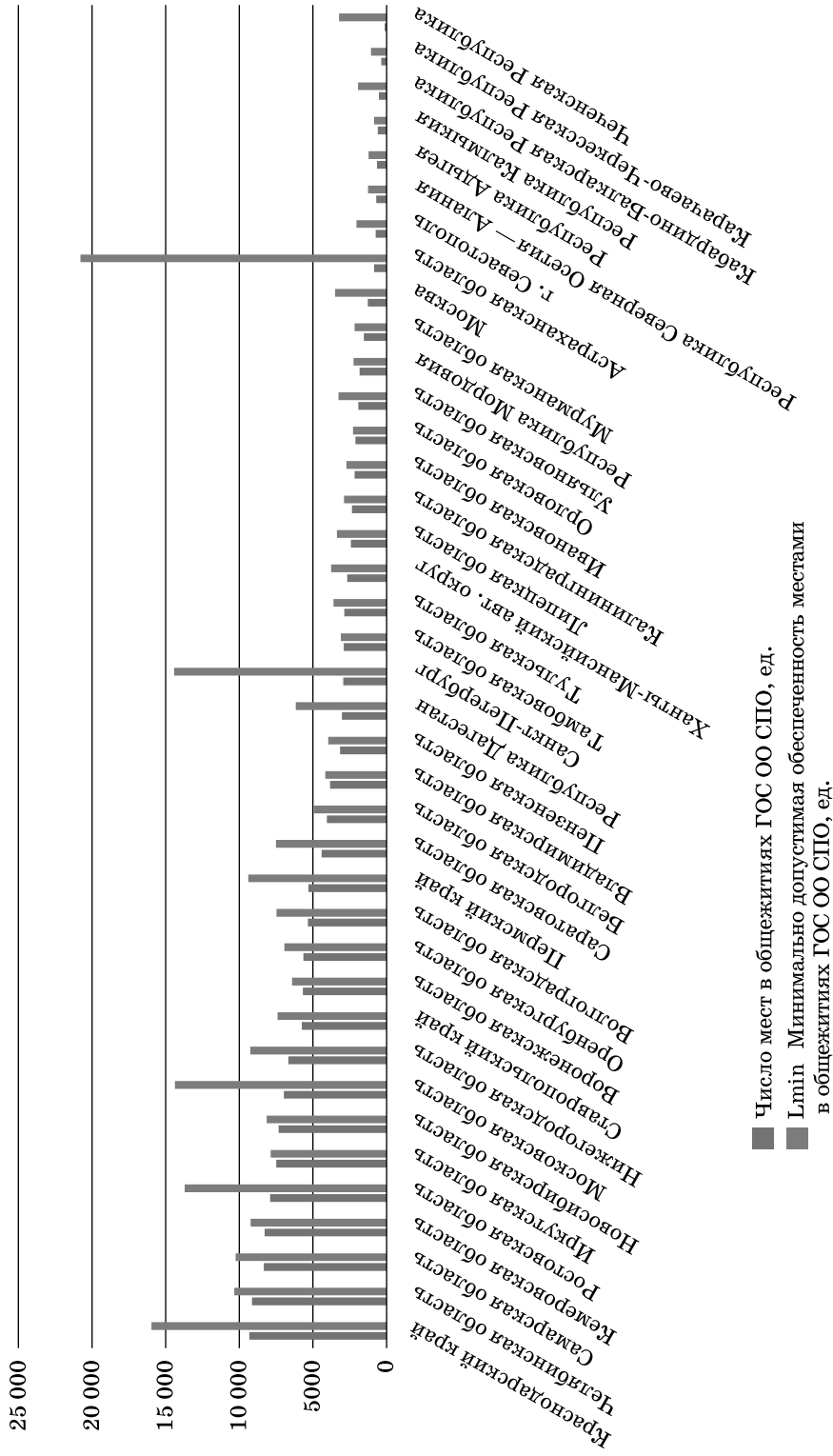

Рис. 5. Регионы, в которых в настоящее время не достигнута минимально допустимая обеспеченность учащихся государственных ОО СПО местами в общежитиях

Fig. 5. Regions in which the minimum permissible provision of students of state professional educational organizations with places in hostels has not been reached at present

Источники: расчеты авторов.

СПО, увеличится до 48 регионов, а через 10 лет в 2031/32 уч. году — до 58 регионов. Невыполнение минимальной гарантии в местах общежитий со стороны государства приводит, и еще больше приведет в будущем, к неравным возможностям для обучения в ОО СПО молодежи, нуждающейся в общежитии.

На основании полученных данных можно сделать следующие выводы:

- принятие решений о строительстве/реконструкции/ликвидации объекта среднего профессионального образования необходимо принимать с учетом демографического прогноза и прогнозными потребностями регионального рынка труда;
- в настоящее время в ряде субъектов Российской Федерации существует дефицит инфраструктуры ОО СПО, в том числе в части обеспечения обучающихся общежитиями и зданий, приспособленных для маломобильных граждан;
- образовательная миграция выпускников школ в другие регионы для продолжения обучения в ОО СПО сдерживается ограниченной доступностью мест в общежитиях.

Литература

1. Ломтева Е. В., Бедарева Л. Ю. Особенности мотивации молодежи к обучению: перераспределение спроса с высшего на среднее профессиональное образование // Экономическое развитие России. 2021. Т. 28. № 8. С. 58–62.
2. Мальцева В. А., Шабалин А. И. Не-обходной маневр, или Бум спроса на среднее профессиональное образование в России // Вопросы образования. 2021. № 2. С. 10–42.
3. Сирая Г. С., Олейникова И. Н. Подходы к организации сетевого развития образовательного потенциала территорий // Экономика и управление: проблемы, решения. 2022. Т. 2. № 4 (124). С. 128–137. EDN WXLCKU
4. Строев В. В. Доступность региональных систем профессионального образования для населения // Региональная экономика: теория и практика. 2007. № 10 (49). С. 123–128.
5. Толстопятенко М. А. Территориально-сетевая организация ресурсов как механизм формирования региональной системы СПО [Электронный ресурс] // Профобразование. URL: <http://проф-обр.рф/blog/2016-08-09-850> (дата обращения: 21.01.2023).
6. Халикова С. С. Система среднего профессионального образования в Хабаровском крае [Электронный ресурс] // International Journal of Professional Science. 2023. № 3. URL: <http://scipro.ru/article/05-03-2023> (дата обращения: 24.01.2023).
7. Baykov N. M., Voronkin M. V. Networking of secondary vocational education organizations in the region: opportunities and prospects // Power and Administration in the East of Russia. 2022. N 1 (98). P. 76–90. DOI: 10.22394/1818-4049-2022-98-1-76-9
8. Figueroa Saldaña A. 2020. “The COVID-19 Pandemic and Dual Vocational Education and Training in Mexico: Main Impacts and Opportunities for Resilience”. Paper presented to the Caribbean TVET: Creating Opportunities in a Global Pandemic. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.caribbeantvet.com/449529571> (дата обращения: 12.12.2022).
9. Kibrit G., Altinay F., Dagli G., Altinay Z. et al. Evaluation of Sustainability and Accessibility Strategies in Vocational Education Training. Sustainability. 2022. N 14 (19). 12061. DOI: 10.3390/su141912061

Об авторах:

Ломтева Елена Владимировна, ведущий научный сотрудник Центра экономики непрерывного образования Института прикладных экономических исследований РАНХиГС (Москва, Российская Федерация) кандидат педагогических наук, доцент; lomteva-ev@ranepa.ru

Бедарева Лариса Юрьевна, старший научный сотрудник Центра экономики непрерывного образования Института прикладных экономических исследований РАНХиГС (Москва, Российская Федерация); lara-2006@mail.ru

References

1. Lomteva E. V., Bedareva L. Yu. Features of motivation of young people to study: redistribution of demand from higher to secondary vocational education // Economic development of Russia [Ekonomicheskoe razvitie Rossii]. 2021. Vol. 28. N 8. P. 58–62. (In Rus.)

2. Maltseva V.A., Shabalin A.I. No-bypass maneuver, or the boom in demand for secondary vocational education in Russia // Education issues [Voprosy obrazovaniya]. 2021. N 2. P. 10–42. (In Rus.)
3. Siraya G.S., Oleinikova I.N. Approaches to the organization of the network development of educational potential of territories // Economics and governance: challenges, solutions [Ekonomika i upravlenie: problemy, resheniya]. 2022. Vol. 2. N 4 (124). P. 128–137. EDN WXLCKU. (In Rus.)
4. Stroev V.V. Accessibility of regional vocational education systems for the population // Regional economy: theory and practice [Regional'naya ekonomika: teoriya i praktika]. 2007. N 10 (49). P. 123–128. (In Rus.)
5. Tolstopyatenko M.A. Territorial and network organization of resources as a mechanism for the formation of a regional system of vocational education [Electronic resource]. URL: <http://проф-обр.рф/blog/2016-08-09-850> (accessed: 21.02.2023). (In Rus.)
6. Khalikova S.S. The system of secondary vocational education in the Khabarovsk Territory // International Journal of Professional Science. 2023. N 3 [Electronic resource]. URL: <http://scipro.ru/article/05-03-2023> (accessed: 24.01.2023). (In Rus.)
7. Baykov N.M., Voronkin M.V. Networking of secondary vocational education organizations in the region: opportunities and prospects // Power and Administration in the East of Russia. 2022. N 1 (98). P. 76–90. DOI: 10.22394/1818-4049-2022-98-1-76-9. (In Rus.)
8. Figueroa Saldaña A. 2020. «The COVID-19 Pandemic and Dual Vocational Education and Training in Mexico: Main Impacts and Opportunities for Resilience». Paper presented to the Caribbean TVET: Creating Opportunities in a Global Pandemic. [Electronic resource] // URL: <https://www.caribbeanvet.com/449529571> (accessed: 12.12.2022).
9. Kibrit G., Altinay F., Dagli G., Altinay Z. et al. Evaluation of Sustainability and Accessibility Strategies in Vocational Education Training. Sustainability. 2022. N 14 (19). 12061. DOI: 10.3390/su141912061

About the authors:

Elena V. Lomteva, PhD (Education), Associate Professor, Leading Researcher of the Center for Continuing Education Economics, Institute of Applied Economic Research of RANEPА, Moscow, Russian Federation; lomteva-ev@ranepa.ru

Larisa Yu. Bedareva, Senior Researcher of the Center for Economics of continuing education, Institute of applied economic research of RANEPА, Moscow, Russian Federation; lara-2006@mail.ru

Основные проблемы функционирования рынка недвижимости в Республике Корея

Сафина С. С., Адаева Д. А.*

Санкт-Петербургский государственный экономический университет, Санкт-Петербург, Российская Федерация; *adaeva.dayana@yandex.ru

РЕФЕРАТ

В статье на базе официальных данных статистического бюро, Гражданского и Жилищного кодексов Республики Корея рассмотрены проблемы функционирования рынка недвижимости данной страны. В работе рассмотрены особенности государственного регулирования права собственности на недвижимое имущество. Проведен расчет уровня урбанизации и коэффициента специализации по уровню развития рынка недвижимости регионов Республики Корея. Представлены показатели, характеризующие доступность недвижимости, а также рейтинг регионов по уровню развития рынка недвижимости. К основным проблемам отнесены: высокая стоимость недвижимости, низкая доля населения, владеющая недвижимостью, большие региональные различия по уровню развития рынка недвижимости, выявлены регионы, где приобретение или аренда недвижимости несоразмерна с получаемыми доходами. В статью включены авторские карты, иллюстрирующие результаты исследования.

Ключевые слова: Республика Корея, Сеул, недвижимое имущество, спрос и предложение жилья, доступность недвижимости, жилищная политика

Для цитирования: Сафина С. С., Адаева Д. А. Основные проблемы функционирования рынка недвижимости в Республике Корея // Управленческое консультирование. 2024. № 1. С. 205–218.

The Main Problems of the Real Estate Market Functioning in the Republic of Korea

Sazhida S. Safina, Dayana A. Adaeva*

Saint Petersburg State University of Economics, Saint Petersburg, Russian Federation; *adaeva.dayana@yandex.ru

ABSTRACT

The article examines the problems of the functioning of the real estate market of this country on the basis of official data of the Statistical Bureau, the Civil and Housing Codes of the Republic of Korea. The paper considers the features of state regulation of ownership of real estate. The calculation of the level of urbanization and the coefficient of specialization according to the level of development of the real estate market of the regions of the Republic of Korea is carried out. The indicators characterizing the availability of real estate are presented, as well as the rating of regions by the level of development of the real estate market. The main problems include: the high cost of real estate, the low percentage of the population owning real estate, large regional differences in the level of development of the real estate market, identified regions where the purchase or rental of real estate is disproportionate to the income received. The article includes author's maps illustrating the results of the study.

Keywords: Republic of Korea, housing supply and demand, real estate availability, housing policy

For citing: Safina S. S., Adaeva D. A. The main problems of the real estate market functioning in the Republic of Korea // Administrative consulting. 2024. N 1. P. 205–218.

Введение

Рынок недвижимости играет большую социальную роль, он обеспечивает базовую потребность человека через предоставление жилища. Он также является важным элементом экономики и частью национального богатства, например, доля рынка недвижимости в ВВП Республики Корея весьма значительна и составляет 7,33%¹, в данном секторе занято 1,97% населения страны на 2022 г.² Пространственное распределение жилья оказывает сильное влияние на социальную, экологическую и транспортную обстановку на городских территориях. Недвижимость и нестабильный рынок жилья послужили источником внутренних волнений в Республике Корея, особенно в последние годы. В отличие от многих стран, где экономические интересы распределены между крупными городами по всей территории страны, Сеул является не только столицей, но и представляет собой коммерческий, финансовый и административный центр страны. В настоящий момент в столичном регионе проживает 66% всего населения страны, что создало высокий спрос среди населения на проживание и покупку жилья в этом городе. Однако предложение остается ограниченным и неспособным адекватно удовлетворить растущий спрос.

Понимание процессов, происходящих на рынке недвижимости, позволяет успешно вести предпринимательскую деятельность, а также дает возможность физическим лицам быть более информированными в процессе их участия на рынке. Все вышесказанное определяет актуальность исследования.

Методы исследования

Для обоснованности и достоверности результатов исследования в статье проанализированы законодательные акты, регулирующие сделки с недвижимостью: Гражданский и Коммерческий кодексы, Национальный закон о планировании и использовании земель. В ходе исследования были собраны и обработаны материалы на основе данных официального статистического бюро Республики Корея KOSTAT, а также статистических порталов Statista и KOSIS, характеризующие развитие рынка недвижимости (как в целом, так и в отдельных регионах). Были подсчитаны коэффициенты предложения жилья по провинциям с 2005 по 2021 г., показатели доступности жилья, проанализированы виды используемого жилья по провинциям страны. В работе были использованы методы статистического и логического анализа, методы системного анализа, сопоставления и прогнозирования, картографический и рейтинговый методы.

Результаты и обсуждение

Рынок недвижимости в Республике Корея регулируется нормативно-правовыми документами: Гражданским и Коммерческим кодексами, правительством, а именно Министерством земли, инфраструктуры и транспорта. Правительство страны в содействии с данным министерством осуществляет выработку и реализацию государственной политики и нормативно-правового регулирования в сфере строительства, градостроительства и жилищной политики. Министерство земли, ин-

¹ GDP from the real estate sector South Korea 2011–2022 [Электронный ресурс] // Statista. URL: <https://www.statista.com/statistics/757083/south-korea-gdp-from-the-real-estate-and-leasing-sector/> (дата обращения: 30.04.2023).

² Employed persons by gender/ industry [Электронный ресурс] // KOSIS. URL: https://kosis.kr/statHtml/statHtml.do?orgId=101&tblId=DT_1DA7E26S&vw_cd=MT_ETITLE&list_id=B17&scrid=&language=en&seqNo=&lang_mode=en&obj_var_id=&itm_id=&conn_path=MT_ETITLE&path=%252Feng%252FstatisticsList%252FstatisticsListIndex.do (дата обращения: 30.04.2023).

фраструктуры и транспорта Республики Корея разрабатывает базовый план землепользования на национальном уровне. Местные органы власти ответственны за разработку более подробных планов землепользования на местном уровне.

Право собственности на недвижимое имущество в Республике Корея, как было указано ранее, регулируется рядом нормативно-правовых актов. К ним относятся:

- Гражданский кодекс РК (민법/民法);
- Коммерческий кодекс РК (상법/商法);
- Закон о владении кондоминиумами и управлении ими (집합건물의 소유 및 관리에 관한 법률/集合建物法);
- Закон о регистрации недвижимости (부동산등기법/不動產登記法).

В зависимости от характера и обстоятельств сделки выделяются законы, регулирующие выдачу разрешений, зонирование и согласование, такие как:

- Жилищный кодекс РК (주택법/住宅法);
- Национальный закон о планировании и использовании земель (국토의 계획 및 이용에 관한 법률/國土計劃法);
- а также законы, регламентирующие иностранную собственность, такие как: Закон о приобретении земли иностранцем, Закон о поощрении иностранных инвестиций и Закон об иностранной валюте.

В особых случаях сделка с недвижимостью может регулироваться Законом о промышленном комплексе, Законом о свободных экономических зонах, Законом о защите военных баз и сооружений и Законом о сельскохозяйственных угодьях [7].

Гражданский кодекс Республики Корея не выделяет нормы, относящиеся к земельным отношениям, в отдельную главу, однако несмотря на это в Кодексе содержится достаточно большой объем норм, посвященных регулированию отношений на рынке недвижимости. Гражданский кодекс Республики Корея формировался естественным путем, т. е. создавался не столько путем анализа и обобщения теоретических положений, сколько за счет воспроизводства и развития практики [2]. Таким образом, законодательство Республики Корея в вопросах недвижимого имущества формировалось под влиянием нормативно-правовых норм, принятых в международной практике, однако большее влияние оказали особенности устройства страны, такие как относительно небольшая площадь страны, а также незначительная доля земли, подходящая для осуществления экономической деятельности.

Собственность по корейскому законодательству основана на полном владении, которая дает собственнику право делать с собственностью все, что он пожелает, включая право на исключительное владение, использование и распоряжение. Недвижимость также может принадлежать одной или нескольким сторонам.

В Республике Корея действует двойная система регистрации недвижимости, состоящая из земельного реестра и реестра зданий. Права собственности должны быть зарегистрированы в соответствующих реестрах, поскольку земля и здания считаются отдельной недвижимостью.

Гражданский кодекс Республики Корея также вводит нормативно-правовые нормы относительно регулирования аренды недвижимости. Выделяют три основных вида аренды.

1. Вольсэ (월세) — самый распространенный вид аренды, включает в себя выплату возвращаемого залога и ежемесячную оплату. Минимальный залог в Сеуле составляет 5 000 000 корейских вон (около 290 тыс. руб.), а ежемесячная оплата начинается с 300–400 тыс. корейских вон (17–22 тыс. руб.)¹. Также ежемесячно оплачиваются коммунальные и эксплуатационные услуги.

¹ Недвижимость в Корею. Часть 1 — виды аренды, виды жилья [Электронный ресурс] // medium. URL: <https://medium.com/hwannam/недвижимость-в-корее-часть-1-виды-аренды-виды-жилья-23562765d3eb> (дата обращения: 11.02.2023).

2. Муподжын (무보증) — остается востребованным в центральных районах Сеула среди комнат, которые сдаются иностранцам и приезжим, так как этот вид аренды для них является наиболее привычным. Представляет собой ежемесячную оплату жилья, без залога, или с залогом в размере одного месяца аренды.

3. Чонсэ (전세) — в основном используется при аренде дорогих и больших квартир, хотя иногда можно найти и студию, которую сдают на этих условиях. При заключении контракта аренды собственникам дается залог, составляющий около 60–70% от стоимости жилья, и взамен арендодатель разрешает арендатору использовать имущество в течение срока, указанного в соответствующем договоре аренды без выплаты помесечной оплаты. По истечении или досрочному расторжению срока аренды арендодатель обязан вернуть арендатору задаток [5]. В случае чонсэ выгода арендодателя заключается в банковских процентах или иной прибыли от суммы залога, которую он может извлечь за время аренды.

Стоит упомянуть о том, что данный договор, безусловно, устанавливается в отношении строений и сооружений, в первую очередь для недвижимости, используемой в качестве жилья. Согласно статье 303 ГК РК фермерская земля не может быть объектом договора чонсэ. В то же время Кодекс не запрещает установления чонсэ для иных земельных участков [2].

За последние 50 лет жилищные условия в Республике Корея значительно улучшились как с точки зрения количества, так и качества.

Коэффициент предложения жилья является наиболее распространенным показателем для оценки жилищной политики и определяется как отношение количества жилья к числу домохозяйств. Данный показатель заметно возрос с 1990 г., поскольку темпы увеличения жилищного фонда значительно превышали темпы роста домохозяйств. К началу двухтысячных годов в стране насчитывалось столько же жилых единиц, сколько домашних хозяйств, а коэффициент предложения жилья превысил 100% (табл. 1).

Лидером по соотношению количества жилья на количество домохозяйств в 2021 г. стала провинция Кенсан-пукто, где данный коэффициент составил 113,7%. Однако в некоторых провинциях все еще присутствует нехватка жилищного фонда. Такая тенденция наблюдается в столице, а также в некоторых городах-метрополиях, таких как Тэгу, Тэджон и Инчхон (рис. 1). В 2021 г. в Сеуле данный коэффициент составил 94,2%, что является наименьшим по всей стране. В целом за последние 15 лет жилищные условия в Республике Корея стали заметно более развитыми.

Таблица 1

Изменение коэффициента предложения жилья в Республике Корея, 2005–2021 гг.

Table 1. Housing supply ratio change in the Republic of Korea, 2005–2021

Показатель	2005	2009	2013	2017	2021
Количество жилья, тыс.	15 622,6	17 071,3	18 968,8	20 313,4	21 917,2
Количество домохозяйств, тыс.	15 887,2	16 862,3	18 407,8	19 673,9	21 448,5
Коэффициент предложения, %	98,3	101,2	103,0	103,3	102,2

Источник: составлено авторами на основе данных¹.

¹ Housing Supply Ratio [Электронный ресурс] // KOSIS. URL: https://kosis.kr/statHtml/statHtml.do?orgId=116&tblId=DT_MLTM_2100&vw_cd=MT_ETITLE&list_id=I1_11&scrlD=&language=en&seqNo=&lang_mode=en&obj_var_id=&itm_id=&conn_path=MT_ETITLE&path=%252Feng%252FstatisticsList%252FstatisticsListIndex.do (дата обращения: 06.03.2023).

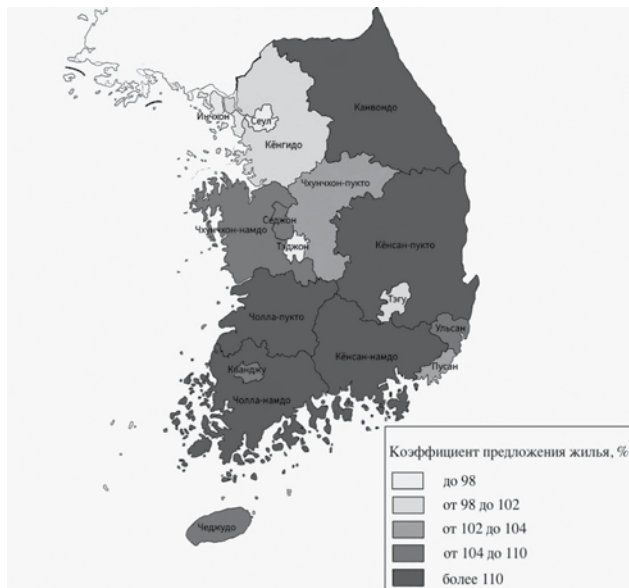

Рис. 1. Коэффициент предложения жилья по провинциям Республики Корея в 2021 гг.
Fig. 1. Housing supply ratio by provinces of the Republic of Korea in 2021

Источник: составлено авторами на основе: Housing Supply Ratio [Электронный ресурс] // KOSIS. URL: https://kosis.kr/statHtml/statHtml.do?orgId=116&tblId=DT_MLTM_2100&vw_cd=MT_ETITLE&list_id=I1_11&scrId=&language=en&seqNo=&lang_mode=en&obj_var_id=&itm_id=&conn_path=MT_ETITLE&path=%252Feng%252FstatisticsList%252FstatisticsListIndex.do (дата обращения: 06.03.2023).

Быстрое увеличение жилищного фонда объясняется высоким уровнем строительства нового жилья. Большой вклад и первый толчок осуществил Двухмиллионный жилищный проект (ТМНД), осуществлявшийся в Корее с 1988 по 1992 г. (рис. 2). Данная пятилетняя инициатива превзошла свою цель, в период которой было введено более 2,1 млн единиц жилья, из которых две трети были построены частным сектором [4]. В итоге ежегодное строительство жилья увеличилось с 200 тыс. единиц до более чем 500 тыс. единиц, вплоть до азиатского финансового кризиса 1997–1998 гг. По мере восстановления экономики от кризиса в 2002 г. объем жилищного строительства вновь увеличился и составил 400–600 тыс. единиц. В 2008 г. строительство нового жилья снова сократилось из-за мирового финансового кризиса, но впоследствии восстановилось. Также на рис. 2 можно заметить уменьшение темпов жилищного строительства в 2020 г. вследствие пандемии COVID-19.

Для страны характерны значительные региональные различия по новому строительству. Наибольшая доля от нового жилищного строительства в 2022 г. приходится на пристоличную провинцию Кенгидо и составляет 24,8% от всех строителств (табл. 2), наименьшие показатели характерны для периферийных провинций Кванджу (1,9%) и Седжон (0,8%).

В результате основной проблемой рынка недвижимости в Корее является то, что для страны характерна большая неравномерность развития данного рынка для регионов. Сеул является столицей Республики Корея, куда съезжаются жители со всех уголков страны. Это можно заметить и по диспропорции в населенности страны: в 2022 г. на Сеульский столичный регион, включающий в себя такие административные районы, как Сеул, Инчхон и Кенгидо, приходилось около 50,5% от

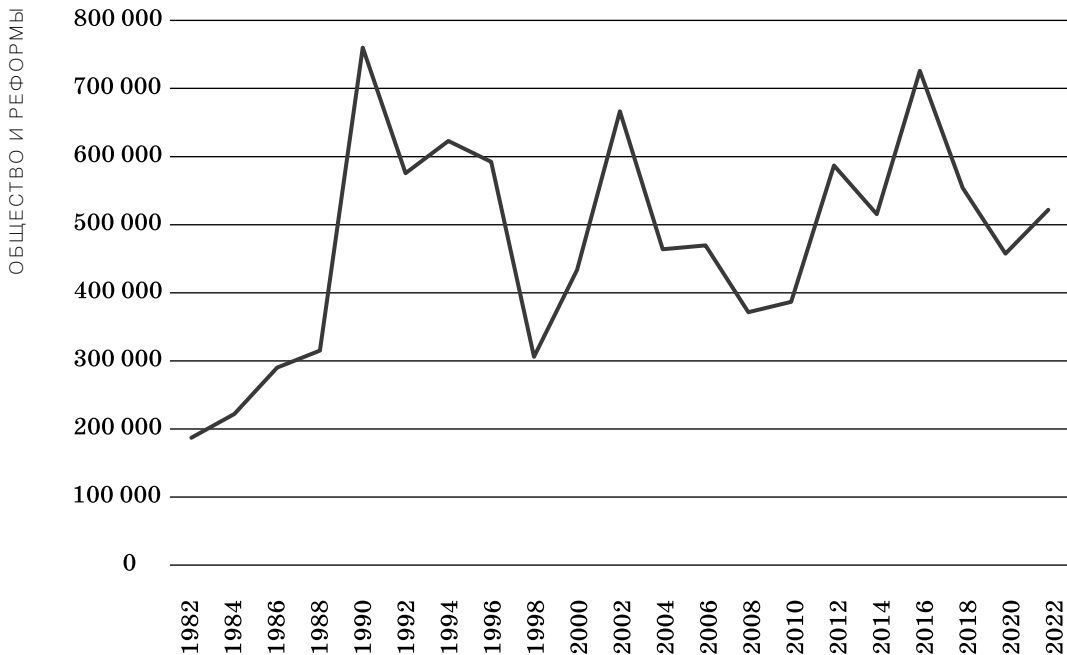

Рис. 2. Динамика изменения темпов жилищного строительства в Республике Корея, 1982–2022 гг.

Fig. 2. Quantity of new constructions in the Republic of Korea, 1982–2022

Источник: составлено авторами на основе: Housing construction permits by region [Электронный ресурс] // KOSIS. URL: https://kosis.kr/statHtml/statHtml.do?orgId=116&tblId=DT_MLTM_666&conn_path=I2&language=en (дата обращения: 08.03.2023).

Таблица 2

Региональные различия по новому строительству в Республике Корея, 2022 г.

Table 2. New construction by regions of the Republic of Korea, 2022

Регион	Количество строителей, шт.	Доля от всех новых строителей, %
Всего	521 791	100
Кенгидо	129 408	24,8
Сеул	42 724	8,2
Чхунчхон-намдо	42 716	8,2
Пусан	39 858	7,6
Кенсан-пукто	38 660	7,4
Чхунчхон-пукто	29 359	5,6
Тэгу	28 135	5,4
Кенсан-намдо	27 120	5,2
Чолла-пукто	23 244	4,5
Чолла-намдо	22 761	4,4
Тэджон	21 927	4,2

Регион	Количество строителъств, шт.	Доля от всех новых строителъств, %
Инчхон	18 701	3,6
Канвондо	18 512	3,5
Ульсан	14 752	2,8
Чеджу	10 212	2,0
Кванджу	9688	1,9
Седжон	4014	0,8

Источник: составлено авторами на основе: Housing construction permits by region.

всего населения страны. Рассматривая плотность заселения по провинциям (рис. 3), можно заметить, что высокая концентрация населения приходится на крупные центры, как Сеул (17 288 чел./км²), провинция Кенгидо и Пусан. Учитывая то, что, в среднем по стране, плотность составляет 514 чел. на 1 км², плотность населения в Сеуле превышает средний показатель по стране более чем в 33 раза.

Неравномерное расселение происходит из-за того, что жители Кореи предпочитают селиться в плотно заселенных, крупных экономических центрах и агломерациях, где больше социально-экономических возможностей и лучше развита инфраструктура.

Также диспропорция прослеживается и в показателях урбанизации. Оценка уровня урбанизированности была проведена по методике [1]. После проведенных расчетов все административные единицы страны по уровню урбанизированности можно разделить на четыре типа: крайне слабый (до 100); средний (100–150); высокий (150–200); очень высокий (более 200). При расчете данного показателя были исключены Сеул и города-метрополии (Пусан, Тэгу, Инчхон, Кванджу, Тэджон и Ульсан), так как границы городов совпадают с границами субъектов (100% урбанизированность).

В результате расчетов лидером по уровню урбанизации оказалась провинция Кенгидо, где показатель составил 398 баллов. Данная провинция входит в состав Сеульского столичного региона и в ней проживает около 26,5% населения страны. Также провинциями Республики Корея с очень высокими показателями урбанизации и агломеративности оказались такие провинции, как Чеджудо и Кенсан-намдо. Среди субъектов с наименьшим показателем суммарных баллов оказались провинции Канвондо и Чолла-намдо, где наблюдается средний уровень урбанизации (129 и 125 баллов соответственно). В этих отстающих провинциях среди видов используемого жилья преобладают отдельно стоящие дома (Чолла-намдо — 51,6%, Канвондо — 46,7%), а не апартаменты, как в большинстве провинций страны (рис. 4).

Исходя из неравномерности развития регионов можно предположить, что и рынок недвижимости будет не только различаться, но и иметь неоднородные тенденции в разных частях страны. И в действительности рынок недвижимости в Сеуле имеет наибольший спрос среди населения, поскольку на территории, равной 12% площади страны, проживают 18,3% населения. И хотя рост предложения жилья в Сеуле, из-за большого количества новых строителъств (8,2% от новых строителъств в 2022 г.), является одним из наиболее высоких по стране, предложение не успевает за спросом. Одной из причин несоответствия предложения и спроса является одна из особенностей рынка недвижимости — его неэластичность, которая заключается в том, что строителъство занимает достаточно продолжительное время, поэтому предложение может несвоевременно реагировать на спрос.

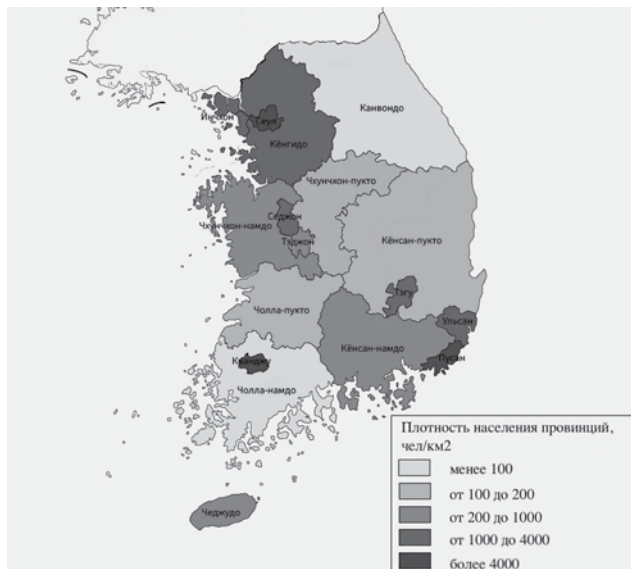

Рис. 3. Плотность населения в провинциях Республики Корея, 2020 г.
Fig. 3. Population density in the provinces of the Republic of Korea, 2020

Источник: составлено авторами на основе: Statistical Database. [Электронный ресурс] // Statistics Korea. URL: https://kosis.kr/eng/statisticsList/statisticsListIndex.do?menuld=M_01_01&vwcd=MT_ETITLE&parmTabId=M_01_01>SelectStatsBoxDiv (дата обращения: 20.11.2021).

Другой проблемой, также вытекающей из неравномерности развития регионов, является доступность жилья в провинциях Кореи и в ее столице. Доступность недвижимости в большинстве случаев характеризуется двумя показателями: коэффициентом соотношения арендной платы к доходу (RIR) и коэффициентом соотношения цены недвижимости к доходу (PIR). Согласно данным, опубликованным Министерством земли, инфраструктуры и транспорта Республики Корея, коэффициент соотношения арендной платы к доходу (RIR) в 2021 г. в Сеуле составил 21,6%, что означает то, что жители Сеула в среднем расходуют более 21% от своей месячной заработной платы на оплату аренды (табл. 3). Наименьший показатель по стране наблюдается в Ульсане и провинции Чхунчхон-пукто, где он составляет 12,1% [10].

Коэффициент соотношения цены недвижимости к доходу (PIR), который рассчитывается как средняя цена недвижимости, деленная на средний годовой доход домохозяйства, в Сеуле в 2021 г. составил 14,1. Это означает то, что жителю столицы для покупки недвижимости необходимо копить деньги с месячной зарплаты, при этом не имея других расходов, более 14 лет [9]. Соответственно, в столице существует практически минимальная возможность приобретения недвижимости молодыми людьми. Наименьший показатель PIR наблюдается в периферийной провинции Чолла-намдо, где он составил 3,3 года, что более чем в 4 раза меньше, чем показатель в Сеуле [10].

Доля населения, владеющего недвижимостью в Республике Корея относительно небольшая — в 2020 г. она составила 60,6% (табл. 4). Показатель оказался еще ниже в Сеульском столичном регионе (53%), где лишь половина населения владеет своими домами.

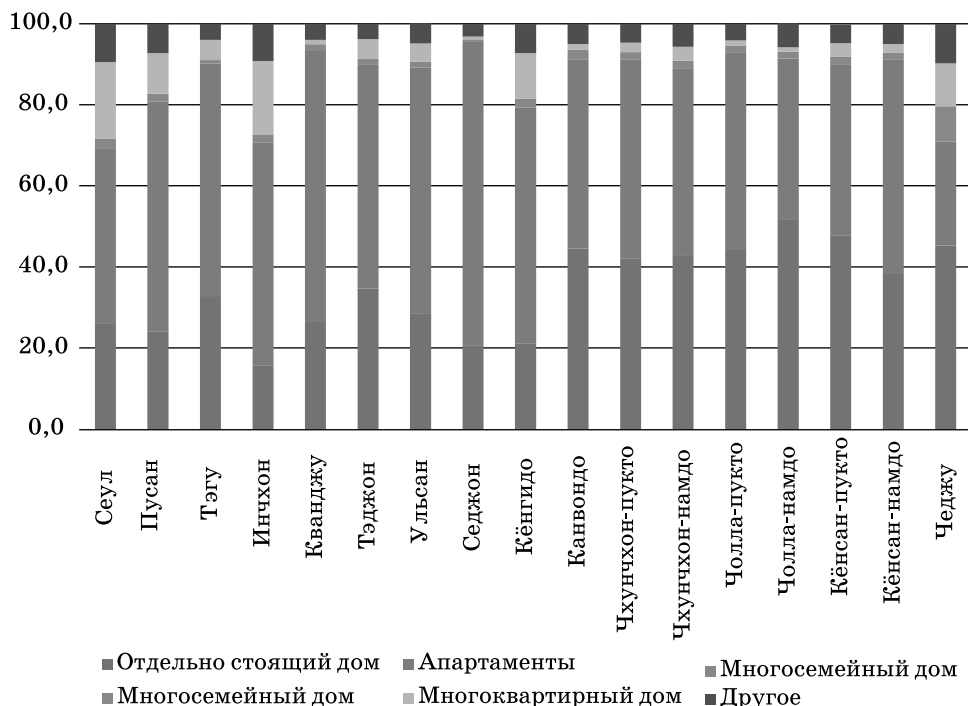

Рис. 4. Доли видов используемого жилья по провинциям Республики Корея, 2021 г.

Fig. 4. Shares of types of used housing by provinces of the Republic of Korea, 2021

Источник: составлено авторами на основе: Housing Type by Administrative District [Электронный ресурс] // kosis. URL: https://kosis.kr/statHtml/statHtml.do?orgId=116&tblId=DT_MLTM_5403&vw_cd=MT_ETITLE&list_id=11_8&scrid=&language=en&seqNo=&lang_mode=en&obj_var_id=&itm_id=&conn_path=MT_ETITLE&path=%252Feng%252FstatisticsList%252FstatisticsListIn dex.do (дата обращения: 08.03.2023).

Таблица 3

Показатели доступности жилья по провинциям Республики Корея

Table 3. Housing affordability indicators by provinces of the Republic of Korea

Регион	PIR, год		RIR, %	
	2020	2021	2020	2021
Вся страна	5,5	6,7	16,6	15,7
Сеул	12,5	14,1	21,3	21,6
Пусан	5,5	7,1	17,4	18,7
Тэгу	7,8	7,5	16,5	13,9
Инчхон	6,0	7,1	16,4	15,9
Кванджу	4,4	5,8	15,5	14,1
Тэджон	5,8	7,7	13,7	14,0
Ульсан	5,2	5,6	13,8	12,1
Седжон	7,5	10,8	15,8	17,5
Кёнгидо	7,0	9,9	16,3	15,6

Регион	PIR, год		RIR, %	
	2020	2021	2020	2021
Канвондо	4,5	4,7	14,3	15,0
Чхунчхон-пукто	3,8	4,0	12,0	12,1
Чхунчхон-намдо	3,2	3,7	13,0	13,0
Чолла-пукто	3,6	3,8	11,0	13,9
Чолла-намдо	3,4	3,3	13,0	12,7
Кенсан-пукто	3,3	3,5	11,0	12,8
Кенсан-намдо	4,5	5,4	13,5	13,1
Чеджу	5,4	6,7	16,4	16,7

Источник: составлено авторами на основе данных [10].

Таблица 4

Доля населения, владеющего недвижимостью по регионам Республики Корея

Table 4. Share of the population owning real estate by regions of the Republic of Korea

Регион	2019	2020
Вся страна	61,6	60,6
Сеульский столичный регион	54,1	53,0
Провинции, не включая Сеульский столичный регион	71,2	71,4
Города-метрополии	62,8	62,2

Источник: составлено авторами на основе данных [3].

Для того чтобы сравнить регионы страны по более широкому набору показателей развитости рынка недвижимости, был использован рейтинговый метод анализа, в ходе которого регионы анализировались по 7 показателям: ВРП, ВРП на душу населения, количество новых строительных, количество агентств недвижимости, предложение жилья (отношение количества жилья к числу домохозяйств), число вакантных (незанятых) площадей и использование ипотечного кредитования. Данные показатели были выбраны в качестве критериев оценки развитости рынка, поскольку они охватывают разные стороны функционирования рынка недвижимости, такие как конъюнктура спроса и предложения, инфраструктура рынка, экономические характеристики, внешние условия функционирования рынка и т. д.

Регионам с наилучшим значением показателя присваивалось наименьшее количество баллов, итоговые места присуждались по суммарным баллам. По итогам расчетов регионы Республики Корея можно разделить на три группы (табл. 5):

- наиболее развитые (сумма баллов от 25 до 45) — столичный Сеул и его «пристоличные» регионы Кенгидо, Чхунчхон-намдо;
- среднеразвитые (сумма баллов от 45 до 75) — «морская столица» на восточном побережье Пусан и его «пригородные» регионы Кенсан-намдо, Кенсан-пукто, «морская столица» на западном побережье Инчхон, «промышленная» столица Ульсан, Чхунчхон-пукто, Чолла-намдо, Ульсан, Чолла-пукто, Канвондо, Тэгу;
- слаборазвитые (сумма баллов от 75 до 90) — «глубинные» Кванджу, Тэджон, Седжон, аграрный Чеджудо.

Рейтинг регионов Республики Корея по уровню развития рынка недвижимости
 Table 5. Ranking of the regions of the Republic of Korea by the level of development of the real estate market

Регион	ВРП, трлн вон	ВРП на душу нас., млн вон	Кол-во новых строительных, шт.	Кол-во агентств, шт.	Предложение жилья	Число вакантных площадей, шт.	Использование ипотеки, млрд вон	Суммарные баллы
Всего	2076,25	40,13	521 791	1 652 596	102,2	68107	644 132,4	
Сеул	471,73	49,65	42 724	442 144	94,2	953	228 430,4	28
Кенгидо	60,87	25,49	129 408	509 587	98,6	7588	177 453,1	38
Чхунчхон-намдо	46,38	31,36	42 716	50 126	109,9	8509	11 974,7	44
Пусан	98,65	29,65	39 858	97 227	102,2	2640	48 559,5	48
Кенсан-намдо	97,89	33,29	27 120	69 036	110,0	4600	22 262,8	49
Кенсан-пукто	77,68	69,13	38 660	46 613	113,7	7674	9 181,6	49
Инчхон	43,45	29,58	18 701	96 771	97,5	2494	43 778,4	56
Чхунчхон-пукто	13,90	37,96	29 359	37 390	111,7	3225	7017,6	56
Чолла-намдо	55,46	30,91	22 761	30 289	111,7	3029	6296,4	62
Ульсан	112,78	42,71	14 752	25 472	108,6	3570	8911,5	68
Чолла-пукто	74,77	45,80	23 244	32 813	108,9	2520	6846,4	71
Канвондо	124,59	57,24	18 512	38 641	110,0	2648	6727,2	71
Тэгу	50,66	33,32	28 135	61 204	100,7	13445	30 169,0	74
Кванджу	527,05	38,72	9688	34 338	104,5	291	14 049,1	77
Тэджон	88,27	49,51	21 927	40 458	97,0	3239	13 265,0	79
Седжон	112,07	33,78	4014	16 927	107,5	6	5336,4	83
Чеджу	20,05	29,78	10 212	23 560	105,0	1676	3873,2	90

Источники: составлено авторами на основе данных: Ministry of land, infrastructure and transport [Электронный ресурс] // MOLIT. URL: <https://stat.molit.go.kr/portal/cate/engStatListPopup.do> (дата обращения: 25.03.2023).

Рынок недвижимости в таких административных единицах, как Сеул, Инчхон, Тэджон и Кенгидо, характеризуется преобладанием спроса над предложением. Несмотря на то, что провинция Кенгидо является лидером по строительству новых зданий, занимая 24,8% от всех новостроек в стране, однако в регионе до сих пор наблюдается нехватка предложения.

Такие провинции, как Кенсан-пукто, Чолла-намдо, Чхунчхон-пукто, входящие в группу регионов со средним и слабым развитием рынка недвижимости, характеризуются большим объемом предложения и малым спросом. В этих регионах также наблюдается большое количество незанятых площадей (20,4% от всех вакантных площадей в стране), что может говорить о переизбытке предложения на рынке, либо о несовпадении структуры спроса и предложения.

Важным инструментом для регулирования рынка недвижимости является жилищная политика, которая представляет собой весь комплекс предпринимаемых государством мер, направленных на то, чтобы воздействовать на рынок жилья. Целью является обеспечение населения доступным жильем. Основные инструменты жилищной политики подразделяются на поощрительные и ограничительные меры. К поощрительным относятся стимулирование жилищного строительства и пособия на аренду жилья. Ограничительные меры представляют собой ограничение арендной платы за жилье, защита нанимателей от выселения, рacionamento жилья и т. д. Жилищная политика администрации ныне действующего президента Республики Корея, Юн Сок Еля, в основном направлена на увеличение предложения и сокращение государственного вмешательства в жилищный сектор, включая ослабление правил реконструкции старых зданий и предоставления кредитов. Правительство страны отдает предпочтение поощрительным мерам, нежели ограничительным, которые преобладали во время правления президента Мун Джэ Ином и не только не показали улучшения ситуации на рынке, но и ухудшили ее.

Одной из важных поощрительных мер жилищной политики является стимулирование строительства. По данным Министерства земельных ресурсов, инфраструктуры и транспорта, в течение следующих пяти лет правительство и частный сектор, стимулируемый данной политикой, построят 2,7 млн домов с целью увеличения предложения. К частному сектору будут применены такие меры, способствующие стимулированию строительства, как предоставление строительных субсидий и займов с низкой процентной ставкой, предоставление гарантий по строительным кредитам, льготные налоговые ставки и сборы и т. д. Так, правительство надеется повысить предложение жилья на 1,3 млн домов через частный сектор [6].

Заключение

В ходе исследования были получены следующие результаты. Во-первых, были выделены особенности правового регулирования права собственности на недвижимое имущество в Республике Корея. К ним относятся двойная система регистрации недвижимости, состоящая из земельного реестра и реестра зданий, а также множество норм, сформировавшихся естественным путем, вследствие особенностей культуры, географического положения и рельефа страны.

Во-вторых, в результате исследования рынка недвижимости в Республике Корея было выявлено:

- предложение жилья в стране заметно выросло за последние 16 лет: коэффициент предложения недвижимости увеличился до 102,2, что говорит о преобладании предложения над спросом. Увеличение предложения в основном произошло вследствие высокого уровня строительства нового жилья;
- большинство новых предложений сосредоточено в провинции Кенгидо, где наблюдается большой спрос на недвижимость, обусловленный удобным местоположением и крепкой связью со столицей при относительно низких ценах на недвижимость;
- для страны характерны большие межрегиональные различия, что заметно по показателям плотности населения, уровню урбанизации, а также по показателям доступности недвижимости;

- регионами страны, в которых приобретение или аренда недвижимости является несоразмерной с получаемыми доходами и несет большую финансовую нагрузку на семейный бюджет, являются Сеульский столичный регион, который включает в себя Сеул, Инчхон и провинцию Кенгидо, а также город Седжон;
- высокая стоимость недвижимости обусловила относительно низкую долю населения, владеющую недвижимостью: в 2022 г. 62% населения имело в собственности недвижимость (соответственно для КНР — 89,7%, для РФ — 91,7%);
- к регионам с наиболее развитым рынком недвижимости относятся столичный Сеул и его «пристоличные» регионы Кенгидо и Чхунчхон-намдо. Для данных регионов характерны большие объемы жилищного строительства, что обеспечивает увеличение предложения, большое количество агентств недвижимости, которые отвечают за развитие инфраструктуры рынка, а также население (потребители) с высоким уровнем доходов.

В-третьих, жилищная политика Республики Корея характеризуется переходом от преобладания ограничительных мер к поощрительным, после смены президента в мае 2022 г. Она в основном направлена на увеличение предложения и сокращение государственного вмешательства в жилищный сектор.

Литература

1. Балабейкина О. А., Файбусович Э. Л. Уровень урбанизированности территории Российской Федерации: региональный разрез [Электронный ресурс] // Географический вестник. 2018. № 1 (44), С. 72–82. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/uroven-urbanizirovannosti-territorii-rossiyskoy-federatsii-regionalnyy-razrez> (дата обращения: 06.03.2023). DOI: 10.17072/2079-7877-2018-1-72-82
2. Шорников Д. В. Особенности гражданско-правового регулирования права собственности и иных частных прав на землю как основа устойчивого развития (опыт Республики Корея) [Электронный ресурс] // Вестн. Том. гос. ун-та. Право. 2014. № 4 (14). С. 142–153. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-grazhdansko-pravovogo-regulirovaniya-prava-sobstvennosti-i-inyh-chastnyh-prav-na-zemlyu-kak-osnova-ustoychivogo-razvitiya> (дата обращения: 09.02.2023).
3. Choi Jong-hoon. Average worker needs to save 8 years worth of income to buy home in greater Seoul area, study shows [Electronic resource]. URL: https://english.hani.co.kr/arti/english_edition/e_national/1008592.html (accessed: 01.03.2023).
4. Feather C. The Two Million Housing Drive in Korea: A supply solution for affordable housing in the developing world // International Journal of Housing Markets and Analysis. 2019. Vol. 12, N 5. P. 906–933. DOI:10.1108/IJHMA-01-2019-0004
5. Kyung D. L. Korea / D. L. Kyung, C. Y. Robert, N. L. Eu. // The Real Estate Law Review. London : Law Business Research Ltd, 2013. P. 165–180.
6. Lee H. J. Yoon to reverse Moon's housing policy [Electronic resource] // Korea JoongAng Daily. URL: <https://koreajoongangdaily.joins.com/2022/08/16/business/economy/MOLIT-Housing-supply-Won-Heeryong/20220816182008300.html> (accessed: 07.04.2023).
7. Park Whon-il Real property [Electronic resource] // Koreanlii. URL: http://www.koreanlii.or.kr/w/index.php/Real_property?ckattempt=3 (accessed: 07.02.2023).
8. The Real Estate Law Review: Korea / H. S. Jean, M. L. Sung, Kwang Ik-Hyun, H. P. David // The Real Estate Law Review: ed. 11. London : Law Business Research Ltd, 2022. P. 83–87.
9. Yoon Min-sik. 14 years a misery...to be a home owner in Seoul [Electronic resource] // The Korea Herald/ URL: <https://www.koreaherald.com/view.php?ud=20221221000504> (accessed: 02.03.2023).
10. 2021년도 주거실태조사 결과 [Electronic resource] // MOLIT : URL: http://www.molit.go.kr/USR/NEWS/m_71/dtl.jsp?cmspage=1&id=95087649&hTotalFlag=Y (accessed: 03.03.2023).

Об авторах:

Сафина Сажиды Сарваровны, доцент кафедры региональной экономики и природопользования Санкт-Петербургского государственного экономического университета (Санкт-Петербург, Российская Федерация), кандидат географических наук, доцент; safina.sazhida@mail.ru

Адаева Даяна Абдулгамидовна, Санкт-Петербургский государственный экономический университет (Санкт-Петербург, Российская Федерация), бакалавр кафедры региональной экономики и природопользования; adaeva.dayana@yandex.ru

References

1. Balabeykina O. A., Faibusovich E. L. The level of urbanization of the territory of the Russian Federation: a regional section [Electronic resource] // Geographical Bulletin. 2018. N 1 (44). P. 72–82. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/uroven-urbanizirovannosti-territorii-rossiyskoy-federatsii-regionalnyy-razrez> (accessed: 06.03.2023). (In Rus.) DOI: 10.17072/2079-7877-2018-1-72-82
2. Shornikov D. V. Features of civil law regulation of property rights and other private rights to land as a basis for sustainable development (experience of the Republic of Korea) [Electronic resource] // Bulletin of Tomsk State University. Right. 2014. N 4 (14). P. 142–153. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-grazhdansko-pravovogo-regulirovaniya-prava-sobstvennosti-i-inyh-chastnyh-prav-na-zemlyu-kak-osnova-ustoychivogo-razvitiya> (accessed: 09.02.2023). (In Rus.)
3. Choi Jong-hoon. Average worker needs to save 8 years worth of income to buy home in greater Soul area, study shows [Electronic resource]. URL: https://english.hani.co.kr/arti/english_edition/e_national/1008592.html (accessed: 01.03.2023).
4. Feather C. The Two Million Housing Drive in Korea: A supply solution for affordable housing in the developing world // International Journal of Housing Markets and Analysis. 2019. Vol. 12, N 5. P. 906–933. DOI:10.1108/IJHMA-01-2019-0004
5. Kyung D. L. Korea / D. L. Kyung, C. Y. Robert, N. L. Eu. // The Real Estate Law Review. London : Law Business Research Ltd, 2013. P. 165–180.
6. Lee H. J. Yoon to reverse Moon's housing policy [Electronic resource] // Korea JoongAng Daily. URL: <https://koreajoongangdaily.joins.com/2022/08/16/business/economy/MOLIT-Housing-supply-Won-Heeryong/20220816182008300.html> (accessed: 07.04.2023).
7. Park Whon-il Real property [Electronic resource] // Koreanlii. URL: http://www.koreanlii.or.kr/w/index.php/Real_property?ckattempt=3 (accessed: 07.02.2023).
8. The Real Estate Law Review: Korea / H. S. Jean, M. L. Sung, Kwang Ik-Hyun, H. P. David // The Real Estate Law Review: ed. 11. London : Law Business Research Ltd, 2022. P. 83–87.
9. Yoon Min-sik. 14 years a misery...to be a home owner in Seoul [Electronic resource] // The Korea Herald/ URL: <https://www.koreaherald.com/view.php?ud=20221221000504> (accessed: 02.03.2023).
10. 2021년도 주거실태조사 결과 [Electronic resource] // MOLIT : URL: http://www.molit.go.kr/USR/NEWS/m_71/dtl.jsp?lcmspage=1&id=95087649&hTotalFlag=Y (accessed: 03.03.2023).

About the authors:

Sazhida S. Safina, St. Petersburg State University of Economics, (Saint Petersburg, Russian Federation), Associate Professor of the Department of Regional Economics and Nature Management, Ph.D. in Geography; safina.sazhida@mail.ru

Dayana A. Adaeva, St. Petersburg State University of Economics (Saint Petersburg, Russian Federation), Bachelor of the Department of Regional Economics and Nature Management; adaeva.dayana@yandex.ru

Цифровой брендинг как инструмент публичной дипломатии группы стран DACH

Воронков В. В.

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Российская Федерация; igrokslava@mail.ru

ORCID ID 0000-0001-6550-5729

РЕФЕРАТ

В статье рассматриваются дискуссионные вопросы толкования и практическое применение цифровых технологий в публичной дипломатии. С этой целью исследуется феномен брендинга территорий, его возможности для установления и развития международных связей на примере практической реализации крупнейшими немецкоязычными странами: Федеративной Республикой Германия, Австрийской республикой и Швейцарской Конфедерацией. Для решения поставленных задач автором изучены современные подходы ученых, проанализированы материалы правительственных организаций группы стран DACH, учтена информация из средств массовой коммуникации. В заключении делается вывод о том, что цифровой брендинг в рамках публичной дипломатии с определенной степенью вероятности оказывает позитивное влияние на взаимодействие зарубежных пользователей цифрового пространства.

Ключевые слова: маркетинг территорий, публичная дипломатия, национальный брендинг, группа стран DACH

Для цитирования: *Воронков В. В.* Цифровой брендинг как инструмент публичной дипломатии группы стран DACH // *Управленческое консультирование.* 2024. № 1. С. 219–231.

Digital Branding As a Tool of Public Diplomacy of the DACH Group of Countries

Viacheslav V. Voronkov

St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russian Federation; igrokslava@mail.ru;

ORCID ID 0000-0001-6550-5729

ABSTRACT

This article consists of discourse analysis and application of digital technologies in public diplomacy. The phenomenon of territory branding, its connection with public diplomacy in international relations, and how this practice was implemented by the largest German-speaking countries: the Federal Republic of Germany, the Republic of Austria and the Swiss Confederation are explored. Methodologically, scientific literature, mass media and materials of government organizations are used to analyze how certain subjects can use branding technologies. In conclusion, it is concluded that, although digital branding cannot solve problems by itself, it undoubtedly has an impact on interaction with foreign users, to a greater or lesser extent within the framework of public diplomacy.

Keywords: place marketing, public diplomacy, nation branding, DACH countries

For citing: *Voronkov V. V.* Digital branding in the public diplomacy of DACH countries // *Administrative consulting.* 2024. N 1. P. 219–231.

Введение

В условиях становления многополярного мира собственный имидж стран и регионов приобретает важное значение. Это позволяет эффективнее добиваться своих

внешнеполитических целей не только государствам, но и целым межгосударственным формированиям, к примеру, членам Европейского союза.

На сегодняшний день одним из важных инструментов конкуренции выступают брендинговые технологии, применение которых в цифровой среде можно считать крайне актуальными для многих государств. Особое внимание внедрению таких технологий уделяют немецкоязычные страны, крупнейшие из которых формируют группу стран DACH (Deutschland, Austria, Confoederatio Helvetica): Федеративная Республика Германия, Австрийская Республика и Швейцарская Конфедерация. Рассматриваемые государства сумели преобразовать и трансформировать свой экономический и культурный потенциал в направлении развития политического авторитета, тем самым по праву получили звание «двигателя континентальной Европы».

В научной литературе можно проследить, как многие авторы сегодня озадачены фактом экспоненциального роста использования в государственных дипломатических целях цифровых инструментов, прежде всего, социальных сетей. Так, например, И. В. Сурма определяет в качестве негативного последствия бурного развития информационных технологий и интернета появление новых форм международных конфликтов, включая информационные и сетевые войны [16]. Таким образом, ученым отмечается важность роли социальных медиа в формировании общественного мнения, а также выдвигаются определенные требования к представлению информации на официальных страницах дипломатических служб в социальных сетях.

Профессор О. В. Лебедева в своем исследовании указывает на негативные стороны использования цифровых технологий в международных отношениях, связанные с безопасностью закрытых данных [9].

В научной монографии Н. А. Цветковой, А. Н. Сытник, Т. А. Гришаниной [19] уделяется внимание негативному росту цифровых следов в интернете и массовому неконтролируемому использованию больших данных в политических целях — датафикации. В связи с этим формируются новые особенности функционирования дипломатии и внешней политики, а именно: цифровая неопределенность, фрагментированная политическая реальность и противостояние так называемых фреймов.

Совершенно очевидно, что перед научным сообществом поставлена серьезная задача по дальнейшему исследованию роли цифровой трансформации и брендинговых технологий для реализации целей публичной дипломатии, поскольку объективность политической реальности начинает уступать методам воздействия на коммуникацию и личные убеждения [20; 27].

Опираясь на имеющиеся теоретические подходы и с помощью раскрытия практических кейсов немецкоязычных государств целесообразно рассмотреть роль цифрового брендинга в контексте реализации публичной дипломатии группы стран DACH. Для достижения поставленной цели важно решить следующие исследовательские задачи: определить понятие цифрового брендинга и его особенности; изучить опыт использования цифрового брендинга в публичной дипломатии на конкретных примерах; проанализировать эффективность использования цифрового брендинга в контексте публичной дипломатии; сформулировать рекомендации по усовершенствованию использования цифрового брендинга в публичной дипломатии группы стран DACH.

Материалы и методы

При подготовке научной статьи проанализирована научная литература по теме исследования, изучены материалы правительственных организаций группы стран DACH, учтена информация из средств массовой информации.

В исследовании при изучении общественных явлений и процессов применялись различные приемы и способы анализа, как общетеоретические, так и конкретно-эмпирические. С помощью системного метода акцентировано внимание на целостности политических процессов и характере их взаимоотношений с внешней средой. Из общенаучных методов применялось использование аппарата логики, в том числе индукции и дедукции, моделирования и эмпирического сбора документального и статистического материала.

Результаты

Появление понятия национального брендинга связано с возникновением теории территориального маркетинга, описанной в 1993 г. известным маркетингологом Ф. Котлером [26], в основе которой лежит определение «маркетинга мест». Одновременно с этим можно выделить возрастающий интерес авторов к исследованию истории маркетинга мест различных типов [4; 22; 23]. В целом же применение технологий брендинга для большинства стран является относительно новым явлением, но оно становится все более популярным благодаря глобальной конкуренции, с которой сейчас сталкиваются страны как на внутреннем, так и на внешнем рынках. Как отмечается в научных исследованиях, для достижения цели улучшения имиджа политическим силам государств важно признать необходимость выполнения трех основных задач: привлечение туристов, стимулирование инвестиций и поддержку экспорта [8; 24; 25; 28]. Именно поэтому в государствах все чаще используются цифровые инструменты взаимодействия и коммуникации государственных и общественных структур с гражданами. При этом ключевыми игроками в текущей цифровой трансформации являются крупные компании IT-индустрии, которые вносят значительный вклад в цифровую коммуникацию. Это означает трансформацию публичной дипломатии, субъектам которой, включая федеральные и региональные органы власти, также необходимо использовать новые инструменты взаимодействия.

Следовательно, с увеличением использования цифровых технологий, дипломатические каналы неминуемо сталкиваются с применением брендинговых технологий, основанных на существующих стратегиях по маркетингу той или иной территории, что позволяет структурировать работу в цифровом поле.

В авторском исследовании установлено [5], что часть представителей немецких региональных структур, отвечающих за продвижение регионов, в качестве целевой группы брендинговых и внешних информационных кампаний, использовали в качестве целевой аудитории, прежде всего, население группы стран DACH. Такой подход объясняется как наличием единого языка общения, историческими традициями, так и схожими подходами в межрегиональной экономике¹. В этой связи особый интерес представляет использование передовых брендинговых технологий немецкоязычными странами, поскольку цифровая трансформация экономики и общества неразрывно связана с модернизацией информационного воздействия на мнение и поведение населения государств в контексте их внешнеполитических интересов.

Важным аспектом является *позиционирование стран DACH в контексте цифровой трансформации*.

Сама аббревиатура «DACH» используется в различных аспектах ведения политики немецкоязычных государств. Она является важным атрибутом названий различных масштабных мероприятий, таких как конференции («конференция DACH»),

¹ DACH-Länder: Gleiche Probleme, unterschiedliche Lösungen // Produktion Magazin [Электронный ресурс]. URL: <https://www.produktion.de/wirtschaft/dach-laender-gleiche-probleme-unterschiedliche-loesungen-123.html> (дата обращения: 01.04.2023).

совместных проектов в этих трех странах, в организациях компании (Европейская ассоциация юристов DACH, Налоговый комитет DACH) и других.

Помимо основного бренда, часто применяется и дополнительная версия названия — DACH+. Данный формат подразумевает участие дополнительных сторон в международных мероприятиях, профильных союзах. Расширенными версиями аббревиатуры также являются DACHL и DACHLI для Германии, Австрии, Швейцарии и Лихтенштейна/Люксембурга, а также DACHS для регионов Германии, Австрии, Швейцарии и Южного Тироля. Из-за общей «языковой зоны» и схожих социально-экономических условий расширенная версия бренда является стратегической и привлекательной в случае использования в межгосударственном маркетинге.

Из группы стран DACH наиболее четкое позиционирование прослеживается у Швейцарии благодаря единой Государственной коммуникационной стратегии¹. Актуальная стратегия коммуникаций за рубежом на 2021–2024 гг.², одобренная Федеральным советом Конфедерации 18 декабря 2020 г., является тематическим продолжением Стратегии внешней политики на 2020–2023 гг.³ В соответствии со ст. 3 Указа о поддержке имиджа Швейцарии за рубежом Федеральный совет Конфедерации каждые четыре года принимает Стратегию национальной коммуникации⁴.

Отдельно следует выделить раздел документа, посвященный цифровой трансформации в коммуникации во внешней политике. Ситуация с коронавирусными ограничениями и связанные с этим неопределенности привели к возрастающей роли в принятии комплексных решений, сочетающих фактические события и архивные материалы. В зависимости от контекста это может быть дублирование, дополнение или полная замена «оффлайн» контента. В таких случаях политическим субъектам необходимо найти соответствующий подход между созданием специальных платформ, использованием существующих платформ и цифровым маркетингом с учетом социальных сетей и поисковой оптимизации. От этого зависят как крупные мероприятия, организуемые, например, Presence Switzerland, так и другие государственные проекты.

Развитие имиджевой политики основано на более широком использовании веб-сайтов и социальных сетей для публичной дипломатии в последние годы. Более сильное цифровое присутствие позволяет охватить целевые группы (широкая общественность, лица, принимающие решения, СМИ) [3; 4; 18]. Цифровая коммуникация основана на трех основных столпах: развитие собственных каналов (социальные сети, веб-сайты), укрепление восприятия отдельных участников (онлайн-медиа, социальные сети) и использование существующих платформ (крупные мероприятия, выставки, конференции).

Для увеличения воздействия на целевые группы маркетинговыми структурами создается и используется адаптированный контент. Кроме того, технические возможности, среди которых можно выделить использование ссылок и таргетинга, позволяють уделить должное внимание к безопасности и защите данных. Там, где это применимо, используются возможности сотрудничества с партнерскими организациями, в частности, при анализе инструментов брендинга и оценке опыта.

В последние годы цифровые возможности внешней сети Швейцарских представительства были расширены за счет увеличения присутствия в социальных сетях. Например, в Буэнос-Айресе, Сингапуре, Абу-Даби и Абиджане были созданы

¹ The Strategy for Communication Abroad 2021–2024 // Eidgenössisches Departement für auswärtige Angelegenheiten EDA. [Электронный ресурс]. URL: https://www.eda.admin.ch/eda/de/home/das-eda/publikationen.html/content/publikationen/de/eda/schweizer-aussenpolitik/Strategie_Landeskommunikation_2021-2024.html (дата обращения: 01.03.2023).

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

центры социальных сетей, которые также используются в реализации брендинговых кампаний. Их коммуникативный потенциал построен на основе «Стратегии социальных сетей» FDFA [17]. Таким образом, значение цифровых каналов для развития внешней политики Швейцарии продолжает стремительно расти.

В Австрийской республике, несмотря на отсутствие общей стратегии по цифровому продвижению, федеральным правительством успешно применяются цифровые брендинговые технологии. Например, с 2001 г. в стране принята Концепция международной культурной политики Австрии (Auslandskultur ... 2001)¹, которая предполагает использование в маркетинге предметов искусства и истории.

Одним из перспективных современных проектов можно назвать разработку интернет-платформы цифровых предложений австрийской культуры «Austriakulturdigital.at»², которая ориентирована на зарубежных интернет-пользователей.

В то же время, следует отметить, что страна склоняется к позиционированию себя частью общей «европейской семьи», а не только имеющей сильный независимый бренд. Цель культурной концепции состоит в том, чтобы реализовать культурные предложения, внесенные Европейским союзом с целью усиления взаимной уникальности. Такой подход аргументирован нахождением в стране штаб-квартир крупных международных организаций. Следовательно, Австрия располагает выбором и может идти по пути нейтралитета в продвижении публичной дипломатии, или участвовать в поддержке общих глобальных проблем. В 2014 г. Министерство иностранных дел Австрии было переименовано в Федеральное министерство Европы, интеграции и иностранных дел. Данный факт подчеркивает нейтралитет страны в отношении международных вопросов относительно ЕС, в том числе цифровой дипломатии. Так, на заседании Совета по иностранным делам в Брюсселе 18 июля 2022 г. министр иностранных дел А. Шалленберг поддержал увеличение инвестиций ЕС «для противодействия кибератакам, онлайн-дезинформации и дипфейкам» со стороны России³.

Для Федеративной республики Германия тема цифровой трансформации считается важной с точки зрения позиционирования государства на протяжении многих лет. Еще в 2017 г. на Саммите G-20 в Гамбурге федеральный министр экономики и энергетики Б. Циприс определила тему использования IT-технологий одной из приоритетных для развития страны.

Помимо этого, в 2018 г. Германия была инициатором создания общего межгосударственного проекта в сфере цифровой трансформации, который получил название «Платформа “Индустрия 4.0”»⁴. Совместно с австрийской ассоциацией «Индустрия 4.0» и швейцарским проектом «Индустрия 2025» процесс цифровизации в этих странах можно признать успешным. Совместная работа по трем указанным проектам позволяет позиционировать эту деятельность как слаженную международную коммуникацию группы стран DACH в области Индустрии 4.0. Помимо этого, важным является то обстоятельство, что проект способствует продвижению повестки вопросов кибербезопасности⁵.

¹ Die kulturellen Auslandsbeziehungen des Bundesministeriums für europäische und internationale Angelegenheiten: Grundlagen, Schwerpunkte und Programme // BMEIA [Электронный ресурс]. URL: https://www.bmeia.gv.at/fileadmin/user_upload/Zentrale/Kultur/Publikationen/Grundlagendokument.pdf (дата обращения: 04.03.2023).

² Официальный сайт проекта «Auslandskultur.at» // BMEIA [Электронный ресурс]. URL: <https://austriakulturdigital.at/> (дата обращения: 04.03.2023).

³ Main results of the Foreign Affairs Council, 18 July 2022. EEAS // IEU Monitoring [Электронный ресурс]. URL: https://portal.ieu-monitoring.com/editorial/main-results-of-the-foreign-affairs-council-18-july-2022/383599?utm_source=ieeu-portal (дата обращения: 04.03.2023).

⁴ Hintergrund zur Plattform Industrie 4.0 // Bundesministerium für Wirtschaft und Klimaschutz [Электронный ресурс]. URL: <https://www.plattform-i40.de/IP/Navigation/DE/Plattform/Hintergrund/hintergrund.html> (дата обращения: 04.03.2023).

⁵ Там же.

Наряду с федеральной, региональная политика Германии подразумевает наличие представительств субъектов страны в других регионах. Например, можно выделить представительства земель при Европейском союзе в Брюсселе. В основном их задачи схожи: представительства информируют заинтересованные стороны о новеллах текущего законодательства и событиях в ЕС, а также организуют государственные визиты в Брюссель. Таким образом, представительства также играют большую роль в информатизации.

В Австрии, напротив, подобные представительства отсутствуют. В то же время, в ее регионах функционируют маркетинговые агентства, использующие цифровые технологии достаточно широко. К примеру, Тирольское локационное агентство в своей деятельности выполняет задачу укрепления Тироля как привлекательного места для бизнеса и науки¹.

Национальные и региональные брендинговые кампании группы стран DACH: цифровой аспект

Цифровой брендинг зачастую является частью полноценных брендинговых кампаний, которые проводятся группой стран DACH. В этой связи можно в качестве примера выделить Германию: значительным событием в стране за последние 15 лет по праву можно назвать мероприятие «Germany — Land of Ideas» («Германия — Земля идей») (рис. 1).

Данная программа началась с негативного имиджа Германии, который формировался в середине 2000-х гг. и был продиктован увеличивающимся уровнем безработицы и медленным темпом развития экономики. Сложившаяся ситуация могла привести к оттоку высококвалифицированных специалистов и снижению экономических показателей. В этих условиях назрела необходимость проведения кампании, в результате которой Германия сумела позиционировать себя как инновационная и амбициозная страна с комфортными условиями для жизни и возможностью выгодного вложения инвестиций.

Активно развивающийся сегодня проект «Land of Ideas» продолжает свою работу в цифровом формате, что позволяет иностранным гражданам планировать об-

Рис. 1. Логотип брендинговой кампании «Германия — Земля Идей»
Fig. 1. Logo of the branding campaign “Germany — Land of Ideas”

Источники: Официальный сайт брендинговой кампании «Страна Идей» [Электронный ресурс]. URL: <https://land-der-ideen.de/en> (дата обращения: 04.03.2023).

разование в немецких учебных заведениях². Продвижению программы способству-

¹ Официальный сайт агентства Standortagentur Tirol GmbH [Электронный ресурс]. URL: <https://www.standort-tirol.at/wir-ueber-uns1> (дата обращения: 04.03.2023).

² Официальный аккаунт брендинговой кампании «Страна Идей» в Instagram (принадлежит компании Meta, признанной экстремистской и запрещенной на территории России)

ет инструмент коллаборации с другими проектами в социальных сетях, активно используемый негосударственными субъектами [1; 2].

Из всей группы стран DACH наиболее активно развивается региональный брендинг федеральных земель Германии. Данный феномен объясняется не только достаточным экономическим потенциалом государства, но и необходимостью решения собственных внешнеполитических задач.

На сегодняшний день самой успешной можно признать кампанию по продвижению земли Баден-Вюртемберг, реализующуюся под лозунгом «Wir können alles. Außer Hochdeutsch.» («Мы можем все. Кроме литературного немецкого».) Согласно исследованиям Университета Хоэнхайм, лозунг Баден-Вюртемберга является самым популярным: он известен более 70% респондентов, а 54,4% респондентов считают его лучшим среди лозунгов других регионов¹.

В 2021 г. правительство Баден-Вюртемберга представило «перезагрузку брендинговой кампании»², а ее новым слоганом стала фраза «The Länd», связанная с международным позиционированием региона и местным языковым диалектом (рис. 2).

Примечательно, что изменения коснулись не только слогана, но и всего фирменного стиля: бренд стал использовать ярко-желтый цвет вместо светло-бежевого, новый гротескный шрифт и более прямую подачу в целом. Новый образ позволил не только использовать рекламу кампании на веб-сайтах, но и применить другие ее формы. Например, цифровые мобильные билборды кампании были внедрены в других немецкоязычных регионах для непосредственной демонстрации населению (рис. 3).

Несмотря на ограничения в период пандемии COVID-19, благодаря развитию брендинга, федеральным землям Германии удалось привлечь к себе иностранных туристов. Так, в 2020 г. в Баварии насчитывалось около 60 млн суток пребывания в государственных учреждениях размещения (около 7 млн суток приходилось на иностранных туристов, из них более 60 тыс. составили австрийцы).

Рекордсменом по числу подписчиков в социальных сетях является федеральная земля Бавария. Несмотря на отсутствие общей брендинговой кампании, у Баварии более 532,7 тыс. подписчиков на Фейсбуке (*принадлежит компании Meta, признанной экстремистской и запрещенной на территории России*)³. При этом стоит отметить наличие системы перехода на англоязычную туристическую страницу Visit

Рис. 2. Логотип брендинговой кампании земли Баден-Вюртемберг «The Länd»
Fig. 2. Logo of the branding campaign of the state of Baden-Württemberg “The Länd”

Источник: Baden-Württemberg: Geldverschwendung? Heftige Kritik an Imagekampagne «The Länd» — Südwest — RNZ [Электронный ресурс]. URL: https://www.rnz.de/politik/suedwest_artikel/-badenwuerttemberg-geldverschwendung-heftige-kritik-an-imagekampagne-the-laend-update-

[Электронный ресурс]. URL: https://www.instagram.com/land_der_ideen/?hl=de (дата обращения: 04.03.2023).

¹ Официальный сайт брендинговой кампании «Страна Идей» [Электронный ресурс]. URL: <https://land-der-ideen.de/en> (дата обращения: 04.03.2023).

² Baden-Württemberg ist «THE LÄND» // Staatsministerium Baden-Württemberg [Электронный ресурс]. URL: <https://www.baden-wuerttemberg.de/de/service/presse/pressemittteilung/pid/baden-wuerttemberg-ist-the-laend/> (дата обращения: 04.03.2023).

³ Воронков В. В. Использование брендинговых технологий в формировании внешней политики федеральных земель Германии. СПб. : Изд-во СПбГУ, 2021.

Рис. 3. Использование рекламной афиши кампании «The Länd» на цифровом билборде напротив штаб-квартиры корпорации Microsoft

Fig. 3. Use of an advertising poster for the “The Länd” campaign on a digital billboard in front of the Microsoft headquarters

Источник: Официальный аккаунт брендинговой кампании «The Länd» в Instagram (принадлежит компании Meta, признанной экстремистской и запрещенной на территории России) [Электронный ресурс]. URL: <https://www.instagram.com/thelaend/>

Бавария зарубежными пользователями, что объясняется общей популярностью бренда Баварии, в том числе в набирающей популярность социальной сети Clubhouse¹.

Важно обратить внимание на способ коммуникации посредством хэштегов. Самым популярным среди них является хэштег Саксонии «*simplysaxony*», который насчитывает 246 тыс. упоминаний, в то время как немецкоязычная версия бренда «*sogehitsaechsisch*» набрала 101 тыс. Можно констатировать, что тегирование давно является обычным явлением для аккаунтов земель Германии, однако различия показателей популярности связаны с продолжительностью периода применения.

Следует отметить, что возможности секторальной структуризации страниц социальных сетей широко используются не только крупными коммерческими структурами, но и государственными медиа. Так, например, официальный сайт Правительства Шлезвиг-Гольштейна выполнен в целях реализации кампании «*Moin Karriere*» («Привет, карьера»)², с целью привлечения и коммуникации преимущественно IT-специалистов.

Цифровые технологии используются различными субъектами земель Германии не только для продвижения собственного бренда в интернет-пространстве. Зачастую на официальной странице региона можно увидеть размещение политической рекламы. Подобным примером служит страница официального портала «Германия в лучшем виде» земли Северная Рейн-Вестфалия, на которой в 2021 г. наблюдалось множество агитационных плакатов кандидата в канцлеры А. Лашета к предстоящим парламентским выборам³.

В пост-пандемийный период COVID-19 особое значение имеют новые приемы, применяемые группой стран DACH для поддержания коммуникации в международных отношениях. Немецкоязычные страны с успехом используют идею «Сегод-

¹ Там же.

² Там же.

³ Там же.

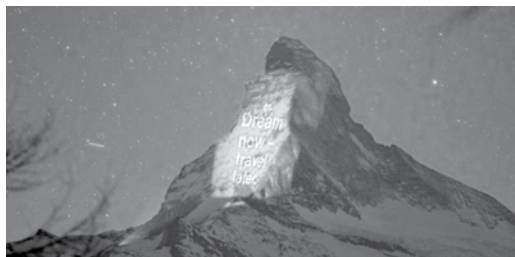

Рис. 4. Визуализация слогана брендинговой кампании «Dream now — travel later» в швейцарских Альпах

Fig. 4. Visualization of the branding campaign slogan “Dream now-travel later” in the Swiss Alps

Источник: «Dream now — travel later». Annual Report. Switzerland Tourism [Электронный ресурс]. URL: <https://report.stnet.ch/en/2020/dream-now-travel-later/> (дата обращения: 05.03.2023).

ня мечты — завтра путешествия». Первым подобную кампанию запустило правительство Швейцарии, опубликовав в сети Интернет видеобращение, призывающее путешественников «Мечтать сейчас, путешествовать позже» (рис. 4).

Согласно отчету национальной Организации туристического маркетинга в Швейцарии Schweiz Tourismus, кампанию характеризуют внушительные позитивные результаты: на цифровых каналах собрано почти 17 млн просмотров; более 320 тыс. пользователей оставили положительные реакции в социальных сетях; хэштег DreamNowTravelLater был использован около 100 тыс. раз¹. Важно отметить, что кампания, разработанная Schweiz Tourismus, нашла широкое применение не только у официальных региональных и корпоративных партнеров, но и среди других поставщиков туристических услуг. Примечательно, что данное сообщение стало популярным как внутри группы стран DACH, так и в других государствах.

Как уже упоминалось, особое место во взаимодействии с иностранными пользователями занимает фирменный стиль. Атрибутика федеральных правительств в группе стран DACH становится более узнаваемой благодаря тщательной разработке корпоративного дизайна (рис. 5).

Рис. 5. Логотипы федеральных ведомств группы стран DACH

Fig. 5. Logos of federal departments of the DACH group of countries

Источник: Руководства по работе с фирменным стилем федеральных ведомств группы стран DACH.

¹ Recovery campaign «Dream now — travel later». Annual Report 2020 Schweiz Tourismus [Электронный ресурс]. URL: <https://report.stnet.ch/en/2020/dream-now-travel-later/> (дата обращения: 04.03.2023).

Согласно информации Федеральной канцелярии Швейцарии, до введения подобного руководства практически каждый федеральный орган власти Конфедерации имел свой логотип или фирменный стиль. Излишнее разнообразие логотипов вводило в заблуждение пользователей и не всегда было понятно, что за той или иной услугой стоит федеральное правительство.

На сегодняшний день руководством Швейцарии введены правила резервирования конкретных интернет-доменов от частных лиц, поскольку «пользователи официальных веб-сайтов должны иметь возможность рассчитывать на информацию от властей, которая действительно исходит от властей», что также предполагает унифицированность интернет-порталов зарубежных представительств Конфедерации [21]. При этом стоит отметить, что такая унификация не способствует уходу от цифровой неопределенности, когда тот или иной частный ресурс может создавать образ сайта официального органа, тем самым дезинформируя пользователей интернет-пространства. Вследствие этого при сильной фрагментации каналов распространения информации требуется осуществление проверок таких ресурсов на регулярной основе.

При сравнении имиджевой политики трех стран немаловажным фактором является и позиция в специализированных мировых рейтингах. По данным статистической компании «Brand Finance», стоимость национального бренда Германии составляла 4,5 млрд долл., занимая третью позицию в мире после США и Китая в 2022 г., Швейцария и Австрия — сохранили 14-е и 25-е места соответственно. В то же время в индексе Global Soft Power Index Швейцария находится на 8-м месте, в то время, как Австрия только на 27-й позиции¹. Данное обстоятельство указывает на разницу между брендом страны и восприятием ее «мягкой силы». В мировом индексе Anholt-Ipsos Nation Brands 2021 Германия сохранила лидирующую позицию, а Швейцария — 7 строчку рейтинга². По данным составителей, респонденты со всего мира особенно позитивно относятся к привлекательности инвестирования в немецкие предприятия, в том числе в IT-сфере.

Заключение

Проведенное исследование наглядно показывает, что, несмотря на возможные риски кибербезопасности, отмечаемые многими учеными, в практической деятельности использование в государственной политике разнообразных брендинговых технологий способствует успешному решению как внутренних, так и внешних сложных задач во многих сферах. Можно констатировать, что для группы стран DACH в целом применение цифрового брендинга в контексте реализации публичной дипломатии оказалось достаточно эффективным, при этом очевидна проблематика обратной связи от эффекта действия брендинговых технологий, а вопрос о ее достаточности остается открытым.

На сегодняшний день цифровые технологии преимущественно играют значительную роль в реализации маркетинга территорий, являющегося хорошим инструментом публичной дипломатии немецкоязычных стран. При этом страны имеют разный опыт и формы использования брендинговых технологий, как на национальном, так и на региональном уровне.

В качестве перспективных направлений по усовершенствованию использования цифрового брендинга в публичной дипломатии группы стран DACH важно создание

¹ GLOBAL SOFT POWER INDEX. Brand Finance [Электронный ресурс]. URL: <https://brandirectory.com/softpower/> (дата обращения: 04.03.2023).

² 2021 Anholt-Ipsos Nation Brands Index [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ipsos.com/sites/default/files/ct/news/documents/2021-10/NBI-2021-ipsos.pdf> (дата обращения: 04.03.2023).

единой дорожной карты цифрового брендинга группы стран DACH. Это позволит объединить усилия немецкоязычных стран для усиления влияния как немецкого языка за рубежом, так и общего образа стран. Стоит отметить и развитие интерактивных инструментов для привлечения аудитории, например, использование виртуальной реальности для показа достопримечательностей и культурных событий. Помимо этого, важно напомнить и про необходимость активного использования цифровых инструментов для мониторинга и анализа эффективности цифрового брендинга. Это поможет оптимизировать стратегию и повысить эффективность маркетинговых кампаний.

Вместе с тем можно отметить, что брендинговые технологии являются лишь вспомогательным средством для решения политических вопросов.

Литература

1. *Амиров Р. А., Егоров Е. В.* Цифровая экономика и актуальные задачи ее кадрового обеспечения в России // Управленческое консультирование. 2018. № 9. С. 42–50. DOI: 10.22394/1726-1139-2018-9-42-50.
2. *Бирюкова Е. А.* Цифровая дипломатия в социальных сетях / Е. А. Бирюкова, Е. А. Федорова // Информационные технологии в образовании: Сб. науч. трудов. Ульяновск, 2018. С. 14–19.
3. *Бойко Е. И.* Современные СМИ в сети интернет и их влияние на мировую культуру // Управленческое консультирование. 2017. № 6. С. 163–169. DOI: 10.22394/1726-1139-2017-6-163-169.
4. *Воронин В. Г.* Маркетинг территории: теоретические подходы / В. Г. Воронин, Т. Н. Целых // Проблемы современной экономики. 2011. № 4 (40). С. 236–238.
5. *Воронков В. В.* Интервью с представителями органов власти федеральных земель Германии, ответственных за маркетинг территорий. Использование брендинговых технологий в формировании внешней политики федеральных земель Германии. СПб. : Изд-во СПбГУ, 2021.
6. *Жильцов С. С.* «Мягкая сила» в мировой политике // Современная Европа. 2018. № 2 (81). С. 152–156.
7. *Костюнина Г. М.* Регионализм в современной мировой экономике: эволюция и основные тенденции // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: Международные отношения. 2020. Т. 20. № 2. С. 303–317. DOI: 10.22363/2313-0660-2020-20-2-303-317.
8. *Котлер Ф., Келлер К.* Маркетинг. Менеджмент: экспресс-курс. 3-е изд. СПб. : Питер, 2012. 464 с.
9. *Лебедева О. В.* Современные инструменты «цифровой дипломатии» как важнейший элемент «мягкой силы» // Международная жизнь. 2019. № 5. С. 102–111.
10. *Левит К. Е.* Цифровая дипломатия как средство «мягкой силы» в контексте международных отношений XXI века // Неделя науки СПбПУ: Материалы научной конференции с международным участием. В 3 ч. Санкт-Петербург, 18–23 ноября 2019 года / отв. ред. А. В. Рубцова, М. С. Коган. Ч. 3. СПб. : Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого», 2020. С. 216–219.
11. *Марчуков А. Н.* Современные вызовы для публичной дипломатии ЕС // Современная Европа, 2022, № 6. С. 51–66. DOI: 10.31857/S0201708322060043.
12. Мировое комплексное регионоведение как исследовательский подход и научная школа. Интервью с А. Д. Воскресенским, профессором МГИМО МИД России // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2020. Т. 20. № 2. С. 356–366. DOI: 10.22363/2313-0660-2020-20-2-356-366.
13. *Молчанов Н. Н., Головнев Д. С.* Маркетинг и стратегический менеджмент // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2016. Сер. 5. Вып. 1. С. 80–105.
14. *Радиков И. В.* «Мягкая сила» как современный атрибут великой державы / И. В. Радиков, Я. Лексютина // Мировая экономика и международные отношения. 2012. № 2. С. 19–26.
15. *Румянцева С. Т.* Учет особенностей территорий при проведении региональной политики в сфере социально-экономического развития, культуры и туризма // Управленческое консультирование. 2018. № 9. С. 158–166.
16. *Сурма И. В.* Цифровая дипломатия в мировой политике // Государственное управление. Электронный вестник. 2015. № 49. С. 220–249.

17. Торреальба А. А. Твиттпломатия: влияние социальной сети Твиттер на дипломатию // Вестник РУДН. Сер.: Международные отношения. 2015. № 3. С. 152–165.
18. Филиппова Л. А., Хворостяная А. С. Стратегический брендинг в России: барьеры развития // Управленческое консультирование. 2018. № 9. С. 167–176. DOI: 10.22394/1726-1139-2018-9-167-176.
19. Цветкова Н. А., Сытник А. Н., Гришанина Т. А. Цифровая дипломатия и digital international relations: вызовы и новые возможности // Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения. 2022. Т. 15. Вып. 2. С. 174–196.
20. Церлицкая О. Л., Маркушина Н. Ю., Ковалевская Н. В. Перспективы формирования «Мягкой силы» во внешней политике Российской Федерации // Армия и общество. 2015. № 2 (45). С. 22–26.
21. Eitel M. Reputationskommunikation von Ländern: Instrumente und Erfolgsfaktoren // Theoretische Ansätze und Untersuchung der Kommunikationspraxis am Fallbeispiel Schweiz Lehrstuhl für Betriebswirtschaftslehre mit dem Schwerpunkt Marketing an der Universität Potsdam. 2013.
22. Aaker D. Building Strong Brands. New York, 1996.
23. Anholt S. Brand New Justice — The Upside of Global Branding. Oxford, 2003.
24. Anholt S. Competitive Identity. The New Brand — Management for Nations, Cities and Regions. London, 2007.
25. Anholt S. Places, Identity, Image and Reputation. Basingstoke 2010.
26. Kotler F., Jatusripitak S., Maescincee S. The marketing of nations: a strategic approach to building national wealth. New York : Free Press, 1997. 451 p.
27. Nye J. S. Soft Power. The Means of Success in World Politics. New York, 2004.
28. Olins W. Making a national Brand. In Melissen, J. (Hrsg.): The New Public Diplomacy. Soft Power in Internation Relationship Den Haag Netherlands Institute of International Relations Clingendael, London, 2007.

Об авторе:

Воронков Вячеслав Владимирович, магистр международных отношений, аспирант факультета международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Российская Федерация); igrokslava@mail.ru

References

1. Amirov R. A., Egorov E. V. Digital economy and current tasks of its staffing in Russia // Administrative consulting [Upravlencheskoe konsul'tirovanie]. 2018. N 9. P. 42–50. DOI: 10.22394/1726-1139-2018-9-42-50 (in Rus.).
2. Biryukova E. A. Digital diplomacy in social networks / E. A. Biryukova, E. A. Fedorova // Information technologies in education: Collection of scientific papers. Ulyanovsk, 2018. P. 14–19 (in Rus.).
3. Boyko E. I. Modern mass media on the Internet and their influence on world culture // Administrative consulting [Upravlencheskoe konsul'tirovanie]. 2017. N 6. P. 163–169. DOI: 10.22394/1726-1139-2017-6-163-169 (in Rus.).
4. Voronin V. G. Territory marketing: theoretical approaches / V. G. Voronin, T. N. Tselykh // Problems of modern economics [Problemy sovremennoy ekonomiki]. 2011. N 4 (40). P. 236–238 (in Rus.).
5. Voronkov V. V. Interview with representatives of the authorities of the German federal lands responsible for the marketing of territories. The use of branding technologies in shaping the foreign policy of the federal states of Germany. SPb. : St. Petersburg State University, 2021 (in Rus.).
6. Zhiltsov S. S. «Soft power» in world politics // Modern Europe [Sovremennaya Evropa]. 2018. N 2 (81). P. 152–156 (in Rus.).
7. Kostyunina G. M. Regionalism in the modern world economy: evolution and main trends // Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Ser.: International relations [Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Ser.: Mezhdunarodnye otnosheniya]. 2020. V. 20. N 2. P. 303–317. DOI: 10.22363/2313-0660-2020-20-2-303-317 (in Rus.).
8. Kotler F., Keller K. L. Marketing. Management: express course. 3rd ed. SPb. : Piter, 2012. 464 p.
9. Lebedeva O. V. Modern tools of “digital diplomacy” as the most important element of “soft power” // International Affairs [Mezhdunarodnaya zhizn']. 2019. N 5. P. 102–111.
10. Levit K. E. Digital diplomacy as a means of «soft power» in the context of international relations of the 21st century // SPbPU Science Week: Proceedings of a scientific conference with inter-

- national participation, At 3 hours, St. Petersburg, November 18–23, 2019 / ed. A. V. Rubtsova, M. S. Kogan. P. 3. SPb. : Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education “Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University”, 2020. P. 216–219 (in Rus.).
11. Marchukov A. N. Modern Challenges for EU Public Diplomacy // [Sovremennaya Evropa]. 2022, N 6. P. 51–66. DOI: 10.31857/S0201708322060043 (in Rus.).
 12. World integrated regional studies as a research approach and scientific school. Interview with A. D. Voskresensky, professor at MGIMO of the Ministry of Foreign Affairs of Russia // Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Ser.: International relations. 2020. Vol. 20. N 2. P. 356–366. DOI: 10.22363/2313-0660-2020-2-356-366 (in Rus.).
 13. Molchanov N. N., Golovnev D. S. Marketing and strategic management // Bulletin of St. Petersburg University [Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta]. 2016. Ser. 5. Is. 1. P. 80–105 (in Rus.).
 14. Radikov I. V. “Soft Power” as a Modern Attribute of a Great Power / I. V. Radikov, Ya. Leksyutina // World Economy and International Relations [Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya]. 2012. N 2. P. 19–26 (in Rus.).
 15. Rummyantseva S. T. Accounting for the characteristics of territories in the conduct of regional policy in the field of socio-economic development, culture and tourism // Administrative Consulting [Upravlencheskoe konsul'tirovanie]. 2018. N 9. P. 158–166 (in Rus.).
 16. Surma I. V. Digital diplomacy in world politics // Public Administration [Gosudarstvennoe upravlenie]. Electronic newsletter. 2015. N 49. P. 220–249 (in Rus.).
 17. Torrealba A. A. Twitplomacy: the impact of the social network Twitter on diplomacy // Vestnik RUDN University. Ser.: International relations. 2015. N 3. P. 152–165 (in Rus.).
 18. Filippova L. A., Khvorostyanaya A. S. Strategic Branding in Russia: Development Barriers // Administrative Consulting [Upravlencheskoe konsul'tirovanie]. 2018. N 9. P. 167–176. DOI: 10.22394/1726-1139-2018-9-167-176 (in Rus.).
 19. Tsvetkova N. A., Sytnik A. N., Grishanina T. A. Digital diplomacy and digital international relations: challenges and new opportunities // Bulletin of St. Petersburg University. International relationships [Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Mezhdunarodnye otnosheniya]. 2022. Vol. 15. Is. 2. P. 174–196 (in Rus.).
 20. Tserpitskaya O. L., Markushina N. Yu., Kovalevskaya N. V. Prospects for the formation of «soft power» in the foreign policy of the Russian Federation // Army and Society [Armiya i obshchestvo]. 2015. N 2 (45). P. 22–26 (in Rus.).
 21. Eitel M. Reputationskommunikation von Ländern: Instrumente und Erfolgsfaktoren // Theoretische Ansätze und Untersuchung der Kommunikationspraxis am Fallbeispiel Schweiz Lehrstuhl für Betriebswirtschaftslehre mit dem Schwerpunkt Marketing an der Universität Potsdam. 2013.
 22. Aaker D. Building Strong Brands. New York, 1996.
 23. Anholt S. Brand New Justice — The Upside of Global Branding. Oxford, 2003.
 24. Anholt S. Competitive Identity. The New Brand — Management for Nations, Cities and Regions. London, 2007.
 25. Anholt S. Places, Identity, Image and Reputation. Basingstoke 2010.
 26. Kotler F., Jatusripitak S., Maescincee S. The marketing of nations: a strategic approach to building national wealth. New York : Free Press, 1997. 451 p.
 27. Nye J. S. Soft Power. The Means of Success in World Politics. New York, 2004.
 28. Olins W. Making a national Brand. In Melissen, J. (Hrsg.): The New Public Diplomacy. Soft Power in International Relationship Den Haag Netherlands Institute of International Relations Clingendael, London, 2007.

About the author:

Viacheslav V. Voronkov, Master of International Relations, Postgraduate Student, Faculty of International Relations, St. Petersburg State University, (St. Petersburg, Russian Federation); igrokslava@mail.ru

Новости

Изменилась периодичность выхода журнала «Управленческое консультирование»

С 2024 года изменилась периодичность выхода журнала «Управленческое консультирование». Редакцией принято решение о сокращении количества выпусков до 6 в год. Такой шаг предпринят в целях повышения качества публикуемых материалов.

С правилами для авторов, требованиями к оформлению статей, списком специальностей, по которым издание включено в Перечень ВАК, и полной информацией о журнале можно ознакомиться на сайте журнала: <https://www.acjournal.ru>

Попечительский совет Президентской академии в Санкт-Петербурге возглавил Георгий Полтавченко

22 января состоялось первое в наступившем году заседание Попечительского совета Президентской академии в Санкт-Петербурге.

В ходе заседания новым председателем Попечительского совета избран экс-губернатор Северной столицы Георгий Сергеевич Полтавченко. Кандидатура из-

вестного государственного и политического деятеля была единогласно одобрена членами Совета.

Г. С. Полтавченко будет осуществлять координацию деятельности Совета, участвовать в разработке и реализации текущих и перспективных задач вуза по образовательному, воспитательному, научному направлениям, материально-техническому обеспечению, содействовать укреплению связей института с государственными, коммерческими и общественными структурами города и страны и многое другое.

Занимавший до настоящего времени должность председателя Попечительского совета научный руководитель факультета экономики и финансов, доктор экономических наук, профессор политической экономии, иностранный член РАН В. Л. Квинт по предложению Г. С. Полтавченко занял должность заместителя председателя Совета и продолжит активную деятельность, направленную на развитие вуза.

На фото слева направо: директор РАНХиГС Санкт-Петербург А. Д. Хлутков, председатель Попечительского совета Г. С. Полтавченко, заместитель председателя В. Л. Квинт на заседании Совета

На фото: заседание Попечительского совета

2024. № 1(181)

УПРАВЛЕНЧЕСКОЕ КОНСУЛЬТИРОВАНИЕ

Научно-практический журнал
Выходит ежемесячно
Все статьи рецензируются

Директор
издательско-полиграфического центра
Е. Ю. КНЯЗЕВ

Заведующий издательским отделом
Е. Г. ЗАКРЕВСКАЯ

Сдано в набор 11.02.2024.
Подписано к печати 16.02.2024.
Формат 70×100/16. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 18,86. Тираж 50 экз.
Заказ № 1/24.

Научные редакторы
д. филос. н., профессор Н. И. БЕЗЛЕПКИН
д. э. н., профессор В. А. ПЛОТНИКОВ

УЧРЕДИТЕЛЬ:
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА
И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ
ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»

Корректоры:
И. Ю. СЕРОВА
Т. В. ЗВЕРТАНОВСКАЯ
Верстка Т. П. ОЛОНОВОЙ

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-52288 от 25 декабря 2012 г.

Комплекс работ выполнен издательско-полиграфическим центром
Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации

199004, Санкт-Петербург, 8-я линия В.О., д. 61
Тел. (812) 335-94-72